В. Б. КОБРИН

Власть и собственность в средневековой России

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·МЫСЛЬ·

В. Б. КОБРИН

Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)

Москва «Мысль» 1985

ББК 63.3(2)43
К55

Perseus & Grizli
сборка, очистка, редизайн

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук А. Л. Хорошкевич,
доктор исторических наук Н. Е. Носов

Кобрин В. Б.

К55 Власть и собственность в средневековой России. — М.: Мысль, 1985. — 278 с.
В пер.: 1 р. 50 к.

Книга посвящена проблеме государства и класса феодалов в переломную эпоху, когда из отдельных феодальных княжеств рождалось мощное единое Русское государство. Исследуются отношение феодалов к централизации страны, экономические основы позиции разных групп господствующего класса, изменения в их положении.

Для специалистов-историков, а также более широких кругов читателей.

К $\frac{0505010000\text{-}062}{004(01)\text{-}85}$ 71-85

ББК 63.3(2)43
9(С)13

© Издательство «Мысль». 1985

ВВЕДЕНИЕ

Отношения господства и подчинения — главное, что определяет социальный и политический строй антагонистического общества. Именно поэтому связь власти и собственности, государства и экономического положения господствующего класса — ключевая проблема для каждой эпохи, в том числе и для средневековой России XV—XVI вв. — того переломного времени, когда из отдельных феодальных княжеств вырастало мощное единое государство, когда рождались новые формы общественного и политического строя. Яркие, хотя порой и зловещие, личности Ивана III и Ивана Грозного, Андрея Курбского и Малюты Скуратова хорошо известны каждому образованному человеку. Но за их деятельностью и борьбой, за сложными перипетиями их взаимоотношений историк обязан разглядеть нечто большее: объективный, не зависящий от воли даже самых значительных актеров исторической драмы ход процесса развития общества.

Главные пружины движения к преодолению феодальной раздробленности и к созданию единого государства, а затем и к его централизации давно привлекают внимание историков самых разных направлений. Со школьных лет мы помним, что Русское государство XV—XVI вв. создавалось и крепло в упорной и ожесточенной борьбе опирающейся на прогрессивное дворянство самодержавной власти против реакционного боярства. Сквозь призму этой борьбы — начиная с учебников для средней и высшей школы и кончая многими серьезными исследованиями — рассматривается политическая история страны то с XV, то с XIV, а то и с XII в. Боярство выступает обычно как сила регресса, противник твердой власти и единства страны, дворянство — как поборник единства и централизации. Но так ли уж бесспорны эти вроде бы незыблемые представления? Насколько соответствует этот стереотип уровню современной советской исторической науки? Были ли у боярства серьезные экономические причины бороться против централизации? Какова, иными словами,

связь между экономическим положением разных групп господствующего класса и их политической позицией? Как в свою очередь влияла централизация на сам класс феодалов и на его землевладение? Наконец, каким образом шло приспособление некогда независимых княжеств к порядкам единого государства, их «притирка» друг к другу? Вот вопросы, на которые автор надеется дать в этой книге свой вариант ответа.

Изучая политическую историю России XV—XVI вв., автор убедился, что понять ее ход можно, только исследовав персональный состав тех, кто проводил определенную политическую линию, был сторонником или противником правительственных мероприятий, выигрывал от их осуществления или оказывался жертвой, раздавленной колесницей нового государственного порядка. Путь же изучения состава класса феодалов лежит через исследование их землевладения: не только размеров владений, но и их характера, географического размещения, а также объема владельческих прав.

Итак, угол зрения — феодальное землевладение как средство для изучения политической истории — определил и направление работы: преимущественное внимание к эволюции форм землевладения и привилегий землевладельцев.

Несколько слов о рамках исследования. В книге рассматривается землевладение служилых людей — бояр и детей боярских. Обширные владения церкви, личные земли великих и удельных князей (дворцовые) остаются в стороне. Дело в том, что источники, говорящие о монастырских вотчинах, сохранились неизмеримо лучше, чем материалы о светских феодалах. Поэтому автор не может рассчитывать прибавить в этой области нечто существенное к тому, что уже сделано поколениями историков (Б. Д. Греков, А. А. Савич, С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, К. Н. Щепетов, А. А. Зимин, Л. И. Ивина и др.). К тому же для избранной темы светское землевладение несомненно важнее. Что касается дворцовых земель, то они не имеют непосредственного отношения к проблеме, поставленной в книге, и требуют самостоятельного исследования.

В центре внимания автора находится тот регион, который получил в русской историографии, быть может, не совсем точное название — «Северо-Восточная Русь». Вероятно, правильнее — район, где складывалась основная территория Русского государства XV—XVI вв. Эта часть Древней Руси названа Северо-Восточной по от-

ношению к ее историческому центру — Киевской земле. Географическое ограничение вызвано прежде всего тем, что именно на Северо-Востоке завязывались и развязывались основные узлы противоречий рождавшегося государства. Кроме того, Северо-Запад (в особенности Новгородская земля) изучен принципиально лучше, ибо здесь гораздо полнее сохранились источники. Привлекая материал по этому региону, автор в значительной степени опирался на исследования своих предшественников, особенно на капитальный коллективный труд, созданный под руководством А. Л. Шапиро, и на фундаментальную монографию В. Л. Янина[1].

В книге изучаются главным образом явления XV—XVI вв., когда создавалось и крепло единое Русское государство. Но это не означает, что автор сумел подвергнуть равному анализу развитие феодального землевладения на протяжении всего этого периода. Значительно хуже прослеживаются явления самого начала XV в. (источников еще слишком мало) и конца XVI в. (тогда были сначала ограничены, а затем запрещены вклады в монастыри, и поэтому резко сократилось число сохранившихся актов). Вместе с тем в поисках корней явлений XV—XVI вв. автор вынужден совершать экскурсы в XIV в. и в более далекие времена. Для того же, чтобы увидеть результаты изучаемых процессов, приходится порой заглядывать и в XVII в. Но эти периоды не стали в книге предметом специального самостоятельного изучения.

Исследование проблемы, которой посвящена эта книга, имеет давние традиции в исторической науке. Начиная с середины XIX в. авторы множества трудов, популярных и полупопулярных сочинений писали об истории «служилого землевладения» (термин «феодальное землевладение» в дореволюционной науке не употреблялся). Не было также крупного историка или специалиста по истории России XV—XVI вв., не было автора общего лекционного курса или публициста — создателя эссе по отечественной истории, который не коснулся бы с той или иной степенью самостоятельности суждений обстоятельств и причин создания Русского государства, «собирания земель». Отношения великокняжеской и царской власти с удельными князьями, княжатами и боярством — тема, которая в разных вариациях присутствует на страницах всех этих трудов.

Но до середины XIX в. проблема отношений центральной власти с боярством почти не рассматривалась

дворянской исторической наукой. Историки второй половины XVIII — первой половины XIX в. не интересовались социальными причинами исторических событий, а основное внимание уделяли политической истории.

Только буржуазная историческая наука сделала попытку найти закономерности в историческом процессе. Историки государственной школы[2] впервые обратили пристальное внимание на социальную историю, занялись изучением не только событий, но и учреждений, общественных явлений. В созданной С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным концепции борьбы родового и государственного начал в русской истории важное место заняло представление о борьбе боярства против центральной власти. Но Соловьев и Кавелин не искали корней оппозиции знати царям и великим князьям в землевладельческих интересах боярства, а говорили лишь о «привычке» русской аристократии к старому порядку вещей и о традициях родового быта[3].

Эта схема стала господствующей в русской буржуазной историографии. Даже В. О. Ключевский, во многом отошедший от взглядов своего учителя С. М. Соловьева, видел в боярстве силу, противостоящую самодержавию, хотя и подметил, что экономические интересы не только не толкали крупных землевладельцев к борьбе против великого князя, а, напротив, заставляли его поддерживать[4].

Первую попытку связать экономику и политику средневековой России предприняли С. Ф. Платонов и Н. П. Павлов-Сильванский. В привилегированном землевладении аристократии они увидели основу борьбы боярства против великокняжеской и царской власти[5]. Взгляды этих выдающихся ученых, изложенные с блеском истинного таланта, стали общим местом в предреволюционной историографии и существенно повлияли на воззрения советских исследователей.

Нет смысла перечислять здесь множество конкретно-исторических исследований, созданных буржуазной наукой, ибо идеалистическая методология не дала дореволюционным ученым возможности выйти за пределы сбора первоначального фактического материала по истории феодального землевладения. Но на их фоне резко выделяется труд С. В. Рождественского[6]. При всей идеалистичности концепции (Рождественский видел в землевладении в первую очередь не следствие экономического и социального развития, а результат политики надклассового государства) в книге Рождественского со-

держится множество точных выводов по конкретным вопросам. Этой удаче ученый обязан использованию необычайно широкого для своего времени круга источников. Именно поэтому его исследование стало этапом в изучении светского феодального землевладения и не потеряло научного значения до наших дней.

Для буржуазных исследователей русской истории были типичными представления о боярах и дворянах как разных общественных классах, о надклассовом государстве, закрепощающем все общество. Именно отсюда и вытекала концепция борьбы боярства против государства. Задача создания подлинно научной истории России, и в частности исследование изучаемой проблемы, по плечу только советской исторической науке, вооруженной марксистско-ленинской методологией.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина дан глубоко научный анализ феодального способа производства и соответствующей ему надстройки. В их работах содержатся не только существенные выводы об основных общих чертах, характеризующих феодальную собственность и государство, но и ценные указания на специфику русского феодализма.

При анализе феодализма Маркс и Энгельс уделили особое внимание земельной собственности, являющейся, по словам Маркса, «первоначальным источником всякого богатства». Маркс и Энгельс считали, что при феодализме «главную роль играет землевладение». Маркс писал, что в средние века «земельная собственность все еще выступает как основное условие производства», и отмечал, что «крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового, *феодального общества*»[7].

Феодальная собственность на землю, указывал Энгельс, была средством эксплуатации крестьянства. «В течение всего средневековья, — писал он в «Анти-Дюринге», — крупное землевладение являлось той предпосылкой, в силу которой феодальное дворянство получало в свое распоряжение оброчных и барщинных крестьян». Феодальная структура была, по мысли Маркса и Энгельса, «ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса...»[8].

Маркс и Энгельс выявили основные отличия феодальной собственности на землю от позднейшей, капиталистической. Прежде всего это была собственность «сословная» и не полная. Делая в XXXVII главе третьего тома «Капитала» «вводные замечания» к разделу

о земельной ренте, Маркс отмечает, что тот характер собственности, при котором «земельный собственник может поступать с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром», появляется «в современном мире лишь с развитием капиталистического производства». Именно с этим обстоятельством связан иерархический характер феодального общества. «Иерархия, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения»[9].

Маркс и Энгельс проанализировали также социальное лицо и роль господствующего класса феодалов. Маркс писал, что при феодализме «земельный собственник... является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей»[10]. При этом Маркс не фетишизировал такие количественные показатели, как размеры земельной площади, сумма ренты и т. п., а отмечал важную роль не только вещных, но и личностных отношений в феодальном периоде. В первом томе «Капитала» он писал: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бо́льшим количеством вассально зависимых людей[11]. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[12].

Однако роль господствующего класса в феодальную эпоху нельзя сводить только к присвоению чужого труда: мелким крестьянским общинам, как отмечал Энгельс, «воинственное дворянство [13] давало защиту от внешних врагов и национальную или, по крайней мере, политическую связь». Именно класс феодалов наряду с городами нуждался в едином государстве, существование которого в средние века было возможно лишь в форме монархии. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому во главе организации господствующего класса — дворянства — повсюду стоял монарх». Это был прогрессивный процесс. Так, Маркс замечал, говоря об абсолютной монархии, что именно в централизации «состояла ее цивилизаторская деятельность»[14].

Развивая учение Маркса и Энгельса, В. И. Ленин стал основоположником марксистской, материалистической и революционной концепции отечественной истории. Он пришел к выводу, что Россия, как и другие страны, прошла через феодальную формацию, и еще в конце XIX в. высказал мысль о существовании феодальных отношений в Киевской Руси, подчеркивая, что феодализм существовал в России с IX в.[15] В известной ленинской характеристике барщинного хозяйства вскрыты основные общие черты феодального способа производства: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства, личная зависимость крестьянина и внеэкономическое принуждение, рутинное состояние техники[16].

Глубокую и точную характеристику дал В. И. Ленин Русскому государству XV—XVI вв.[17] В известном труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал об «эпохе московского царства», когда «государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных...»[18].

Творчески осваивая наследие Маркса — Энгельса — Ленина, советские ученые смогли значительно продвинуть вперед изучение социально-политической истории России XV—XVI вв.

В 30—40-е годы наиболее плодотворно изучал феодальное землевладение в связи с политической историей С. Б. Веселовский — ученый огромного творческого диапазона. Он открыл немало новых путей исследования, усовершенствовал его методику и расширил источниковую базу. Блестящий знаток генеалогии, Веселовский впервые применил ее методы для изучения земельных владений феодалов. Он начал также использовать данные топонимики (науки о географических названиях) и антропонимики (науки о личных именах) для восстановления истории вотчин московского боярства[19]. В трудах, посвященных феодальному землевладению[20], Веселовский никогда не выступал как сторонник концепции борьбы боярства против централизации, хотя и не полемизировал специально (кроме вопроса об опричнине) с этим воззрением. Московское боярство он считал опорой великокняжеской власти в ее стремлении к единству страны.

Серьезные бреши в концепции антицентрализаторских устремлений боярства пробили исследования Л. В. Черепнина[21]. Он, в частности, обратил внимание на то, что бóльшая часть боярства стояла за объединение

страны, ибо политическое раздробление было помехой для его землевладельческих интересов.

История феодального землевладения не была темой специальных исследований М. Н. Тихомирова, но в его трудах можно найти много интересных и тонких наблюдений по истории класса феодалов[22].

Убежденным сторонником точки зрения о реакционности боярства и его борьбе против центральной власти и прогрессивного дворянства был И. И. Смирнов, тщательно изучивший многие стороны земельной политики середины XVI в.[23]

Значительно продвинулось вперед изучение проблемы трудами А. А. Зимина[24]. Если в ранних своих работах ученый исходил из традиционных представлений и считал борьбу боярства и дворянства стержнем политической истории эпохи[25], то затем он порвал с этой концепцией. В своих последующих исследованиях Зимин подчеркивал, что великокняжеская власть в стремлении победить удельную систему опиралась на старомосковское боярство, а затем и на «служилых князей», постепенно подчинявшихся государю всея Руси. Зимин считал, что основным политическим содержанием процесса централизации была не борьба боярства и дворянства, а наступление общегосударственной власти на удельных князей и удельную систему, позднее — на ее пережитки[26].

Концепция противоборства бояр и дворян в последнее время теряет приверженцев в отечественной историографии. Не всегда последовательно, порой с оговорками, но ее все чаще подвергают сомнению многие современные исследователи — Н. Е. Носов, отчасти А. М. Сахаров, Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев и др.[27] Но вместе с тем во многих трудах сохраняются и традиционные построения. В частности, такие взгляды характерны для Р. Г. Скрынникова[28].

В последние десятилетия резко вырос уровень изучения источников по социально-экономической истории России XV—XVI вв. Из исследований, специально посвященных этим сюжетам, прежде всего выделяются труды С. М. Каштанова[29]. Он плодотворно продолжает и развивает направление актового источниковедения, созданное Л. В. Черепниным. Изыскания Каштанова чрезвычайно важны для понимания земельной, в особенности иммунитетной, политики. Надежную базу для работы над источниками по теме, которой посвящена эта книга, создают источниковедческие исследования

А. Д. Горского, Л. И. Ивиной, Н. Н. Покровского и других авторов[30].

В России XV—XVI вв. сохранялись значительные региональные различия, что было в первую очередь связано с многочисленными пережитками удельной старины. Эти различия сказывались в уровне и характере развития отдельных территорий. Именно поэтому для этого периода имеют особое значение региональные исследования. К тому же источники по разным районам сохранились крайне неравномерно, а потому многие темы можно изучать лишь на материале отдельных земель. Исследования А. И. Копанева о Белозерском крае, Ю. Г. Алексеева о Переславль-Залесском уезде, В. С. Шульгина о Ярославском княжестве, А. А. Зимина и Б. Н. Флори об особенностях положения Твери и Рязани после их присоединения к единому государству, Н. Н. Масленниковой о Псковской земле[31] во многом облегчают труд историка, идущего по их стопам. Выше уже отмечались фундаментальные работы о социальных отношениях в Новгородской земле.

В целом для советских историков, исследующих историю средневековой России, характерны стремление к пересмотру вопросов о боярстве и боярском землевладении, о роли боярства в политической борьбе, о соотношении вотчины и поместья, а также тщательное изучение состава феодалов. Все это обусловило большие успехи советских историков в исследовании феодального землевладения. Но вместе с тем связь землевладения и централизаторской политики государства до сих пор не была предметом специальных изысканий. Одна из целей настоящей книги — заполнить этот пробел.

Какими же источниками располагает историк, изучающий проблемы социальной истории России XV—XVI вв.?

В первую очередь это акты феодального землевладения. Актами в современной науке принято называть документы, фиксирующие сделки. На рубеже XIV—XV вв. вошло в обыкновение совершать земельные сделки не устно, а закреплять их на письме[32]. Феодалы продавали, дарили, меняли, завещали, отдавали в приданое свои села и деревни, и каждая из этих операций оставляла след в виде акта. Но дошли они до наших дней далеко не полностью. Дело в том, что историческая наука практически не располагает архивами светских феодалов за XV—XVI вв. Тому есть немало причин.

Прежде всего в XVII в. акты стали для феодалов куда менее ценными, чем раньше. Главным доказательством права владения стала не старая грамота, определить подлинность которой спустя несколько десятков, а то и сотню с лишним лет было нелегко, а запись в составлявшихся правительственными чиновниками (писцами) писцовых книгах, где были подробно описаны все вотчины и поместья. Еще менее дорожили старой документацией дворяне XVIII — первой половины XIX в. Именно об этом времени А. С. Пушкин писал, что «русский ветреный боярин считает грамоты царей за пыльный сбор календарей». И хотя в другом пушкинском стихотворении («Моя родословная») читаем: «Под гербовой моей печатью я кипу грамот схоронил», родовой архив Пушкиных так же не сохранился, как и фамильные архивы других русских аристократов. К тому же в XV—XVI вв. каменные палаты были редчайшим исключением среди множества деревянных боярских и дворянских хором, и пламя бесчисленных пожаров с необыкновенной легкостью уничтожало будущие исторические источники. Ссылки на то, что «грамота в пожар сгорела», часты в судебных делах XVI в.

И все же положение небезнадежно. Крупнейшими земельными собственниками средневековой России были монастыри. Считается, что во второй половине XVI в. им принадлежало около трети всех пахотных земель страны. Монастырские архивы сохранялись значительно тщательнее. Каменные стены и каменные храмы были надежной защитой от пожара. В спорах о земле монастыри часто одерживали победы именно благодаря бережно хранимой документации. Время от времени там составляли так называемые копийные книги, в которые скрупулезно переписывали копии всех актов, лежавших в монастырской казне. Благодаря этим книгам до нас часто доходят списки тех актов, подлинники которых утрачены. Раз в несколько лет в монастырях составляли подробные описи всего монастырского имущества, включая и «крепости» на землю (так именовались акты). Порой сам акт утрачен, нет и списка с него, но в «описных книгах» можно найти описание, дающее некоторое представление о содержании документа.

Разумеется, и в монастырях не все обстояло благополучно с хранением документов. Особенно много актов пропало во второй половине XIX — начале XX в. то из-за алчности, побуждавшей продать древнюю грамоту заезжему коллекционеру, то из-за невежества мо-

нахов. Известный исследователь и собиратель письменности Н. П. Лихачев рассказывал, что Описную книгу Псково-Печерского монастыря, составленную в XVI в., его комиссионер извлек из монастырского отхожего места, причем часть листов была уже вырвана[33].

Однако в целом сохранность монастырских архивов принципиально выше, чем документации светских феодалов. Тому помогло одно обстоятельство. В 1763—1764 гг. правительство Екатерины II провело секуляризацию монастырских имуществ: у монастырей были отобраны в собственность государства их земельные владения, а для управления ими создана Коллегия экономии. В это учреждение монастыри должны были передать все документы, удостоверявшие право их собственности. Правда, часть актов осталась в монастырях, но все же большинство их попало в обширное собрание грамот Коллегии экономии, включающее более 15 тыс. единиц хранения и служащее до сих пор важнейшим резервуаром источников для историка социальных отношений. Специальные подсчеты привели автора к выводу, что до нас дошло в подлинниках или в списках не менее половины, а скорее — около двух третей всех реально существовавших актов монастырских архивов[34].

Однако у читателя может возникнуть обоснованное сомнение: предметом исследования являются владения светских феодалов, автор же рассуждает о документах монастырских архивов. Но дело в том, что значительная часть сел и деревень была приобретена монастырями у светских собственников. Акты, фиксирующие передачу земель светских феодалов монастырям, нельзя считать документами только монастырского землевладения, они также источник по истории вотчин светских владельцев. Кроме того, монастыри вместе с вотчинами нередко получали и документы на право владения, обычно — акты по сделкам между светскими феодалами.

Для лучшего понимания дальнейшего изложения необходимо коротко остановиться на основных разновидностях актов и на том, что они дают историку[35].

Наиболее распространены были грамоты: данные, фиксировавшие дарение, и купчие. Они мало отличаются друг от друга по содержанию. В них обычно указывается объект сделки, а начиная с XVI в. — уезд, волость или стан, где он расположен; содержатся условия продажи или дарения, имена участников сделки и свидетелей — «послухов». В меновных грамотах, кроме того, может быть отмечена сумма «придачи» — дополни-

тельного вознаграждения, получаемого той стороной, которой при обмене досталось меньше земли. Деловые грамоты (от слова «делить») закрепляли семейные разделы вотчин. Эти основные грамоты часто обрастали дополнительной документацией: стороны давали разного рода «очищальные записи», в которых обязывались «очищать» проданную или подаренную вотчину от претензий третьих лиц, выехать к определенному сроку из отчужденного села или деревни и т. п. Для всех этих актов характерен строгий (правда, меняющийся во времени и порой разный для отдельных земель) формуляр — схема построения.

Более раскованным был формуляр завещаний — «духовных», но и в них присутствуют некоторые обязательные моменты. В начальной части завещатель перечислял свои долги и тех, кто в свою очередь был ему должен («кому ми что дати и на ком ми что взяти»). В конце следовали имена душеприказчиков, призванных следить за выполнением предсмертной воли, и свидетелей — тех, кто «у духовные сидел». Тексты же в середине завещаний отличаются большим разнообразием, что делает духовные грамоты особенно колоритным источником, позволяющим порой заглянуть в повседневную жизнь русского средневековья.

Так, помещик конца XVI в. Иван Голова Соловцов в духовной просит прощения у своих холопов и крестьян, которых «оскорбил в своей кручине боем по вине и не по вине, и к женам их, и ко вдовам насильством и девственным ростленьем, а иных есми грехом своим и смерти предал». Из духовной вдовы протопопа кремлевского Благовещенского собора Марфы известно, что ее внучка княжна Авдотья Мезецкая отказалась выйти замуж за подобранного родней жениха и любящая бабушка была вынуждена «для ее слез» продать два села, чтобы заплатить «заряд» — неустойку[36].

Но для настоящей работы важнее другое качество духовных — это единственная разновидность актов, в которой можно получить сведения о всех владениях служилого человека. Купчие и данные сообщают сведения лишь о тех вотчинах, которых уже лишились их прежние владельцы.

Разумеется, акты не могут дать полного представления о всех вотчинах всех феодалов. Как справедливо отметил Н. Е. Носов, дошедшие до нас акты относятся главным образом к феодалам, положение которых (семейное, имущественное, служебное, политическое) ока-

зывалось неустойчивым и вынуждало их дарить или продавать свои вотчины монастырям. Встречались, естественно, и исключения. Например, будущий царь Борис Годунов передавал земли монастырям и продавал их, находясь в зените своего могущества, но для большинства состоятельных, не разорявшихся и не боявшихся опалы феодалов было характерно стремление делать вклады деньгами[37].

Поэтому в актовых материалах сохранилось очень мало данных о землевладении многих крупных феодалов XVI в., и в частности князей Воротынских, князей Одоевских, Захарьиных-Юрьевых. Так, хотя из актов хорошо известно, что князья Трубецкие имели в Волоцком уезде вотчину, но из них ничего нельзя узнать об их владениях в Трубчевске, который оставался родовым гнездом этой княжеской семьи. Крайне неполны и связаны главным образом с земельными спорами с Троице-Сергиевым монастырем основанные на актах сведения о вотчинах князей Оболенских в их родном Оболенске. Зато значительно лучше можно представить по актам историю землевладения белозерских князей, чьи вотчины в большом количестве переходили к Кирилло-Белозерскому монастырю, или стародубских князей, значительно пострадавших от опричных опал.

Однако эта неполнота сведений актовых материалов не исключает возможности выяснить состав феодалов того или иного уезда: если не сам вотчинник, то его сын, брат или племянник почти обязательно встретятся в том или ином акте и дадут указания на место расположения его владений. В этом отношении особенно ценны акты, посвященные межеванию земель: межевые, отводные (указывающие границы, «отвод» владения от соседних), разъезжие или «розводные» (указывающие границы владения с кем-либо одним из соседей) грамоты, в которых упоминаются соседи землевладельцев.

Еще важнее для исследователя имена свидетелей — послухов. В их число обычно входили либо родственники участников сделки (как гаранты самой сделки), либо соседи (как гаранты границ владения). Зачастую в число послухов включали представителей местного дворянского самоуправления. Естественно, из этих правил встречались многочисленные исключения. Например, служилый человек мог заключить сделку вдали от дома — в Москве или в походе. Тогда послухами оказывались дьяки и подьячие московских приказов, сослужив-

цы и т. п. Некоторые крупные монастыри систематически использовали в качестве послухов в своих земельных актах одних и тех же близких к монастырю мелких феодалов. Однако, если члены одной и той же семьи постоянно упоминаются как послухи в одном и том же уезде или в двух-трех смежных, это достаточное основание (даже когда неизвестны их собственные акты) для того, чтобы считать этот род местным.

В межевых актах и судебных документах обязательно упоминались «мужи» или дети боярские «на разъезде» и «судные мужи». Если возникали споры, правильно ли акт отражает то, что происходило при межевании или на суде, этих «мужей» вызывали подтвердить или опровергнуть подлинность документа. Они должны были хорошо разбираться в обстановке на месте, а потому всегда были вотчинниками или помещиками того уезда, к которому относится акт.

Все это в комплексе с некоторыми другими материалами позволяет реконструировать состав уездных землевладельцев и перемещения феодальных семей. Однако таким путем лишь в редчайших случаях удается установить всех феодалов уезда или весь состав вотчин и поместий.

Исчерпывающие сведения о владениях конкретного феодала сообщают лишь духовные и деловые грамоты, да и то поместья зачастую остаются неизвестными. Полный состав землевладельцев уезда выясняется лишь из писцовых книг. В них фиксировались все вотчины и поместья уезда, часто с указаниями на прежних владельцев, отмечались также «порозжие», т. е. пустые поместья, брошенные владельцами из-за того, что разбежались крестьяне.

К сожалению, основная масса документации расположенных в Москве центральных правительственных учреждений не сохранилась. Общемосковские пожары 1547 и 1626 гг., сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 г. и польскими интервентами в 1610 г. привели к гибели большинства документов. Состояние правительственных архивов было столь плачевным, что в 1555 г. было предписано: «Сидят в тюрмах многие люди, и дела их в пожар погорели, сыскати про них нечем — и тех людей выпрашивати словом да писати по их речем, в чем которой сидит...»[38] Этим и объясняется тот печальный факт, что, за редкими исключениями (звенигородские, коломенские, торопецкие и рузские книги), материалы писцовых описаний до 80-х годов

XVI в. сохранились лишь в отрывках, хотя некоторые писцовые книги (тверские, ярославские, московские) и в весьма значительных. К счастью, как уже отмечалось, в писцовых книгах зачастую названы имена прежних владельцев. Так, составленные в самом конце XVI в. писцовые книги Вяземского уезда[39] дают исследователю ретроспективные указания, доходящие до середины XVI в.

Автор стремился привлечь к исследованию все сохранившиеся до наших дней акты — как в подлинниках, так и в списках и в пересказах, использовал также все писцовые книги XVI в. Своеобразным девизом послужило здесь известное ленинское указание: «...брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»[40] С этой целью были изучены акты и писцовые книги, как опубликованные[41], так и хранящиеся в ряде архивов и отделов рукописей. Автором были обследованы фонды Центрального государственного архива древних актов, Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, отделов рукописей и старопечатных книг и письменных источников Государственного Исторического музея (Москва), Центрального государственного исторического архива СССР, архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), государственных архивов Владимирской, Калининской, Костромской и Ярославской областей, костромского и ярославского музеев-заповедников.

Акты и писцовые книги — важнейшая часть источниковой базы исследования, но не вся. Проследить правительственную политику позволяет анализ законодательных памятников. Отмечу важную особенность этого вида источников: зафиксированные в них нормы права далеко не всегда последовательно претворялись в жизнь. Из факта существования того или иного указа не вытекает автоматически его осуществление. Это явление, многократно прослеженное на множестве примеров, заставляет исследователя тщательно анализировать реальную действительность, прежде чем вынести суждение о применении той или иной статьи Судебника или приговора Боярской думы.

Ценный источник для этой книги — списки служилых людей. Из них наиболее важны Тысячная книга и Дворовая тетрадь. История их создания такова.

В 1550 г. был издан указ о раздаче подмосковных поместий тем лицам из ближайшего окружения Ивана IV, у которых их еще не было. Число таких «лучших слуг» царя было определено в 1 тыс. человек. Был составлен их список — Тысячная книга, включающая около 1080 человек, разделенных на три разряда — «статьи». Существует весьма вероятное предположение А. А. Зимина, что эту реформу правительству Адашева не удалось осуществить[42], но тем не менее список «тысячников» дает в руки исследователя первоклассный по своей объективности материал. В 1552 г. был составлен полный список государева Двора — верхушки господствующего класса, получивший название Дворовой тетради. В ней записано около 4 тыс. человек. Дворовая тетрадь вплоть до 1560 г. была действующим документом: в нее вносили дополнения, вычеркивали выбывших, обычно указывая причину: «умер», «стар и болен», «в полону» и даже в «холопех» или «в розбое повешен». В обоих списках дворяне перечисляются по «городам», т. е. по уездам, где, как правило, находилось большинство их владений[43].

Ряд списков служилых людей относится ко второй половине XVI — началу XVII в.[44]

Карьеру служилых людей высшего ранга позволяют восстанавливать разрядные книги[45], в которые со второй половины XV в. записывались назначения на все важнейшие должности в войсках и во время наиболее торжественных придворных церемоний. При отмене местничества в 1682 г. подлинные разрядные книги были торжественно сожжены, ибо записи в них были главным основанием для вычисления местнического старшинства. Поэтому дошедшие до нас разрядные книги разных редакций — это (за исключением случайных, главным образом черновых, отрывков) списки с официальных разрядных книг, составленные частными лицами для собственного употребления. В них встречаются ошибки, как ненамеренные (путаница дат, имен и отчеств, пропуски), так и ставящие целью возвеличить одни роды и принизить другие.

Сведения о генеалогии княжеских и боярских родов дают родословные книги, тщательно изученные М. Е. Бычковой[46].

Естественно, автор не мог пройти мимо и повествовательных источников: летописных текстов, памятников публицистики, записок современников-иностранцев и т. д., хотя содержащаяся в них информация лишь до-

полняла сведения, извлеченные из актов, писцовых книг и других документальных материалов.

Далеко не все источники, с которыми сталкивается историк, подлинны. Особенно часто встречаются подделки среди актов. Их изготовляли для разных целей. Сравнительно легко распознать фальсификаты, изготовленные много позже того времени, к которому приурочен документ, для доказательства тех или иных старинных прав и привилегий (давность дворянства, знатность, заслуги рода) либо с коллекционной целью (для продажи любителям старины, а то и просто для бахвальства). Разоблачение дворянских и монастырских подделок XVII—XVIII вв. начали еще до революции Н. П. Лихачев и Д. Ф. Кобеко и продолжили в советское время А. А. Введенский и А. А. Зимин[47].

Подложные грамоты обычно известны не в подлинниках, а в списках: так легче замаскировать фальсификацию. Но жульничество выдают анахронизмы — и в фактах, и в формуляре; часто неумеренное возвеличивание того, кому выдана грамота (в XV—XVI вв. не было принято отмечать в грамотах заслуги пожалованного, этот обычай возник лишь в XVII в.). Приведу некоторые примеры подложных грамот из числа тех, о которых еще не высказывалось такое предположение либо существует спор в науке.

Еще в прошлом веке была опубликована датированная 9 октября 1461 г. грамота Василия Темного Ларе Бунаку княж Михайлову сыну Хотетовского на два села в Вяземском уезде; не заподозрил ее подложности и второй публикатор документа — И. А. Голубцов[48]. На грамоту как на подлинную ссылался Б. Н. Флоря. Он, правда, обратил внимание, что одна из ее формулировок «не находит соответствия в других грамотах»[49], но этот факт его не насторожил (вероятно, потому, что формуляр грамоты в основном достоверен).

И все же этот акт подложен. Прежде всего потому, что Вяземский уезд в 1461 г. был еще в составе Великого княжества Литовского и, следовательно, великий князь московский не мог там распоряжаться. Далее, в грамоте имеются запрет принимать в села людей из земель великого князя и разрешение перезывать «иноокняжцев» из Можайска. Но Можайск с 1454 г. входил во владения Василия Темного и перешел к его сыну дмитровскому князю Юрию[50] только после смерти великого князя в 1462 г., поэтому люди из Можайска не были в 1461 г. «иноокняжцами». По-видимому, фальсифи-

катор взял за образец либо какую-то другую грамоту Василия Темного до 1454 г., либо уже грамоту Ивана III. Понятны и мотивы подделки: в конце XVII в. подложную грамоту представили в Разрядный приказ вяземские дворяне Бунаковы[51], тем самым пытаясь вывести свой род от князей Хотетовских.

Давно известна жалованная грамота Ивана IV от 1556 г., данная Василию Петрову сыну Измайлову; в нее полностью включен текст грамоты рязанского князя Олега Ингваревича от 1257 г. предку Измайлова Ивану Шаину. Грамоту Олега рязанского считал подложной еще Н. П. Лихачев, с ним спорили публикаторы грамоты А. И. Юшков и И. А. Голубцов[52].

А. И. Юшков осторожно писал: «Нам кажется более правильным считать эту грамоту не подложной, а только сильно испорченной», ибо, по его мнению, для нее характерно «употребление древних слов «владельница» и «спирать»». Слово «спирать» Юшков действительно нашел в древнем тексте, но не делового, а церковно-назидательного характера — в «Ипполита епископа... изложении о Христе и Антихристе». Древность слова «владельница» он не доказывал, а между тем в «Словаре русского языка XV—XVII вв.» единственное употребление этого термина зарегистрировано именно по этой грамоте; близкие по звучанию и значению слова «владенная грамота» и «владенная» отмечены лишь в XVII в.[53]

И. А. Голубцов полагал, что, поскольку дата 1257 год соответствует времени княжения Олега Ингваревича, сфабриковать грамоту «было бы непосильной научно-исторической задачей не только для рядового дворянина», т. е. для В. П. Измайлова. Однако сомнительна подлинность и самой грамоты 1556 г. Прежде всего в грамоте нет никаких привилегий, освобождающих землевладельца от суда наместников и от платежа части повинностей, а жалованные грамоты без этих милостей не известны в XVI в. Не находит никаких параллелей в текстах актов XVI в. и такая формулировка грамоты Василию Измайлову: «...велел ему дати сию (вместо «сю». — *В. К.*) нашу жалованную грамоту на старые их (вместо единственного числа форма множественного, хотя грамота дана одному лицу. — *В. К.*) вотчины, что даны прародителю великим князем Ольгом резанским пустыми полями...»

В грамоте Ивану Шаину несообразностей еще больше. Прежде всего вызывает подозрение указанный на

ней точный год выдачи: даже в XV в. (до конца) большинство жалованных грамот не имеет даты, нет дат и в рязанских жалованных грамотах XIV—XV вв.[54] Далее, грамота дана Ивану Шаину, который был будто «посажен от Батыя на Чернигове владетелем»; Олег же Ингваревич дал ему землю, «ведая ево... породы ханска и воина добра». Между тем совершенно невероятно, чтобы всего через 15—20 лет после установления ордынского ига родственник Батыя («породы ханска») и его наместник («владетель») крестился и перешел на русскую службу, да еще в самое близкое к Орде и постоянно разоряемое княжество. И уж вовсе неправдоподобно, чтобы князь Олег, проведший много лет в плену и только что вернувшийся с ханским ярлыком, осмелился принять его. Кроме того, слово «хан» не употреблялось на Руси ни в XIII, ни в XVI в.: ордынских ханов называли царями. Вызывает сомнения и упоминание о том, что грамота дана «бесповоротно», ибо это слово зарегистрировано только в XVII в.[55], и во всяком случае не встречается в актах XVI в.

И наконец, в грамоте систематически и не к месту употребляется слово «есте» — второе лицо множественного числа глагола «быти»: «пришел есте», «а с ним есте многие люди», «есте был он посажен», «велел есте». И. А. Голубцов предположил, что писец грамоты происходил из татар, перешедших на русскую службу, и по ошибке употреблял «есте» то вместо «есмь» (первое лицо единственного числа), то вместо «есть» (третье лицо единственного числа). Однако в выражении: «а с ним были есте многие люди» — должно было стоять «суть», которому превратиться в «есте» затруднительно даже в речи татарина, странным образом перешедшего на службу к только что разоренному Батыем рязанскому князю.

К тому же в ЦГАДА (ф. 135, Приложение, рубр. IV, № 2, л. 1) сохранилась еще одна грамота от имени того же Олега Ингваревича, данная тому же лицу и снабженная датой — 23 ноября 1256 г. Акт выдает себя за подлинник и даже снабжен наивно подделанной прикладной печатью: по ее ободку, как это делалось в XVIII—XIX вв., идет текст: «Ве[ликии] кня[зь Олег Ингваре]вич Резанск[ии]». Тем не менее написана грамота на бумаге (а в XIII в. на Руси писали только на пергамене), да к тому же XVIII в. Одной из орфографических особенностей грамоты является попытка «удревнить» текст, но сделанная крайне неграмотно:

вместо букв «у», «ю» и «я» писец пишет одну и ту же старославянскую букву — юс малый, употреблявшийся в средневековых текстах как «я», да и то обычно только в середине слова. Если эту букву читать по правилам, то в грамоте появятся маловразумительные слова: «с лядми», «ямячил» «ряских» и т. п. (вместо соответственно «с людьми», «умучил», «русских»). Не только орфография, но и язык грамоты совершенно невозможен для XIII в. — чего стоит только восходящее к XVIII в. выражение «приемлю его в приятство»!

Рамки введения не позволяют приводить другие анахронизмы этого фальсификата. Важно лишь отметить, что грамота якобы 1256 г. и есть тот самый «список», который видел и посчитал подложным еще Н. М. Карамзин, но, по мнению И. А. Голубцова, остался «неразысканным». Этот акт принадлежит к одному комплексу с грамотами Ивану Шаину 1257 г. и В. П. Измайлову, поэтому недостоверность первого акта усиливает убежденность в поддельности двух последних.

Гораздо труднее распознать подделку, состряпанную современниками, а между тем они известны исследователям. Так, в 1547 г. князья Звенигородские-Ноздроватые решили подделать денежный документ, дававший им возможность вернуть себе, не расплачиваясь с долгом, заложенную Ивану Большому Васильевичу Шереметеву вотчину. Но Шереметев вовремя проведал об этой затее, уведомил власти и при их содействии провел внезапный обыск в княжеском доме. Там и был найден «подписчик» (как называли фальсификаторов) с незаконченным произведением его ловкого пера. Почти через 40 лет, сразу после смерти царя Ивана IV, рязанские вотчинники Шиловские сумели разоблачить серию подлогов Родиона Биркина и его тестя дьяка Андрея Шерефединова, пытавшихся завладеть таким путем родовым селом Шиловских — Шиловым. Биркин был спальником и фаворитом последних лет жизни Ивана Грозного и чувствовал себя безнаказанным. Но смерть царя лишила Биркина былого влияния, и его проделки вышли на поверхность[56].

А сколько подобных дел осталось нераскрытыми! Установить истинность или подложность таких документов под силу только современнику событий, ибо, не умри Иван Грозный в 1584 г., Биркину наверняка сошла бы с рук и эта наглая подделка, как, вероятно, сходили до тех пор другие. «Судите праведно, наши виноваты не были бы» — так, по словам немца опричника Генриха

Штадена, звучал приказ царя земским судьям, отданный в опричнине[57]. Историк же не может знать, что, например, Василий Шиловский, от имени которого была заключена купчая в сентябре 1582 г., умер шестью годами раньше; что подписавшийся в купчей за часть Шиловских (по их неграмотности) их «отец духовной» поп Иван Гаврилов не был на самом деле их духовником, а был известен как «вор», т. е. преступник, и даже отведал кнута в Разбойном приказе. Все эти сведения может получить только современник.

К тому же подделка для того и создавалась, чтобы выдать ее за настоящий документ. А поскольку изготовитель — современник, то грубых ошибок там не найдешь: и формуляр будет верен, и земли, входящие в Великое княжество Литовское, не окажутся под властью великого князя московского.

Отсюда следует печальный вывод: историк бессилен перед фальсификатором-современником. Среди сохранившихся подлинных актов феодального землевладения и списков с них какую-то часть, безусловно, составляют нераспознанные фальсификаты современников. Однако это не дает оснований для скептического отношения к дошедшим до нас актам. Использование современного фальсификата не подрывает надежности выводов исследователя, ибо по многим вопросам и подделка дает достаточно достоверный материал. Так, даже если бы мы не знали о подложности актов, передающих Биркину и Шерефединову вотчины Шиловских, не стало бы ошибочным заключение, что рязанское село Шилово было вплоть до конца XVI в. родовой вотчиной Шиловских. Правдоподобными были бы и данные о цене земли, о родственных отношениях, отраженных в купчих, о связи Шерефединова и Биркина с Рязанским уездом, о характере формуляра купчих и т. п.

Итак, при всех неизбежных пробелах сохранившиеся источники составляют надежную базу для исследования. Но достоверность выводов исследователя зависит не только от объема использованных им источников и научности методологии, но и от самой техники работы, избранной методики. Она должна позволять исследователю получить из источников максимум содержащейся в них информации.

Главная трудность в работе с актами состоит в том, что акт — это источник комплексный. Один и тот же акт дает ответы на разные вопросы исследователя. В нем упоминаются люди из разных родов, а сведения

о каждом из них могут оказаться нужными в ходе работы. Акт может содержать своеобразное условие сделки, мимоходом давать сведения не только о вотчинах, но и о поместьях и т. п. Поэтому систематизация актов и выписок из писцовых книг по какому-то одному признаку неизбежно приведет к потере значительной части информации. Так, если выписки разложить по уездам, то пропадут сведения об участниках сделки. Расстановка карточек с выписками по именам участников сделки влечет за собой потерю информации об уездах и к тому же требует дублирования, ибо почти в каждом акте упоминаются три-четыре фамилии.

После многих проб и ошибок в конце концов была найдена удобная система. Каждый акт или выписка из писцовых книг и других источников заносится на карточку. Эти карточки располагаются не по содержанию, а в порядке заполнения. Но случайно полученное место раз и навсегда закрепляется номером. К этой основной картотеке составлен ряд дополнительных. Главная из них — картотека фамилий. На фамильной карточке (например, Плещеевы, Пивовы, Клинцовы) собираются номера всех основных карточек, где в любом качестве — как землевладелец, участник сделки, сосед, послух, свойственник, судья и т. п. — упомянут член этого рода. На фамильной карточке таким образом выстраивается ряд номеров основных карточек. Это дает возможность сразу найти все источники, где есть сведения о данной семье. По тому же принципу организованы другие дополнительные картотеки: уездов, упоминаний должностных лиц (например, судьи по земельным делам), проблем (например, поместье) и т. п. Составленные таким образом картотеки дали возможность извлекать из использованных источников все содержащиеся в них сведения.

Другой вопрос — достаточно ли этих сведений? Ведь, как уже было показано, фрагментарность сохранившихся источников — одна из основных трудностей при изучении средневековой России. Складывая мозаику из порой случайных обмолвок актов и летописей, исследователь на своем опыте понимает справедливость слов замечательного арабиста И. Ю. Крачковского: «За минуты синтеза надо платить годами анализа»[58]. Ведь, прежде чем возвести стройное здание концепции, исследователю приходится подчас выяснять самые тривиальные факты, на установление которых не пришлось бы тратить усилий, будь наши средневековые архивы пол-

нее. Впрочем, именно эта черновая, во многом детективная работа необыкновенно приятна и увлекательна, как решение любой сложной логической задачи. Исследователю необходимо постоянно изобретать все новые и новые способы опроса (или допроса?) источников.

Выше уже было показано, какую важную роль в исследовании играет ретроспекция: поиски в источниках следов полувековой — вековой давности. Приведу лишь один пример. В составленных в 20-х годах XVII в. писцовых книгах Оболенского уезда село Спасское Загорье значится за двумя владельцами: князьями Лыковым и Кашиным[59]. Их единственный общий предок князь Владимир Иванович Оболенский жил за полтора с лишним века до них — в середине XV в. Никаких других следов его землевладения не сохранилось, но на основании этого известия можно сделать вывод, что вотчина принадлежала ему.

Этот пример показывает и значение для исследования генеалогии. Не говоря уже о том, что в средние века происхождение во многом определяло и образ мыслей, и поступки, и политическую позицию, без генеалогического исследования невозможно реконструировать судьбы земельной собственности, переходившей из рук в руки по наследству.

С генеалогией тесно связана и антропонимика. Дело в том, что русская антропонимическая система XV—XVI вв. значительно отличалась от современной. Фамилии появились лишь во второй половине XV в., но только к середине XVI в. ими оказалось охваченным все дворянство. Наряду с фамилией существовало «дедичество» — наименование по имени деда. Так, сын боярина Юрия Захарьича именовался Романом Юрьевичем Захарьиным, его внук — Никитой Романовичем Юрьевым, а правнук — Федором Никитичем Романовым. И только сын Федора (впоследствии — патриарха Филарета) Михаил назывался не дедичеством — Никитин, а фамилией — Романов, дав тем самым прозвание новой царской династии.

Фамилии были еще нестойкими, они разветвлялись на множество новых, и служилый человек мог в одних документах именоваться одной частью двойной (а то и тройной) фамилии, а в других — другой. Так, среди Плещеевых были Очины, Охотины, Басмановы, Колодкины, Павлиновы и т. п., среди Пушкиных — Мусины, Рожновы, Шафериковы, Бобрищевы... В этих тонкостях историк обязан разобраться, чтобы не посчитать за раз-

ных людей Алексея Даниловича Басманова и Алексея Даниловича Плещеева и понять, что к одному роду принадлежат, например, князья Звенигородские, Токмаковы и Ноздроватые.

Не меньше затрудняет разыскания в области персоналии система двойных имен. Наряду с христианским именем (кроме небольшого числа имен русских святых, все они заимствованные) многие носили «мирские» имена, отсутствующие в святцах. Эти вторые имена подчас причудливы и могут даже показаться забавными (Кобыла, Тать, Хрипун, Попадья и т. п.), из-за чего многие авторы считали их прозвищами. Но они, как правило, давались вне связи с какими-то личными особенностями человека, еще в детстве, и были просто именами. Многие из них сохранились в виде основ распространенных русских фамилий (Смирнов, Баженов, Третьяков, Ляпунов, Козлов, Шарапов и т. д.). Нередко служилый человек в одних официальных документах (в актах, боярских списках и т. п.) был записан без полученного при крещении имени, только «мирским» именем, в других — христианским, а иной раз отчество от «мирского» имени отца можно принять за фамилию. Так, Малюта Скуратов был одновременно Григорием Лукьяновичем Бельским: его отец Лукьян Афанасьевич Бельский носил также «мирское» имя Скурат.

Но роль антропонимики в исследовании не ограничивается решением чисто практических задач. Личные имена обладают яркой социальной окраской и нередко служат своеобразными индикаторами тех или иных исторических явлений[60]. В этой книге читатель не раз встретится с аргументами «от антропонимики».

Нуждаются в пояснении и уточнении некоторые термины, употребляющиеся в книге, и их эволюция в XV—XVI вв.

В середине XV в. по мере объединения разных княжеств в единое государство складывалась система административно-территориального деления. Своими корнями она уходила в седую старину. Основной территориальной единицей был уезд с городом в центре. Границы уездов восходили к рубежам удельных и великих княжеств, а потому размеры уездов были далеко не одинаковыми. Так, из княжеств Московской земли, расположенных густо и поблизости от Москвы, образовались уезды Волоцкий, Звенигородский, Можайский, Рузский, Серпуховской и т. д., размеры которых сравнимы с современными районами. Такие уезды, как Владимирский,

Нижегородский, Ярославский и т. д., были значительно крупнее.

Уезды делились на меньшие единицы — станы и волости. Происхождение этих терминов не до конца ясно и уходит в давние времена, но к XV—XVI вв. разница между ними почти стерлась. Правда, в волостях чаще жили черные крестьяне, т. е. сидящие не на частновладельческих, а на княжеских (или великокняжеских) землях; в станах было больше развито вотчинное землевладение. Некоторые черные волости и в XV в. были своеобразными большими общинами черных крестьян, но уже тогда в черную волость активно проникали феодалы. В конце XV, а особенно в XVI в. названия «волость» и «стан» часто путаются. Если уезды управлялись наместниками, то волости и станы — волостелями.

Границы волостей и станов были стабильнее уездных: границы уездов зачастую менялись, и тогда отдельные станы и волости целиком передавались из одного уезда в другой. Некоторые станы временно превращались в особые уезды, но затем снова оказывались лишь станами. Так, Микулинский стан Тверского уезда даже назывался «стан Микулинский уезд». Радонеж порой числился самостоятельным уездом, а иногда входил как стан в Московский уезд. Бывал отдельным уездом и Вышегородский стан Верейского уезда. Оболенский уезд иной раз выступал как стан то Серпуховского, то Малоярославецкого, то Тарусского уездов[61].

В документах XV—XVI вв. уезд по его центру часто называют городом (например, раздача поместий «по городом»[62]), а про ту или иную вотчину или поместье пишут, что они находились «на Костроме», а не в Костромском уезде. (Эту особенность, к сожалению, не всегда учитывают при составлении географических указателей к изданиям документов, и приходится искать в указателе разбредшиеся по разным рубрикам Кострому и Костромской уезд.)

Термином «село» обозначались и центральное поселение феодального владения, и весь комплекс, его составляющий. Деревни, как тогда говорили, «тянули» к селу. При дроблении вотчины или поместья на доли («жеребьи») часто делили и село. Но бывало и иначе: село оставалось в руках одного из владельцев, а другие получали деревни. В этом случае деревни, становившиеся местом пребывания феодала (его «усадищем»), нередко превращались в села. (Существует предрассудок, будто село — это поселение, где есть цер-

ковь; на самом деле церковь — вторичный признак; просто в центре вотчины или поместья обычно воздвигали церковь.)

В источниках часто встречается и термин «сельцо». Обычно полагают, что так назывались небольшие села. В основном это верно, но в документах нередко один и тот же населенный пункт в одни и те же годы называют то селом, то сельцом. Следовательно, четкого различия между этими типами поселений не было.

Кроме сел и деревень упоминаются починки. Это небольшие, только что возникшие («почавшие» свое существование) поселения в один, реже в два двора. Впрочем, невелики были по нынешним масштабам села и деревни: село в 10—15 дворов считалось уже большим; в деревнях в среднем насчитывалось четыре-пять дворов, а в некоторых уездах — два-три двора; даже однодворные деревни не были редкостью.

Непременной частью каждого феодального владения были пустоши и селища — деревни и села, покинутые жителями. При том, что даже в XV в. трехпольный севооборот только возникал, почва истощалась быстро. Поэтому через несколько десятков лет пашню приходилось забрасывать, и она превращалась в «перелог» — зарастающую лесом, необрабатываемую землю. Такие пустоши, если число их не было чрезмерным, служили необходимым резервом для сельскохозяйственного производства.

Следует особо остановиться на терминах, которыми в XIV—XVI вв. обозначали разные категории господствующего класса. Здесь, впрочем, необходима одна оговорка: для юридического языка средневековья еще не стала характерной строгая определенность терминов, типичная для нового времени. Во вполне официальных документах одно и то же слово могло иметь разные значения и, напротив, одно и то же явление могло обозначаться разными терминами. Пожалуй, в наибольшей степени это относится к слову «боярин».

В современной научной литературе под боярами обычно имеют в виду верхушку господствующего класса — землевладельческую аристократию. Однако это понимание термина лишь отчасти совпадает с тем значением, которое ему придавали в средние века. Наиболее распространенным было узкое значение этого слова: высокопоставленный служилый человек, получивший чин боярина. Однако термином «все бояре» обозначали и тех членов Боярской думы, которые имели чины пони-

же — окольничего и думного дворянина[63]. В этом значении слова боярин никогда не был самостоятелен: он был всегда чьим-то вольным слугой. Словосочетание «боярин наш» систематически употребляется в актах[64]. Впрочем, таких бояр было совсем немного. В период удельной раздробленности княжеские думы состояли из трех-четырех бояр.

Боярская дума единого государства была первоначально также весьма невелика: число бояр в ней не достигало десяти человек. К моменту вступления на престол Василия III (1505 г.) в ней было всего пять бояр и пять окольничих. В начале 60-х годов XVI в. на какой-то момент состав Думы резко увеличился — до 42—44 бояр и 16—18 окольничих, но к концу царствования Ивана Грозного сократился до 12 бояр, 6 окольничих и 7 думных дворян[65]. Даже если прибавить к составу Думы некоторое количество митрополичьих и новгородских архиепископских бояр, то все равно несколько десятков человек не может составить социальной группы.

Но одновременно существовало и другое, более широкое значение термина «боярин»: боярином именовался любой вотчинник. В Судебнике 1497 г. в ст. 63 «О землях суд» читаем: «А взыщет боярин на боярине...»; та же формулировка повторена в аналогичной ст. 84 Судебника 1550 г.[66] В актах, в делах по спорам черных крестьян с вотчинниками нередко встречаются обвинения в попытках «обоярить» государеву землю. Но это второе значение термина слишком широко для определения общественной группы, ибо число вотчинников было весьма велико и большинство из них вовсе не принадлежало к знатным родам. Именно из этого последнего значения слова «боярин» родилось впоследствии общее обозначение дворянина-землевладельца — барин.

В междукняжеских соглашениях XV в. наряду с боярами упоминались «слуги вольные». Этот термин, видимо, обозначал вассально зависимых вотчинников, не имевших боярского чина.

Термин «дворянин», как показал А. А. Зимин, проделал сложную эволюцию и в разные периоды имел совершенно разные значения. До середины XV в. (иногда вплоть до 70-х годов) дворянами называли мелких судебно-административных слуг князей. После перерыва, когда это слово практически не употреблялось, оно получает новую жизнь в 30-х годах XVI в. Дело в том, что

в середине XV в. складывается «государев Двор» — корпорация государевых служилых людей, откуда, по точному определению А. А. Зимина, «брались кадры для замещения важнейших административных должностей, а также наиболее видные русские военачальники»[67].

В течение всего XVI в. идет постепенное увеличение численности Двора и возрастание его роли. Люди, входящие в состав Двора, с середины XVI в. стали называться дворянами. Таким образом, в XVI в. дворяне — это уже не рядовые феодалы, а верхушка служилых людей. Знатные аристократы, не получившие боярского чина, именовались дворянами. Так, среди участников Земского собора 1566 г. дворянами названы многие из князей Шуйских, Оболенских и т. д.[68]

Основная же масса служилых людей именовалась детьми боярскими. Этот термин встречается в источниках начиная с 30-х годов XV в.[69] Вероятно, первоначально детьми боярскими называли отпрысков боярских родов, не достигших чина боярина. Впоследствии так стали называть всех служилых людей, причем дворян тоже иногда именовали детьми боярскими, но дворовыми. Вполне возможно, что со временем сам термин был переосмыслен. Дети боярские — это как бы младшие бояре.

Работая над книгой и думая о ее будущем читателе, автор рассчитывал не только на специалиста по истории средневековой России: ведь в наши дни люди самых разных профессий стремятся лучше знать отечественную историю, не говоря уже о том, что и историки, изучающие иные периоды и другие страны, могут заинтересоваться проблемами, о которых здесь идет речь. Для читателей-неспециалистов и предназначены пояснительные заметки, которые, как надеется автор, помогут восприятию сюжетов этой книги.

Книга не могла бы быть написана, если бы не помощь и поддержка коллег и друзей. Трудно назвать всех, к кому автор испытывает чувство искренней признательности. Ценными советами и участием в обсуждениях работы в целом или ее отдельных разделов помогли автору Г. В. Абрамович, Ю. Г. Алексеев, Д. Н. Альшиц, А. Д. Горский, И. Г. Добродомов, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, А. И. Копанев, Е. Н. Кушева, Я. С. Лурье, А. Г. Маньков, Н. Н. Масленникова, Н. Е. Носов, Н. И. Павленко, А. П. Павлов, В. М. Па-

неях, Г. А. Победимова, А. А. Севастьянова, Л. А. Фридман, А. Л. Хорошкевич, А. Л. Шапиро, Е. Н. Швейковская, В. Л. Янин и др. С особым чувством автор вспоминает своих учителей, которым уже не прочитать слова благодарности, — С. В. Бахрушина, Д. С. Бабурина, В. Н. Бочкарева, А. Ф. Родина, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и своего Учителя А. А. Зимина. Многое в этой книге навеяно его работами и общением с этим замечательным человеком. Светлой памяти Александра Александровича Зимина посвящает автор свой труд.

ГЛАВА I

ОТ ОБЩИНЫ К ВОТЧИНЕ

Начнем ab ovo...
А. С. Пушкин

Как земля общинная, «ничья», «божья» попадает в частную собственность? Когда и каким путем возникает боярская вотчина? Вряд ли даже в отдаленном будущем будет раскрыта до конца эта тайна феодального «первоначального накопления». В источниках исследователь застает земельную собственность уже сложившейся: ведь сведения о ней он извлекает в основном из актов, фиксирующих куплю-продажу и дарение вотчин. Именно акт доносит до нас известие о том, что некто купил у другого лица село. Но откуда село попало к продавцу? На этот вопрос акт не может дать ответа.

И все же если не решить эту проблему, то хотя бы сделать попытку добраться до корней становления феодальной земельной собственности необходимо, ибо именно здесь истоки тех явлений, которые предстоит изучать в следующих главах. Автор не надеется отыскать окончательное решение, а попробует поделиться своими наблюдениями и высказать некоторые гипотезы по этому вопросу.

Разумеется, первыми возникают княжеские земельные владения — «села»[1], но сразу ли вслед за ними появляются боярские?

Когда знакомишься с собранными воедино в фундаментальных публикациях актами феодального землевладения Северо-Восточной Руси, бросается в глаза одна особенность: за первую половину XIV в. их почти нет. Только три жалованные грамоты дошли до нас, да и то одна — в списке XIX в., а две другие — в пересказе[2]. От этого времени вовсе не сохранилось частных актов, да и относящихся ко второй половине XIV в. дошло совсем мало. Лишь три частных акта: одну купчую и две данные (к тому же одна из них вызывает споры — не подложна ли она[3]) — можно уверенно датировать концом XIV в.[4] Есть еще 50 грамот, время составления которых устанавливается по упоминаниям в них тех или иных лиц, обычно — настоятелей монастырей[5]. Эти датировки очень широки (например, 1392—1427 гг.). Ра-

зумеется, к концу XIV в. относится какая-то часть этих актов, но вряд ли особенно большая.

В чем дело? Акты старше конца XIV в. не сохранились или не существовали? Здесь предмет давнего научного спора. С. Н. Валк пришел к выводу, что частные акты на Руси возникли сравнительно поздно — не раньше второй половины XIV в. (в Центре). Ему резко возражал М. Н. Тихомиров, датировавший появление частного акта XI—XII вв.[6] Спор продолжается и сегодня.

С поддержкой взглядов М. Н. Тихомирова выступил М. Б. Свердлов[7], но его аргументация недостаточно последовательна и убедительна. Свердлов считает, что делить акты на публичные и частные неверно из-за того, что грань между ними слишком зыбка, а затем древность частных актов доказывает существованием публичных. Но отрицать деление актов на публичные и частные все же неправомерно. Конечно, живая действительность никогда не укладывается в схему полностью, всегда существуют явления пограничные, сочетающие черты разных классификационных категорий. И тем не менее исследователь классифицирует изучаемые явления, выделяя их главные признаки.

М. Б. Свердлов признает господство на ранних этапах устных сделок и лишь дает им странное название «устных актов», причем специально отмечает «длительное сосуществование» письменного и «устного» актов. Но тем самым подменяется предмет спора: ведь никто не отрицает, что появлению письменного акта предшествовали устные сделки. Точку же зрения С. Н. Валка в недавнее время поддержали С. М. Каштанов, Ю. Г. Алексеев и В. М. Панеях[8]. Наконец, Г. В. Семенченко, скрупулезно изучивший духовную митрополита Алексея (около 1377 г.), также пришел к выводу, что в Северо-Восточной Руси частный акт возникает (или, быть может, возрождается) лишь в середине XIV в.[9]

В том, что С. Н. Валк ближе к истине, меня убеждают помимо аргументов других авторов и свои наблюдения над актами рубежа XIV—XV вв. Они напоминают скорее памятные записки, из которых потом разовьются акты, чем сложившиеся документы. В них нет еще четкой схемы построения, формуляра: редко указывается, где расположена земля, которая стала объектом сделки; не всегда названы свидетели, имена которых позднее включались в акт совершенно обязательно. По-разному дается в ранних актах и обозначение границ. Нет там формулы, предусматривающей, что род-

ственники продавца или дарителя не могут выступать с притязаниями на землю или должны уплатить определенный выкуп. Наконец, сами эти акты весьма невелики. В печатном издании, снабженные реальным и текстологическим комментарием, они выглядят достаточно солидно, но в натуре это небольшие клочки пергамена. Самый большой из актов написан на кусочке пергамена размером 11 на 27 см[10], а большинство — высотой 5—6 см, длиной 14—16 см.

Есть и еще одно соображение. За единственным исключением[11], среди дошедших актов вовсе нет сделок между светскими феодалами (а впоследствии их немало), они лишь оформляют отношения между монастырями и светскими землевладельцами. Вероятно, только монастыри и требовали закрепления на письме своих сделок. До второй же половины XIV в. монастыри Северо-Восточной Руси не были крупными земельными собственниками. Они жили не по «общежительному», а по «келиотскому» уставу. Монастырь состоял из нескольких обособленных келий, монахи сходились лишь для молитвы, еда же и хозяйство у каждого были свои. Во второй половине XIV в. знаменитый основатель Троице-Сергиева монастыря Сергий Радонежский провел реформу монастырской жизни: монастыри стали общинами с коллективной собственностью. Следовательно, только после этого они получили возможность широко приобретать имущество, в том числе земли[12]. Но раз так, то до реформы Сергия монастыри не могли заключать земельных сделок и создавать актов.

Однако, если до середины XIV в. в Северо-Восточной Руси не было земельных актов, это само по себе не означает, что не было и землевладения. Сделки, как уже отмечалось, заключались и устно[13]. На территории небольшого княжества устные удостоверения соседей могли быть надежнее письменного акта: ведь документ можно и подделать[14].

Поэтому, чтобы выяснить время возникновения феодального землевладения в Северо-Восточной Руси, придется прибегнуть к ретроспекции: надо попытаться установить, раньше какого времени в Волго-Окском междуречье, где шел процесс объединения русских земель, не могло возникнуть землевладение. Вероятно, оно должно было здесь появиться позднее, чем в развитом Приднепровье — сердце Древней Руси. Позднее также, чем в Новгородской земле — тоже одной из древнейших частей Руси. А здешняя земля вятичей, соседствовав-

ших с угро-финскими народностями, жившими родо-племенным строем, была еще во времена Владимира Мономаха далекой окраиной Русской земли. Более позднее развитие Северо-Востока по сравнению с Приднепровьем отмечали С. В. Юшков, А. Н. Насонов, В. А. Кучкин. И. В. Дубов также полагает, что лишь в «XI—XII вв. полностью завершается освоение славянами Волго-Окского междуречья»[15].

Таким образом, время возникновения боярского землевладения в более развитых регионах — в Приднепровье и на Северо-Западе — будет, вероятно, нижней границей для Северо-Востока.

Однако нет в науке единой точки зрения и на то, когда в Киевской земле дружинники от сбора дани переходят вместе с князьями к эксплуатации своих вотчин. Так, Б. Д. Греков относил возникновение боярских вотчин на Руси к IX—X вв. Однако М. Н. Тихомиров считал, что Грекову «не удалось полностью доказать наличие боярского землевладения в IX в.», и полагал, что оно зародилось вслед за княжеским в X в. С. В. Юшкова чисто логический анализ приводил к выводу, что «крупное землевладение должно развиваться с момента разложения общины» и что его рост «должен был быть заметен в X в.». Он, впрочем, признавал, что об этом нет сведений в источниках, и добавлял, что «в X в., вероятно, крупное землевладение было не в состоянии выделиться из общины как особый экономический комплекс, как особая «боярщина»»[16]. Тем самым на деле С. В. Юшков отрицал существование в X в. боярских вотчин, ибо крупное землевладение, входящее в состав общины, — явление, которое представить себе на практике невозможно.

К взглядам Б. Д. Грекова близок и Б. А. Рыбаков, писавший в 1949 г., что к началу X в. в Киевской Руси уже прекратил существование «вассалитет без земельных пожалований». В более поздних работах Б. А. Рыбаков не упоминает об изживании «вассалитета без земельных пожалований» и приурочивает свой рассказ о «феодальных замках» к XI—XII вв. Но вместе с тем, описывая по археологическим данным боярскую усадьбу, он на основании сведений о нескольких усадьбах и одном некрополе считает, что «тысячи таких дворов-хором стихийно возникали в VIII—IX вв. по всей Руси». Думается, что эти интересные факты, собранные Б. А. Рыбаковым, все же слишком фрагментарны для такого широкого вывода и столь ранней (VIII в.) датировки.

М. Б. Свердлов говорит о «вотчинной собственности феодалов» также применительно к X—XI вв., не доказывая специально этого положения[17].

А. П. Пьянков относит возникновение боярского землевладения ко времени «еще до начала феодализации». Если учесть, что автор находит феодальные отношения на Руси уже в VIII в., то получается, что крупное землевладение возникло здесь по крайней мере в VII в.[18] Точку зрения А. П. Пьянкова невозможно опровергнуть: читатель не отыщет у него аргументов, а потому и лишен возможности спорить.

Однако в науке выявилась и другая точка зрения на время становления боярского землевладения. Археолог В. В. Седов пришел к выводу, что на Смоленщине феодальные усадьбы возникают лишь на рубеже XI—XII вв. Крайне осторожен в выводах по изучаемой проблеме Л. В. Черепнин. Если в ранней работе он еще примыкал к взглядам Б. Д. Грекова и писал, что в IX—X вв. «продолжался процесс формирования частной феодальной собственности», то в исследованиях 70-х годов он выражал сомнения «в правильности вывода Б. А. Рыбакова, что в X в. институт «вассалитета без ленов» уже изжил себя». Правда, точной датировки возникновения боярской вотчины Черепнин не дал, ограничившись замечанием: «Появились ли у дружинников собственные имения уже в X в., мы сказать твердо не можем. Для второй половины XI в. — это факт бесспорный». Очевидно, ученый все же склонялся к мысли о том, что зарождение землевладения бояр и княжеских слуг относится к XI в., к периоду, «вероятно, значительно раньше» XII в. К XI в. относил складывание феодальной вотчины И. И. Смирнов. И. Я. Фроянов также приходит к выводу, что именно в XI в. в Приднепровье возникло боярское землевладение. К эпохе Пространной Правды, т. е. к XII в., относит развитие боярской вотчины Г. В. Абрамович. В XII в., по мнению Б. А. Тимощука, возникает частное феодальное землевладение на Буковине. О. М. Рапов, не датируя начало процесса, полагает, что «боярское землевладение хорошо прослеживается по летописям для XII — первой половины XIII в.»[19].

На Северо-Западе складывание боярской вотчины, видимо, запаздывало по сравнению с Приднепровьем. В. Л. Янин, тщательно изучив новгородскую феодальную вотчину, пришел к выводу, что «до конца XI в. ни князь, ни бояре в Новгородской земле не были вотчин-

никами», и считает, что боярская вотчина там развилась в XII — середине XIV в.[20]

Иную датировку предлагал Л. В. Черепнин, полагавший, что «сведения о земельной собственности в берестяных грамотах идут с XI—XII вв.». Однако, аргументируя датировку XI в., Черепнин ссылался лишь на одну грамоту, да и то относящуюся не непосредственно к XI в., а к рубежу XI—XII вв. К тому же от грамоты сохранился лишь небольшой фрагмент, а поэтому нельзя с определенностью сказать, о земельной ли собственности идет в ней речь[21].

Итак, раньше XII в. в Северо-Восточной Руси боярские вотчины вряд ли могли появиться. Это нижняя граница. А верхняя? Обратимся к актам. Троице-Сергиев монастырь, когда там игуменом был наследник Сергия Никон (1392—1427), купил у некоего Фомы Паюсова «треть села Микитина Рахмановского, что купил у Олександра Микитина сына Рохманова»[22]. Итак, первым известным владельцем села был Никита Рохманов, по имени которого село и получило свое название. Сын Никиты продал село Фоме Паюсову, а тот — в монастырь. К рубежу XIV—XV вв. у одного села уже успело смениться по меньшей мере три владельца.

Но есть и более ранние сведения. В 1327 г. составлял свою духовную московский князь Иван Калита. Он перечислял в ней с дотошностью рачительного хозяина шубы и драгоценности, серебряную посуду и села. Об одном из сел сказано, что князь его «купил у Афинея»[23]. Мы никогда, должно быть, не узнаем, кем был этот Афиней, но ясно, что во всяком случае он был землевладельцем, причем не самым мелким: ведь ему принадлежало целое село. Получается, что землевладение в Московской земле не могло возникнуть позднее второй половины XIII в.

И все же между верхней и нижней границами остается полтора века — разрыв слишком большой. Прежде чем попытаться его заполнить, обратим внимание на один дефект в наших рассуждениях. Северо-Восточную Русь мы рассматривали как некое целое, а между тем и здесь были значительные региональные различия. Если в районе Ростова славянская колонизация началась довольно рано, то территории западнее Владимира, в том числе Московской земли, осваивались позднее. Здесь, по словам археолога А. А. Юшко, специально изучавшей этот вопрос, «процесс расселения древнерусского населения» идет лишь с начала XII в.[24]

Что же можно узнать о возникновении феодальной вотчины в этих краях из сохранившихся источников, т. е. из литературных памятников и летописей (ведь актов XI—XIII вв. в распоряжении историка нет)?

До нас дошел цикл древнерусских повестей о начале Москвы. Различающиеся по стилю и подробностям, все эти повести единодушны в одном: на месте Москвы стояли села боярина Стефана Ивановича Кучки. Место это понравилось князю Юрию Долгорукому, который убил Кучку и завладел селами, а на их месте основал Москву. В части вариантов автор подчеркивает, что Москва — это «третий Рим», т. е. законная наследница мировых держав — Рима и Византии, и у нее, как и у первых двух, «зачало бысть не без крове же, но по пролитии и по заклании убийств»[25].

Повесть возникла много позже описываемых событий: по мнению М. Н. Тихомирова — в XVI в., а по мнению С. К. Шамбинаго и М. А. Салминой — в XVII в.[26] Тихомиров полагал, что в Повести тем не менее отразились реальные факты. Он обратил внимание на то, что в XIII в. Москву иногда называли Кучковым, а урочище Кучково поле существовало в Москве и позднее. Наконец, в летописных сообщениях об убийстве сына Юрия Долгорукого — Андрея Боголюбского упоминаются сын и зять некоего Кучки. Отсюда ученый сделал вывод, что в Повести сохранился «отзвук какого-то действительного события»[27]. Тогда выходит, что в Московской земле в середине XII в. уже существовали боярские вотчины, причем принадлежавшие не людям князя, а независимым владельцам. Но как бы ни было соблазнительно видеть в Кучке одного из местных вятичских или мерянских родо-племенных старейшин, превратившегося в боярина-землевладельца, в феодала[28], фактов, приведенных М. Н. Тихомировым, для этого недостаточно.

В самом деле, автору XVI—XVII вв. не хуже, чем современному историку, были известны и Кучково поле в Москве, и именование Москвы Кучковым, и летописное известие об убийстве Андрея Боголюбского. На этой основе ему было нетрудно создать свой рассказ, столь удачно иллюстрирующий основной тезис — о крови, лежащей в основании столицы. Кстати, и А. А. Юшко считает, что в XII в. расселение в Подмосковье шло, «по-видимому, без участия феодалов»[29].

Может создаться впечатление, что боярское землевладение в Московской земле складывалось только

после Батыева нашествия, во второй половине XIII в. XIV век считает временем формирования феодального землевладения в районе Радонежа С. З. Чернов, скрупулезно исследовавший этот вопрос по данным не только письменных, но и археологических источников[30]. Впечатление это усиливается, когда знакомишься с родословными книгами XVI в., в которых зафиксирован состав московского боярства. Все те роды, у которых указаны предки, жившие до нашествия Батыя, либо княжеские, либо пришлые. Боярство Московской земли и даже (за редкими исключениями) Северо-Восточной Руси до второй половины XIII в. из этих книг неизвестно.

И все же, вероятно, это впечатление обманчиво. Дело в том, что Батыево нашествие было страшным ударом не только для всей Русской земли, но и для ее феодалов. Более того, они пострадали, вероятно, значительно сильнее крестьян. Ведь феодалы — это прежде всего профессиональные воины, дружинники. Во многих селах, запрятанных в непроходимых лесах, вражеская конница могла и не побывать. Да и свои основные удары Батый, естественно, обрушивал на города: там было что грабить. И обороняли их горожане вместе с дружинниками. В полевых сражениях кроме народных ополчений (разумеется, они нисколько не напоминали по численности армии времен всеобщих мобилизаций) участвовали дружинники, игравшие главную роль. Они и гибли первыми. Очевидно, в ходе нашествия была физически истреблена основная масса феодалов-землевладельцев. На социальный регресс в результате нашествия уже обращали внимание[31]. Возможно, он коснулся и становления вотчины. Процесс возникновения боярского землевладения начинался заново в разоренной неприятелем стране.

Во Владимирской и Ростовской землях боярские села известны с середины XII в. Так, в то время уже были владения у ростово-суздальских, а потом московских тысяцких (тысяцкий — наследственная должность главы городского ополчения) Протасьевичей. С середины XII в. и летописи упоминают села бояр. Так, в Лаврентьевской летописи под 6677 (1169) г. рассказывается о злоупотреблениях во Владимирской земле епископа «Феодорца»: «Много бо пострадаша человеци от него в держаньи его: и *сел* (курсив мой. — *В. К.*) изнебывши, и оружья, и конь». В сообщении 6685 (1177) г. читаем, что рязанский князь Глеб Ростиславич около Вла-

димира «села пожже боярьская». Как выяснил А. Н. Насонов, эти известия восходят к древнему владимирскому летописанию и написаны по свежим следам[32].

Вместе с тем данных о боярских селах в Северо-Восточной Руси до середины XII в. не сохранилось. Отсюда можно предполагать, что боярская вотчина в Северо-Восточной Руси начала возникать: в Ростовской и Владимирской землях — в середине — второй половине XII в., а западнее Владимира — несколько позднее. Этот процесс, искусственно прерванный в 30-х годах XIII в. вражеским нашествием и гибелью первых вотчинников, начался в значительной степени заново уже во второй половине XIII в. Во всяком случае XIV век уже знает боярские вотчины.

Разумеется, эти вотчины были крайне немногочисленны, своего рода островки в море крестьянских общин. Даже значительно позже — во второй половине XV в. — в Северо-Восточной Руси преобладали земли черных крестьян. Их общины именовались «волостями», а потому и самих крестьян часто называли «волостными». Вопрос о социальной природе их дискуссионен в современной науке.

Ряд исследователей (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский и др.) говорят о существовании на Руси в XV в. государственного феодализма, а черных крестьян считают феодально зависимыми, но не от частных собственников, а от феодального государства в целом. Дань и другие налоги, которые эти крестьяне платили князьям, рассматриваются как форма феодальной ренты[33].

С точки зрения других исследователей (И. И. Смирнов, Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Н. Е. Носов и др.), черные крестьяне — это свободное население, не втянутое еще в систему феодальной эксплуатации. Черные земли — полная собственность крестьянских общин, а дань — простое налоговое обложение[34].

Наконец, А. Л. Шапиро, исходя из расщепленного характера собственности на землю в феодальную эпоху, высказал мнение, что черные крестьяне были как бы сособственниками своих земель наряду с государством. Эту точку зрения в дальнейшем развивали вместе с А. Л. Шапиро Д. И. Раскин и И. Я. Фроянов[35].

Спор, продолжающийся уже около четверти века, вряд ли близок к завершению. Хотя участники дискуссии в ряде глубоких и интересных работ исследовали самые разные стороны жизни черного крестьянства средневековья и мы стали гораздо богаче знаниями об

этой наиболее обширной группе трудящихся масс России XIV—XV вв., позиции спорящих сторон почти не сблизились. Ныне все чаще спор идет не о том, как жилось черным крестьянам, каковы были их реальные права, а о том, в каких терминах современной науки можно определить их положение. Это делает саму дискуссию все менее плодотворной. Впрочем, для целей настоящего исследования почти безразлично, в какой классификационной ячейке окажутся черносошные крестьяне. Важно лишь то, с чем согласны все спорящие стороны: положение этих крестьян было легче, чем частновладельческих.

Складывающиеся боярские вотчины были первоначально невелики. Вероятнее всего, они служили для княжеских вассалов и слуг своеобразными небольшими «подсобными хозяйствами»: в условиях господства натурального хозяйства для феодала было в равной степени не нужно производство сельскохозяйственных продуктов на рынок и необходимо личное село, избавлявшее от закупок зерна и мяса, масла и молока. Повседневный, да отчасти и праздничный стол феодала XIII—XIV вв. должен был поневоле сам себя обеспечивать; лишь заморские деликатесы и виноградные вина представляли здесь покупную провизию. Первоначально более крупная вотчина просто была не нужна.

Но и вотчины, и крестьянские общины не составляли еще картины сплошь заселенной страны. Нашему современнику, попавшему в Россию XIII—XIV вв., а то и попозже, показалось бы, что он очутился в таежном краю. Блестящий знаток средневековой Руси М. Н. Тихомиров замечал, что в XIV—XV вв. естественными рубежами «служили громадные леса и топи, создававшие препятствия для общения отдельных земель между собой»[36].

К XVI в. лесов поубавилось. Посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России дважды, в 1517 и 1526 гг., обратил внимание на множество пней больших деревьев, показывавших, что «вся страна еще не так давно была очень лесистой». Но все же и тогда лесов было еще поразительно много. Альберто Кампензе, писавший в 20-х годах XVI в., отмечал, что охране границ помогают «обширные леса и болота, которые, заграждая повсюду сообщения, вынуждают каждого держаться больших дорог». И даже более поздний автор, французский ландскнехт капитан Маржерет, служивший при Борисе Годунове и Лже-

дмитрии I, писал: «Россия очень обширная страна, полная больших лесов в самых населенных местах»[37].

Насколько же больше было лесов несколькими веками раньше! В летописях зарегистрирован неожиданно комический эпизод междукняжеских усобиц, когда в районе Москвы войска двух враждующих князей не смогли встретиться для битвы: «минустася в лесех». Густые леса с «бортями» — дуплами диких пчел, с поселениями великокняжеских охотников покрывали даже значительную часть территории нынешней Москвы[38].

Конечно, лес был другом крестьянина. Он доставлял тепло и жилье, обувь (лыко для лаптей) и еду. Но от него же надо было шаг за шагом, с невероятным трудом отвоевывать пашню. Развитие феодального землевладения нельзя понять вне учета того, что возможности внутренней колонизации были далеко еще не исчерпаны.

Ценилась не просто земля, а «роспашь»— земля, уже освобожденная от леса и распаханная, к которой уже были приложены рабочие руки. На землю, которую не пахали хотя бы несколько лет, снова наступал лес. Она зарастала «кустарем», а затем и «лесом-рощей в бревно, в кол и в жердь». И опять приходилось вырубать деревья, сжигать их, корчевать пни и поднимать сохой целину. Именно поэтому феодалы и крестьяне вели борьбу не столько за землю, сколько за пашню.

Итак, в XIV в. уже существовало некоторое, хотя и небольшое, количество боярских вотчин. Но как происходило их возникновение? Этот вопрос еще сложнее, чем проблема хронологических рамок процесса, он еще менее поддается однозначному решению. Ведь пути превращения общинной земли в частную собственность могут быть различными. Один из них — «снизу». Более состоятельный общинник превращает свой надел в собственность, говоря языком западноевропейского средневековья, — в аллод. Наиболее богатые из числа крестьян-аллодистов начинают эксплуатировать других крестьян и превращаются постепенно в мелких вотчинников.

Именно этот путь считает основным Ю. Г. Алексеев. Он пишет, что «внутреннее разложение волости в силу причин социально-экономического характера, приводящих к ослаблению и распаду общинных связей, ведет к образованию мелкой вотчины общинника-аллодиста». Мелкая же вотчина для Алексеева — «одна из форм и факторов феодализации»; «развиваясь внутри

волости, — пишет Алексеев, — мелкая вотчина вносила в волость чуждую и опасную для нее струю». Правда, Алексеев считает возможным и другой путь развития вотчинной системы — «сверху». Он признает, что боярские вотчины XIV в. «образовывались путем пожалования великим князем части территории уезда (стана, волости)», а в другом месте говорит, что появление в волости «условного владения княжого слуги отражает процесс феодализации «сверху»». Но путь «снизу» для него все же основной. Ю. Г. Алексеева поддержал и Л. В. Черепнин.

При всей стройности этой концепции она, с моей точки зрения, страдает одним серьезным недостатком: в ее основании лежат не столько факты, сколько цепочка логических умозаключений. И Ю. Г. Алексеев, и Л. В. Черепнин, серьезные и осторожные ученые, признают, что источники не подтверждают их выводов. Так, Алексеев пишет о мелкой вотчине: «Наш актовый материал сохранил только слабые следы этого социального явления, которое, возникая повсеместно и повседневно, делало свое дело, способствуя распространению и развитию феодальных отношений». Но если в актах (а лишь на этот источник опирается Алексеев) сохранились только «слабые следы», то откуда известно, что мелкая вотчина возникала «повсеместно и повседневно»?

Уязвимы и построения Л. В. Черепнина. По его словам, «к XV в., по которому мы главным образом располагаем источниками, процесс феодализации сделал уже значительные шаги, и поэтому искать крестьянские аллоды приходится не в чистом виде, а в весьма трансформированной форме». Но если источников нет (ведь Черепнин не привел даже отрывочных данных XIV в. о крестьянских аллодах), то как ученый устанавливает, что этот чистый вид был? Далее Черепнин пишет о мелких белозерских вотчинниках и замечает: «У нас нет достаточного материала для того, чтобы судить об их происхождении. Но, вероятно, некоторые из них были выходцами из черных крестьян». Но ведь отсутствие «достаточного материала» делает шатким само предположение. Впрочем, и Черепнин видел не только этот путь складывания вотчины, но и другой — «сверху», когда высказывал предположение, что землевладение могло вырастать из пожалования права на сбор дани, а в дальнейшем «права эти дробились, а те, кто их получал (вотчинники-кормленщики или просто кормленщики),

образовывали разветвленную иерархию земельных собственников»[39].

Для Северо-Запада В. Л. Янин видит на основе изучения источников лишь один путь развития вотчины — «сверху»: земельные владения феодалов в Новгородской земле складывались либо путем покупки земли у общины на средства, полученные от неземледельческих доходов, либо путем государственного пожалования. Для Новгорода была характерна и мелкая небоярская вотчина; ее владельцы получили впоследствии название «своеземцев». В. Л. Янин пришел к выводу, что своеземческие вотчины возникли не из крестьянских аллодов, а путем дробления более крупных вотчин[40].

Итак, реконструируются два пути создания боярских вотчин: выделение вотчинников из общинников через крестьянский аллод и княжеское (для Новгорода — вечевое) пожалование или покупка земли у общины. Если первый путь восстанавливается по сути дела только логически, то второй (по крайней мере в Новгородской земле) прослеживается по источникам. Впрочем, не только в Новгородской земле. До нас дошло множество княжеских и великокняжеских грамот XIV—XV вв., которыми они жалуют земли монастырям. Именно этим путем создавалось первоначально большинство монастырских вотчин, дарения же и покупки у бояр и других служилых людей только увеличивали богатства обителей. У нас нет реальных оснований считать, что путь возникновения монастырской вотчины принципиально отличается от пути возникновения светской. С. З. Чернов также пришел к выводу, что вотчины в Московской земле возникли в результате раздач Ивана Калиты и его ближайших преемников[41].

Разумеется, вполне возможно, что часть вотчин, в особенности мелких, могла образоваться из крестьянских аллодов. Но все же основным путем создания крупного вотчинного землевладения в Северо-Восточной Руси, как и в Новгородской земле, было княжеское пожалование (покупки общинной земли на Северо-Востоке не прослеживаются). С. В. Юшков видел в этом даже одну из основных особенностей процесса феодализации Северо-Восточной Руси. Такой вывод отнюдь не противоречит и методологическим указаниям классиков марксизма. Так, Ф. Энгельс в своем труде «Франкский период» рассматривал раздачу королями земельных фондов как один из путей образования земельной собственности[42].

Вопрос о путях становления вотчины не праздный. От его решения зависит немало в наших представлениях об особенностях взаимоотношений между князьями и другими феодалами-землевладельцами. С. В. Юшков пришел к выводу, что в Северо-Восточной Руси власть князя была сильнее, чем в Приднепровье[43]. Думается, именно развитие здешней вотчины главным образом через княжеское пожалование делало феодалов той территории, где впоследствии сложилось Русское государство, менее тесно связанными с землей и более зависимыми от князя, а затем — и от великого князя всея Руси.

Не случайно именно здесь в XII в. возникло «Моление» Даниила Заточника — подлинный гимн княжеской власти. Обращаясь к князю, Даниил восклицает: «Яви ми зрак лица твоего, яко глас твои сладок и образ твои красен; мед истачають устне твои, и послание твое, яко раи с плодом». Отсюда уже недалеко до формулы времени самодержавного правления — «очи государевы видети». Князя Даниил сравнивает с отцом («князь щедр отець есть слугам многиим») и даже с богом: «птицы небесные» не сеют и не пашут, ибо «уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея»[44].

Как бесконечно далеки эти слова от той картины отношений князя с дружинниками, которая рисуется по «Повести временных лет», киевской летописи XII в. Там князь «думает» с дружинниками о всех государственных делах, без их согласия не начинает ни одного похода. По их требованию он даже готов «исковать» серебряные ложки, ибо «горе» их «головам» есть деревянными. Может быть, дело в том, что автор «Повести временных лет» рисует отношения иной поры? Нет. Ведь летопись — это произведение XII в., в котором отразилась прежде всего система ценностей самого летописца, пусть и представленная через описание прошлого. Отношения Игоря и Владимира с дружинниками для автора «Повести временных лет» совершенно естественны, они в порядке вещей, так же как в порядке вещей для Даниила Заточника принципиально иные отношения князя и его слуг. На далекой периферии Руси, в Ростово-Суздальской земле, князья-пришельцы из Приднепровья, видимо, с самого начала обладали значительно большей властью. А следовательно, в их отношениях с вассалами все чаще проглядывало подданство: дружинники превращались в служилых людей.

На меньшую связь русского феодала XIV—XV вв. с его землей указывают, как отмечал еще С. М. Соловьев, и особенности образования русских феодальных фамилий: подавляющее большинство русских некняжеских боярских и дворянских фамилий патронимично, происходит от имен их предков, а не от названий их владений. Фамилии же французских и немецких феодалов происходят от названий их замков, образуются при помощи предлогов «де» и «фон», а фамилии польских — от названий имений и образуются при помощи форманта *-ски* (аналогичного русскому форманту *-ский, -ской*)[45]. С этой точки зрения с западноевропейскими баронами и польскими магнатами, сопротивлявшимися королевской власти, сопоставимы скорее удельные князья, чем бояре-вотчинники. Сравнительно раннее создание единого государства и характер власти великого князя были во многом запрограммированы уже ролью княжеского пожалования в возникновении земельной собственности.

Может возникнуть возражение (и оно уже было сделано В. Л. Яниным и А. И. Копаневым в ходе устной дискуссии), что связь с дарителем могла через некоторое время забываться и не влиять на дальнейшую позицию вотчинника. С точки зрения логики современного человека, это возражение убедительно. Однако дело обстояло сложнее. А. Я. Гуревич, ссылаясь на датского исследователя В. Гренбека, отмечает, что в раннефеодальной Скандинавии «любой дар налагал на его получателя обязательства по отношению к подарившему», а одáренный «мог оказаться неразрывно связанным с дарителем»[46]. А дети и внуки одаренного, не говоря уже о правнуках? Они что, тоже должны были испытывать особые чувства к правнуку князя, пожаловавшего вотчину их предку?

Как это ни показалось бы парадоксальным современному человеку, в средние века дело должно было обстоять именно так. Ведь тогда роль традиции, или, как говорили на Руси, «старины», была исключительно велика. И преданность князю становилась заветом предка потомкам. Именно в забвении этой традиции обвинял, например, Курбского Иван Грозный: беглый боярин «своих прародителей души погубил», ибо «деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу (в рабство. — *В. К.*), и они, дав свои души, и до своей смерти служили, и вам, своим детям, приказали служити деда нашего детям и внучатом»[47].

Разумеется, вряд ли к княжескому пожалованию можно свести все причины большей по сравнению и с Западной Европой, и с Приднепровьем зависимости русского феодала от своего сюзерена. Но сама эта зависимость несомненна.

Итак, каковы бы ни были пути создания феодальных вотчин в Северо-Восточной Руси, когда бы они ни сложились, но во второй половине XIV в. мы застаем их уже в расцвете. Их развитие в XV—XVI вв. и будет предметом дальнейшего исследования.

ГЛАВА II

В ЕДИНОМ ГОСУДАРСТВЕ

За столом-то сидит Грозный царь
Иван Васильевич,
А кругом-то стола сидят его бояры,
князья пышные.
Ой да, они пьют-то, едят да на
царя-батюшку глядят...
Народная песня

Почти два века понадобилось, чтобы комплекс самостоятельных русских княжеств стал единым государством, но, чем ближе была конечная цель, тем быстрее шел этот процесс. Заключительные и важнейшие его фазы — окончательная ликвидация независимости Суздальско-Нижегородского княжества, присоединение Ярославля и Ростова, Новгорода Великого и Твери — заняли всего четыре десятка лет, время жизни одного поколения. Именно в 40—80-е годы XV в. великое княжество Московское, крупнейшее, но не единственное в стране, превращается в Русское государство, а его князья становятся государями всея Руси[1].

Такая поразительно быстрая для средневековых темпов, почти взрывная перестройка политических отношений в стране в той или иной степени затронула все классы и социальные группы, все стороны жизни русского общества. Но та же быстрота приводила к тому, что старое, связанное с удельными временами, оказывалось живучим и причудливо переплеталось с новым, общегосударственным. Это явление исключительно точно подметил В. И. Ленин, писавший, что в «эпоху московского царства», т. е. в XV—XVI вв., «государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»[2].

Это сочетание политического единства страны и оставшейся в наследство от прошлого красочной разнообразности жизненных укладов и социальных отношений в прежде независимых землях сумели поэтически выразить Барма и Постник, гениальные создатели собора Покрова на Рву (храм Василия Блаженного) в Моск-

ве. Мощный шатер объединяет восемь главок. Ни одна не повторяет другую, но тем не менее они в чем-то неуловимо схожи. Так возникает совершенно необычный комплекс: главки вместе с шатром образуют нерасторжимое целое, но каждый элемент сохраняет свое неповторимое своеобразие.

Да и Русское государство не сразу стало централизованным[3]: наряду с государем всея Руси сохраняли долю своей власти вынужденные подчиниться ему феодальные владыки. Когда Иосиф Волоцкий писал, что Василий III — это «всея Русскии земля государем государь»[4], то он не только стремился максимально польстить могущественному монарху, но и точно фиксировал существовавшее тогда положение: под высокой рукой государя всея Руси властвовали над своими подданными многие другие государи, рангом пониже. Эта расщепленность власти соответствовала характерной для средневекового общества расщепленности собственности на землю, ее иерархичности. Постепенное и последовательное ограничение власти ранее независимых князей, превращение их из вассалов в подданных, а их прав на землю из княжеских в вотчинные — один из путей политической централизации.

Но процесс этот изучен пока недостаточно. Историю княжеств в нашей литературе обычно завершают тогда, когда они стали частью единого государства[5]. Лишь в отношении Тверской и Рязанской земель в исследованиях А. А. Зимина и Б. Н. Флори (впрочем, скорее применительно к местному боярству, чем к князьям) и Ярославского княжества в работе В. С. Шульгина был поставлен вопрос о том, как шло приспособление ранее независимой территории к порядкам единого государства[6]. А. А. Зимин изучил также процесс слияния местных князей с московским боярством в служебном отношении — превращение их в членов Боярской думы, воевод и наместников[7]. В настоящей же главе автор пытается выяснить, как менялся характер землевладельческих прав князей по мере их превращения в великокняжеских вассалов, а затем и подданных, как постепенно их собственность приобретала черты обычной вотчины.

Разными были пути и последствия потери независимости прежних княжеств, разными были и судьбы их владетелей. Нашел в 1485 г. убежище в Великом княжестве Литовском последний великий князь тверской Михайло Борисович. В 1521 г. бежал из Москвы сидевший

там под стражей великий князь рязанский Иван Иванович; после неудачной попытки вернуть себе рязанское княжение и он оказался в Великом княжестве Литовском. Лишь потомки удельных князей Тверской земли (Холмские, Микулинские, Телятевские, Дорогобужские) и Рязанского княжества (Пронские, Елецкие), порой давно отделившиеся от великокняжеских линий, остались на Руси. Но князья других территорий полностью вошли в состав общерусского класса феодалов. Здесь были и подчинившиеся еще в XIV в. Москве белозерские, оболенские и стародубские князья, и потомки суздальско-нижегородских князей — Шуйские, и обильно размножившиеся ярославские и ростовские князья, и потомки черниговских князей — Одоевские, Воротынские, Мосальские, Мезецкие. Разными путями шло у этих родов слияние со старыми вассалами московских великих князей.

Путь для изучения этой проблемы извилист. У нас нет прямых данных для ее решения, а потому приходится прибегать к косвенным данным, к случайным обмолвкам отрывочно сохранившихся источников. Прежде всего это грамоты князей, которыми они дарят свои земли монастырям. Монастыри получали пожертвования от многих феодалов, на склоне лет припоминавших многочисленные и тяжкие грехи и надеявшихся, что молитвы святых старцев спасут их души от адского пламени. Жертвовали государи всея Руси и некрупные вотчинники, удельные князья и бояре.

Но естественно, пожертвования самостоятельного князя и боярина оформлялись документами по-разному. Владетельные князья давали монастырю жалованную грамоту, обычные земельные собственники — простую данную. Эти два вида грамот резко отличались формулярами. «Автор» жалованной грамоты свою землю жалует (и в ней обязательно применяется формула «пожаловал есмь»); «автор» данной — дает (отсюда и соответствующая формула — «дал есмь»). Пожалование — не сделка, и в жалованной грамоте, акте государственной власти, естественно, нет свидетелей, «послухов». Но в грамоте данной они обязательны. Кроме того, в жалованной грамоте князь может даровать монастырю некоторые иммунитетные привилегии: передать настоятелю право суда по определенным, а то и по всем делам, освободить его от части налогов и т. п. Разумеется, чтобы жаловать привилегию, надо иметь право ею распоряжаться. Иными словами, чтобы написать в грамоте

«а ведает и судит анхимандрит свои люди сам»[8], нужно самому иметь право судить этих людей.

Таким образом, по наличию жалованных грамот мы узнаем, что князь сохранил в своих руках ту или иную долю своих суверенных прав, а по характеру иммунитетных пожалований — об объеме этих прав. Мы увидим далее, что существуют и грамоты смешанного типа, сочетающие элементы жалованных и данных. После этих предварительных замечаний можно попытаться проследить, как менялись княжеские права у представителей основных княжеских родов Северо-Восточной Руси.

Наиболее раннее ограничение княжеских прав испытали суздальско-нижегородские князья. Нижний Новгород был присоединен еще в 1392 г., хотя Суздаль и Городец, возможно, еще некоторое время оставались независимыми. Во время кровавой феодальной войны середины XV в. соперник Василия II Темного Дмитрий Шемяка восстановил ненадолго самостоятельность Суздальско-Нижегородского княжества, но уже в конце 1448 — начале 1449 г. старший из суздальских князей — Иван Васильевич окончательно признал свою зависимость от Москвы. Сохранилось «докончание» (соглашение) между Василием II Темным и Иваном Васильевичем[9].

Обычно в междукняжеских докончаниях для обозначения отношений равенства, господства и подчинения употреблялись термины родства («брат старейший», «брат молодший», «имети тебя в отца место» и т. п.). В докончании, о котором идет речь, терминология совсем иная. Великий князь Василий Васильевич не «брат старейший» и даже не «отец» суздальского князя, а «господарь». Слово «господарь» или «государь» в буквальном переводе означало хозяина: так, в Судебнике 1497 г. хозяин сенокосного угодья — пожни именовался «поженным государем». Государем был по отношению к своим людям владелец холопов. Острый дипломатический конфликт разыгрался между Иваном III и Новгородом Великим в 1477—1478 гг. из-за вопроса о том, как новгородцы должны были титуловать великого князя — господином или господарем[10].

Таким образом, суздальский князь становился по этому соглашению вассалом, а то и подданным великого князя. Само княжество выступает уже не как полная собственность князя: «мой удел, моя вотчина... чем мя еси пожаловал» — так называет теперь свои владения

князь Иван Васильевич. И это владение может быть у него отнято, если князь решится «отступить» от своего господаря «к которому вашему недругу». Суздальский князь обязан, согласно докончанию, не просто помогать великому князю, а служить ему: «А где, господине князь велики, мене, князя Ивана, пошлешь, или твой сын, князь велики Иван Васильевич, на свою службу, и мне поити без ослушанья».

Но вместе с тем любой из Шуйских — потомков суздальского князя Ивана — даже в пору зенита их политического могущества, всего век спустя, не мог бы без зависти читать этот документ. Дело не только в том, что отношения великого князя с суздальским вассалом основаны на договоре, соглашении. Великий князь полностью сохранял внутреннюю структуру княжества (он обязуется «под» князем Иваном его удел «блюсти, а не обидети, ни въступатися») и оставлял в ведении суздальского князя право суда по всем делам и сбор налогов («суд и дань... по земле и по воде»). Предполагался и «сместный», т. е. совместный, суд представителей великого князя и его вассала, если дело затрагивало спор между людьми того и другого. Предусматривалась даже возможность, что судьи не придут к соглашению («о чем ся судьи сопрут»), тогда спор должен был решать «третий» — митрополит всея Руси, чья готовность принять сторону великого князя, впрочем, не вызывала сомнений.

Докончание между Василием II и князем Иваном зафиксировало окончательное присоединение Суздальско-Нижегородского княжества к складывающемуся единому государству, и Василий II Темный в своем завещании уже передает Суздаль в числе других городов старшему сыну — Ивану III[11].

В 50-х годах XV в. нормы этого докончания еще действовали. Незадолго до его заключения Василий II дал по душе своего племянника, одного из суздальских князей, Семена Александровича, в Спасо-Евфимьев монастырь и во Владимирский Успенский собор два смежно расположенных суздальских села. Однако когда успенский протопоп обратился к великому князю с просьбой установить межи между этими селами, то Василий II не послал своего человека, а отправил вдове Семена Александровича — княгине Марье грамоту, «чтобы послала боярина, велела отвести Мордашскую землю от Василькова по старине»; межевание и провел по поручению княгини ее боярин Василий Иванович Кокош-

кин[12]. Вероятно, зафиксированное в докончании урегулирование отношений Василия II и суздальских князей произошло в промежутке между пожалованием земель монастырю и собору, когда Василий II распоряжался в Суздале самовластно, и межеванием, когда земельные дела оказались уже в компетенции местной княгини.

Но уже с середины XV в. великокняжеская власть развернула наступление на права суздальских князей. Если около 1445—1446 гг. суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи еще давали тарханную грамоту (тарханные грамоты освобождали от всех или части важнейших налогов) Спасо-Евфимьеву монастырю на села в Суздальской земле, то в 1451 г. тот же монастырь получил тарханную грамоту на земли в Нижегородском княжестве (в Гороховце) от Василия II[13]. А от второй половины XV в. уже не дошла ни одна не только тарханная, но и любая иная жалованная грамота суздальских князей.

Однако, утратив свои княжеские права в Суздальско-Нижегородской земле, эти князья сохранили там свои многочисленные села. Вместе с тем они владели обширными вотчинами и поместьями в большинстве уездов страны, в том числе даже поместьями в родном Суздальском уезде[14].

Несколько дольше сохраняли свои княжеские права ярославские князья. Падение независимости основной территории Ярославского княжества около 1463—1468 гг. лишь завершило длительный процесс. Единственный сын последнего ярославского князя Александра Федоровича — Данило Пенко (родоначальник князей Пенковых) вошел в 1500 г. в качестве боярина в Боярскую думу, участвовал в походах как московский воевода[15] и вместе с тем сохранял часть княжеских прав на окраинные территории Ярославского княжества.

В 1497 г. князь Данило дал Вологодскому Спасо-Каменному монастырю жалованную грамоту взамен утраченных грамот его деда и отца, которой «их (монахов. — *В. К.*) теми землями пожаловал по старине... как было преж сего при моем отце, с лесы, и с пожнями, и с озерскими пожнями, и со всеми угодьи, что к ним исстарины потягло». Из этого текста неясно, относится ли «старина» ко всему объему прав монастыря (включая иммунитетные) или только к границам владения. Во всяком случае существенно, что Д. Пенко употребил термин «пожаловал есмь», характерный для иммунитетных грамот.

Незадолго до того, около 1496 г., Пенко совершил обмен своих земель с тем же монастырем. Меновная грамота составлена по княжескому типу: Пенко «жалует» монастырь. Монастырские деревни определены в меновной так: «Что у них в моей вотчине в Верховье деревни». Итак, эти деревни и тогда, когда находились в собственности монастыря, считались княжеской вотчиной.

Получается, что она включала не только личные села князя, но и находившуюся под его юрисдикцией территорию, на которой были вотчины и других феодалов. Московский боярин Данило Пенко оставался одновременно удельным князем. Сын Данила — Иван даже в 1531/32 г., передавая в Николо-Катромский монастырь деревни в Вологодском уезде, тоже выдал жалованную грамоту. Правда, до нас дошел не сам ее текст, а лишь упоминание в грамоте Ивана IV 1569 г.[16] Но для нас важен сам факт выдачи именно жалованной грамоты через полвека с лишком после присоединения Ярославского княжества к единому государству. Характерно, что все акты Пенковых — непосредственных потомков последнего независимого князя — относятся не к основной территории княжества, а к его вологодской окраине.

Одна из немногих неофициальных летописей конца XV в. — Ермолинская, рассказывая о присоединении Ярославля, сообщает, что ярославские князья «простилися со своими вотчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь велики противу их отчины подавал им волости и села». Однако история Пенковых показывает, что сообщение летописца нельзя трактовать слишком буквально: речь шла не об утрате всех владений, а лишь о конфискации дворцовых земель в центре княжества, ибо на окраине княжеские вотчины сохранились. За центральные земли Пенковы действительно получили возмещение на основной территории Московского великого княжества: уже Александр Данилович Пенков около 1504 г. владел землями в Волнинской и Кистемской волостях Переславского уезда[17].

К концу 30-х годов XVI в. Пенковы потеряли княжеские права и на вологодские земли: данная вдовы Василия Даниловича Пенкова и ее сына Ивана Николо-Катромскому монастырю 1539 г. и утвержденная в 1562 г. духовная И. Д. Пенкова неотличимы по формуляру от обычных боярских актов. В XVI в. основные владения Пенковых оказались далеко за пределами родового вологодского гнезда — в Звенигородском, Ростов-

ском и Переславском уездах. По крайней мере часть этих вотчин была пожалована бывшим владетельным князьям на вотчинном праве взамен утраченных ярославских земель: вотчина И. В. Пенкова в Кнучерском стане Переславского уезда — село Дубровицы — в межевых книгах 1550-х годов именуется «землей царя и великого князя», т. е. термином, которым обозначались кроме поместий лишь жалованные вотчины[18].

У других линий ярославских князей также сохранились некоторые княжеские права. Так, не ранее 1463 г. кн. Федор Романович дал Спасо-Ярославскому монастырю грамоту, причем объект пожалования определен в ней так: «Что въ *моеи вотчине* (курсив мой. — *В. К.*) пустошь святого Спаса». Князь освобождает монастырское владение от основных общегосударственных налогов, от суда своих агентов, упоминает в числе своих должностных лиц волостелей, доводчиков, таможников и т. д. Княжеский характер носит и другая жалованная грамота того же князя тому же монастырю на село в Ярославском уезде[19]. Но в те же годы грамота родного брата Федора Романовича — Семена — составлена уже как обычная данная, а не как жалованная[20]. Не связано ли это в какой-то степени с тем, что в отличие от старшего брата Семен Романович был великокняжеским боярином[21]?

Потомки трех братьев Романовичей — Федора (Алабышевы и Аленкины), Льва (Троекуровы) и Семена (Сисеевы) — владели впоследствии вотчинами как в родовом гнезде, так и в Московском, Костромском и Звенигородском уездах[22].

Сохранял княжеские права и двоюродный брат Романовичей — Данило Васильевич[23].

Окраинной территорией Ярославской земли было Повленско-Юхотское удельное княжество, располагавшееся северо-западнее Ярославля. Дошла выданная около 1480-х годов жалованная грамота здешнего князя Федора Ивановича Спасо-Ярославскому монастырю на пустоши «во своей отчине во Юхоцкой». Судя по этой грамоте, князь Федор собирал в свою пользу дань, но уже нес государеву службу (он не освобождает монастырь от «великовъ князя службы»). «А мы тех людий не судим ни в тадбе с поличным, ни в разбое, ни в душегубстве», — провозглашается в грамоте. Таким образом, князь Федор был в своем небольшом княжестве судьей по всем делам. В 1509/10 г. тот же князь дал тому же монастырю село Неверово. Грамота составле-

на уже не как жалованная, а как данная, даже указаны послухи, но тем не менее из нее видно, что князь по-прежнему сохраняет судебную власть, жалуя архимандрита правом суда «в тадбе с поличным во всяких делех». Смерть бездетных сыновей Федора Ивановича прекратила существование этого удела[24].

У остальных ярославских князей во второй половине XV в. уже нет прежних княжеских прав, хотя многие сохранили вотчины в Ярославском уезде. Какие-то следы заметны лишь у Шехонских. Свою долю в Ярославском княжестве — Усть-Шексну — они продали еще при Василии II Темном его жене Марии Ярославне. Но, вероятно, они расстались лишь с верховными княжескими правами, ибо у некоторых из них сохранились вотчины в этих местах. Самый старший по родословному счету — Василий Юрьевич Адашев-Шехонский, передавая в 1561 г. в Толгский монастырь свое село Новое в Шехонском стане Романовского уезда, даже употребил в данной грамоте архаический термин: «своие отчины и уделя». Вместе с тем в другой данной он же подчеркнул свою зависимость от центральной власти: жертвуя в 1559/60 г. в Александрову Чудову пустынь другую вотчину, по соседству, он включил в поминание не только свой род, но и Ивана IV («чтобы за православнова государя царя и великого князя бога молили, а за государева холопа, за меня в молитвах поминали»), а выкуп села поставил в зависимость от государевой воли. Прочие вотчины В. Ю. Шехонского были также в Пошехонье и даже в Усть-Шехонском стане, т. е. на территории принадлежавшего его предкам удела[25].

Итак, превращение бывших уделов ярославских князей в боярщины растянулось на сравнительно долгий срок — до 30-х годов XVI в., а следы княжеского происхождения их вотчинных прав были заметны даже в 60-х годах. Многие ярославские князья сохранили в Ярославском и в других уездах своего бывшего княжества владельческие права.

Своеобразно сложились отношения на территории Стародубского княжества. Зажатое между территорией собственно Владимирского великого княжения и Суздальско-Нижегородским княжеством, оно было невелико. Название свое оно получило по стольному граду — Стародубу-Ряполовскому, ныне ставшему селом Клязьменский городок в 15—20 км к северо-востоку от г. Коврова, когда-то одного из сел этого княжества. Стародубские князья уже в XIV в. стали вассалами великих

князей владимирских, а следовательно, и московских[26]. Вероятно, тогда еще не успели сложиться устойчивые формы подчинения Москве присоединяемых княжеств, и на протяжении XV в. отношения Москвы и Стародуба были отмечены печатью своеобразной архаики. Иван III, перечисляя в духовной 1504 г. как свои вотчины Тверь, Ярославль и Ростов, умалчивает о Стародубе-Ряполовском. Как выяснил Ю. М. Эскин, потомки стародубских князей и в XVI в. владели большей частью территории своего княжества[27]. Акты стародубских князей XV в. подтверждают, что они в это время продолжали пользоваться княжескими правами.

Древнейшие известные стародубские акты — два варианта данной кн. Федора Андреевича Троице-Сергиеву монастырю — относятся ко времени игуменства Никона, т. е. к 1392—1427 гг. К сожалению, реальная последовательность выдачи этих грамот неизвестна, поэтому первым условно назовем акт, помещенный в издании раньше. Здесь князь называет Алексинский стан (где расположены озера) своим «старейшинством», во втором варианте — «старишим путем». Обе формулы — княжеские, обозначающие удел старшего брата. Но если первый вариант заканчивается именами послухов, то во втором почти те же удостоверители перечислены после слов: «А приходит». С. Б. Веселовский предположил, что эта формула «соответствует выражению грамот тверских и некоторых удельных князей: «а печаловались»»[28]. В актах после слов «А печаловались» обычно следуют имена бояр или княжеских родственников[29]. В самом деле, во втором варианте грамоты Федора Андреевича после слов «А приходит» названы его родственники (сын и «братанич», т. е. племянник) и бояре («да мои бояре»). Таким образом, на рубеже XIV—XV вв. глава рода стародубских князей Федор Андреевич не только выдавал жалованные грамоты, но и имел своих бояр, т. е. обладал всей полнотой государственной власти.

Племянник Федора Семен Иванович Хрипун Ряполовский при игумене Спиридоне (1467—1474 гг.) дал Троице пустошь Тезебино; хотя он не предоставил монастырю никаких иммунитетных привилегий, сама грамота — жалованная. При игуменстве Авраамия (1474—1478 гг.) он дал тому же монастырю деревню «во своем старейшинстве» с освобождением от дани и пошлин и правом суда, «опроче душегубства и татбы с поличным», причем в грамоте упоминались и княжеские наместни-

ки[30]. Следовательно, и в последней четверти XV в., при Иване III, стародубский князь собирал со своей вотчины дань и судил по всем делам, включая «душегубство».

Правда, с именем того же Семена Ивановича связано и несколько актов, составленных по обычному, некняжескому формуляру. Один из них — недатированная грамота на «Новую деревеньку» — отличается поразительной краткостью (в печатном издании — всего две строки). Акт дошел до нас в списке: не был ли это список с памятной записки, а не с самой грамоты? Две меновные грамоты на нивы со Спасо-Евфимьевым монастырем могли быть даны как тем же Семеном Ивановичем Хрипуном, так и его полным тезкой и племянником Семеном Молодым[31].

Данная княгини Алены, вдовы Дмитрия Ивановича, брата Хрипуна, составлена не по-княжески: села находились вне Стародубского княжества и были не родовой собственностью, а приобретением ее мужа[32].

Два акта дошли от ветви стародубских — князей Льяловских. Их родоначальник Константин Федорович около 1451—1464 гг. дал в Спасо-Евфимьев монастырь соляную варницу, освободив монастырских людей от дани и яма и предоставив монастырским властям право суда по всем делам. Его сын Иван в 1478 г. дал аналогичную грамоту Спасо-Ярославскому монастырю, не упоминающую, однако, ям (вероятно, уже перешел в ведение великого князя) и уточняющую, что архимандрит судит и душегубство, и разбой, и татьбу[33]. Так что и князья Льяловские сохраняли в своих руках все государственные налоги и право судить самые тяжкие преступления.

Наконец, к середине XV в. относится меновная двух троюродных братьев из этого рода — Федора Даниловича Пожарского и Михайла Ивановича Голибесовского; князья определяют, кто из них будет платить «пошлины ординские и выход»[34]. Получается, что в это время у стародубских князей сохранялись даже какие-то элементы самостоятельности во внешних сношениях.

Итак, и во второй половине XV в. стародубские князья еще обладали суверенными правами на основной территории своего княжества, но во владениях, приобретенных за его пределами, были в положении обычных вотчинников.

Совершенно по-иному обстояло дело у князей Оболенских. Оболенское княжество — часть бывшего Тарусского — находилось по берегам реки Протвы запад-

нее Серпухова. Бывшая его столица — Оболенск ныне уже давно село Старый Оболенск, которое редко найдешь на географической карте. Как и князья Стародубские, князья Оболенские подчинились Москве еще в XIV в., но к середине XV в. явно потеряли свои княжеские права.

В течение всего XVI и даже в XVII в. князья Оболенские сохраняли обширные владения на территории своего бывшего княжества[35] и вместе с тем имели еще большие вотчины и поместья за его пределами[36]. Но ни одна жалованная грамота Оболенских не зарегистрирована. Единственное упоминание об их правах содержится в судном списке 1496—1498 гг. по тяжбе с Троице-Сергиевым монастырем. На вопрос судьи, почему монастырские власти пропустили срок исковой давности, «молчали» князю Ивану Оболенскому в течение 25 лет, троицкий старец отвечал: «А пристав... к ним в Оболенск государя великого князя не въезжал. А государю... великому князю игумени и старцы бивали челом не одинова. И князь велики... молвит: пождите, управлю вас». На этом основании С. Б. Веселовский и Л. В. Черепнин пришли к выводу, что до конца XV в. Оболенские не были подсудны великому князю, а Оболенск сохранял независимость[37].

Вряд ли так было в действительности. Если бы Оболенск не был подсуден великому князю, то почему бы тогда троицкие власти столь наивно обращались к нему за разрешением спора, а сам великий князь обещал со временем «управить» и советовал лишь «пождать»? Речь, по всей вероятности, идет о распространенной в то время иммунитетной привилегии: феодал подсуден непосредственно великому князю, а его наместники, волостели, приставы и т. п. «не въезжают» к нему «ни по что». А. А. Зимин также считал, что Оболенские не пользовались в XV—XVI вв. суверенными правами[38].

В том же XIV в. потеряло самостоятельность Белозерское княжество. А. И. Копанев, изучивший историю землевладения белозерских князей, установил, что в XVI в. их вотчины в значительной степени перешли в руки крупнейшего местного землевладельца — Кирилло-Белозерского монастыря.

По вероятному предположению В. А. Кучкина, в XIV в. под контроль Москвы перешли лишь земли старшего из белозерских князей. Наместники великого князя, а затем и удельных князей Московского дома

появились в Белозерском крае по крайней мере в конце XIV в.[39] Однако это не означало утраты местными князьями всех суверенных прав.

В актах белозерских князей XV в. уже, правда, нет терминологии, характерной для жалованных грамот, но их собственный весьма обширный иммунитет носил явные следы княжеского происхождения. Князья Карголомские (ветвь белозерских князей) вплоть до 80-х годов XV в., а князья Кемские даже до рубежа XV—XVI вв. продавали и отдавали свои вотчины «с судом и с данию». В купчей кн. Афанасия Давыдовича Фуника Кемского (около 1495—1505 гг.) применительно к его вотчине употреблен даже термин «удел». Белозерские князья в XV в. еще пытались сохранить целостность своей вотчины: в актах Кемских встречается обязательство не отчуждать земель «мимо свою братью» или «мимо своих дядь»[40].

Характер землевладения белозерских князей отразился и в их фамильных прозваниях. Дело в том, что все крупные русские княжеские и боярские фамилии XV—XVI вв. постепенно разветвлялись, а образовывавшиеся ветви получали новые прозвания — либо по именам отцов и дедов, либо (в основном у князей) по названиям владений. Ветви белозерского княжеского рода именовались по уделам (если не считать новых ветвей, отделившихся от первоначальных, как, например, Фуниковы-Кемские): Андомские, Карголомские, Кемские, Ухтомские, Вадбольские, Белосельские, Шелешпанские и т. п.[41]

Однако уже в XV в. великокняжеская власть начала вмешиваться в земельные отношения белозерских князей: около 90-х годов XV в. по грамоте Ивана III был проведен «розвод» земель Кемских, а в 1508 г. тяжбу членов этого рода разбирал боярин Дмитрий Владимирович Овца[42]. Таким образом, в XV в. суверенные права белозерских князей были частично утрачены, но еще не исчезли.

Понять судьбы княжеских прав ростовских князей можно, только изучив не до конца ясную историю освоения Ростовской земли московскими князьями. Сообщения источников на этот счет весьма противоречивы. Известно, что проникновение влияния Москвы в Ростовскую землю началось еще при Иване Калите[43]. Яркая картина лейств московских воевод в Ростовском княжестве сохранилась в Житии Сергия Радонежского, отец которого был ростовским боярином. По сло-

вам автора Жития, тогда «отъяся от них (ростовских князей. — *В. К.*) власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве», а «насилование много» воевод Ивана Калиты привело к тому, что «не мало их от ростовець москвичем имениа своя с нужею (насильно. — *В. К.*) отдаваху». Как справедливо отмечал Л. В. Черепнин, в этом рассказе речь идет о событиях 1327 г.[44]

Давно вошло в научный оборот и известие духовной Ивана Калиты относительно ростовского села, переданного им под условием службы некоему Борису Воркову[45]. Наконец, зятем Ивана Калиты был один из ростовских князей, владевший западной, Борисоглебской половиной княжества, — Константин Васильевич. Аналогичный брак дочери московского князя и белозерского князя Федора Романовича привел к подчинению Москве Белоозера. И все же речь шла еще не о ликвидации самостоятельности Ростовской земли.

В последующие полтора века продолжалось наступление московских князей на Ростов. Территория и без того небольшого княжества уменьшалась, входя по частям в состав великого княжения. Одним из путей проникновения, как и при Иване Калите, была покупка сел, хотя этим и нарушались общепринятые тогда нормы междукняжеских отношений. Так, Дмитрий Донской в духовной 1389 г. завещает два ростовских села. Во всех трех вариантах духовной Василия Дмитриевича упоминаются ростовские села, конфискованные великим князем у своего боярина Федора Свибла[46]. Таким образом, уже во времена Дмитрия Донского не только великие князья, но и московские бояре приобретали села в Ростовской земле.

Значительные изменения в положении этой земли произошли, видимо, при Василии II Темном. Он выдал Троице-Сергиеву монастырю две близкие по тексту жалованные грамоты — на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове. Одна из грамот датируется временем игуменства Зиновия (1432—1445 гг.), вторая же не содержит имени игумена. С. Б. Веселовский считал, что она была выдана «как бы в дополнение к предыдущей для разъяснения порядка смесных судов с ростовскими князьями»[47]. Однако, вероятно, речь идет не о простом разъяснении: при всей текстуальной близости грамоты отражают разные способы управления Ростовской землей, а эта близость облегчает сравнение и делает нагляднее его результаты:

Грамота игумену Зиновию	Грамота без имени игумена
...А наместницы мои ростовские и их тиуни на те люди пристава не дают, ни судят их ни в чем...	...А князи ростовские, ни мои вопчие судьи и их тиуни на те люди пристава не дают, ни судят их ни в чем...
...А лучится суд сместной, и наместницы мои или их тиуни судят...	...А смешаетца суд смесной, и князи ростовские и мои судьи вопчие и их тиуни судят...
...а наместники или их тиуни не вступаютца в монастырского человека...	...князи ростовские и мои вопчие судьи и их тиуни не вступаютца в их человека...

Таким образом, суд великокняжеских наместников, который предусматривался в грамоте игумену Зиновию, в недатированной грамоте последовательно заменяется совместным судом ростовских князей и великокняжеских «вопчих судей». Характерно, что великий князь освобождает монастырь от суда ростовских князей с той же категоричностью, что и от суда своих наместников и судей.

Выше уже цитировалось заключенное Василием II Темным после победы над Шемякой докончание с суздальским князем Иваном Васильевичем, по которому суздальский князь признал Василия II своим «господарем» и сохранял как великокняжеское пожалование свой удел и судебные права. Докончание расширяло права князя по сравнению с предшествовавшей потерей независимости, но сужало их по сравнению с докончанием суздальских князей с Шемякой. Вполне вероятно, что в те же годы, в обстановке еще не закончившейся феодальной войны, великий князь в поисках союзников заменил наместничий суд в Ростове судом местных князей вместе со своими судьями. Если это так, то грамота может быть датирована, как и полагал С. Б. Веселовский, временем около 1446—1448 гг.

При чтении актов 50-х годов XV в. создается впечатление, что Ростов был уже полностью присоединен. В 1450 г. мать Василия II Темного Софья Витовтовна выдает в Ростове жалованную грамоту на троицкие вотчины в Нерехте, а в 1453 г. Василий II дает Троице-Сергиеву монастырю жалованную грамоту на вотчину в Рождественском стане Ростовского уезда[48].

В 1461 г. Василий II завещал Ростов своей жене Марии Ярославне «со всем, что к нему потягло», но с одним ограничением: «А князи ростовские, что ведали при мне, при великом князи, или по тому и деръжат и при моей княгине, а княгини моя у них в то не въступается». По сведениям же летописей, в 1474 г. ростов-

ские князья Владимир Андреевич и Иван Иванович продали Ивану III «половину Ростова». Сопоставление этих текстов традиционно приводило к выводу, что до 1474 г. сохранялась независимость части Ростовского княжества[49]. Но так ли это?

Василий II завещает не часть Ростовской земли, а Ростов «со всем, что к нему потягло». «Князи ростовские» выступают в роли, напоминающей роль суздальского князя по докончанию 1448 г.: московские власти обязуются «не вступаться» в их владения, что подразумевает практическую возможность нарушения прав местных князей. Ростовские князья — уже не полные собственники: они только «ведают» и «держат» свои владения, причем не сами по себе, а лишь «при... великом князи» и «при... княгине». Их держание тем самым соединяется с правами верховной собственности великого князя.

Мы находим здесь, таким образом, описание судебного двоевластия, уже знакомого нам по грамоте Василия II Темного о суде ростовских князей и «вопчих судей».

В этой связи обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Проведенное В. Л. Яниным исследование показало, что к моменту заключения в 1456 г. Яжелбицкого договора между Москвой и Новгородом суверенитет Москвы уже распространялся на некоторые ростовские волости, относившиеся к той Борисоглебской половине княжества, которая была якобы продана Москве лишь в 1474 г.[50]

Но что тогда может означать летописное сообщение о продаже половины Ростова? Что продали ростовские князья в 1474 г.? Чтобы понять это, вспомним, что в русском средневековом праве дробные части владений (половины, трети, четверти и т. п.) далеко не всегда соответствовали реальным географическим единицам. Часто речь шла о том, что владелец доли получал только соответствующую часть доходов. Именно такое положение, по мнению Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова и А. Л. Хорошкевич, было, например, в Москве, делившейся на «трети» между князьями Московского дома[51]. Возможно, и проданную в 1474 г. «половину» Ростова надо рассматривать не географически (не как часть территории), а юридически (как оставшуюся к 1484 г. часть судебной власти). Вероятно, именно этим объясняется, что не зарегистрированы жалованные грамоты ростовских князей.

Впрочем, мало сохранилось и сведений о вотчинах этих князей в родовом гнезде. Известно лишь, что у Приимковых были проданная до 1491 г. московскому боярину Андрею Михайловичу Плещееву родовая вотчина — село Приимково — и сохранившаяся в роду вплоть до XVII в. вотчина — село Гвоздево. Юрий Иванович Темкин владел в Ростовском уезде в 1527/28 г. небольшой вотчиной, а его брат Григорий — там же в середине XVI в. поместьем; у Юрия Ивановича Лобанова-Ростовского тоже была вотчина в Ростовском уезде (в 1562/63 г.)[52].

Вероятно, ростовские князья почти полностью лишились своих родовых вотчин. В межевых книгах ростовских сел Троице-Сергиева монастыря (50-е годы XVI в.) упомянуто около двух десятков соседних землевладельцев, но ростовских князей среди них нет. Нет их и в числе послухов в многочисленных актах Ростовского уезда. Косвенно подтверждают потерю ростовскими князьями и суверенных прав, и родовых вотчин их фамилии: они даны по именам отцов и дедов (Приимковы, Лобановы, Темкины и т. п.), а не образованы от названий вотчин (кроме Пужбальских)[53].

Состав известных по сохранившимся актам ростовских вотчинников свидетельствует о том же: Ростовская земля была потеряна для местных князей. Иной причиной трудно объяснить тот факт, что большинство здешних землевладельцев принадлежало к пришлым родам: Челяднины, Чеботовы, Кутузовы, Ляцкие, Шереметевы, Сабуровы, Морозовы, Головины, а из князей — Глинские, Кемские, Бельские (Гедиминовичи), Пенковы, Булгаковы[54]. Зато за пределами родового гнезда ростовские князья имели многочисленные владения в самых разных уездах[55].

Дольше других сохраняли суверенные права князья земель в верховьях Оки: Одоевские, Воротынские, Трубецкие, Мосальские, Мезецкие. Их небольшие княжества (от одного стольного града до другого было порой 20—30 верст) находились на границе между Русским государством и Великим княжеством Литовским. В течение XIV—XV вв. они служили «на обе стороны» — и литовским, и московским великим князьям. Но и там, и здесь они еще долго оставались вассалами, младшими союзниками, а не подданными. На рубеже XV—XVI вв. они приняли московское подданство, но по-прежнему оставались «служилыми князьями», как называли тогда тех князей, кто стал вассалом великого князя, но со-

хранил свой суверенитет. До середины XVI в. они даже не входили в Боярскую думу. Их владения и княжеские права тщательно изучены[56], поэтому нет надобности останавливаться на них подробно.

Обратим внимание лишь на некоторые существенные детали. Так, Курбский, говоря о казни в 1573 г. Никиты Романовича Одоевского и Михайла Ивановича Воротынского, подчеркивал, что они «были на своих уделех» и имели «околико тысящ почту». «Почет», или «почот», — в Великом княжестве Литовском совокупность военных слуг-шляхтичей на службе у крупного магната[57]. Следовательно, у Одоевских и Воротынских были свои служилые люди.

Действительно, из опубликованных С. Б. Веселовским жалованных грамот князя Александра Ивановича Воротынского 1547 и 1561 гг. видно, что Воротынские не только сохраняли в эти годы право суда по всем делам, вплоть до душегубства, но и держали своих наместников в Одоеве и Перемышле. Оставались суверенные права, видимо, и у Трубецких, продолжавших владеть Трубчевском. Измельчали Мосальские, и трудно сказать, какие из прежних прав у них остались; уже в начале XVI в. некоторые из них оказались на службе у Воротынских. Удельные владетели Мещовска (Мезецка) Мезецкие в конце XV в. лишились своих владений в верховьях Оки, получив в обмен Алексинскую волость в Стародуб-Ряполовском уезде[58].

Ликвидация княжеских привилегий была, таким образом, длительным процессом, растянувшимся примерно на столетие. Шел он разными путями. Одним из них был прямой переход к великому князю прежних княжеских прав. Уже в 1467 г. Иван III дал Спасо-Ярославскому монастырю грамоту на все его владения в Ярославском уезде, а не позднее 1478 г. (возможно, и раньше) — грамоты на перевозы через Волгу и Которосль и на «данного пристава», через которого только и можно было предъявлять иски монастырю. К 1463—1468 гг. относится грамота Ивана III ярославскому наместнику князю Ивану Васильевичу Стриге Оболенскому, запрещающая принимать крестьян из нерехотского села Троице-Сергиева монастыря «в мою отчину в Ярославль». Уже отмечалась тарханная грамота Василия II на территорию Суздальско-Нижегородского княжества; дошли его же жалованные грамоты на села в Суздальском уезде 1448/49 и около 1449—1455 гг., а также грамоты Ивана III 60-х годов XV в.[59]

Но не менее существенным был другой путь. Бывшие удельные князья постепенно входили в Боярскую думу, становились полковыми воеводами, разбирали судебные дела. Эти поручения носили не местный, а общерусский характер. Отсюда возникали и потребность в приобретении вотчин за пределами родового гнезда, и возможность для ее осуществления. Что такие приобретения были реальной необходимостью, видно на примере Оболенских.

В Оболенском уезде, по писцовым книгам 1627—1629 гг., было 20 636 четей пахотной земли в одном поле (включая временно заброшенные земли, «перелог»). Вместе с тем к середине XVI в. Оболенские стали одним из самых многочисленных княжеских родов. Только в Тысячной книге и в Дворовой тетради 1550-х годов, куда не вошли те, кто служил в Старицком уделе или слишком «захудал» по службе, числилось более 70 человек из этого рода[60]. Судя по родословной, в поколении, старшие члены которого начали службу на рубеже XV—XVI вв. (Иван Васильевич Курля и др.), а младшие — в середине XVI в., было около 80 мужчин, а в следующем — около 100[61]. Таким образом, даже без учета земель, вышедших из рода в приданое и в монастыри, на долю каждого из них пришлось бы не более 200 четей (или около 300 десятин). Но это — размер владения среднего служилого человека, и для князей Оболенских, занимавших всегда высокое служебное положение, он явно недостаточен.

Пути новых приобретений были различны. Часто великий князь менял старые удельные земли на вотчины в центральных уездах, как это произошло с Пенковыми, Мезецкими и др. Многие князья приобретали новые вотчины по специальному разрешению правительства. Так, еще в первой половине XV в. князь Дмитрий Александрович Щепа Ростовский купил земли в Бежецком верху. Там же около 1454—1456 гг. Василий II продал вотчину своему боярину кн. Семену Ивановичу Оболенскому, после чего в этом уезде возникли обширные владения Оболенских[62]. Многие князья женились на боярышнях из старых московских родов и получали в приданое новые вотчины. Таким путем к Оболенским перешли вотчины во Владимирском уезде от Черта Курицына, а в Переславском — от Плещеевых и Замыцких[63].

Отпрыски местных княжеских династий нередко шли на службу к удельным князьям Московского дома

и получали или покупали земли в этих княжествах. Именно таково происхождение рузских вотчин князей Голениных (из ростовских), служивших волоцко-рузским князьям. На территории этого же удела находились вотчины породнившихся с волоцко-рузскими князьями тверских удельных князей Холмских. Со службой царю Симеону Касаевичу (получившему в удел Звенигород) связано получение звенигородского поместья князем Данилом Ивановичем Засекиным-Ярославским. Дмитровскому князю Юрию Ивановичу служил другой отпрыск ярославских князей — Давыд Данилович Хромой; и все сведения о его владениях относятся к входившим в удел Юрия Дмитровскому и Звенигородскому уездам [64]. Многие из князей получили поместья в Новгородской и Тверской землях[65].

В результате создавалось своеобразное положение, когда многие из князей совсем не имели вотчин в родовом гнезде или они составляли лишь небольшую часть их владений. Так, вотчина князей Кубенских (из ярославских) — Кубена и Заозерье перешли к московскому великому князю еще при Василии II Темном. Потомки родоначальника их Семена Ивановича были уже московскими боярами и воеводами. У них сохранились два села в Ярославском уезде (т. е. в центральной части княжества, за пределами вошедшей в Белозерский уезд Кубены), но основные вотчины находились уже в других уездах. Вероятно, они — по крайней мере частично — были получены в возмещение за Кубену. Так, одно из сел Дмитровского уезда имело широкий, напоминающий княжеский иммунитет: по грамоте Ивана IV, князь Михайло Иванович Кубенский освобождался от дани и других важных налогов, а при формуле «судит сам» отсутствовало ограничительное «опричь»[66].

Еще показательнее другая ветвь ярославских князей — Хворостинины. Судя по духовной одного из них — Федора Ивановича, у них были обширные вотчины в Бежецком, Боровском, Переславском и Ростовском уездах (интересно, что часть из них завещатель называет «государевым жалованьем» — вероятно, компенсация за утраченные ярославские земли) и поместья в Коломенском, Медынском и Московском уездах. Не было у этих богатейших феодальных магнатов лишь земель в родном княжестве[67].

В результате такого перемешивания старых полуудельных и благоприобретенных владений статус родо-

вых княжеских вотчин постепенно приравнивался к статусу всех прочих вотчин этих князей. Остатки прежних уделов становились обычными боярщинами. Таким образом, централизация государства проявлялась не только в создании новых общегосударственных учреждений или в укреплении самодержавия, но и в постепенном стирании различий между землями, в миграциях и перемешивании феодальной верхушки. По мере слияния княжат со старым нетитулованным боярством (и в землевладении, и по службе) лишь гордыми воспоминаниями становилось их прошлое самостоятельных властителей, а реальностью — политическая, да и материальная зависимость от милостей государя всея Руси.

Даже само слово «князь» изменило свой смысл. Когда-то оно означало только владетеля самостоятельного (или хотя бы полусамостоятельного) княжества, оно было и титулом, и должностью. Князь, перешедший на службу и лишившийся княжества, терял поэтому и титул. Словосочетание «боярин князь», столь распространенное в XVI—XVII вв., было невозможно в XIV, да и в начале XV в. Либо князь, либо боярин! Но с середины XV в. князья начинают входить в Думу, оставаясь князьями. И «князь» из указателя на реальное положение в системе феодальной иерархии превращается в почетный, но по сравнению с чином боярина или окольничего бесполезный титул.

Основой процесса ликвидации особых княжеских прав в землевладении, перехода князей на положение обычных вотчинников и их слияния с боярством был объективный ход развития социальных и политических отношений в едином государстве. Поэтому правительственная политика не могла ни создать, ни отменить этот процесс, но была в состоянии существенно изменить его темп — то подхлестнуть, то притормозить.

В чем состояла эта политика? Ее исследование осложняется тем обстоятельством, что до нас почти не дошли законодательные акты ни XV, ни даже первой половины XVI в. Исключение составляет лишь Судебник 1497 г., но в этом памятнике не так уж много места уделено феодальному землевладению. И все же положение не безнадежно. Остается возможность ретроспективного изучения — через ссылки в последующем законодательстве на предшествующие указы, через реликты старины в самих законах XVI в.

Счастливую возможность для этого дает указ от 11 мая 1551 г. В нем содержатся ссылки на некие

«уложения» Ивана III и Василия III, да и связан он достаточно тесно с нормами права XV, а возможно даже XIV в. Согласно этому указу, или «приговору» (государь «приговорил» с митрополитом и епископами «и со всем собором»), феодалам ряда уездов запрещалось продавать без «доклада» (особого разрешения) свои вотчины «иногородцам», т. е. выходцам из других земель. Приговор также запрещал суздальским, ярославским и стародубским князьям дарить вотчины в монастыри и продавать их «мимо вотчич». Вотчичами в XV—XVI вв. называли тех родственников вотчинника, которые могли со временем стать его наследниками и потому имели право на выкуп родовой собственности. В 1562 и 1572 гг. были приняты новые указы по тем же вопросам, но к их содержанию нам еще предстоит вернуться в ходе дальнейших рассуждений. Пока же главным будет для нас указ 1551 г.[68]

Еще со времен С. М. Соловьева и В. И. Сергеевича господствует мнение, что эти законы ограничивали княжеское и боярское землевладение. Аналогичной точки зрения придерживались С. Ф. Платонов и Н. П. Павлов-Сильванский[69]. В советское время наиболее решительно выразил этот взгляд И. И. Смирнов, писавший, что «приговор 11 мая 1551 г., знаменующий собой начало политики борьбы правительства Ивана IV за ликвидацию экономической основы мощи княжат — их вотчин, наносил первый удар по наиболее мощной группе бывших независимых феодалов-княжат». По Смирнову, приговор был направлен «против всех вотчинников в целом Твери и других перечисленных в нем местностей». В итоге Смирнов приходил к выводу, что все три указа «определили принципиальную линию» земельной политики Ивана IV, «выражавшуюся в стремлении к ликвидации княжеского землевладения». Р. Г. Скрынников попытался дифференцированно рассмотреть приговоры разных лет, но он, как и И. И. Смирнов, считает, что антикняжеская и антибоярская направленность характерны для всех трех указов. Эта же точка зрения отразилась в ряде исследований и обобщающих трудов[70].

Исследователи, считающие все три закона антикняжескими и антибоярскими, исходят из одной презумпции: ограничение права распоряжаться земельной собственностью — новая норма права, направленная против тех, кто владеет этой собственностью. Эта исходная позиция никогда не доказывалась, хотя она

вовсе не очевидна. Впервые с противоположной точкой зрения выступил С. В. Рождественский, обративший внимание, что запрет продажи вотчин в чужие руки скорее охраняет, чем разоряет ту или иную корпорацию. Этот запрет он связал с нормой удельного времени, не разрешающей покупать села в чужом княжении. Причиной заботы правительства о сохранении вотчин в руках рода Рождественский считал стремление в военных целях не выводить землю из службы. Аналогичную позицию занял и В. О. Ключевский[71].

С. Б. Веселовский, говоря о попытках увидеть в этих указах «доказательство «политики» царя Ивана, направленной будто бы против старинного землевладения княжат», со свойственной ему резкостью писал: «Такое понимание этих указов можно объяснить только незнакомством историков, хотя бы в общих чертах, с историей наследственного права, а вдобавок к этому — крайне небрежным чтением памятников». Веселовский впервые поставил вопрос о том, в какой мере эти указы применялись на практике[72]. К сожалению, он не подверг их специальному анализу и не связал с общими направлениями правительственной политики, относя лишь к области наследственного права.

Б. А. Романов о приговоре 1551 г. писал, что в нем *«пока* (курсив Романова. — *В. К.*) не было ничего направленного «против князей и бояр», то есть к подрыву их вотчинного землевладения», и резко противопоставлял этот указ приговору 1562 г. К выводам Б. А. Романова присоединился Н. Е. Носов; он обратил внимание, что почти треть членов Боярской думы, принявшей приговор, составляли представители тех самых княжеских родов, против которых, по мысли многих историков, был направлен этот указ[73].

А. А. Зимин изучал эти указы главным образом в связи с правительственной политикой по отношению к монастырскому землевладению. Приговор 1562 г. он считал направленным против княжат с целью «сужения их суверенных прав на земельные владения». К приговору 1551 г. Зимин вернулся в книге о первой трети XVI в. и отметил, что ни законодательство Василия III (на которое ссылается приговор), ни сам приговор не имели антикняжеской направленности, а, напротив, консолидировали княжеские корпорации. Впрочем, ссылаясь далее на указ 1562 г., Зимин замечал, что уложение Василия III создавало «плацдарм для наступления на них (княжеские корпорации. — *В. К.*)

великокняжеской власти». Этот последний вывод не вытекал из материала работы и противоречил мнению самого Зимина о консервативной направленности «уложения» Василия III. Точку зрения о консервативном характере приговоров 1551 и 1572 гг. высказывали также Б. Н. Флоря и автор этих строк[74].

Вывод об истинности или ложности суждений исследователей можно сделать только на основе анализа текста самих памятников. Начнем с приговора 1551 г. Запрет продавать вотчины иногородцам относится к землевладельцам Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Белоозера и Рязани. Этот перечень уездов выглядит архаично: рядом с Тверью, но отдельно от нее назван Микулин. В период независимости Твери действительно существовало Микулинское удельное княжество, но в XVI в. Микулин был уже станом Тверского уезда, да и в списках служилых людей — в Тысячной книге и Дворовой тетради — нет разделения на тверских и микулинских детей боярских[75].

К Тверской земле примыкал и Торжок. Судьбы этого города и его округи сложны. Он считался совместным владением Новгорода и великого княжения. Однако как будто тверские князья претендовали на него не только в качестве обладателей Владимирского великокняжеского стола: так, в договоре тверского князя Михайла Ярославича с Новгородом (около 1296—1301 гг.) говорится о тех из «давних людии въ Торъжку и въ Волоце», кто «позоровалъ ко Тфери». Глагол «позоровати», вероятно, означал подчинение определенной юрисдикции (к сожалению, эта грамота — пока единственное зарегистрированное употребление этого глагола). Знаменательно, что в договоре идет речь о подчинении не великому княжению, а именно Твери. И все же потеря тверскими князьями великого княжения привела к тому, что Торжок (как и Волок) стал совместным владением Новгорода и Москвы, как традиционной держательницы владимирского княжения. Попытка тверского князя Михайла Александровича посадить в 1375 г. своих наместников в Торжке закончилась неудачей и вынужденным отказом от прав на этот город.

И все же связь Торжка с Тверской землей, укрепляемая географическим соседством, не порвалась. В этом отношении характерны события, связанные с падением независимости Твери. 15 сентября 1485 г. в Тверь торжественно въехали Иван III и его сын Иван

Молодой. Княжич, приходившийся внуком знаменитому тверскому великому князю Борису Александровичу (первой женой Ивана III была дочь Бориса Александровича тверская княжна Мария), стал великим князем тверским. И именно в этом качестве он в том же месяце выдал две жалованные грамоты на принадлежащую Троице-Сергиеву монастырю волость Медну: одну — на «деревни монастырские Меденские в Новоторжьском уезде», а другую — на часть вотчины «во Тверском уезде да в Отъезце». Таким образом, Торжковский (или Новоторжский) уезд воспринимался как часть Тверской земли и находился под юрисдикцией тверского князя.

Однако меньше чем через год, в августе 1486 г., грамоту в Новоторжский уезд выдает сам Иван III, а в своей духовной 1504 г. он перечисляет Торжок в составе не Тверской, а Новгородской земли. Но приключения уезда на этом не кончились. В XVI в. новоторжцы перечисляются то между вязьмичами и бежичанами (а Бежецкий верх, как и Торжок, был объектом спора между Новгородом и Тверью), то между бежичанами и тверичами. Иван IV в духовной упоминает Торжок снова как часть Тверской земли. И наконец, Торжок входит в удел татарского царевича Симеона Бекбулатовича, когда его назначают «великим князем тверским» после того, как он год побыл марионеточным великим князем всея Руси[76].

Как видим, Торжок примыкал большей частью к Тверской земле. В XV в. это было наруку местным землевладельцам: после присоединения Новгорода их не считали новгородцами и они не разделили печальную судьбу новгородских вотчинников, лишившихся всех своих владений. И хотя, как видно из Тысячной книги и Дворовой тетради, в уезде появились новые люди (Сабуровы, Колычевы, Отяевы и др.), состав здешних феодалов оставался сравнительно стабильным. С конца XV в. здесь известны и продолжают упоминаться в дальнейшем Лавровские, Тихменевы, Захеевы, Берновы, Кашкаровы[77].

Может быть, у новоторжских феодалов были какие-то заслуги перед Иваном III? В свое время, в XIV в., они поддержали Новгород против Твери. Не помогли ли они в конце XV в. Ивану III в борьбе с Новгородом?

Итак, Тверская земля представлена в приговоре не только Тверью, но и Микулиным и Торжком. Вместе с Рязанью они составляли недавно присоединенные тер-

ритории. Но Оболенск и Белоозеро подчинились Москве еще в XIV в. Судя по Тысячной книге и Дворовой тетради, в Оболенске в середине XVI в. не было практически других землевладельцев, кроме князей Оболенских. Это подтверждают и оболенские писцовые книги 1627—1629 гг.: все записанные там не принадлежащие Оболенским владения либо находятся в собственности монастырей (даны теми же Оболенскими), либо получены в приданое от Оболенских же, либо розданы в поместья лишь на рубеже XVI—XVII вв.[78] Поэтому запрет передачи иногородцам оболенских вотчин относился реально только к «княжеской» части приговора, но не вошел туда, поскольку Оболенские, как было показано, давно потеряли свои суверенные княжеские права, а большинство их вотчин находилось за пределами родового гнезда.

Своеобразна ситуация в Белоозере. История его присоединения до сих пор вызывает недоумение у исследователей и многочисленные попытки понять смысл темного места в завещании Дмитрия Донского: «А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем... А сына своего, князя Аньдрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером... А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Оуглечим полем»[79].

Загадка состоит в том, что в духовной Ивана Калиты ни Галич, ни Белоозеро, ни Углич не перечислены, поэтому до сих пор не удается установить, какое реальное содержание вкладывается здесь в термин «купля». На этот счет остается строить не столько предположения, сколько догадки. Последняя остроумная попытка решить этот запутанный вопрос принадлежит В. А. Кучкину, предположившему, что Иван Калита купил в Орде ярлыки на эти земли[80].

Других «купель» Ивана Калиты — Галича и Углича — в приговоре нет. Хотя в его «княжеской» части нет белозерских князей, вероятно, законодатель имел здесь в виду всех коренных белозерских вотчинников: ведь в отличие от Оболенских белозерские князья не были в своем краю единственными землевладельцами, хотя и преобладали среди них. В Тысячной книге и Дворовой тетради записаны по Белоозеру 48 человек, из них 37 (77%) были белозерскими князьями. К ним примыкали 8 Монастыревых (включая пятерых Сапоговых — их ветвь), связанных свойством с Белозерским княжеским домом. Из остальных троих к старинному

белозерскому роду принадлежал известный дьяк Мясоед Вислово: в 1535 г. он был белозерским городовым приказчиком, а его отец Семен Висл (или Висло) упоминался в духовной местного феодала Насона Ильина (около 1455—1475 гг.) как получатель в залог его земель. В Дворовой тетради по Белоозеру записан также князь Василий Дмитриев сын Вяземский, но его имя отсутствует в части списков[81]. Неясно происхождение Михайла Васильева сына Узкого.

Вместе с тем в Тысячной книге и Дворовой тетради представлены далеко не все роды белозерских вотчинников. С XV в. известны и продолжают упоминаться в Белозерском уезде в XVI в. как вотчинники и послухи Антонидины, Внуковы, Горбовы, Зайцевы-Маурины, Лихоревы, Окишевы, Стогинины, Трусовы, Фрязины-Васильевы[82]. К первой половине — середине XVI в. относятся сведения о вотчинах Ергольских и Матафтиных[83]. Состав белозерских вотчинников был весьма стабильным: за редкими исключениями (вотчины Ивана Петровича Челяднина-Федорова, полученные его родом в приданое еще в XIV в.[84]), здесь нет пришлых семей. Видимо, запрет продажи вотчин иногородцам действовал в Белозерском крае с момента его присоединения.

Даже в конце XV в. сохранялась некоторая обособленность Белоозера. В 1488 г. Иван III выдал белозерцам жалованную уставную грамоту. В ней Белоозеро систематически противопоставляется другим территориям («...кои гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородцкие земли»; «А хто придет из Московские земли, из Тверские, из Новгородцкие земли» и т. п.) и даже выдача замуж в Московскую или Новгородскую землю рассматривается как уход «за рубеж» и требует уплаты пошлины («выводной куницы») в двойном размере[85].

До нас дошел документ, имеющий черты близости с приговором 1551 г., — жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю 1556 г. Согласно этой грамоте, монастырь получал право приобретать земли повсюду, кроме Новгородской, Псковской, Рязанской, Тверской и Смоленской земель и «опричь князей вотчинных»[86]. В этот перечень входят практически все уезды из приговора 1551 г., кроме Белоозера (что вполне естественно, так как там Кириллов монастырь не был иногородцем): отсутствующий в грамоте Оболенск подпадал под постановление о «князьях вотчинных», а Торжок и Микулин, как было показано, входи-

ли в состав Тверской земли. Но вместе с тем перечень 1556 г. шире: запрет охватывает также Новгородскую, Псковскую и Смоленскую земли. Но эти территории здесь — явный архаизм: ведь в результате экспроприаций в Новгородской и Псковской землях фактически не осталось светского вотчинного землевладения.

Хуже известно положение в Смоленской земле. В присоединенных раньше Смоленска ее частях — Торопецком и Вяземском уездах, как будет показано в следующей главе, полностью обновился состав землевладельцев, причем все новые феодалы были помещиками и не могли продавать свои земли. Можно предположить, что подобная экспроприация была проведена и в самом Смоленском уезде. В самом деле, выходцев оттуда мы находим далеко за пределами Смоленщины. Так, смольняне Пивовы были испомещены в Ярославском уезде, владели вотчинами там же и поместьем в Московском уезде. Иван Дмитриев сын Смольнянин в 1535 г. упоминался как сын боярский на разъезде в Московском уезде. Отрывок из писцовых книг около 1542/43 г. в числе испомещенных в волости Бели в Радонеже Московского уезда называет смольнян Максима Федорова и Анисима[87]. До нас не дошли акты XVI в. по Смоленскому уезду, что типично для районов поместного, а не вотчинного землевладения. Разумеется, судьба Смоленска, попавшего в XVII в. на 40 с лишним лет в состав Речи Посполитой, могла привести к резкому уменьшению числа сохранившихся актов, но не к полному же их исчезновению. Наконец, маловероятно, чтобы московское правительство, выселив псковичей и новгородцев, вязьмичей и торопчан, оставило в приграничном районе не менее подозрительную смоленскую шляхту.

Итак, упоминание в грамоте 1556 г. Новгородской, Псковской и Смоленской земель, где монастырю было совершенно невозможно купить хоть одну четь земли, — дань традиции. Приговор 1551 г., где перечень уездов менее архаичен, не мог послужить источником для грамоты. Вместе с тем связь между ними очевидна. Следовательно, они восходят к общим источникам. Каковы же они?

Известно, что, присоединяя Новгород, Иван III дал обязательство сохранять земли за местными вотчинниками. По обоснованному предположению М. Н. Тихомирова, Новгород получил жалованную грамоту, «подобно той, которая позже была дана Смоленску»[88].

Жалованная грамота Василия III Смоленской земле от 1514 г. включала обязательство охранять вотчины «околничих и князей и бояр и всех людей»[89]. Такие же гарантии были даны в 1493 г. вяземским «князьям и панам»[90]. Правда, впоследствии правительство не сдержало ни одного из этих обещаний. Возможно, именно поэтому упоминание о жалованной грамоте Смоленску, как подметил А. А. Зимин, было исключено из позднейших летописных сводов[91]. Но сейчас для нас важнее знать, что такие грамоты давались.

Вероятно, присоединение любой крупной территории сопровождалось (или даже оформлялось) выдачей документов о соблюдении «старины». Таково, например, отмеченное выше докончание Василия II Темного с суздальским князем. В эти документы могло включаться и запрещение покупки сел в новой земле пришельцами из основной территории великого княжества: ведь запрет покупать села в «чужом княжении» был издавна гарантией целостности и неприкосновенности княжества, а покупка таких сел — средством освоения чужой территории. Недаром, когда в 40-х годах XV в. Дмитрий Шемяка заключил с суздальскими князьями соглашение о восстановлении независимости Суздальского княжества, в нем объявлялись недействительными все «купли» москвичей в Суздальской земле, произведенные в «неверемя» (полоса неудач и невезения) для суздальских князей: «те все купли не в куплю, а те все волости и села нам (суздальским князьям. — *В. К.*)... и нашим бояром»[92].

Итак, вероятно, и грамота 1556 г., и приговор 1551 г. восходят к тем жалованным грамотам, которые московское правительство давало вотчинникам присоединенных территорий. На использование в грамоте 1556 г. «традиции предшествующего законодательства» обращал внимание и А. А. Зимин[93]. При таком предположении становятся понятными и те ссылки на «уложенья» прежних великих князей, которые имеются в тексте приговора. «А что исстари (вариант — из старины) по уложенью великого князя Ивана Васильевича всеа Русии...» — так начинается рассматриваемая здесь его часть. В разных редакциях по-разному звучат ссылки на «уложенья»: то на месте Ивана Васильевича (Ивана III) стоит Василий Иванович (Василий III), то названы они оба. Можно думать, что под «уложеньями» понимались выданные в разное время жалованные и уставные грамоты. Потому-то в разных

редакциях приговора это уложение приписывается разным государям.

Но отсюда следует только один вывод: в приговоре содержатся не ограничения прав вотчинников Твери, Белоозера и Рязани, а их привилегии. Такие запреты считались привилегией и позднее: в 1635 г. по челобитью арзамасских татар русским служилым людям было запрещено покупать у них земли (а татарам соответственно — продавать); в 1636 г. аналогичный запрет был отнесен к Белоозеру[94].

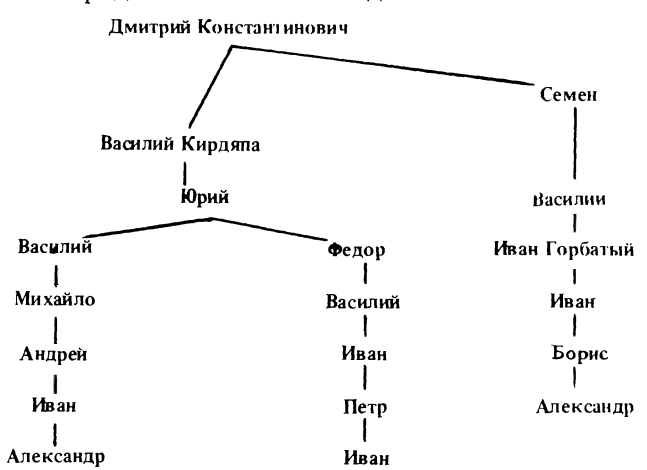
Для понимания «княжеской» части приговора ключевым моментом служит запрет продавать и дарить княжеские вотчины «мимо вотчич». Упоминание вотчичей, родичей, имевших право на родовой выкуп, автоматически исключает из сферы действия закона все неродовые вотчины князей — купли и приданные. Закон относится лишь к родовым вотчинам, к остаткам прежнего удельного землевладения.

Естественно, этот запрет не мог возникнуть до того, как сами князья стали продавать или дарить частным лицам свои вотчины. Самая мысль о такой продаже была в период независимости противоестественной: ведь речь шла бы об отчуждении части государственной территории. Только пожалование монастырям могло осуществляться в тот период: на эти села и деревни князья сохраняли свои суверенные права, они считались, как мы видели, находящимися «в вотчине» князя. Такое положение сохранялось все то время, пока князья удерживали свой, хотя и ограниченный, суверенитет. Только процесс постепенного слияния князей с нетитулованным боярством, о котором уже шла речь, привел к тому, что княжата сами стали рассматривать свои владения как обычные вотчины.

Новое отношение князей к вотчине вступало в противоречие с обычаями удельного времени. Тогда княжество считалось коллективной собственностью всего рода, его же части — уделы (не случайна близость этого термина к слову «доля»!) — находились лишь во владении у отдельных членов рода. Существовала как бы своеобразная княжеская община. Это понимание княжества как вотчины всего рода не только не исчезло, но даже напротив — древность его подкрепляла. Оно становилось привычным, уже не столь идеологическим, сколь психологическим. Даже Иван III в 1504 г. выделял (пусть только в виде раздела доходов) сыновьям не только уделы, но и доли в столице. Это сочетание кол-

лективной, родовой собственности и индивидуального владения укрепляла и характерная для средневековья большая смертность: шансы быть призванными к наследованию имели подчас отдаленные родственники.

Показательна в этом отношении судьба вотчин князей Горбатых (из суздальских). Князь Михайло Васильевич Кислый Горбатый, умирая бездетным, завещал в 1535 г. великому князю свое заволжское село Коряково — вероятно, центр старинной нижегородской волости Корякова слобода в низовьях Унжи, севернее Юрьевца. Однако затем оно оказалось в собственности двоюродного племянника завещателя — Александра Борисовича Горбатого и лишь после его казни в 1565 г. перешло к государю. Иван IV завещает его царевичу Федору вместе с двумя другими конфискованными у А. Б. Горбатого селами — Лопатничами и Горицами. Однако в конце XVI в. оба села оказались в собственности князей Шуйских: Лопатничи — у Ивана Петровича, а Горицы — у Александра Ивановича. Линия рода, к которой принадлежали Горбатые, восходила к суздальскому князю Семену Дмитриевичу, а линия Шуйских — к его старшему брату Василию Кирдяпе, и разделились они, таким образом, еще на рубеже XIV—XV вв. Их родственная связь видна из схемы:



Итак, А. Б. Горбатый и отцы его наследников А. И. и И. П. Шуйских — пятиюродные братья, да и сами Шуйские были всего лишь пятиюродными[95]. И несмотря на столь дальнее родство, они, как видно, могли наследовать друг другу. Тем самым признавались един-

ство всего суздальского княжеского рода и права каждого из его членов на родовые вотчины. Потому-то отчуждение отдельным князем своей вотчины эвентуально нарушало право собственности всех членов рода. Стеснение свободы отдельных князей в праве распоряжаться своими вотчинами тем самым действовало на пользу рода в целом. Кроме того, оно укрепляло существовавшие в конце XV—XVI вв. своеобразные княжеские корпорации.

Дело в том, что в Тысячной книге и Дворовой тетради выделены особые рубрики, включающие князей определенных родов (оболенские, ростовские, ярославские, стародубские, мосальские и суздальские)[96]. Эти княжеские корпорации можно обнаружить и в более ранних документах. Так, в разрядной записи о походе Ивана III в Новгород в 1494/95 г. сопровождающие государя князья записаны в определенном порядке, по родам. Такое же разделение, но уже с заголовками имеется в официальном документе о приеме литовского посольства в Москве в 1542 г.[97] Существенно, что в Тысячной книге и Дворовой тетради некоторые князья записаны не вместе со своими сородичами, а среди служилых людей тех или иных уездов. Получается, что княжеские корпорации объединяли не просто всех князей одного рода, а, как правило, лишь тех, кто сохранил княжеские вотчины в родовом гнезде. Вот эти-то территориально-генеалогические корпорации оказывались более жизнеспособными в результате применения запретов, содержавшихся в указе 1551 г.

Эти запреты практически охватывали все основные княжеские рода Северо-Восточной Руси. Суздальские, ярославские и стародубские князья были включены в приговор 1551 г. непосредственно; тверские, оболенские и белозерские князья, а также потомки рязанских князей — Пронские — в составе уездных корпораций. А. А. Зимин полагал, что «список «служилых князей» в приговоре примерный, а не полный», ибо в приговоре 1562 г. дан более обширный их перечень[98].

Думается, это не совсем так. Вряд ли случаен пропуск в приговоре 1551 г. ростовских князей: как было показано, они почти полностью лишились своих вотчин в Ростовском княжестве и после 1474 г. утратили там свои суверенные права, а большинство местных землевладельцев в XVI в. принадлежало уже к пришлым родам. Корпорация ростовских князей в Тысячной книге и Дворовой тетради, вероятно, носила более традицион-

ный генеалогический, чем территориальный и землевладельческий характер. Собственности, подлежащей защите, у них уже почти не было.

Не упомянуты в приговоре 1551 г. также князья приоцких земель. Полуудельный характер владений Воротынских, Одоевских и Трубецких делал излишним ограничение права продажи. Мосальские, хотя их владения, как уже отмечалось, значительно измельчали, все же, видимо, сохранили некоторые полуудельные права в своем княжестве: не только в Тысячной книге и Дворовой тетради отмечена их корпорация, но и в завещании Ивана IV Мосальские названы среди тех, кто должен был служить Ивану Ивановичу вместе со своими вотчинами (хотя треть Мосальска завещалась царевичу непосредственно)[99]. Борятинские же, вероятно, утратили не только свои княжеские права, но и вотчины. В духовной Ивана III Борятин завещается бежецкому князю Семену Ивановичу как одна из козельских волостей. В Тысячной книге и Дворовой тетради Борятинские записаны по разным городам: как по отдаленным от их родового гнезда (Коломна, Кашира), так и по сравнительно близким к нему (Таруса, Калуга, Боровск), но все же не в своем бывшем уделе, вошедшем в Козельский уезд. Отрывочные сведения о землевладении Борятинских относятся к вотчине в Ярославском уезде, к поместьям в Вяземском, Кашинском, Каширском, Коломенском и Суздальском уездах, а также к какому-то владению (неясно, к поместью или к вотчине) в Тверском уезде[100].

Итак, если Воротынские, Одоевские, Трубецкие и, возможно, Мосальские отсутствовали в приговоре, потому что их владения не успели еще к 1551 г. превратиться в обычные вотчины, то Борятинские — поскольку родовых вотчин уже лишились.

Таким образом, как и в случае с некняжескими вотчинами, приговор носил по отношению к князьям консервативный характер и, вероятно, был основан на обещаниях, полученных ими при утрате независимости. Рассматривать его надо в общем контексте мероприятий Избранной рады — правительственного кружка 50-х годов XVI в. Но само определение направленности политики этого кружка вызывает разногласия. И. И. Смирнов считал его дворянским и антибоярским, С. В. Бахрушин и А. А. Зимин полагали, что речь шла о компромиссе между требованиями бояр и дворян, о непоследовательной защите интересов дворян с уступ-

ками боярству. Последний взгляд разделял и автор этих строк[101].

Однако последующие исследования, особенно принадлежащие перу А. А. Зимина, показали, что прямолинейное противопоставление боярства и дворянства как противников и сторонников централизации не соответствует реальной сложности расстановки политических сил. С этой точки зрения неверно говорить о компромиссе, означающем примирение противоположных позиций. Вернее определить Избранную раду как правительство консолидации господствующего класса. Такая консолидация была особенно необходима в бурной обстановке середины XVI в., после целой серии народных восстаний в Москве и других городах. Ее целью было восстановить работу центрального правительственного аппарата, подорванного острой междоусобной борьбой за власть в 30—40-е годы XVI в.

Вероятно, именно с целью такой консолидации правительство в приговоре 1551 г. торжественно подтвердило привилегии вотчинников ряда уездов и князей. Вместе с тем эти привилегии были пережитками удельного времени, а потому само правительство вряд ли было заинтересовано последовательно проводить их в жизнь. Именно этими причинами могут объясняться многочисленные случаи нарушения этого законодательства, отмеченные С. Б. Веселовским[102].

Но все же приговор 1551 г. не остался на бумаге. А. А. Зимин обратил внимание, что в 50-х годах XVI в. прекратилась покупка земель крупными монастырями. Сохранились и акты, в которых отразились нормы этого указа. Так, в 1557/58 г. Елена Ивановна Малечкина передала тверские вотчины своего покойного мужа Иосифо-Волоколамскому и Троице-Сергиеву монастырям «по государеву жалованью царя и великого князя». В 1559 г. душеприказчики князя Ивана Андреевича Селеховского дали в Троице-Сергиев монастырь тверское село, «доложа» Ивана IV и «по его царьской жаловальной грамоте». В Рязанском уезде в 1554 г. Иван Васильевич Шереметев Меньшой купил у местного землевладельца село, «доложа» боярина князя Федора Андреевича Куракина[103].

«Уложения» Ивана III и Василия III также в какой-то степени применялись. Свидетельство тому — отмеченный уже сравнительно стабильный состав землевладельцев уездов, охваченных этим законодательством. По сохранившимся тверским писцовым книгам середи-

ны XVI в. видно, что духовными феодалами там были в основном местные монастыри; лишь Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри владели в Тверском уезде сравнительно небольшими вотчинами[104].

Проникновение Троицы в Тверскую землю началось еще до ее присоединения к Москве. Около 1410—1427 гг. монастырь купил в Кашинском уделе село Михайловское, а к концу 60-х—70-м годам владел там и селом Пестовым. Выше уже упоминались новоторжские вотчины Троицы. Все владения этого монастыря, кроме нескольких деревень села Медны, оказавшихся в Тверском уезде, находились вне основной территории княжества — в Кашине и Торжке[105].

Тверские владения Иосифо-Волоколамского монастыря возникли на рубеже XV—XVI вв. (причем неясно, до или после присоединения Твери) и затем постепенно расширялись. Но этот монастырь мог рассматриваться в Тверской земле отчасти и как местный феодал. Прежде всего Волоцкий уезд граничил с Тверским, и тверские вотчины монастыря находились как раз в пограничных с Волоком станах Тверского уезда — в Микулинском и Горецком Хорваче. Волоцкий уезд был к тому же не вполне московским: он долго был совместным владением Новгорода и Москвы, да и в церковном отношении даже в XVI в. подчинялся новгородскому архиепископу. Наконец, к Волоцкому княжеству в 1497 г. были присоединены две тверские волости — Буйгород и Колпь[106]. Это обстоятельство также могло способствовать проникновению иосифовских старцев в Тверской уезд.

Есть еще один явный след запрета покупки княжеских вотчин чужеродцами в XV в.: до 1491 г. московский боярин Андрей Михайлович Плещеев смог купить в Ростовском уезде вотчину князя Дмитрия Дмитриевича Приимкова лишь «по государя своего жалованию»[107].

Анализ приговора 1551 г. дает возможность установить, что он был основан на старых привилегиях князей и нетитулованных вотчинников присоединенных уездов и направлен на консервацию пережитков удельной старины. Но вместе с тем в приговоре была одна важная деталь: в уездах нельзя было продавать иногородцам не только родовые вотчины, но и «купли», т. е. купленные вотчины. Тем самым чужаки из «московских городов», сумевшие купить вотчины в присоединенных уездах, как бы вводились в состав корпораций местных феодалов. Мы видели, что как указ 1551 г., так и

послужившие для него источником «уложения» Ивана III и Василия III выполнялись лишь частично: ведь не правительство было заинтересовано в их тщательном и последовательном осуществлении.

Следующий указ — от 15 января 1562 г. — зачастую рассматривали как простое уточнение и развитие норм 1551 г. Так, Р. Г. Скрынников считает, что принятый, «видимо, после бурных дебатов» (хотя никаких источников о дебатах в Боярской думе и их характере не сохранилось) указ 1562 г. отличается от приговора 1551 г. лишь тем, что он «ограничивал крупнейшее княжеско-вотчинное землевладение более последовательно и полно»[108].

Мы уже имели возможность убедиться, что приговор 1551 г. вовсе не ограничивал это землевладение. Но иное дело указ 1562 г. Он резко меняет нормы предшествующего законодательства. Характерно, что в нем нет ссылок не только на «уложения» прежних великих князей, но и на указ самого Ивана IV. Прежде всего в нем резко расширяется круг князей, к которым относятся ограничения в праве распоряжения собственностью: помимо названных в приговоре 1551 г. здесь перечислены ростовские, белозерские, Воротынские, Мосальские, Трубецкие и Одоевские князья, да еще с добавлением о вотчинах «за иными многими служилыми князьями». В этой части закона яснее, чем прежде, подчеркнуто, что он относится лишь к «старинным» вотчинам, а не к куплям. Но самое главное состоит в том, что к запрету продавать и отдавать в монастыри присоединяются три новых: менять, завещать дочерям и сестрам и отдавать в приданое (два последних запрета, разумеется, идентичны — завещанное незамужним дочерям и сестрам уходило в приданое). Уже в этом состоит ограничение не только перехода вотчин в чужие руки, но и их обращения внутри рода.

Другие изменения в наследственном праве еще существеннее. Вдовые княгини теперь могли получать вотчины лишь в пожизненное владение с последующей передачей в казну. Причем даже при жизни вдовы слишком большие (разумеется, с точки зрения правительства) вотчины могли быть урезаны: «а вотчина будет великая, — и государь о той вотчине указ учинит».

С подозрительной неясностью был отредактирован пункт о непрямых наследниках. Не для того ли, чтобы его можно было применять по-разному? В самом деле,

в тексте читаем: «А которой князь вотчину напишет брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего родного брата сыну...» Казалось бы, отсюда вытекает, что круг наследников ограничен (кроме сыновей) родными и двоюродными братьями и родными племянниками, троюродные же братья и сыновья двоюродных наследства лишены. Но не будем торопиться. Законодатель продолжает фразу: «...или которому своему ближнему роду, опричь тех, как кому можно меж себя женитися». Итак, «ближний род» — это лишь те родственники, которые не имеют права вступать друг с другом в брак. Правда, речь идет о наследниках-мужчинах, которым невозможно «меж себя женитися», и этот пункт надо понимать лишь как установление степени родства. Иными словами, если бы на месте этого мужчины была женщина, то... Согласно зафиксированным в главе 51 «Кормчей книги» каноническим правилам православной церкви, разрешались браки лишь четвероюродных братьев с четвероюродными сестрами, а женитьба на троюродной сестре или даже на троюродной племяннице считалась уже незаконной. Следовательно, «ближний род» включал не только двоюродных, но и троюродных братьев.

Но и это наследование было ограниченно и осуществлялось лишь с разрешения государя, «посмотря по вотчине, и по духовной, и по тех службе, кому которую вотчину напишет». Возможность наследования для непрямых наследников зависела тем самым от их политической и служебной репутации. За пределы же этого круга — «опричь своей братьи и племянников» — вотчины нельзя было продавать под угрозой конфискации.

Таким образом, указ 1551 г. запрещал продавать вотчины в чужой род, а указ 1562 г. затруднял их продажу внутри рода за пределами узкого круга близких родственников. Недаром здесь уже не встречается термин «вотчич» — ведь он охватывал куда более далекие степени родства, чем троюродные (не говоря уже о двоюродных) братья.

Каковы могли быть последствия применения этого закона? При ограничении круга наследников должно было расти число выморочных вотчин, переходящих в казну. Тем самым постепенно уменьшалось бы княжеское землевладение. Если приговор 1551 г. консервировал земельную собственность князей, то приговор 1562 г. был направлен на ее постепенное изживание. Но этот путь был сопряжен для правительства со зна-

чительными денежными затратами: ведь власти брали на себя обязательство заменять земельные вклады в монастыри денежными. Новая направленность законодательства, вероятно, и послужила причиной того, что ограничения были распространены на новые княжеские роды. Тем самым приговор 1562 г. создавал возможности для ликвидации княжеского землевладения в полуудельных вотчинах верхнеоцких князей — Воротынских, Одоевских, Трубецких и т. д.

Меньшие, но достаточно важные изменения произошли в законодательстве о вотчинах нетитулованных владельцев. Изменился перечень уездов, где действовали ограничения. Исчез Оболенск: князья Оболенские считались официально служилыми князьями[109] и поэтому подпадали под действие «княжеской» части приговора; других же вотчинников, как мы видели, в Оболенске не было. Был исключен и Микулин: его присутствие было архаикой уже в 1551 г., поэтому в 1562 г., очевидно, было сделано простое редакционное уточнение. Но два новых уезда вошли в закон: Романовский (Пошехонский) и Ярославский. В чем здесь дело? На этот вопрос трудно дать точный ответ. Можно предположить, что, дав эту льготу романовско-пошехонским и ярославским вотчинникам, правительство попыталось противопоставить их ярославским и отчасти белозерским князьям, которые владели там родовыми землями и против которых был направлен этот указ.

Второй новый момент состоит в том, что предписывалось сохранять вотчины за теми выходцами из других уездов, которые купили их по грамотам государей. Речь шла о тех служилых людях, которых московское правительство использовало для освоения присоединенных территорий. В числе оснований для покупки назывались грамоты не только Василия III, но и самого Ивана IV. Правительство тем самым предполагало и впредь нарушать права местных феодальных корпораций, разрешая «иногородцам» покупки земель в «заповедных» уездах. Формально подтвердив запрет продажи вотчин иногородцам, Иван IV оставлял за собой право вмешиваться в земельные отношения во всех уездах. Указ 1562 г. оказался куда либеральнее, чем приговор 1551 г., к нарушениям прав местных вотчинников. Как только речь зашла об охране прав вотчинников, указ 1562 г. сразу стал мягче.

Странно выглядят санкции за продажу вотчин иногородцам. На будущее карой была, как обычно, кон-

фискация. Но дальше начинается нечто не вполне понятное: если нарушение произошло более десяти лет тому назад (но после смерти Василия III), то оно также наказывалось конфискацией. Нарушения же последних десяти лет могли остаться безнаказанными: «...и тех государь, выписывая вотчины, велел себя докладывать, велит ли кому и что за вотчины давати денег или не велит». Обычно, чем нарушение свежее, тем суровее оно карается. Здесь же весь принцип санкций оказался перевернутым. Видимо, дело в том, что указ кануна опричнины был особенно непримирим к нарушениям периода боярского правления. Что касается времени после приговора 1551 г. (а именно это время означает десятилетний срок), то правительство как бы признавало, что оказалось не в состоянии (или не пожелало) последовательно применять это законодательство.

Л. М. Сухотин считал, что приговор 1562 г. на практике не применялся, так как «два-три года спустя разразилась опричнина с гораздо более радикальными мерами в отношении княжеских вотчин, нежели те, которые намечались указом»[110]. Действительно, как отмечал еще С. Б. Веселовский, многие акты, относящиеся к 60-м годам XVI в., не содержат следов применения этого законодательства. Но вместе с тем, как и указ 1551 г., приговор 1562 г. не остался только на бумаге. Так, княгиня Авдотья Ивановна Шемякина-Пронская (урожденная княжна Мезецкая) в духовной 1564/65 г., завещая родовые вотчины Мезецких Троице-Сергиеву и Московскому Богоявленскому монастырям, добавляла: «И только государь пожалует... не велит взяти у Живоначальные Троицы и Чюдного Богоявления тое вотчинки... а нас не учинит беспамятных. А возмет — его царьская воля». В 1566/67 г. другая княгиня Авдотья — Микулинская — дала Троице два села в Микулинском стане Тверского уезда «по цареву государьскому жалованью»[111]. И все же в основном Л. М. Сухотин прав: следов применения этого указа немного, ибо царь избрал в конечном счете не намеченный в 1562 г. путь постепенных, но верных действий, а путь жестоких и торопливых акций опричнины, не увенчавшийся успехом.

В новой обстановке был принят указ от 9 октября 1572 г. Только что опричнина была не только отменена, но даже объявлена как бы и несуществовавшей: по сведениям немца опричника Генриха Штадена, за одно упоминание ставшего сразу крамольным слова следо-

вало наказание кнутом[112]. Часть жертв опричного террора была реабилитирована, земским людям вернули некоторые из конфискованных владений. Вероятно, в контексте этих мероприятий и стоит рассмотреть этот указ. В нем читаем: «...и тем вотчинам (относительно которых есть ограничения. — *В. К.*) быти по старому государеву Уложенью». Что же это за «старое уложение»?

И. И. Смирнов и Р. Г. Скрынников считают, что речь идет о приговоре 1562 г. Так, Р. Г. Скрынников пишет, что после отмены опричнины боярство и духовенство надеялись на «полную и окончательную отмену всевозможных ограничений княжеского и монастырского землевладения, определенных Уложением 1562 г.», но правительство «добилось от Боярской думы и священного собора» принятия приговора 1572 г. Читатель, кстати, остается в неведении, откуда автору известно как об этих надеждах, так и о том, что правительству пришлось «добиваться» принятия указа. Р. Г. Скрынников далее отмечает, что указ «ограничивал права членов Боярской думы на земельные владения»[113]. В приговоре действительно употребляются термины «боярин» и «вотчины княженецкие и боярские», но речь явно идет не только о членах Думы. К концу 1572 г. в Думу входило всего 27 бояр и окольничих и 6 думных дворян, причем почти половина этих 33 человек подпадала под законодательство о княжеских вотчинах[114].

Вряд ли из-за полутора десятков человек стали бы принимать специальный закон. По-видимому, Р. Г. Скрынников не учел многозначности термина «боярин». В данном случае явно противопоставляются нетитулованные землевладельцы титулованным. Итак, Р. Г. Скрынников не приблизил решения вопроса, что такое «старое уложение». Обратимся к самому источнику.

Настораживает, что в тексте указа 1572 г. употреблено слово «старое» (а не, например, нынешнее): тем самым «старое уложение» как бы противопоставляется существующим порядкам. Приговор 1562 г. формально не отменялся, а потому вряд ли именно его законодатель подразумевал под «старым уложением». Указ же 1551 г. был автоматически (принятием нового закона в 1562 г.) отменен, его и было бы естественным назвать «старым». К тому же приговор 1551 г., являвшийся частью Стоглава (т. е. уложения)[115], мог с бóльшим основанием претендовать на название «уложения», чем

приговор 1562 г., принятый только Боярской думой, даже без участия Освященного собора.

Приговор 1572 г. явно меняет нормы 1562 г. и возвращается к более или менее свободному обращению вотчин внутри рода. Если в 1562 г. переход вотчин к непрямым наследникам требовал особого разрешения государя, то теперь вотчины в законном порядке отдаются в наследство «братьям их (вотчинников. — *В. К.*), которые останутца, и дядьям, и племянником, и внучатом». В остальном указ посвящен ряду частных вопросов, вытекающих из практики, но в одном случае мы находим подтверждение нормы 1562 г.: «...правнуку правнучьи вотчины не отдавати». Тем самым троюродные братья исключаются из наследования.

Не противоречит ли этот факт сделанному выводу о том, что в 1572 г. был восстановлен в правах приговор 1551 г. и отменен закон 1562 г.? Думается, нет. В самом деле, особое подтверждение одной из норм 1562 г. показывает, что в остальном предшествующий указ считался отмененным. Молчит приговор 1572 г. и о выкупе правительством вотчин, данных в монастыри. Этот пункт законов 1551 и 1562 гг. никогда не выполнялся: у казны просто не было на это денег. Начало же 70-х годов XVI в. — время жесточайшего хозяйственного кризиса, вызванного опричниной и изнурительными войнами. Повторить в худших, чем раньше, условиях обязательство выкупать земли, данные в монастыри, было уже невозможно: вряд ли кто-нибудь из служилых людей смог бы принять всерьез такое обещание.

Итак, в едином государстве шел естественный процесс слияния разных групп господствующего класса в общерусский класс феодалов. Но это было не простое движение по прямой магистрали. Правительство, бывало, оказывалось вынужденным принимать законы, консервирующие пережитки удельной старины. Его «антибоярская» политика оказывается скорее историографической легендой, закрепленной в сознании многократным повторением, чем исторической реалией.

При изучении процесса формирования единого класса феодалов, превращения местных феодалов в вассалов, а затем и в подданных государя всея Руси обычно обращали внимание на насильственные пути достижения этой цели. В самом деле, мы знаем о принудительных переселениях больших масс землевладельцев за сотни верст, об исключительно широких земельных конфискациях, не говоря уже о военных столкновениях,

битвах и даже казнях. Но правительство не отказывалось и от другого пути: великие князья щедрыми посулами и действительными привилегиями привлекали на свою сторону бывших независимых князей и их вассалов. Правительство гарантировало им сохранение их вотчин, создание в рамках единого государства служило-землевладельческих корпораций. Эти обещания давались порой слишком легко и с той же легкостью нарушались. Но все же князья многих земель и феодалы Твери, Рязани и Белоозера, несмотря на ряд исключений, сохранили вплоть до середины XVI в. преимущественное право земельной собственности в своих уездах.

У этих привилегий — двойственная природа. Разумеется, они были пережитками удельной старины, они консервировали традиционные отношения и обособленность прежде независимых земель. Но они же привлекали на сторону объединительной политики правительства широкие слои класса феодалов, а потому и способствовали (особенно на первых порах) централизации.

ГЛАВА III

«А ВЗЫЩЕТ ПОМЕСТНИК НА ПОМЕСЧИКЕ»

Сперва понять вам надо бы,
Что́ значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Н. А. Некрасов

Название этой главы — цитата из ст. 63 Судебника 1497 г. Здесь впервые в официальном документе упомянуты помещики. Становление нового вида феодального землевладения — тема настоящей главы. Это один из самых сложных и спорных вопросов. За последнее время он все больше привлекает внимание исследователей. В трудах А. А. Зимина, Г. В. Абрамовича, Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, А. М. Сахарова, А. Я. Дегтярева изучены многие общие проблемы истории поместья[1]. Поместье XVI в. исследовали как по отдельным уездам, так и по территориальным комплексам[2]. Но до сих пор остается много неясного, да и не все предлагавшиеся решения достаточно, с точки зрения автора, обоснованы. Раннее — до середины XVI в. — поместье изучали главным образом на новгородском материале. Но автоматически переносить на всю страну выводы, полученные по новгородским источникам, вряд ли правомерно. Поэтому здесь и предпринимается попытка исследовать становление поместной системы в Центре, т. е. за пределами Новгородской и Псковской земель, в конце XV — первой половине XVI в.

На этом пути исследователя подстерегают многочисленные опасности. Дело в том, что поместье оставило лишь слабые и случайные следы в нашем основном источнике — в актах. Это и понятно: поместье было нельзя ни продавать, ни дарить, а акты в основном фиксируют именно эти операции. Писцовые же книги по центральной России, как уже отмечалось во Введении, дошли до нас слишком разрозненно. Они обычно не дают массового материала для сравнений во времени и пространстве. Поэтому исследователь поместья, переходя от Новгорода к Центру, вынужден собирать по крохам случайные упоминания и даже обмолвки источников и прибегать к иллюстративному методу, несмотря на все его недостатки.

Прежде всего попытаемся определить, в чем состоит разница между поместьем и вотчиной как двумя формами феодального землевладения. Издавна известно, что поместье — небольшое условное владение, которое дворяне получали при условии выполнения государственной и военной службы, а потому они полностью зависели от воли государя и поддерживали его. Вотчина — крупное наследственное владение боярской знати, собственность на которое не была обусловлена службой, а потому принято считать, что бояре-вотчинники — заведомые противники великокняжеской власти и централизации. Но так ли просто все обстояло в действительности?

В работах последнего времени все чаще подвергается сомнению этот стереотип. А. А. Зимин обращал внимание на то, что нет непроходимой границы между вотчиной и поместьем, что владение вотчиной также бывало достаточно условным. Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев, а также А. М. Сахаров справедливо возражают против противопоставления помещиков и вотчинников[3]. Думается, нет оснований не только для такого противопоставления, но и вообще для разделения феодалов на эти две категории.

Одновременное владение вотчинами и поместьями, как замечал А. М. Сахаров, было в XVI в. характерно для многих служилых людей. Приведу несколько примеров. До нас дошла духовная Захарьи Федорова сына Катунина (1519 г.). Это типичный вотчинник средней руки: между тремя сыновьями он делит село с восемью деревнями в Дмитровском и в смежной с ним части Кашинского уезда. Но вотчиной не ограничивалась его земельная собственность: одному из сыновей он завещает свой хлеб «в земле в Чебынине во государьском жалованье в поместье», а правнуку — «живот в вотчине и в поместье». Другая вотчинница — Марфа Еропкина — в духовной 1533—1535 гг. распоряжается лишь своими вотчинами, но сообщает, что часть ее хозяйственных документов («крепостей») «згорели в поместье в селе Плетенинском». Мелкий служилый человек путный ключник Василий Иванов сын Дуров в 1548 г. получил льготную грамоту одновременно на вотчины (в Дмитровском и Переславском уездах) и на поместья (в Московском и Дмитровском уездах). А его сыну Никифору около 1566—1568 гг. было дано поместье из черных земель в Ярославском уезде. Но у Никифора были и вотчины: их в 1571/72 г. дала в

Троице-Сергиев монастырь его вдова Анна; находились они в Дмитровском и Коломенском уездах[4].

Такого рода примеры могут показаться парадоксальными, но только на первый взгляд. Для любого вотчинника получить бесплатное поместье было лакомой приманкой. Но и купить в придачу к поместью вотчину было тоже небезвыгодно. В результате разных причин (чрезмерной эксплуатации, бесхозяйственности, недорода, наконец, общей неблагоприятной ситуации) и поместье, и вотчина могли «запустеть». Феодал, как щедринский дикий помещик, оставался один на один со своими землями, но без крестьян, которые «разошлись розно». Такое «порожжее» поместье оставалось только бросить, «пометать», а помещику приходилось «бродити меж двор» или в лучшем случае кормиться случайными заработками. Иное дело вотчина — ее можно, хоть и дешевле, чем в хорошем состоянии, но все же продать: купчие на вотчины, состоящие из одних пустошей, — явление заурядное. Так что в отличие от поместья и запустевшая вотчина могла принести какой-то доход.

Добиваясь получения поместий в придачу к вотчинам, некоторые дворяне доходили до наглости. Сохранилась история одного такого мелкого хищника — Гундора Игнатьева сына Святикова. В 1560 г. он вместе с сыновьями продал за 20 руб. Спасо-Евфимьеву монастырю деревню в Суздальском уезде, оговорив: «Жити нам в той деревне, докуды нас государь пожалует своим царьским поместьем. А не будеть нам царьского жалованья поместья в пять лет, и нам деревню в монастырь отдати». Так Святиковы пытались получить и деньги за вотчину, и не позднее, чем через пять лет, поместье. Не исключено, что именно такие махинации и вызвали в 1557 г. запрет монастырям покупать земли без доклада[5].

Трудно противопоставлять поместье вотчине и как ненаследственное владение и наследственное. Г. В. Абрамович и А. Я. Дегтярев показали, что новгородское поместье в первой половине XVI в. передавалось по наследству. Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев ссылаются на эти исследования, но используют их для того, чтобы лишь подновить старую схему. Издавна считалось, что шел процесс постепенного сближения поместья и вотчины, достигший своей вершины в Соборном уложении 1649 г. и завершившийся в 1714 г. окончательным слиянием этих двух форм землевладения. Алексеев и Копа-

нев лишь переносят начало этого процесса в первую половину XVI из первой половины XVII в. «По мере развития поместной системы, — пишут они, — элементы условности все более отходят на задний план, все чаще случаи наследственного владения старым отцовским поместьем»[6]. Остается неясным, почему авторы считают, что поместье становится наследственным лишь «по мере развития поместной системы». Ведь это положение ими не доказывается. Разумеется, выявляется эта наследственность не сразу, а только после смерти первых помещиков. Но все же источники (и не только новгородские) свидетельствуют, что поместье было наследственным (если не де-юре, то по крайней мере де-факто) с самого начала.

В 1517 г. Нижегородский Дудин монастырь судился с местными помещиками Скарятиными. Их обвиняли в том, что они около 1514 г. поставили деревню на монастырской земле. На суде Скарятины заявили, что получили эту землю от своего отца — Семена. Монастырь не ставил под сомнение права С. Скарятина распоряжаться своей поместной землей, а лишь доказывал, что она монастырская. Правая грамота по этому делу дошла до нас в составе другой правой грамоты — по спору в 1555 г. монастыря с сыновьями одного из участников дела 1517 г. Таким образом, С. Скарятин в 1514 г. свободно передавал сыновьям часть своего поместья, а его внуки и через 40 лет продолжали им владеть. Этот факт не единичен. В 1535/36 г. братья Морозовы поделили без всякого участия властей отцовское поместье в Угличском уезде. В 1547 г. братья Калитины по «благословенью» отца и матери разделили отцовские владения, причем одному сыну досталась вотчина в Московском уезде, а другому — вотчина там же и поместья в Можайском уезде[7].

Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев прослеживают с конца 1530-х годов мены поместий в Новгородской земле. Аналогичные данные есть и по другим районам страны. Отмечены мены поместий в торопецких писцовых книгах 1539/40 г. В Ростовском уезде в 1545/46 г. менялись поместьями Михайло Васильев сын Замыцкий-Шумихин и Юрий Федоров сын Алексеев [Морозов][8].

Видимо, на первых порах владение поместьем было менее условным, чем потом, при уже развившейся поместной системе. В этой связи интересно дело Торопа Шенурина с Митей Мельневым. В 1488 г. трое Шенуриных — Микитка и Юрка и сын Микитки Осташ по-

лучили деревню Шенуринскую в Галичском уезде. В грамоте сам термин «поместье» не употреблялся, но была сделана характерная оговорка: Шенурины владеют землей, «доколе служит Микитка да Юрка и Микиткин сын мне и моим детям». Прошло 13 лет, и в 1501 г. сын Юрки, Тороп Шенурин, потребовал выселить с этой земли некоего Митю Мельнева. Мельнев объяснил, что Шенурино — земля великого князя, третью которой владел зять Мельнева — Осташ Шенурин. Мельнев на этой трети и поселился. Истец же, Тороп Шенурин, обнищал («волочился по людям») и потому продал две свои доли Михалю Митину сыну Титову; за Мельневым и Титовым Шенурино и было записано в писцовых книгах. С. Б. Веселовский полагал, что Шенурино было не поместьем, а вотчиной, ибо «Шенурины распоряжались своей пожалованной деревней как вотчинники». Верно, как вотчинники, но все же они были помещиками. На это указывает запись в писцовых книгах, процитированная на суде: «Стан Ержа, а в нем земли великого князя за детьми за боярскими и за служилыми людьми: великого князя деревня Шонуринское за Михалем за Митиным сыном Титова, да за Митею за Мельневым». Помимо того что мы находим здесь все атрибуты поместья (земля «великого князя» и не принадлежит владельцам, а лишь «за» ними), сами эти формулировки в писцовых книгах систематически употреблялись для поместных земель.

Итак, помещики Шенурины распоряжались своей землей, как верно заметил С. Б. Веселовский, по-вотчинному: поместье передавалось по наследству, причем не только сыну одного из помещиков (даже не названному в поместной грамоте), но и тестю (или шурину) другого помещика, продавалось или закладывалось (Тороп говорил, что земля была «в закупи», но он ее выкупил). С точки зрения стереотипных представлений картина довольно странная, но совершенно не удивившая судью высшей инстанции Дмитрия Владимировича Овцу, который признал законность всех этих манипуляций с поместной землей, «оправив» Мельнева[9].

Существенно, что в деле Шенурин — Мельнев не упоминался сам термин «поместье». История слов «поместье» и «помещик» нуждается в изучении. Они, видимо, появились, как это часто бывает, позже самого явления. Так, на рубеже XV—XVI вв. дважды разбиралась тяжба государева истопника Антона Гладкого

и Троице-Сергиева монастыря о землях в Переславском уезде. Первое рассмотрение состоялось около 1492—1494 гг., и тогда Гладкий заявил, что спорными землями его пожаловал великий князь, и предъявил грамоту от ноября 1491 г., которой государь его «пожаловал: поставит себе на тех пустошех двор». Отвечая на вопрос судьи: «Почему же ты те селища... называешь селищы князя великого?», Гладкий предъявил адресованную крестьянам Мишутинской волости «посыльную грамоту»; в ней волостным крестьянам предписывалось, чтобы они «за те мои (великого князя. — *В. К.*) земли с Гладким стояли». Второй раз дело разбиралось уже около 1499—1500 гг., через пять — восемь лет. Гладкий снова предъявлял те же грамоты, но сам уже употреблял другую терминологию: «Яз... о тех землях великого князя о Мишутинских бил челом великому князю, чтоб меня пожаловал в поместье. И князь великий... меня теми пустошми пожаловал...»[10]

Итак, те земли, которые на самом рубеже XV—XVI вв. назывались поместьем, ни в 1491 г., ни в последующие два — четыре года так не именовались.

Несколько раньше (но тоже не сразу) термин «поместье» появился в Новгородской земле. А. А. Зимин обратил внимание, что в грамоте на поместье 1482 г. этого термина еще нет, а возникает он впервые в грамоте 1490 г. В грамотах 1502—1504 гг. термин «поместье» уже употребляется[11].

В летописных известиях о выводах из Новгорода местных землевладельцев и о раздаче их вотчин выходцам из центральных уездов поместье упоминается несколько раньше: 1483/84 г. — «а им подавал поместья на Москве и по городом»; 1488/89 г. — «а на Москве давал поместья», «а в Новгород Великой на их поместья послал москвич многих»[12]. Однако эти упоминания нельзя учитывать для XV в., так как тексты были отредактированы в XVI в. Как и в деле Гладкого, здесь возможен невольный перенос в недавнее прошлое уже устоявшейся терминологии. Выше отмечалось, что самое раннее официальное упоминание за пределами Новгородской земли одного из терминов поместной системы встречается в Судебнике 1497 г. Затем в 1501 г. зафиксировано распоряжение послать из Вязьмы «поместчиков человека три или колко будет пригож». Под тем же 1501 г. Псковская Первая летопись называет пришедших в Псков «помещиков новгородских»; впрочем, текст, по определению А. Н. Насонова,

восходит к своду 1547 г.[13], а поэтому и здесь возможна ретроспекция терминологии.

Для истории термина особенно важно выяснить, как его использовали в официальных документах. Если в судебных делах, как видно по тяжбе Гладкого, слово «поместье» появляется на рубеже XV—XVI вв., причем скорее в речи сторон, чем в официальном тексте, то жалованные грамоты за пределами Новгорода вводят его осторожно и не вдруг. В декабре 1505 г. Василий III выдал жалованную грамоту Борису Захарьичу Бороздину с сыном. В грамоте не сказано, в поместье или в вотчину жалуется земля, но добавлено, «что было то селцо и деревни за Ондреем за Слизневым в поместье». Однако в большинстве грамот начала XVI в. нет даже такого ретроспективного употребления термина. В грамоте Болотниковым от января 1530 г. (Вяземский уезд) снова говорится о поместье применительно к прежнему владельцу[14].

Впервые при пожаловании само владение называют поместьем в 1533 г. в грамоте Василия III Михалю Ильину сыну Гиневлю, после чего им пользуются систематически[15]. В составленных в 1504 г. подробнейших межевых грамотах тщательно описываются границы между землями Ивана III и уделом его сына Юрия Ивановича, княжившего в Дмитрове и Звенигороде. Здесь названы десятки землевладельцев. Слово «поместье» в этом источнике не употребляется, но, как справедливо отмечает Ю. Г. Алексеев, вотчины и поместья описаны в этих межевых по-разному. Если формула типа «деревня Юрново да деревня Строево Елкиных детей Бунаковых» означает вотчину, то формула «деревни... что за Ивашком за Ивашковым сыном за Булгаковым Елсуфьева» применяется к поместьям. Короче — вотчина такого-то, а поместье — за таким-то. Но уже в 1506 г. в духовной волоцкого князя Федора Борисовича упоминаются «Игнатьево поместье Глазатого да Пронино поместье Плотниково». Называются поместья и в духовной грамоте углицкого князя Дмитрия Ивановича в 1521 г.[16]

Можно предположить, что термин «помещик» возник раньше, чем термин «поместье», и первоначально означал служилого землевладельца, помещенного или «испомещенного» на новом месте. Помещик — тот, кто помещен. Поместье же — вторичный термин, обозначающий владельца поместья. Разумеется, это только гипотеза. Однако в ее пользу говорят некоторые фак-

ты, впрочем, не очень многочисленные, но их иным путем объяснить трудно.

Начнем с Дворовой тетради 1552 г.[17], где в трех случаях выделены рубрики «помещики». После перечисления ярославских князей следует заголовок «Из Ярославля же помещики», после стародубских князей[18] — «В Стародубе помещики», после рубрики «Тверь» — «Помещики тверские». Среди ярославских помещиков записано пятеро: двое князей Дашковых (ветвь смоленских князей) и трое князей Телятевских (ветвь тверских князей); среди стародубских помещиков — двое князей Мезецких и двое Карамышевых. Мезецкие — ветвь черниговских князей, а большинство Карамышевых в Дворовой тетради записано по Волоку и Бежецкому верху и также не было связано со Стародубом. Отсюда Б. Н. Флоря, автор интересного исследования о Дворовой тетради, пришел к мысли, что в этих рубриках проводилось различие «между князьями, получившими поместья в данном районе, и членами местного княжеского рода». Это наблюдение, по-видимому, близко к истине, но следует отметить, что в числе стародубских помещиков названы не только князья, но и нетитулованные Карамышевы.

Наиболее обширна рубрика тверских помещиков. Б. Н. Флоря считает, что этот заголовок «как будто бы ведет к логическому выводу, что в предыдущей рубрике под заголовком «Тверь» записаны тверские вотчинники». Но выясненные самим же Флорей факты не укладываются в эту схему. Из 44 человек, занесенных в рубрику помещиков, в тверских писцовых книгах 1548 г., по данным Флори, находится 18 человек (книги эти дошли до нас далеко не полностью), из которых у 16 указаны только поместья, а у Богдана Федорова сына Сиротина-Левашева и Иванца Васильева сына Челеева — только вотчины. Вместе с тем многие из тех, кто значится в рубрике «Тверь», владели поместьями. Заметив таким образом несоответствие фактов схеме, Б. Н. Флоря счел, что схема верна, а ошибается источник, и сделал вывод о «несовпадении между заголовком и реальным статусом владений отдельных лиц»[19].

Чтобы выяснить, так ли это, рассмотрим генеалогический состав «помещиков тверских». Здесь на 44 человека приходится 11 родов. Самый многочисленный из них — Унковские (13 человек). Только в Дворовой тетради и Тысячной книге члены этого рода записаны

кроме Твери по пяти уездам: Волоку, Дмитрову, Боровску, Ржеву и Новгороду. Большое число уездов наводит на мысль, что по крайней мере в большинстве из них Унковские — люди пришлые. Для установления родового гнезда Унковских придется воспользоваться их фамилией. Формант *-ский* в то время обычно указывал не столько на происхождение из определенного места, сколько на родовое гнездо. Особенно часто фамилии дворянских семей образовывались от названий рек, вокруг которых были расположены их вотчины.

Две реки Унки известны в бассейне Оки — в Тульском и Каширском уездах. Хотя чисто лингвистически этот путь образования фамилии в данном случае вполне вероятен, с исторической точки зрения он невозможен, так как эти уезды осваивались феодалами сравнительно поздно. В Серпуховском уезде зарегистрирована река Унковка: можно полагать, что в такой форме название было скорее производным от фамилии Унковский. На Севере, в Двинской земле, упомянута река Уна, а в Кеми — Унгозеро с вариантами Унго, Унга. Из «Уна» скорее могла получиться фамилия Унский или Унинский, а от «Унго» — Унговский; превращение в произношении Унговского в Унковского вполне вероятно. Вряд ли, однако, Унковские попали в Тверь непосредственно с Севера: в первой половине XVI в. они встречаются в Рузском, Волоцком и Звенигородском уездах[20].

Изъединовы (их среди тверских помещиков 11 человек) упоминались в 1540-х годах в Суздальском уезде, а один из них — Константин Григорьев сын — был в 1554—1557 гг. переславским городовым приказчиком (выборное должностное лицо из числа местных дворян)[21].

Немного данных о Посевьевых (их в рубрике 6 человек). Правда, все они относятся к Тверской земле — Клинскому и Кашинскому уездам, но к слишком позднему по сравнению с Дворовой тетрадью времени (1545 и 1561/62 гг.), чтобы указать на происхождение[22].

Среди тверичей-помещиков четверо Лазаревых. Такую фамилию носило ответвление известного боярского рода Станищевых, но вряд ли к нему принадлежали тверичи. В Дворовой тетради названы Степанец и Иван Ивановы дети и Айдар и Василий Алексеевы дети Лазаревы. Вероятно, их отцы Иван и Алексей Григорьевы дети в 1525/26 г. были послухами в Дмитровском уезде, а Иван Григорьев сын, кроме того, выступал свидете-

лем в 1522 г. в смежном с Дмитровом Дубенском стане Кашинского уезда[23].

О Козловских (их трое), кроме упоминаний о тверских поместьях, почти нет сведений: в 1517 г. Василий Микулин сын был послухом при разъезде земель в Костромском уезде, а Владимир Васильев сын в 1558/59 г. упоминался как помещик в Звенигородском уезде[24].

Князья Гагарины (их двое) происходили из стародубских князей и к тверским коренным родам отношения не имели.

Остальные роды представлены в рубрике одним человеком. Жита Андреев сын Кузьминский упоминался в 1559/60 г. как послух в Рузском и Волоцком уездах, а его отец (?) Андрей Семенов сын вместе с двумя своими однородцами — как послух же в Юрьев-Польском уезде около 1495—1506 гг. Там же до 1565/66 г. владел вотчиной Китоврас Иванович, которому также принадлежала вотчина-купля в Звенигородском уезде. В 1496 г. в Ростовском уезде упоминался в послухах Алексей Матвеев сын. Первое же известие о тверских вотчинах Кузьминских относится лишь к 1574/75 г.[25]

Нет точных сведений о происхождении Богдана Михайлова сына Моклокова, но он единственный из носителей этой фамилии записан в Дворовой тетради по Твери; остальные значатся по Юрьеву-Польскому, Бежецкому верху и Вязьме. Двое Моклоковых имели поместья в Тверском уезде. В актах начиная с 1492 г. Моклоковы встречаются как послухи в самых разных уездах: Волоцком, Московском, Переславском, Ростовском, Угличском, Рузском, Стародубском, Романово-Пошехонском, Кашинском. В Кашинском уезде в 1532/33 г. упоминалась деревня Моклоково. В Бежецком верху в 1574—1576 гг. Моклоковы известны как вотчинники[26].

Наиболее сложно установить происхождение Федора Васильева сына Бестужева: имя Бестуж, как отмечал С. Б. Веселовский, было весьма распространенным[27], а потому носители прозвания Бестужев зачастую не были однородцами. Относительно же самого Федора известно, что в Дворовой тетради он был первоначально записан по Старице, а затем перемещен в Тверь: при его имени в списке старицких дворян стоит помета: «Во Твери поместье».

Два человека, причем как раз те, кто владел вотчинами в Тверском уезде, принадлежали к коренным тверским родам — Б. Ф. Сиротин-Левашев и И. В. Челеев из рода Бороздиных-Шетневых[28]. Вероятно, они

по ошибке попали в список тверских помещиков. Дело в том, что в Дворовую тетрадь — действовавший на протяжении примерно восьми лет канцелярский документ — вписывали тех, кто вошел за это время в состав Двора. Их помещали либо на свободном месте, либо в конце списка данного «города». Очевидно, подьячий по ошибке занес новых людей в конец всего тверского списка, а не его первой части.

Итак, анализ состава «тверских помещиков» из Дворовой тетради показывает, что «помещиками» здесь названы не все те и не только те люди, которые владели поместьями в Тверском уезде, а выходцы из других уездов, испомещенные в Твери. Дворовая тетрадь противопоставляет не владельцев поместий владельцам вотчин, а пришлых коренным.

Еще яснее это видно на примере Стародуба. Здесь помещиками названы князья Мезецкие — Семен Михайлов сын и его племянник Юшка Иванов сын Шапцын. О стародубских владениях отца одного и деда другого известно по духовной Ивана III: «А что есми променил князю Михайлу Мезетцкому на его жеребей на Месческ в Стародубе Олексин, и он дръжыт по меновной грамоте, а суд и дань сына моего Васильево». Владения Мезецких в Алексинской волости Стародубского уезда были настоящими вотчинами: они их продавали, закладывали, отдавали в монастыри[29]. Таким образом, в этом случае помещиками прямо названы владельцы вотчин, но полученных от центральной власти при перемещении на новое место. По наблюдениям Б. Н. Флори, в Дворовой тетради часто употребляется устаревшая терминология[30]. Вероятно, и в этом случае мы встречаемся с архаичным словоупотреблением, когда помещиком называли всякого служилого человека, перемещенного на новое место. Во второй половине XVI в. существовал аналогичный термин «жилец»: так, служилые люди, переселенные в Казанский край, именовались в документах «казанскими жильцами».

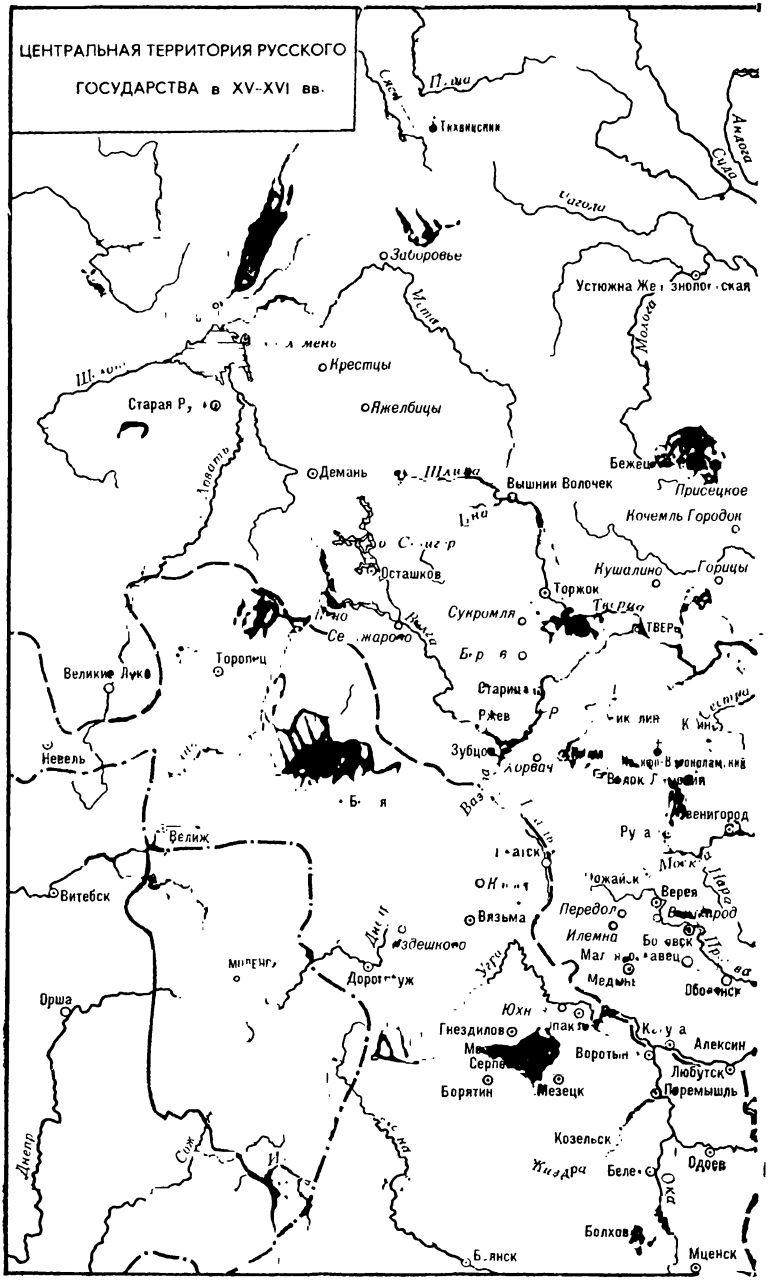
Помещики и впрямь на первых порах были обычно новыми людьми в своих уездах: ведь начало поместных раздач было связано с перемещением новгородцев в «замосковные» города, а москвичей — в Новгород. Вспомним уже упоминавшееся дело нижегородского Дудина монастыря с местными помещиками Скарятиными. Семен Скарятин объяснял судьям: «Яз, господине, здесе человек зъведеной, сторожильцов... у меня на ту землю нет». Итак, Скарятин не просто новый в Нижегород-

ском уезде человек, он «зъведен», «сведен» сюда, т. е. перемещен.

Подведем некоторые предварительные итоги общей характеристике поместья. Разница между ним и вотчиной вначале состояла не в обязанности службы — ведь все вотчинники, кроме мельчайших, служили. Право наследования, как показано выше, было также характерно не только для вотчины, но и для поместья. Главное отличие состояло в том, что поместье нельзя было ни продать, ни отдать в монастырь. Правда, на практике иногда встречались случаи, когда поместья закладывали (выше было упомянуто дело Шенуриных, где был отмечен заклад поместья), вероятно, с переходом к новому владельцу обязанности служить. Но отчуждение поместной земли в монастырь было грубым нарушением закона.

Здесь, думается, и лежит главная причина возникновения поместья. Только что создавшееся единое государство сразу начало активную внешнюю политику. Свержение ордынского ига, войны с Великим княжеством Литовским за попавшие в его состав русские, украинские и белорусские земли и т. д. — это акции, требовавшие кроме всего прочего куда более многочисленного, чем раньше, войска. Товарное хозяйство в XV—XVI вв. было еще слабым, денег было мало. Поэтому обеспечить воинов денежным жалованьем было просто невозможно. Единственным способом вознаграждения за службу была раздача земли с крестьянами. Вместе с тем владения многих феодалов мельчали в семейных разделах. Рост численности господствующего класса опережал рост обрабатываемых земель.

Думается, феодалы Центра поддержали объединительную политику московских князей и потому, что надеялись расширить свои земельные владения и распрощаться с малоземельем. Раздачи служилым людям земель были нужны и по политическим причинам: осваивая вновь присоединенные территории, центральное правительство стремилось создавать там форпосты из владений давних и потомственных слуг великого князя московского. После завершения объединения земель Руси в одно государство такие раздачи стали не только необходимы, но и возможны: в руки правительства попал обширный земельный фонд — вотчины новгородских феодалов, дворцовые земли Тверского княжества, владения «панов» в восточных уездах Смоленской земли. В перспективе были и новые приобретения[31].


ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА в XV–XVI вв.
Тихвинский
Андога
Суда
Заборовье
Устюжна Же знопо ская
Молога
Крестцы
Старая Р
Яжелбицы
Демань
Вышний Волочек
Бежец
Присецкое
Кочемль Городок
Осташков
Кушалино
Горицы
Торжок
Сукромля
Тверца
ТВЕРЬ
Торопец
Великие Луки
Старица
Ржев
Зубцов
Невель
Волок Л
Ревенигород
Велиж
Витебск
Верея
Передол
Вязьма
Илемна
Медынь
Обоянск
Орша
Гнездилов
Алексин
Воротын
Любутск
Борятин
Мезецк
Перемышль
Козельск
Одоев
Болхов
Мценск
Днепр
Сож
Ока
Жиздра
Угра
Вязьма
Мстиславль
Дорогобуж
Юхн
Кашин
Ловать
Шлина
Волга
Мста
Сестра
Нара
Москва
Пр ва

БЕЛООЗЕРО
Кубена
Шексна
Весь Егонская
Кукобой
Пошехонье
Любим
Ухра
Сутки
Красный Холм
Ярославль
Углич
Кинешм
Коряково
Дулебино
Писцово
Шуя
Палех
Нижний Ландех
Лопатнин
Юрьев-Польский
Кимры
Талдом
Переславль Залесский
Гороховец
Москва
Муром
Арзам
Коломна
Касимов
Елатьма
Темников
Кашира
Переславль Рязанский
Старая Рязань
Кадом
Венев
Тула
Ока
Унжа
Мокша
Клязьма
Уводь
Лух
Нерль
Дон
Граница Русского государства
в 1462 году
в 1505 году
после Смоленской войны
Монастыри
Населенные пункты
МОСКВА Столица Русского государства
РОСТОВ Крупные города
Серпухов Прочие города
Бронницы Сельские поселения
50 км

Но дать земли на старом вотчинном праве, как это делалось раньше, означало только кратковременное решение проблемы. Дело в том, что во второй половине XV в. бурно растет землевладение монастырей и епископских кафедр. Источник этого роста — вотчины светских феодалов. По разным причинам они отдают или продают земли монастырям, разными путями святые старцы умудряются постоянно округлять свои владения.

Недаром именно к этому времени относится острая полемика внутри церкви между «нестяжателями» — противниками того, чтобы монастыри владели землями с крестьянами, и «осифлянами» — сторонниками обогащения монастырей, воинствующими церковниками. Не случайно как раз во второй половине XV в. великий князь Иван III некоторое время покровительствовал еретикам-вольнодумцам, отрицавшим сам институт монашества. Тогда же Иван III вынашивал планы секуляризации, конфискации церковных имуществ, которые он, впрочем, так и не решился осуществить: для государя всея Руси дороже оказалась идеологическая поддержка церковных иерархов, готовых верно служить любому начальству, пока оно охраняет «чистоту веры» и материальные интересы церкви.

В этих условиях значительная часть земель, розданных в вотчины, со временем попала бы в руки монастырей и вышла бы из службы. Вероятно, именно поэтому как новгородским выселенцам, так и людям, получившим новые земли в Новгородской области, было запрещено продавать и дарить свои новые владения. В этом убеждает сравнение формуляров грамот на вотчины и поместья. Правда, это сравнение заведомо не может быть полным: сохранилось ничтожно мало несомненных вотчинных грамот. Многие из тех, что опубликованы, как было показано во Введении, подложны. Некоторые грамоты, считавшиеся вотчинными, на самом деле содержат пожалование поместья.

Такова, например, грамота 1504 г., выданная Никите Перфильевичу Сатину (подновленная, как показал еще Н. П. Лихачев, позднейшими вставками) на Слинкову слободу в Вяземском уезде. Л. В. Черепнин считал ее вотчинной: его ввело в заблуждение то, что слобода в грамоте названа вотчиной. Однако речь идет о вотчине великого князя, а не Сатина. «Пожаловал есми... вотчиною своею великих князей Слинковою слободою», — читаем в грамоте[32].

Редкость вотчинных грамот времени становления поместной системы (на рубеже XVI—XVII вв. многочисленные пожалования в вотчину части поместий за заслуги породили новую разновидность актов), вероятно, отражает редкость самого явления. Формулировки прав владения в разных вотчинных грамотах достаточно близки.

Около 1480—1484 гг. в грамоте Ивана III Андрею Акинфиевичу Рудному [Картмазову] земля в Московском уезде жалуется «впрок ему и его детем: волен Андрей то село и с пустошми продати и променити, и по душе дати». Василий III в 1510 г. дает князьям Козловским села в Ростовском и Муромском уездах также «впрок им и их детем», но не упоминает права на отчуждение. Однако в грамоте Дмитрию Иванову сыну Мирославичу 1515 г. на село в Медынском уезде снова встречается полный формуляр: «Впрок ему и его детем: волен Дмитрей и его дети то село и деревни кому дати, и продати, и променити, и в закуп дати, и по душе дати». В грамоте же 1516 г. Василию Тимофееву сыну Алексееву с сыном на деревни Переславского уезда кратко указывается: «Пожаловал есми Василья и его сына Ортемья теми деревнями в вотчину»[33].

Видимо, к тому времени распространение поместья сделало достаточным простое указание на вотчинный (т. е. не поместный) характер владения. В поместных же грамотах упоминания о передаче «впрок» и о праве отчуждения всегда отсутствуют[34].

Таким образом, запрет продажи и дарения был характерен для поместья с самого начала.

Итак, если на земельные раздачи повлияли глубокие причины, связанные с образованием единого государства, то на форму, в которой они были осуществлены, оказали воздействие соображения текущей политики, направленной на ограничение монастырского землевладения.

Но ни значение поместья, ни даже причины его возникновения нельзя свести к этим мотивам. Независимо от воли создателей нового вида землевладения поместье начало играть свою особую роль в структуре феодальной собственности на землю. Для выяснения этой роли нужно установить, какие земли становились поместьями, т. е. выявить источники формирования поместной собственности.

Проще всего этот вопрос решается для Северо-Запада, ибо здесь поместьями стали земли местных вот-

чинников, хотя некоторые из них и не сразу: часть вотчинных земель первоначально оказалась в числе оброчных (оброчные земли — те, крестьяне которых платят в казну оброк; часто их сдавали на оброк частным лицам, в том числе и крестьянам) или реже черных земель[35].

Но в Северо-Восточной Руси дело обстояло иначе. По мнению С. В. Рождественского, в первой половине XVI в. поместьями становились «личные владения и дворцовые земли государей». А. А. Зимин, лишь попутно затрагивая этот вопрос, видел один из основных источников поместного землевладения в боярских вотчинах (что, думается, верно лишь по отношению к Новгороду и Пскову). Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев полагают, что в центральных уездах в поместья раздавали черные земли. Пристально изучив аграрные отношения в Переславском уезде, Алексеев с высокой степенью достоверности установил, что здесь в первой половине XVI в. черные земли были основным источником роста поместья[36]. Характерно ли это положение для всей территории Центра?

К сожалению, в источниках рубежа XV—XVI вв. далеко не всегда возможно отделить дворцовые земли от черных: и те и другие обычно называют одинаково — «земли великого князя». В поместных грамотах формулировки тоже часто неясны; наиболее распространена весьма неопределенная: «Пожаловал есми... своим селом»[37]. Лишь в редких случаях встречаются более точные указания на статус владения. Чаще всего земля оказывается черной.

Наиболее раннее упоминание о раздаче в поместье черной земли относится к 60—70-м годам XV в. Около 1484—1490 гг. разбиралась тяжба между Суздальским Спасо-Евфимьевым монастырем и крестьянами черного села Нельша Суздальского уезда. Крестьяне говорили: «...была, господине, Нелша за Судимантом семьнатцять лет» и «нынече ся, господине, Нелша достала за великого князя». Кем же был Судимант? В именном указателе к изданию он определен как «кормленщик — держатель Нелешской вол.». Так ли это? Прежде всего 17 лет — слишком уж долгий для кормления срок. Но важно другое: в 1519 г. Нельша была поместьем внука Судиманта — Матвея Иванова сына Судимантова, а грамота Ивана III на Нельшу называлась как одно из оснований для владения. Местным феодалом, а не кормленщиком считает Судиманта и А. Д. Горский[38].

Так что Судимант был, вероятно, все же помещиком, получившим свое поместье из черных земель во второй половине XV в.

Из «волостных» (т. е. из черных) земель было выделено поместье уже упоминавшемуся истопнику Гладкому. В 1511 г. поместья из черных земель получили в Ярославском уезде Чириковы и Сушковы[39]. Впрочем, иногда за термином «свое село» проглядывает дворцовое владение. Так, в 1504 г., по завещанию рузского князя Ивана Борисовича, Иван III передал в Иосифо-Волоколамский монастырь село в Рузском уезде, «опричь тех деревень, которые за помещики»[40]. Следовательно, часть деревень этого завещанного монастырю села была роздана помещикам, а в своих духовных князья традиционно распоряжались именно дворцовыми землями.

Итак, в первые десятилетия XVI в. поместное землевладение в Центре росло за счет как черных, так и дворцовых земель, хотя, вероятно, черные земли чаще становились поместьями (быть может, потому, что их просто было больше).

Когда черные земли передавали в поместье, то статус владения менялся не полностью и не сразу. Поместье воспринимали как часть волостной земли, которая только находится «за» помещиком. Помещик же выступал в роли покровителя волостных крестьян: становясь адресатом повинностей, которые раньше поступали государству, он должен был «стоять» за волостную землю. Это выражение неоднократно повторяется в актах.

Так, нелешские крестьяне жаловались, что их помещик Судимант за них «не стоял». В цитированной грамоте Ивана III крестьянам Мишутинской волости (около 1491 г.) говорилось: «И вы б с Гладким (с помещиком. — *В. К.*) за те земли стояли». В 1510 г. крестьяне Скорыновской черной волости Бежецкого верха в споре с троицкими монахами заявляли: «Отдал... ту землю нашь помещик князь Федор Козловской Вяземской к Присецкому селу, а за землю... за нашю не стоял». Таким образом, поместные земли тогда еще не противопоставляли волостным. Впервые такое противопоставление встречается в указной грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича 1520 г. По этой грамоте, крестьяне должны были платить за рубку дров в лесу волостелю, если это леса «волостные», и помещикам, если они «помещиковы»[41].

Черная земля, розданная в поместья, не меняла своего верховного собственника — государя и продолжала и юридически, и психологически осознаваться как волостная. Вероятно, здесь причины той легкости, с которой поместье поглощало черные земли. Правительство же спокойно шло на превращение черной земли в поместье, ибо черные земли, поглощенные поместьем, не могли перейти к монастырям. Тем самым поместье оказывалось больше приспособленным к развитию частного землевладения, чем вотчина.

Спорны и время, когда складывалась поместная система, и этапы этого процесса. По мнению Г. В. Абрамовича, «процесс складывания поместной системы в России проходил в основном на новгородской территории». Ю. Г. Алексеев и А. И. Копанев также пишут, что в конце XV в. поместная система — чисто новгородское явление и «еще не ломает традиционного строя земельных отношений на основной территории государства»[42].

Думается, к исходу XV в. поместная система была уже не локальным новгородским, а общерусским явлением. Возможно возражение: правильно ли говорить о том, что поместная система сложилась к концу XV в., если в XVI в. и увеличивалось количество поместий, и развивалось поместное право? Но ведь создание системы — не прекращение ее развития. Существование же не локальных поместий, а именно поместной системы видно из того, что уже в 1497 г. в общерусском кодексе — Судебнике — помещик выступает как полноправный участник «о землях суда» наряду с вотчинником («боярином»), монастырем и «черным» (крестьянином).

Когда говорят о складывании поместной системы на новгородских землях, обычно имеют в виду массовые раздачи там поместий, но при этом почему-то забывают, что новгородские выселенцы сами тоже получали поместья в старых уездах великого княжества. Об этом определенно свидетельствуют летописные известия. Под 1483/84 г. читаем, что великий князь давал новгородцам «поместиа на Москве по городом», а в сообщении 1488/89 г. перечисляются и районы этого испомещения: «на Москве», «и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде в Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом»[43].

С. Б. Веселовский обратил внимание на большое количество новгородских выселенцев среди помещиков Нижегородского уезда и выявил некоторых новгород-

цев, испомещенных в Юрьев-Польском, Владимирском и Касимовском уездах. Новгородских выходцев Петровых отмечает в Переславском уезде Ю. Г. Алексеев[44].

Эти данные можно пополнить. Так, сразу после конфискаций упоминается в Юрьев-Польском уезде некто Еська (Есип?) Максимов Новгородец, который около 1485—1488 гг. «вступался» в землю Троице-Сергиева монастыря и упоминался как послух. Вероятно, его потомок Иван Никитин сын Ноугородцев в тех же местах был в 1521/22 г. в числе детей боярских на разъезде[45]. В волости Бели в Радонеже Московского уезда около 1542/43 г., где, между прочим, испомещали и смольнян, владели поместьями трое Ноугородцевых[46]. Исуп Леонтьев сын Ноугородов был в 1565/66 г. послухом в Зубцовском уезде, а Лука Иванов сын Ноугородов — во Владимирском уезде[47].

В актах и в Дворовой тетради также можно выделить обосновавшихся в центральных уездах новгородских выселенцев. Далеко не все из них, разумеется, попадают в поле зрения исследователя. В источниках можно отыскать главным образом тех бывших новгородцев и их потомков, кто сумел приобрести на новом месте вотчины (ведь помещики, как уже отмечалось, слабо отражены в актах) или пробиться в состав государева Двора. К тому же многие родовые прозвания новгородских бояр происходили от календарных имен (Есиповы, Исаковы и т. п.) и потому были слишком распространены. Как же в таком случае выяснить, однофамилец или родич новгородского боярина упомянут в источнике? Приходится искать дополнительные данные. Так, если из летописей известно, что новгородцев испомещали в том уезде, где упомянут служилый человек с «новгородской» фамилией, можно предположить, что он и в самом деле новгородец.

В качестве основы для сопоставлений избран составленный А. М. Гневушевым список новгородских землевладельцев, потерявших вотчины в ходе конфискаций Ивана III. Этот список, как показала З. А. Тимошенкова, не полон[48], но тем не менее он пригоден для целей данного исследования. Ведь, чтобы проверить справедливость известий о том, что новгородцы получили вместо своих вотчин поместья в Центральной России, достаточно и приблизительного перечня новгородских выселенцев и их потомков. Ниже автором предпринята попытка составить такой перечень. Вероятно, кто-то из включенных в него людей мог и не иметь отношения

к Новгороду, но для решения поставленной задачи существенна прежде всего общая тенденция, а не индивидуальные биографии.

Поскольку в списке А. М. Гневушева фамилии расположены строго по алфавиту, вместо ссылок на него фамилии, имеющиеся в этом списке, выделены курсивом.

Иван Моисеев сын *Бабкин* в 1498 г. был на разъезде в Нижегородском уезде[49]. В 1565—1568 гг. упоминаются ярославские помещики *Балакшины*[50]. Несколько человек *Брюхатого* известны по актам 1521/22—1573/74 гг. в Угличском, Нижегородском и Дмитровском уездах[51]. В Старицком уезде в 1560/61 и 1584/85 гг. зарегистрированы вотчинники Волкоморовы[52] — не потомки ли новгородца Ильи Терентьева сына *Волкомора?* Возможно, от новгородцев *Глазоемцевых* происходил Неудача Андреев сын Глазамецов, записанный в Дворовой тетради по Мурому. В Бежецком верху в 1554—1557 гг. упоминались *Гузнищевы,* причем здесь же была и деревня Гузнищева[53]. Гаврила Матвеев сын *Доможиров* (сын новгородца Матвея Константинова сына?) был в 1538/39 и 1553 гг. волостелем в Балахнинском уезде, а его однофамилец Рюма Максимов сын в 1539/40 г. купил деревню в Нижегородском уезде[54].

В Пошехонском уезде упоминался в 1537/38 г. Афанасий Григорьев сын *Каликин*[55]. В Рязанском уезде до 1560 г. был помещиком Темеш *Катеринин*[56]. Нижегородские помещики *Княжегорские* упоминались до 1585 г.[57] В Дворовой тетради по Владимиру записаны Иван Семенов сын Казынский и его два сына (вероятно, сын и внуки новгородца Семена Дмитриева сына *Козонского*); там же находим еще двух Казынских — Яковца и Афоню Захарьиных детей. Русин Борисов сын *Корин* в 1573/74 г. был костромским губным старостой[58]. Никифор Петров сын и Василий Андреев сын Костылевы (ср. с новгородцами *Костелевыми*) в 1552/53—1579/80 гг. упоминались как послухи в Муромском уезде[59]. Вероятно, потомком новгородских бояр *Лошинских,* выселенных при Иване III, был Онуфрий Степанов сын Лашинский, записанный в Дворовой тетради по Рязани и купивший в 1574 г. деревню в Коломенском уезде[60]. Нижегородские дети боярские *Луневы* упоминались в 1511 г.[61] *Нагаткины* отмечены как послухи в Муромском уезде в 1572/73—1579/80 гг. и в Рузском — в 1569/70 г.[62] Василий Дмитриев сын *Натальин* в 1574 г. был послухом в купчей О. С. Лашинского в Ко-

ломенском уезде. Федор Константинов сын Ножкин (возможно, сын Константина Михайлова сына *Ношкина*) в 1510 г. выступал как послух в Московском уезде[63]. Один из *Онцифоровых* в 1551/52 г. упоминался как послух в Стародубском уезде[64]. В Муромском уезде в 1575/76 г. отмечены как послухи *Овиновы*[65].

С новгородцами *Скачельскими* можно сопоставить упоминающихся в 1538/39 г. костромских детей боярских Афанасия и Третьяка Скачеловских и Семена Нестерова сына Бисерова Качельского, костромского же вотчинника в 1574/75 г.[66] Докучай Юрьев сын *Спиров* (не сын ли новгородца Юрия Спирова?) в 1549/50 г. был послухом в Дмитровском уезде[67]. Филипп и Моисей Федоровы дети Струтцкие (возможно, из новгородцев *Стружских*) в 1550 г. были на суде между Амвросиевым Дудиным монастырем и помещиками Арбузовыми (не видоизменение ли новгородской фамилии *Арзубьевых*? Во всяком случае С. Б. Веселовский и их считал новгородцами) в Нижегородском уезде[68]. В Дворовой тетради по Юрьеву-Польскому записано шестеро Шенкурских, здесь же в середине XVI в. упоминалась земля одного из них — Замятни Исакова сына — село Старково. Шенкурские — ветвь новгороских бояр *Едемских* (Едомских), владетели Шенкурья на Ваге[69].

Использование антропонимики позволило еще пополнить список новгородских выселенцев. Выше уже отмечалось северное (возможно, новгородское) происхождение Унковских. В Дворовой тетради по Мурому записан Гриша Иванов сын Емецкий. В бассейне Оки нет реки Емцы, зато известны три реки с таким названием на Севере: две — недалеко от Онеги и одна — в Боровичском уезде. В Двинском уезде был также Емецкий стан, где владели вотчинами своеземцы Емецкие. А. И. Копанев считает, что мелкие новгородские и двинские вотчинники — своеземцы — потомки крестьян. Он ссылается на то, что их владения разбросаны и, следовательно, приобретались не сразу, а постепенно. Но ведь и владения основной массы средних и мелких феодалов Новгородской земли — «житьих людей» — также, как показал В. Л. Янин, располагались не вместе. Янин считает, что владения двинских своеземцев не крестьянского, а феодального происхождения. Об этом свидетельствует тот факт, что по крайней мере один из Емецких стал служилым человеком весьма высокого ранга — вошел в состав государева Двора. Но еще важнее здесь фамильный формант *-ский*; поскольку Емецкими

назывались и те, кто остался в Емецком стане, они скорее владельцы Емцы, чем выходцы из нее[70]. На северное происхождение указывает также фамилия волоцкого вотчинника середины XVI в. Степана Иванова сына Лудинского: известны четыре реки с названием Луда, и все на Севере[71].

В. Л. Янин обратил внимание автора на то, что подавляющее большинство выявленных здесь новгородских выселенцев принадлежало к числу мелких землевладельцев; лишь Лошинские да, возможно, Шенкурские происходили из бояр. Но для целей данного исследования важно другое: испомещение новгородских выходцев в Центре прослеживается не только по летописям, но и по актам и данным антропонимики.

В Новгородской земле потеряли владения более тысячи феодалов[72]. Быть может, не все новгородцы получили поместное возмещение, но в большинстве случаев они, видимо, стали помещиками центральных и восточных уездов: не могло же правительство пойти на риск превращения профессиональных воинов в опасных недовольных без определенных занятий. Следовательно, новгородцы составили довольно значительную часть господствующего класса. А это в свою очередь позволяет считать поместную систему рубежа XV—XVI вв. не только новгородским, но и общерусским явлением.

Однако уже в этот период поместья в центральных уездах получали не только новгородцы. Новая форма землевладения прививалась поразительно быстро. Выше приводились примеры поместий конца XV в. (Судиманта, Гладкого, Шенуриных, Мельнева). К ним возможны добавления. Около 1485—1490 гг. получил поместье в Московском уезде Ивашка Саврасов. К 1499 г. успел продать свое поместье, обманом выдав его за вотчину, митрополичий сын боярский Яков Якшил в волости Сельне Московского уезда. В 1505 г. отец и сын Бороздины получили в Торжковском уезде поместье, ранее принадлежавшее Андрею Слизневу[73]. Так что некоторые помещики первого десятилетия XVI в. были уже не первыми владельцами своих поместий.

Известны поместья и в самом начале XVI в. Три помещика названы в записи 1504 г. о передаче Иосифо-Волоколамскому монастырю села Спасского в Рузском уезде. Более 30 поместий перечислено в межевых («разъезжих») грамотах на земли Ивана III и его сына дмитровского князя Юрия Ивановича в 1504 г. Двое помещиков упомянуты в духовной волоцкого князя Фе-

дора Борисовича около 1506 г.[74] Много это или мало? Ответ на вопрос зависит от того, много ли подобных источников сохранилось в наши дни.

За пределами Новгородской земли дошедшие до нас древнейшие писцовые книги относятся к концу 30-х—40-м годам XVI в.[75], только в 1550-х годах появляются материалы массовых межеваний. Так что межевые грамоты между Иваном III и Юрием Дмитровским для начала XVI в. — единственные источники, где собран массовый материал о поместьях: ведь в актах отражены лишь вотчины. Поэтому три с половиной десятка поместий, упомянутых в этих документах, — большая цифра, свидетельствующая, что в начале XVI в. поместье в Центре стало обычным явлением.

Но распространялось поместье неравномерно. Так, в грамоте о межевании между Ростовом и Кашином (впрочем, весьма небольшой по размеру) не упоминается ни одно поместье; всего шесть помещиков названы в межевании Рузского и Звенигородского уездов с Можайским и Клинским, двое — на границах Дмитровского и Кашинского уездов с Радонежским и Переславским. Но зато на границах Дмитровского, Рузского и Звенигородского уездов с Московским упомянуто около 25 помещиков, причем по обе стороны рубежа. Некоторые из названных в этой разъезжей помещиков (Сенька Захаров в Скирманове стане и Семен и Кузьма Рожновы в Лучинской волости Московского уезда) уже успели лишиться своих поместий.

Давно привычным стало мнение, что с помещиками на историческую арену пришел новый социальный слой мелких служилых людей. Чтобы проверить истинность этого положения, надо ответить на вопрос: кем же были первые помещики? Ведь тот факт, что противопоставлять помещиков и вотчинников было бы ошибочным, не освобождает историка от изучения социального состава помещиков. На рубеже XV—XVI вв. в него входили в основном три элемента: выходцы из центральных уездов, испомещенные в Новгородской земле; новгородцы, получившие поместья в центральных уездах; служилые люди местного происхождения, ставшие помещиками в своих или других уездах Центра.

Состав первых двух элементов достаточно известен. Исследования С. Б. Веселовского, Г. В. Абрамовича и ленинградской аграрной группы под руководством А. Л. Шапиро показали, что в Новгороде получили поместья выходцы из старинных вотчинных родов — кня-

жеских, боярских и рядовых — с небольшой примесью бывших холопов («послужильцев») из боярских дворов[76]. Ясен и состав новгородцев, выселенных в восточные уезды, — это вотчинники Новгородской земли.

Сложнее выяснить состав помещиков центральных уездов, не принадлежавших к новгородским выселенцам. Выше уже отмечались трудности исследования поместья из-за специфики источников. Но рассмотрение состава помещиков наталкивается еще на одно специфическое осложнение. Все дошедшие поместные грамоты XVI в. (кроме новгородских) извлечены из тех родословных росписей, которые подавали около 1682 г. в Разрядный приказ представители разных дворянских родов. Целью представления грамот было подтвердить давность дворянства и право рода быть занесенным в готовившуюся новую родословную книгу. Но старинные и знатные фамилии не нуждались для этого в поместных грамотах: этим родам были посвящены целые главы родословных книг, имена их предков встречались в летописях и разрядных книгах, в боярских списках и дипломатической переписке. Поэтому они и не прилагали таких грамот к своим росписям. А это означает, что поместные грамоты дошли лишь от незнатных родов и непредставительны для изучения состава помещиков. Отсюда вытекает и значительная доля гипотетичности в последующих построениях.

На первый взгляд среди помещиков Центра мы найдем в самом начале XVI в. людей той же социальной категории, что и вотчинники: в 1504 г. упоминаются князь Юрий Елецкий в Переславском уезде, Михайло Кляпик Еропкин (из рода смоленских князей) в Московском, Рожновы (ветвь Пушкиных) в Лучинской волости Московского уезда, Катунины, издавна владевшие вотчинами в своем родовом гнезде Сурожике на стыке Московского, Переславского и Дмитровского уездов; в 1505 г. упоминаются тверские бояре Бороздины, получившие в Торжковском уезде поместье отпрыска старинного московского рода Андрея Слизнева.

Однако основная масса выявленных помещиков этого времени не принадлежит к известным родам. Одни из них как бы появляются на краткий миг из неизвестности, чтобы затем снова исчезнуть для истории; для некоторых упоминание в качестве помещиков около 1504 г. — только начало серии известий о них. Многие помещики названы лишь по именам и должностям,

часто без отчеств и родовых прозваний. Таковы псари Савка, Хлам, Данилко (Московский уезд), Романко (Рузский уезд), Илейко Олешков, Климко (Звенигородский уезд), дьяки Ермола (Московский уезд) и Синец (Дмитровский уезд), подьячие Захар и Осташ Петрушин сын Долгого (Звенигородский уезд), упоминавшийся выше истопник Антон Гладкий (Переславский уезд), сытник Курбат Третьяков (Клинский уезд). На низкий социальный статус многих помещиков указывает то, что в официальных документах, как мы только что могли убедиться, многие названы уменьшительными именами. К перечисленным можно добавить Ивашку Саврасова, Ивашку Булгакова-Елсуфьева, Сеньку Варнавина, Якуша Долгого, Гришу Мишенина сына, Сеньку Захарова, Ивашку Муху, Митьку Хомутова, Васюка Порха[77].

Выяснено холопье происхождение некоторых помещиков. А. А. Зимин обращал внимание на ставших помещиками холопов волоцких князей Митю Сокольника и др. Рузский помещик Демид Бортенев, известный в 1504 г., принадлежал к старому роду холопов, еще раньше выбившемуся в состав вольных слуг. Уже в первой четверти XV в. холоп звенигородского князя Юрия Дмитриевича Бортень владел землей Бортеневской в княжестве своего государя. Его потомки стали вотчинниками в пограничных частях Московского, Звенигородского, Дмитровского и Рузского уездов. Все это убеждает в справедливости вывода А. А. Зимина, что существовала «генетическая связь поместной системы с землевладением низших чинов княжеского двора, происходивших из холопов, «слуг под дворским», сытников, посельских»[78]. Это положение, однако, требует некоторых ограничений: оно относится лишь к рубежу XV—XVI вв., и притом только к тем помещикам центральных уездов, которые не являлись бывшими новгородцами; речь идет, таким образом, о том третьем элементе в составе первых помещиков, о котором говорилось выше.

Чтобы понять дальнейшие изменения в социальном составе помещиков, необходимо попытаться изучить поместье за пределами Новгородской земли в последующие десятилетия XVI в. — до начала реформ Избранной рады. О псковском поместье этого периода по сравнению с Новгородом немного сведений, но, вероятно, оно качественно не отличалось от новгородского[79]. Некоторые данные есть о Тверской земле и о присоеди-

ненных на рубеже XV—XVI вв. восточных уездах Смоленской земли (Торопецкий, Вяземский, Бельский).

Социальные отношения в Тверской земле исследованы А. А. Зиминым и Б. Н. Флорей[80]. В частности, выяснено, что основная часть тверской знати осталась на местах, а первые поместья там раздавались еще тогда, когда формально сохранялись некоторые элементы независимости Твери и в ней княжил сын Ивана III — Иван Иванович.

Судьбы удельных княжеств Тверской земли сложились по-разному. Территории Кашинского, Зубцовского, Холмского и Старицкого уделов (уездов) прочно оторвались от Твери: и потому, что они вошли в состав уделов князей Московского дома, и потому, что еще во времена независимости выделились в самостоятельные единицы. Здесь получали земли слуги московских удельных князей. В результате оказался, например, близким состав феодалов Дмитровского и Кашинского уездов (не только смежных, но и попавших в одно княжество). Лучше всего сохранились материалы по основной тверской территории — Твери и Микулину.

Так как выводов тверичей почти не было, то в поместную раздачу шли, как и в других уездах Центра, черные и дворцовые земли. Писцовые книги 1539/40 г. знают в Твери две категории поместных земель: «великого князя села и деревни за помещики» (вариант — «за бояры, и за детьми боярскими, и за служилыми людьми за москвичи и за тверичи поместья») и «великого князя села и деревни дворцовые, а розданы помещиком». Эти две категории земель отмечены одновременно почти в каждом из станов Тверского уезда. И. И. Лаппо считал, что различие между ними сводится к тому, что в первом случае речь идет о розданных в поместья черных землях, а во втором — о дворцовых. Однако глагол «раздать» последовательно употребляется лишь при описании бывших дворцовых земель. Г. В. Абрамович доказал, что земли первой категории были поместными ранее, а второй — розданы в поместья при составлении писцовых книг или непосредственно перед ним. Таким образом, тверские писцовые книги 1539/40 г. сохранили следы проведенного тогда крупного правительственного мероприятия — раздачи в поместья массива дворцовых земель, вероятно большого поместного верстания 1538/39 г. [81] О его масштабах можно судить по тому, что если в категории «великого князя села и деревни за помещики» числилось 23 365 четей в поле паш-

ни, то в категории розданных дворцовых земель — 24 253 чети [82]. Итак, за один раз помещикам раздали земли больше, чем за все предшествующие четыре десятилетия.

К поместным раздачам 30-х годов XVI в. еще предстоит вернуться, но прежде попытаемся выяснить, что происходило в Тверском уезде в 10—20-х годах. Обратимся для этого к следующему, предпринятому в середине XVI в. описанию Тверского уезда. Оно относится приблизительно к 1548 г.[83], и, вероятно, его целью было проверить владельческие права у всех местных феодалов и тем самым попытаться навести порядок после времени боярского правления. Именно поэтому в описании всегда отмечается, на каком основании владеет служилый человек вотчиной или поместьем.

Но, к сожалению, на практике источник вовсе не так хорош и всеобъемлющ, как может показаться. Многие помещики (а нас здесь только они и интересуют) обещали представить свои грамоты позднее, у других грамоты были утрачены, сгорели в пожаре и т. д. Да и те грамоты, которые попали к писцам, описаны не всегда точно. Так, в описании волости «Шесский уезд» при грамотах вовсе не указаны даты. В описании других волостей и станов тоже не всегда отмечается дата, часто сообщается лишь имя государя, выдавшего грамоту. Но когда говорится о грамоте «великого князя Ивана Васильевича», то под этим маловразумительным названием могут скрываться грамоты как Ивана III, так и Ивана IV за 1533—1547 гг., до принятия царского титула. Не всегда к тому же понятно, кому была дана грамота: нынешнему владельцу или его умершему предшественнику. Всего в этом описании Тверского уезда упомянута 91 грамота. Они распределены по времени выдачи следующим образом:

Датированные грамоты

1486 г. — 1	1515 г. — 1	1527 г. — 2	1544 г. — 2
1488 г. — 2	1519 г. — 1	1529 г. — 1	1546 г. — 1
1489 г. — 1	1520 г. — 4	1537 г. — 1	1547 г. — 1
1505 г. — 1	1524 г. — 10	1540 г. — 3	1548 г. — 3
1506 г. — 1	1525 г. — 3	1541 г. — 2	1549 г. — 1
1507 г. — 1	1526 г. — 2	1542 г. — 1	

Грамоты, выданные от имени

Вел. кн. Ивана Васильевича	—18
Василия III	—18
Ивана IV (царя)	— 8
Вел. князя (без указания имени)	— 1

Таким образом, ясно вырисовываются годы, в которые выдано больше грамот. 13 грамот (вместе с выданными «царем и великим князем») относятся к 1547—1549 гг. Полученные непосредственно перед составлением тверских писцовых книг (и даже во время работы над ними), они не успели ни сгореть, ни затеряться; кроме того, на выдачу этих грамот мог повлиять и приход к власти новой правительственной группировки.

15 грамот относятся к 1524—1526 гг., причем к ним следует прибавить не менее половины грамот Василия III. Можно предположить, что около этого времени в Тверском уезде проходили массовые поместные раздачи.

Раздачи же времени «большого верстания» (1539/40 г.) не нашли такого яркого отражения в статистике грамот, хотя некоторое увеличение их числа заметно: после перерыва в восемь лет следуют одна грамота 1537 г., три — 1540 г. и две — 1541 г. Возможно, именно к этим раздачам относится и часть грамот «великого князя Ивана Васильевича». Не исключено, что грамоты этого периода тверские помещики либо скрывали, отговариваясь утратой или пожаром, либо маскировали, опуская при записи в книгах дату и лишь указывая имя великого князя: раздачи времени боярского правления были под подозрением и грамота с одиозной датой могла подвести владельца.

Если весь этот ход рассуждений верен, то получается, что распространение поместья в Тверском уезде шло в конце XV — первой четверти XVI в. постепенно (по наблюдениям Г. В. Абрамовича, во времена Ивана III поместья получили всего около 10% тверских помещиков[84]), а около 1524 и 1539—1541 гг. проводились массовые раздачи из фондов черных и дворцовых земель.

Кто же был испомещен в Твери? К сожалению, ответить на этот вопрос не могут отмеченные в тверских писцовых книгах жалованные грамоты, ибо они относятся в основном к малоизвестным родам. Это и понятно: у людей познатнее были московские дворы, где они держали свои документы; там они и погибли во время опустошительного пожара 1547 г. У многих представителей феодальной верхушки тверское поместье было далеко не единственной земельной собственностью, и они хранили свои «крепости» в другом месте, а потому обещали писцам представить их позднее.

Поэтому для сопоставления состава помещиков, в разное время испомещенных в Твери, остается путь за-

ведомо менее точный — сравнение двух категорий помещиков в писцовых книгах 1539/40 г.: тех, кто владел землей раньше, и тех, кто получил поместье при (или перед) составлении писцовых книг. При выкладках учитывалось не число помещиков, а количество их земли: такая методика дает более точные данные об удельном весе разных категорий владельцев и успешно использовалась Ю. Г. Алексеевым и Г. В. Абрамовичем[85]. Происхождение помещиков определялось по родословным книгам и по данным о землевладении (включая и однородцев) за предшествующее время или в крайнем случае синхронным.

Не буду докучать читателю утомительными выкладками, определяющими происхождение того или иного из тверских помещиков, а представлю в виде таблиц лишь их результаты[86].

Таблица 1

Распределение поместной земли в Тверском уезде по категориям землевладельцев в раздачах до 1539/40 и в 1539/40 г.

Категория землевладельцев	Было к 1539/40 г.		Роздано около 1539/40 г.	
	четей в поле	в %	четей в поле	в %
Князья	3 089	13,2	5 230	23,1
Тверичи	3 322	14,2	3 508	15,5
Вотчинники других уездов	9 636	41,3	9 347	41,2
Мелкие слуги	1 115	4,8	1 811	8,0
Вне групп	328	1,4	1 412	6,2
Нет данных	5 875	25,1	1 357	6,0
Итого	23 365	100,0	22 665	100,0

В графе «Князья» данной таблицы учитывались не все носители княжеского титула, а лишь отпрыски тех княжеских родов, которые записаны в Дворовой тетради и Тысячной книге в составе княжеских корпораций. Тверские князья (Микулинские и Телятевские) помещены в рубрике «Тверичи» вместе с тверскими вотчинниками. Лица, стоящие «Вне групп», — это те, относительно которых есть сведения о происхождении, но которые могут быть зачислены одновременно в разные рубрики (например, дьяков и мелких слуг и т. п.); как правило, они являлись служилой мелкотой. К служилой же мелкоте в основном принадлежали, ве-

роятно, и те, происхождение которых неизвестно: чем более высокое положение занимал род, тем больше сведений о нем доходит до историка, и наоборот.

Итак, в раздачах до 1539/40 г. около 30% земли досталось служилой мелкоте, а 70% — отпрыскам старых вотчинных родов. В ходе верстания 1539/40 г. произошла аристократизация состава помещиков: люди невысокого ранга получили теперь не более 20% земли, зато в полтора с лишним раза возросла доля испомещенных князей; всего в руки старых вотчинников попало 80% всей розданной земли.

Имеется еще одно существенное различие в составе помещиков до 1539/40 и в 1539/40 г. Среди тех, кто получил земли во время верстания, преобладали люди, связанные с территорией Дмитровского удельного княжества, которое было ликвидировано в 1533 г. в результате ареста князя Юрия Ивановича. Речь идет о входивших в его удел Дмитровском, Звенигородском, Кашинском и Рузском уездах. Что это преобладание не случайно, видно из сопоставления сведений о раздачах в 1539/40 г. с данными о тех, кто владел поместьями в Твери раньше (в таблицах 2 и 3 проценты вычислены не по отношению ко всему массиву поместных земель, а лишь по отношению к земле, розданной вотчинникам из других уездов, т. е. соответственно к 9636 и 9347 четям в поле):

Таблица 2

Связь тверских помещиков с Дмитровским уделом

Характер связи	Роздано			
	до 1539/40 г.		около 1539/40 г	
	четей	в %	четей	в %
Связь несомненна	2 743	28,5	4 136	44,2
Связь возможна	2 064	21,4	2 851	30,5
Итого	4 807	49,9	6 987	74,7

Таким образом, количество возможных бывших вассалов Юрия Дмитровского в раздачах 1539/40 г. выросло в полтора раза. Многие из тех испомещенных до 1539/40 г., кто так или иначе был связан с Дмитровским уделом, — выходцы из Рузы, входившей до Дмитровского удела в Волоцко-Рузское княжество. После смерти в 1494 г. князя Бориса Васильевича это княжество раз-

делилось на две части: Рузское, прекратившее существование в 1503 г. со смертью своего князя Ивана Борисовича, и Волоцкое, просуществовавшее до 1513 г., когда умер князь Федор Борисович. Связи испомещенных в Твери служилых людей с Волоцко-Рузским княжеством видны из следующей таблицы:

Таблица 3

Связь тверских помещиков с Волоцко-Рузским уделом

Характер связи	Роздано			
	до 1539/40 г.		около 1539/40 г.	
	четей	в %	четей	в %
Связь несомненна	2 219	23,0	1 544	16,5
Связь возможна	2 038	21,2	1 097	11,7
Итого	4 257	44,2	2 641	28,2

Следует учесть, что многие из числа получивших поместья около 1539/40 г. — бывшие слуги дмитровского князя Юрия Ивановича. Таким образом видно, что при раздачах до 1539/40 г. около трети земель получили люди из Волоцко-Рузского удела.

По этим данным восстанавливается (естественно, с большой долей гипотетичности) ход испомещения в Тверской земле выходцев из других уездов. В первой трети XVI в. поместья здесь получили вассалы умершего в 1513 г. волоцкого князя Федора. После ареста дмитровского князя и ликвидации его удела в составе тверских помещиков появились люди и из этого княжества. Получение тверского поместья не было сопряжено с потерей вотчин на прежнем месте (хотя, вероятно, в первую очередь испомещали тех, у кого было недостаточно земли): и однородцы, и сами испомещенные в те же и в последующие годы встречаются как послухи, а то и как вотчинники в старых уездах. Испомещение в Твери было не выселением, а пожалованием. Слуги удельных князей, переходя после ликвидации удельных княжеств на службу к великому князю, улучшали тем самым свое материальное положение. Не в этом ли причина того, что арест в 1533 г. Юрия Дмитровского не вызвал сопротивления его вассалов, а мятеж Андрея Старицкого в 1537 г. был подавлен с такой легкостью?

Стало традицией определять время боярского правления как период реакции, а поместную систему — как

прогрессивное явление. С точки зрения этих стереотипных представлений может показаться парадоксом, что массовые поместные раздачи в Тверском уезде приходятся как раз на годы боярского правления. Дело, вероятно, в том, что неверны сами представления. Г. В. Абрамович справедливо возражает против характеристики политики Шуйских как направленной против помещиков[87].

Массовость поместных раздач времени боярского правления нашла отражение и в заявлениях самого Ивана IV, и в правительственных документах. Около 1550 г. были составлены «вопросы» Ивана IV митрополиту Макарию, содержавшие программу государственных реформ. В одном из них о поместных раздачах, произведенных «после великого князя Василья и после великие княгини Елены до возраста царьского», сказано: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». Схожая характеристика поместной политики этого времени содержится в летописном изложении Уложения о службе 1555/56 г.: «Которые вельможи и всякие воини многими землями службою оскудеша, не против государева жалования (поместий. — *В. К.*) и своих вотчин служба их». В послании, отправленном в Москву перед учреждением опричнины, царь Иван писал, что «вь его государьские несвершеные лета... бояре его и воеводы земли его государьские себе розоимали, и другом своим и племяни его государьские земли роздавали», в результате чего держат «за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие».

Обвинения в широких поместных раздачах (частично, вероятно, из дворцовых земель Дмитровского и Старицкого уделов) читаем и в первом послании Ивана Грозного Курбскому. Бояре, по словам царя, «дворы, и села, и имение дядь наших себе восхитиша и водворишася в них», Шуйские же «вся восхитиша лукавым умышлением, бутто детем боярским жалование, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, *верстая* (курсив мой. — *В. К.*) не по достоинству»[88].

Действительно, в раздаче около 1539/40 г. князь Петр Иванович Шуйский получил в Тверском уезде 1306 четей поместья; его однородец князь Александр Борисович Горбатый, возможно, незадолго до этого времени получил тверское поместье в 1072 чети. Массовые раздачи продолжались и после падения Шуйских. Так,

около 1547 г. много черных земель раздали в поместья в Шеренской волости Московского уезда[89].

Поместная система распространялась и на земли, присоединенные в результате войн с Великим княжеством Литовским. В этом отношении характерен Вяземский уезд. Вязьма была присоединена в 1493 г. в ходе так называемой пограничной войны, и тогда же Иван III «вяземских князей и панов... пожаловал их же вотчиною Вязмою». Анализируя вяземские писцовые книги, М. Н. Тихомиров осторожно замечал, что «трудно сказать, кто из помещиков принадлежал к старым родам», и обращал внимание на «почти полное отсутствие указаний на владения вяземских князей, которым, по-видимому, были отведены поместья и вотчины в других уездах»[90].

Это замечание справедливо лишь отчасти: указания на владения вяземских князей в их бывшей вотчине, любезно им пожалованной в конце XV в., к середине XVI в. отсутствуют не почти, а просто полностью. В Тысячной книге и Дворовой тетради князья Вяземские записаны по Переславль-Залесскому, Романовскому (Пошехонскому), Белозерскому, Костромскому, Кашинскому и Серпуховскому уездам; кроме того, четверо Вяземских, которые названы без титула и связь которых с княжеской семьей вероятна, но не несомненна, числятся по Малоярославецкому уезду. Нет только ни одного из них среди вяземских служилых людей. Нет их и в вяземских писцовых книгах, включая их подробные ретроспективные указания, доходящие до середины XVI в.[91]

Таким образом, и в годы опричнины, когда на краткий срок благодаря любимцу Ивана IV Афанасию Вяземскому необыкновенно выросло влияние этой семьи, ни один из Вяземских не получил даже клочка земли в родовом гнезде. А ведь Вязьма входила в опричнину, и сами Вяземские стали опричниками. Они были выселены из Вязьмы, и навсегда. Немногочисленные сведения о земельных владениях Вяземских (в основном поместьях) относятся к Костромскому, Старицкому, Суздальскому, Московскому и Пошехонскому уездам[92].

К сожалению, нет сведений об именах остальных местных землевладельцев — «вяземских панов» до 1493 г. Поэтому придется ограничиться отрывочными антропонимическими данными. К старому вяземскому роду могли принадлежать, судя по польскому корню фамилии, двое Маршалковых, записанных по Вязьме

в Дворовой тетради. Среди помещиков Вяземского уезда встречаются Волженские и Коковинские[93]. Обе фамилии вяземского происхождения: в Вяземском уезде упоминаются Волженская волость, Коковинский и Коков станы, река Коковинка[94]. Волженские упоминались также как помещики в Медынском уезде, как послухи — в Рузском и Муромском уездах, а Коковинские — как послухи в Дмитровском и Коломенском уездах[95].

В Дворовой тетради в ряде уездов записаны группы лиц, объединенные в рубрики «Литва дворовая». Под этим заголовком помещались выходцы из Великого княжества Литовского, в том числе и те смольняне, которые попали в состав русских служилых людей после присоединения Смоленской земли. В Медынском уезде в составе «Литвы дворовой» было четверо Здешковских и двое Лосминских, фамилии которых тоже указывают на вяземское происхождение. Село Издешково и ныне находится в 45 км западнее Вязьмы на Смоленской дороге, а из Издешковских возможны Здешковские. В Вяземском уезде известны также река Лосмина, или Лосьминка, возле деревни Лосмино и Лосьминский стан. Лосминские встречаются и в других местах. Так, Андрей Федоров сын в 1542/43 г. владел поместьем в Переславском уезде, причем рядом со смольнянином Афанасием Семеновым сыном Беликовым. Сын Андрея в 50—60-х годах XVI в. был послухом и писцом многих грамот в Переславском, Суздальском, Звенигородском и Дмитровском уездах[96].

Эти данные, разумеется, фрагментарны, но они позволяют предположить, что большинство «вяземских панов» было выселено либо в центральные уезды, либо в Медынский уезд: он был расположен по соседству, но еще во времена Дмитрия Донского вошел в состав Руси. Лишь небольшая часть вяземских землевладельцев осталась на месте, но уже в качестве помещиков.

Вяземский уезд в XVI в. — край чисто поместного землевладения. М. Н. Тихомиров писал, что поместное землевладение «к концу XVI столетия начинает здесь постепенно вытесняться крупными вотчинами». Это не так. Здесь до конца XVI в. известно лишь одно пожалование вотчины из поместья, да и то по исключительному поводу: в 1579 г. было превращено в вотчину поместье родственников царской сожительницы (или полузаконной жены?) Василисы Мелентьевны. В самом конце XVI в. отдельные дети боярские получили вотчины из поместий за особые военные заслуги. По мнению

М. Н. Тихомирова, «порубежное положение мало способствовало развитию здесь боярских вотчин»[97]. По-видимому, дело в том, что территория Вяземского уезда осваивалась Москвой в конце XV — начале XVI в., когда вотчины уже перестали жаловать.

Путем освоения Вяземского уезда были вывод местных землевладельцев и поселение на их место помещиков из других уездов. На это указывает состав вяземских служилых людей, зафиксированный в Тысячной книге и Дворовой тетради. Все они — помещики, имена большинства из них можно найти в ретроспективных указаниях на прежних владельцев в вяземских писцовых книгах конца XVI в.

В трех статьях Тысячной книги записано 56 вязьмичей, из которых семеро (князь Дмитрий Данилов сын Гагарин, Алексей Андреев сын Годунов, Дмитрий Иванов сын Маршалков, Степан Тимофеев сын Чубаров, Дмитрий и Никита Тихоновы дети Хирины и Глеб Иванов сын Салтыков) отсутствуют в Дворовой тетради. В составе же Двора по Вязьме числится (включая умерших, вычеркнутых и переведенных в другие уезды) 247 человек. С учетом семерых из Тысячной книги получается 254 вяземских помещика. Поскольку для выяснения доли пришлых среди них нет необходимости точно определять родовое гнездо, при анализе как пришлые безоговорочно учитывались выходцы из старомосковских и княжеских (естественно, не вяземских) родов.

Среди вяземских служилых людей выходцами из несомненно пришлых родов были 184 человека, или около 72%: переславцы Баскаковы (2 человека)[98], Безобразовы (9)[99], Болотниковы (2)[100], Дмитрий Винков сын Бурунов (из старомосковского рода Сорокоумовых-Глебовых), Бутурлины (старомосковский род) (2), Богдан Кибаров сын Васильчиков[101], Вельяминовы-Зерновы (старомосковский род) (7), Викентьевы (из старомосковского рода Добрынских) (7), князья Гагарины (12), Годуновы (старомосковский род) (8), Голохвастовы (6)[102], князья Гундоровы (4), Дедевшины (4)[103], князь Семен Юрьев сын Деев, Петрок Услюмов сын Дмитриев Данилов (из старомосковского рода), Загрязские (2)[104], Замыцкие (старомосковский род потомков Ратши) (6), Захарьины-Княжнины (старомосковский род) (4), галичане Зачесломские (3)[105], Квашнины (старомосковский род) (4), Козодавлевы (2)[106], Меликовы (старомосковский род) (6), князья Мещерские (2), Мятлевы (старомосковский род потомков Ратши) (5), На-

щокины (старомосковский род тверского происхождения) (18), Пильемовы (из старомосковского рода Сабуровых) (2)[107], Плещеевы (старомосковский род) (5), Митька Меньшой Жолобов сын Пушечников[108], Пушкины (старомосковский род) (8), Ржевские (утратившие титул потомки князей Фоминских) (8), Салтыковы (старомосковский род) (6), Судимантовы (2)[109], князь Владимир Иванов сын Тулупов, Никита Иванов сын Тургенев[110], Узкого (8)[111], Хирины и Хирины-Тихоновы (14)[112], Алексей Лукин сын Хлуденев (из старомосковского рода потомков Андрея Кобылы), Чубаровы (7 человек)[113], Васька Яковлев сын Щепин-Волынский (из старомосковского рода)[114].

Вероятно, хотя и не доказано, пришлое происхождение еще 12 вяземских служилых людей, или около 5%: Моклоковых (6 человек)[115], Дмитрия Богданова сына Молоцкого[116], Иванца Меньшого Федорова сына Ознобишина[117], Тарбеевых (3 человека)[118], Фуника Васильева сына Шемякина-Бельского[119].

Для 53 вяземских помещиков, или около 21%, происхождение не установлено: либо из-за отсутствия их однородцев в актах, либо из-за слишком распространенного фамильного прозвания. В эту группу включены Овсяник Михайлов сын Бестужев, Губины (2 человека)[120], Давыдовы (2), Засецкие (4), Кикины (8), Елисей Алексеев сын Красного, Кучуковы (3), Митьковы (2), Наумовы (3), Одинцовы (2), Сакулины (3)[121], князья Умаровы (2)[122], Хитрово (6), Чурляевы (2), Шатовы (4), Шокуровы (4), Шоршавины (4 человека)[123].

Наконец, возможно местное происхождение двоих Сюльменевых[124] и, как уже отмечалось, троих Маршалковых, т. е. пяти вяземских помещиков, или около 2%.

Таким образом, пришлые роды абсолютно преобладали среди вяземских помещиков середины XVI в.

Переселения в Вяземский уезд начались вскоре после его присоединения. Выше отмечалось, что вяземские помещики упоминаются еще в 1501 г. В 1519 г. в сельце Новом, под Вязьмой, была переписана книга по заказу («наймом», «строением и попечением и повелением») Ивана Григорьевича Годунова, трое сыновей которого были записаны по Вязьме в Дворовой тетради. Следовательно, к 1519 г. Годуновы уже стали вяземскими помещиками. В 1530 г. трое Болотниковых получили в Вяземском уезде поместье, бывшее до того поместьем Ивана Данилова сына Моклокова[125].

Но на основании этих единичных фактов нельзя от-

ветить на вопрос, когда закончилось освоение Вяземского уезда московскими помещиками, произошло ли оно единовременно, сразу после присоединения, или растянулось на несколько десятилетий. Поэтому обратимся к другому уезду Смоленской земли, отвоеванному у Великого княжества Литовского, — Торопецкому.

Торопец перешел к Руси по перемирию 1503 г. До нас дошли писцовые книги этого уезда, составленные около 1540 г.[126] Судя по заголовку («Лета 7000 четыредесят осмаго и лета 7000 четыредесят девятаго»), работа над ними шла в 1539/40—1540/41 гг., но в тексте упоминаются пустоши, данные на «льготу» в 7051 (1542/43) г., т. е. через два года после последней даты. Вне зависимости от того, продолжалось ли составление книг после 1541 г. или при изготовлении списка были сделаны дополнительные уточнения, это текст начала 40-х годов XVI в.

В торопецких книгах описано 41 поместье, но два из них принадлежали городничим по должности, т. е. сохранялись за ними, пока они занимали этот пост. Оба городничие — Иван Гаврилов сын Чмутов Рябинин и Гость Александров сын Коведяев - - имели и свои личные поместья. Поэтому для подсчетов остается 39 владений.

Писцы не всегда указывали прежних владельцев, а, видимо, лишь тогда, когда поместье переходило не по наследству. Так, не раз встречаются совместные владения братьев, дядей и племянников; ясно, что по крайней мере некоторые из них были уже не первыми владельцами, но книги об этом молчат. Например, при описании поместья братьев Безкунниковых не сказано, что они унаследовали его от отца, но отмечено, что один из них выменял у родственника «его старое поместье на свое на старое на отцовское». На 39 поместий в книгах названы всего 10 бывших владельцев. Из них двое — Арина и Захарья Языковы — новгородские помещики, поставившие свои деревни на торопецкой земле; эти деревни у них были отписаны писцами Василием Алексеевичем Пушкиным и дьяком Колтырей Раковым. Родственники еще четырех бывших владельцев (Федца Аристова, Василия Иванова сына Зеленого и братьев Черного Чеглоковых) продолжали владеть поместьями в уезде.

Итак, большинство помещиков Торопецкого уезда владело теми же поместьями, которые они сами или их отцы получили при начале раздач. Это свидетельствует о том, что от начала массового испомещения в Торопец-

ком уезде до составления дошедших до нас писцовых книг не могло пройти много времени.

Но когда это испомещение происходило? В тексте есть ссылки на два предшествующих описания: князя Семена Федоровича Курбского; В. А. Пушкина и К. Ракова. Курбский не мог описывать уезд позднее середины 1520-х годов, так как с 1526 г. был в опале. Ссылки на его описание находятся в той части книг, где описаны земли, еще не розданные помещикам. Дело в том, что бывшие торопецкие бояре, служившие великим князьям литовским, в большинстве переселились в Литву, а те из них, кто остался в уезде, именовались «семцами», т. е. земцами (аналогично, вероятно, новгородским своеземцам). Именно в той части книг, где описываются земли торопецких земцев, и находится много ссылок на описание Курбского. Отнести его надо, вероятно, ко времени сразу после присоединения Торопца[127].

Следующее описание — Пушкина и Ракова — скорее всего проводилось в конце 20-х — 30-х годах XVI в.: В. А. Пушкин упоминался в 1532 г., а К. Раков был в 1532 г. псковским дьяком и в 1537 г. писцом в Звенигородском уезде[128]. Именно с деятельностью этих писцов могли быть связаны испомещения в Торопецком уезде. Это тем более вероятно, что Пушкин и Раков отписали у новгородских помещиков захваченные ими торопецкие земли: захватить земли в соседнем уезде было, разумеется, легче, пока они не розданы в поместья; обратить же внимание на захват естественно при раздаче.

Большинство торопецких помещиков — выходцы из старых вотчинных родов, иной раз — из старомосковских боярских. К волоцко-рузской ветви Кутузовых принадлежали пятеро Голенищевых. Из Салтыковых-Морозовых вышли Семен Иванов сын Дятелина (Осокин-Травин), рузский вотчинник, и 13 Чеглоковых, земельные владения которых не установлены[129]. Иван Обиняк Андреев сын Сабуров происходил в действительности не из Сабуровых, а из другой ветви Вельяминовых-Зерновых; его отец Андрей Федорович, по Румянцевской редакции родословных книг, был «на поместье в Торопце»[130]. Четыре брата Игнатьевы принадлежали к старинному роду потомков Бяконта. В уезде указаны поместья семерых Кушелевых. Их однородцы в XV в. владели вотчинами в Радонеже и Дмитровском уезде. Братья (?) торопецкого помещика Никиты Федорова сына — Борис и Дмитрий Федоровы дети Кушелевы упоминаются как послухи в 1536/37—1553/54 гг. в Рос-

товском и в 1561/62 г. в Московском уездах. Некто Ел Кушелев был в 1565/66 г. землевладельцем в Осецкой волости Костромского уезда[131]. В Дворовой тетради и Тысячной книге Кушелевы записаны по Торопцу и Дмитрову.

Среди торопецких помещиков было также четверо Кафтыревых. В конце XVII в. Кафтыревы подали родословную роспись, впрочем, явно неполную: там отсутствовали не только члены рода, упоминавшиеся в торопецких книгах, но и многие другие, известные по актам. К росписи приложен список льготной грамоты Василия Дмитриевича от 30 января 1424 г. Ивану Кафтыреву на земли в Осецком стане Костромского уезда[132]. С. Б. Веселовский писал, что «подлинность грамоты вызывает сомнения»[133], хотя и не привел на этот счет аргументов.

Формуляр акта в основном соответствует эпохе, за исключением одной подробности: точного и одновременного указания и на стан, и на уезд. Такое обозначение появляется лишь на рубеже XV—XVI вв. В актах же первой половины XV в., если хотели кроме уезда назвать и его часть, использовали описательные формулы типа «в Переславском уезде в Верхдубенье» (1425—1427 гг.), «в Кинеле и в Городьском уезде в Переяславьском» (1435 г.), «в Торжку на Тферском рубеже» (1447—1455 гг.), «в моей волости в Костромской в Емстне» (1448 г.)[134]. Таким образом, в первой половине XV в. термины «стан», «волость» и «уезд» совместно в актах не употреблялись.

Возможно, имя Кафтырева и указание на Осецкий стан были вставлены позднее в текст подлинной грамоты Василия I, выданной другому лицу или даже монастырю: ведь в середине XVI в. Кафтыревы действительно были связаны с Осецким станом (волостью). Дочь Григория Иванова сына Кафтырева Авдотья была замужем за Федором Федоровым сыном Чмутовым-Нелюбовым, однородцем торопецких помещиков и вотчинников Осецкой волости, умершим до 1553/54 г. В той же волости по соседству с Чмутовыми упоминались в 1563/64 г. как землевладельцы Леонтий и Григорий Есиповы дети Кафтыревы[135]. Но для первой половины XVI в. несомненна связь Кафтыревых с Переславлем: до 1505/06 г. Иван Данилов сын Кафтырев занимался там межеванием, а в 1525 г. упоминался как послух. В 1548/49 и 1553/54 гг. там же послухами были его (?) сыновья Григорий и Яков Ивановы дети (возможно, братья торопецких помещиков Ивана Пшенки и Петра

Ивановых детей). Пятый брат (?) — Чудин в 1544/45 г. был послухом в Московском уезде[136].

С Костромой были связаны и другие торопецкие помещики: Иван Гаврилов сын Чмутов-Рябинин, из рода костромских вотчинников Кишинских, и Ширяй Федцов сын Аристов, отец и дядя которого, Федор (Федец) и Алексей Васильевы дети Аристовы, в 1537 г. владели вотчиной в Костромском уезде[137].

Выходцами из Суздальского уезда могли быть Иван Байда и Степан Иванов сын Зеленого: их сестра (?) Офимья Иванова дочь, жена Романа Нороватого, в 1541 г. продала вотчину в Суздальском уезде[138]. Возможно, вотчина была не из ее рода, а из рода мужа, но это мало меняет дело: среди мелких и средних феодалов браки обычно заключались внутри уезда.

Из детей боярских волоцко-рузских князей происходил Угрим Ершов сын Окороков: его однородцы упоминаются в актах этих уездов, а в других уездах — в связи с Иосифо-Волоколамским монастырем[139].

К роду старинных московских вотчинников Жеребцовых принадлежал Семен Кокорев (вероятно, сын Андрея Борисовича Кокоря Синего), родственники которого были новгородскими помещиками[140].

Происхождение или земельные владения остальных 33 торопецких помещиков до середины XVI в. не установлены (для части из-за слишком распространенных фамилий).

Итак, более половины (37 из 70) торопецких помещиков происходило из старых вотчинных родов, причем возможна связь с ними и части остальных. Следовательно, в Торопецком уезде встречается та же картина, что и в Тверском и Вяземском: в 20—30-х годах XVI в. раздают поместья прежде всего отпрыскам старых служилых семей.

Можно попытаться также установить, откуда по преимуществу шло переселение в Торопецкий уезд. Шесть человек (четверо Чмутовых-Рябининых, И. А. Обиняк Сабуров и Ш. Ф. Аристов) были несомненными выходцами из Костромского уезда. С тем же уездом и в значительной степени с одним и тем же Осецким станом были так или иначе связаны еще 11 человек (семеро Кушелевых и четверо Кафтыревых). Семь человек (пятеро Голенищевых, С. И. Дятелина и У. Е. Окороков) происходили из Волоцко-Рузского княжества. Если учесть, что неизвестны земельные владения Чеглоковых (13 человек), то окажется, что с Костромой и с Волоцко-Руз-

ским уделом было связано большинство торопецких помещиков. Переселения из Волока и Рузы в Торопецкий уезд, вероятно, происходили тогда же, когда и в Тверской, — около 1520-х годов, после ликвидации Волоцкого княжества.

Тверской, Вяземский и Торопецкий уезды были избраны как примеры. Здесь нам известны и история территории, и достаточное для анализа количество служилых людей. Но подобные же перемещения несомненно происходили то в большем, то в меньшем масштабе по всей обширной территории Русского государства. Как и в новгородском варианте, они затрагивали не только тот уезд, куда шло массовое переселение, но и те уезды, откуда переселялись служилые люди. В результате происходило постепенное перемешивание феодалов-землевладельцев, уничтожалась их территориальная замкнутость и создавался общерусский класс феодалов.

Нередкими становились случаи, когда однородцы, а порой даже близкие родственники оказывались записанными по службе в разных уездах. Тысячная книга и Дворовая тетрадь дают немало таких примеров. Ограничусь лишь некоторыми из них: Беклемишевы были записаны по Бежецкому верху, Дмитрову, Кашину, Клину, Козельску, Коломне и Ржеву; князья Борятинские — по Боровску, Калуге, Кашире, Коломне, Тарусе; Валуевы — по Белой, Боровску, Можайску, Москве, Ржеву, Старице; Заболоцкие — по Волоку, Дмитрову, Можайску, Москве, Новгороду, Переславлю, Пскову, Ржеву, Рузе; Колычевы — по Белой, Боровску, Можайску, Москве, Новгороду, Суздалю, Торжку, Угличу; Кузьминские — по Боровску, Владимиру, Можайску, Москве, Тарусе, Твери; князья Мезецкие — по Дорогобужу, Костроме, Можайску, Москве, Мурому, Стародубу; Новосильцевы — по Боровску, Пскову, Ржеву, Старице, Торжку; Унковские — по Волоку, Дмитрову, Новгороду, Ржеву.

Как происходило это переселение, можно себе представить по одному из более поздних документов. В 1561 г. во время судебного разбирательства о спорной вотчине переславский сын боярский Василий Борисов сын Петлин сообщал, что он около 1558 г. «написался... в жильцы в Новгород в Нижней». «И бояре, — продолжал Петлин, — нас после того наборзе сослали в Новгород [Нижний] поместей имати»[141]. Существенно, что Петлин «написался в жильцы» сразу после того, как заложил вотчину и его земельное обеспечение по

крайней мере ухудшилось. Если же вотчина была единственной, то он и вовсе лишился земли. Вероятно, именно такие безземельные и малоземельные дети боярские были готовы «наборзе» ехать в далекие от дома края «поместей имати».

Перед нами не единичное испомещение, а фрагмент обширного мероприятия по освоению Нижегородского уезда: набор «жильцов» проводят «бояре», т. е. специальные правительственные уполномоченные; не случайно также, что Петлин говорит: «...*нас* (курсив мой. — *В. К.*)... сослали» — речь идет о многих служилых людях. Повествование Петлина деловито и лаконично: видно, что процедура, о которой идет речь, привычна, не вчера возникла и хорошо известна слушающим его судьям. Так что и в середине XVI в. массовые переселения оставались по крайней мере одним из путей дальнейшего распространения поместной системы.

На первый взгляд могут возникнуть ассоциации с принудительными переселениями опричной поры (впрочем, как будет показано в главе IV, не столь всеобъемлющими). Однако сходство здесь чисто внешнее. Выселенцы не теряли своих вотчин (разумеется, если они у них были) и добровольно переселялись на новые места: ведь, например, Петлин сам «написался в жильцы», а не его «написали». Принудительными были лишь выводы из Новгорода, Пскова и Смоленской земли.

Что вызывало эти переселения? Численность феодалов росла быстрее, чем земельный фонд в старых и обжитых уездах. Многие вотчины мельчали в семейных разделах. Отпрыски когда-то могучих феодальных семей нищали и иной раз оказывались холопами-послужильцами у своих более удачливых собратьев[142]. Но вот возникает поместье. И переселения феодалов на новые земли уменьшают опасность превратиться в холопов, дамокловым мечом висевшую над обедневшими вотчинниками. Правительство теперь создает условия для того, чтобы обеспечить землей весь господствующий класс. Эта возможность сохранялась долго — пока не были исчерпаны земли, пригодные для испомещения.

Но одновременно правительство преследовало и другую цель. При вотчинной системе все время шел процесс «расслоения» вотчинников (если позволительно применить к феодалам этот термин): богатые все богатели, а бедные все беднели. Шла поляризация размеров земельной собственности. Но этот процесс не мог не сказываться отрицательно на боеспособности войска: у

мельчайших вотчинников зачастую не хватало средств, чтобы самим выйти на службу, зато крупные, «ленивые богатины», как с ненавистью называл их публицист XVI в. Иван Пересветов, даже при точном выполнении своих обязанностей выводили в поле лишь военных холопов, а не самостоятельных воинов. В интересах службы было усреднение размеров земельной собственности. Именно этого результата достигали при массовом испомещении.

Такое явление хорошо проследили З. А. Тимошенкова и Ю. Г. Алексеев в Новгородской земле. До конфискаций Ивана III мелким вотчинникам (вотчины размером до 50 коробей, около 56 га) принадлежало лишь 18% всей земли, а их число составляло почти 78% всех землевладельцев; крупные же вотчинники составляли всего 4% землевладельцев, но владели 51% земли (вотчины свыше 300 коробей). Средние вотчинники (их было 18%) владели 31% земельной площади. После же поместных раздач положение коренным образом изменилось: мелкие собственники составляли теперь всего 22% всех помещиков и владели 5,5% земли; число крупных ненамного уменьшилось (до 3,4%), но количество земли в их собственности резко упало (до 15%). Зато средние собственники стали самой многочисленной и сильной группой: они составили около 74% всех помещиков и владели почти 80% земли[143].

Пора подводить итоги тому, что удалось выяснить о поместье и о его становлении. Историческое значение возникновения поместной системы состояло, как представляется автору, не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении землей растущих старых феодальных семей. Этот вывод вытекает прежде всего из анализа состава помещиков первой половины XVI в., среди которых первое место (по крайней мере по количеству владений) принадлежало отпрыскам давно известных вотчинных родов. Для развития и укрепления вооруженных сил страны в это время вовсе не было еще необходимости широко привлекать в состав господствующего класса новые социальные слои, достаточно было укрепить экономическое положение мельчавших в семейных разделах вотчинных родов. Это и было сделано.

Тем самым появилась возможность запретить обращать в холопы детей боярских, что и было предписано ст. 81 Судебника 1550 г. (впрочем, не до конца выполнявшейся)[144].

Поместье росло главным образом за счет черных и дворцовых земель. То обстоятельство, что поместная земля оставалась «землей великого князя», помогало распространению частного землевладения в форме поместья на земли черных крестьян. Вотчины вопреки распространенному мнению были источником поместья лишь там, где правительство проводило конфискации и массовые выводы, — во вновь присоединенных районах, в Новгородской, Псковской и Смоленской землях, т. е. там, где сочетались два фактора: пограничность территории и недоверие правительства к местным землевладельцам.

В первой половине XVI в. поместья и вотчины были еще во многом схожи; различались они лишь запретом продавать, закладывать и дарить поместья и разрешением всех этих сделок для вотчин. Не случайно такой внимательный наблюдатель, как германский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, дважды побывавший в России в первой четверти XVI в., не заметил существования поместья как особой формы земельной собственности. Но авторы второй половины XVI в. — немец опричник Генрих Штаден и английский дипломат сэр Джильс Флетчер — уже знают различие между поместьями и вотчинами[145].

Именно к этому времени, видимо, усилилось расхождение между поместным и вотчинным правом. Более того, во второй половине, а особенно в последней четверти, XVI в. произошли как будто и значительные изменения в составе помещиков: расширение вооруженных сил и широкие поместные раздачи во вновь осваиваемых районах Юго-Запада и Поволжья ввели в состав дворянства множество новых людей, не связанных со старыми вотчинными родами. Они постепенно стали составлять большинство владельцев поместий. Недаром лишь редким аристократическим родам России XVIII—XIX вв. удавалось найти своих предков хотя бы в конце XVI в., а основная масса «столбовых дворян» доводила свою родословную лишь до помещиков XVII в. Впрочем, и в конце XVI в. было, как и прежде, немало знатных и крупных помещиков и незнатных и мелких вотчинников.

В первой же половине XVI в. не только были во многом схожи поместье и вотчина, но и был близок (если не идентичен) состав помещиков и вотчинников; они не только были выходцами из одних и тех же слоев господствующего класса, но зачастую совмещались в

одном лице. Отсюда вытекает необходимость пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса. Но только на это противопоставление по сути дела опирается ставшее общим мнение о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о «борьбе» боярства и дворянства, под которыми часто понимают владельцев вотчин и поместий. Изучение поместья склоняет автора к скептическому отношению к этой концепции извечной «борьбы» боярства и дворянства.

ГЛАВА IV

НА ЧТО НЕ ПОСЯГНУЛА ОПРИЧНИНА

А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же...
Иван Грозный

...Воскурилося гонение великое,
и пожар лютости в земле
Русской возгорелся.
Андрей Курбский

Всего семь лет — с 1565 по 1572 г. — продолжалась опричнина, но четыре века не утихают споры о ней. В. О. Ключевский, мастер парадоксального афоризма, как-то заметил: «Учреждение это всегда казалось странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»[1]. И хотя с тех пор, как были написаны эти строки, минуло уже больше века, они и сегодня верно отражают историографическую ситуацию. Земельная политика опричнины — один из главных пунктов спора между исследователями. Этой стороне опричной политики и посвящена настоящая глава. Но предмет ее нуждается в некоторых предварительных пояснениях. Поэтому, рискуя злоупотребить вниманием читателя, автор вынужден представить здесь, хотя бы в общих чертах, картину состояния феодального землевладения накануне опричнины.

К началу 60-х годов XVI в. для русского феодального землевладения была характерна причудливая пестрота форм. Прежде всего еще существовало довольно значительное удельное княжество — Старицкое. Оно находилось в руках двоюродного брата царя — князя Владимира Андреевича. Его отец, Андрей Иванович, брат Василия III, в 1537 г. после неудачной попытки мятежа был арестован и погиб в темнице. Сыну через некоторое время было возвращено отцовское княжество. Оно было обширным и разбросанным. Основу его составляли расположенные на северо-запад от Москвы части Тверской земли — Старицкий уезд и бывший удел князей Холмских — Холмская волость. Владимиру Андреевичу принадлежали также территории юго-западнее Москвы: Верейский уезд (вместе с Вышгородом на реке Протве) и Алексин на Оке, южнее Тарусы. Кроме того,

во владении удельного князя было несколько московских и других волостей.

Вторым удельным княжеством был удел глухонемого брата Ивана IV — Юрия. В него входили Углич, Бежецкий верх, Калуга, Малоярославец, Медынь и т. д. Но этот удел существовал только на бумаге. Князь Юрий был вдобавок к глухонемоте «умом прост»: местные служилые люди продолжали служить непосредственно государю всея Руси, лишь доходы с входивших в княжество уездов шли на содержание слабоумного князя. Со смертью в 1563 г. Юрия Васильевича и пострижением в монастырь его вдовы этот удел прекратил свое существование и формально.

Что касается Старицкого княжества, то незадолго до опричнины его территория несколько изменилась. В июне 1563 г. старицкий дьяк Савлук Иванов, арестованный за что-то своим удельным князем, сумел переслать царю донос, что «княгини Офросиния (мать Владимира Андреевича. — *В. К.*) и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят и того для держат его скована в тюрме». Делу был дан ход, Савлука доставили в Москву, Евфросинья и ее сын были обвинены, но прощены, хотя княгине-матери пришлось стать «старицей» (монахиней) и отправиться на далекое Белоозеро, в Горицкий монастырь. Меньше чем через полгода царь отобрал у Владимира Андреевича часть его удела (на юго-западе — Вышгород Верейский и три волости в Можайском уезде), дав взамен Романовский уезд на Верхней Волге[2].

Таким образом, к началу опричнины Старицкое княжество было единственным удельным княжеством на Руси.

Однако наряду с ним сохранились и некоторые владения полуудельного характера. Прежде всего это княжеские вотчины в верховьях Оки, о которых уже шла речь во второй главе. Во многих работах эти владения считают тоже удельными княжествами[3]. Вряд ли это так. Их можно было бы назвать удельно-вотчинными владениями, ибо власть местных князей носила смешанный характер: здесь были элементы и удельные, и вотчинные.

Как справедливо отмечал С. Б. Веселовский, на вотчины «верховских» князей распространялись общерусские законы и налоги. «Владения Воротынских и Одоевских князей, — писал он, — еще задолго до ликвидации их уделов были вовлечены в процесс экономическо-

го, бытового и правового объединения Северо-Восточной Руси». По опубликованным С. Б. Веселовским жалованным грамотам Воротынских достаточно ясно можно проследить разницу между удельным и удельно-вотчинным землевладением. Если формуляр грамот Владимира Андреевича (несомненного удельного князя) почти не отличался от формуляра царских грамот (упоминаются в числе людей удельного князя его «князи и бояре, и дети боярские, и ратные воеводы»), то у Воротынских нет ни своих бояр, ни воевод, а только княжеские наместники[4]. К середине XVI в. постепенно снижается социальный статус этих «верховских» князей. С 1550-х годов входят в Боярскую думу Воротынские[5], хотя Одоевские и Трубецкие остаются на положении служилых князей. Вотчина Воротынских и Одоевских — Одоев с начала XVI в., а вотчина Трубецких — Трубчевск с середины XVI в. появляются в числе тех городов, куда посылают на воеводство и наместничество служилых людей. Первое время в числе наместников обязательно был кто-нибудь из князей этих земель, но незадолго до опричнины положение меняется: с 1560/61 г. в Одоев и с 1564/65 г. в Трубчевск больше не назначали воеводами их владетелей[6].

Близко к этой форме землевладения стояли и обширные территории, подвластные выезжим из-за рубежа князьям. Среди них и литовские выходцы — князья Глинские, Мстиславские, Бельские, Михайло Вишневецкий, и царский шурин князь Михайло Темрюкович Черкасский, сын феодального владетеля Кабарды Темрюка Айдаровича, и молдавский господарь Богдан Александрович, и многочисленные татарские цари и царевичи[7]. Многие из них были скорее вассалами, чем подданными государя всея Руси. За исключением части литовских выходцев, они не перешли в XVI в. на положение бояр. То, что их владения формально считались удельными княжествами, было во многом обусловлено соображениями этикета и размерами вотчин владельцев.

Но тем не менее неправомерно смешивать эти «этикетные» уделы с настоящими: они не имели самостоятельного политического значения. Местные служилые люди продолжали нести службу в общегосударственных войсках под началом московских воевод. Уделы выезжих князей были не наследственными, а жалованными и, как всякое «жалование», могли быть легко отобраны, обменены и т. п. Если в течение XVI в. собственно удельное землевладение просто ликвидируется, а удель-

но-вотчинное сближается с обычным боярским, то количество жалованных уделов даже увеличивается. На этом основании С. Б. Веселовский, а вслед за ним Р. Г. Скрынников пришли к выводу о росте уделов в XVI в.[8] С ними трудно согласиться: ведь жалованные «уделы» отстояли слишком далеко от уделов князей Московского дома, которые могли, опираясь на свое княжество, выступать в качестве династических соперников царю.

Как было показано во второй главе, в течение второй половины XV — первой трети XVI в. шло постепенное слияние княжеского и боярского землевладения. Права землевладельцев все меньше зависели от того, являлась ли вотчина осколком дворцовых земель некогда независимого княжества или обычной боярщиной.

Размеры вотчин были удивительно разнообразны. Как у титулованных, так и у нетитулованных землевладельцев существовали огромные латифундии, иногда по своим размерам приближавшиеся к уделам. Характерной их чертой была разбросанность владений, расположенных обычно не в одном, а в нескольких уездах. У многих из этих феодальных магнатов были свои слуги-феодалы — «арьер-вассалы», говоря языком западноевропейского средневековья. В качестве типичного примера можно привести казненного в годы опричнины боярина Ивана Петровича Федорова-Челяднина. По словам Курбского, у него среди слуг были «шляхетные мужи». Действительно, до нас дошло описание белозерской вотчины И. П. Федорова, составленное после его казни; из него известно, что некоторые его «люди» (т. е. холопы) владели деревнями в его вотчине[9].

Несмотря на постановление ст. 81 Судебника 1550 г., запрещавшей обращать в холопов детей боярских, такие случаи по-прежнему имели место. В этом отношении характерна судьба одного из белозерских князей — Ивана Афанасьевича Шелешпанского. В 1552 г. он был записан в Дворовой тетради, т. е. входил в состав верхушки феодального сословия — Государева двора. Однако при его имени стоит канцелярская помета: «в холопех и умре»[10]. Следовательно, между 1552 и 1560 гг. (когда прекратилось использование Дворовой тетради как действующего документа) он оказался вынужден уйти с государевой службы в холопы.

Размеры земельной собственности лишь отчасти зависели от знатности рода. Удачное продвижение по службе, выгодное место, малое число наследников из

поколения в поколение и вследствие этого передача вотчин к сыну и внуку в нераздробленном виде — все это увеличивало земельное богатство. Крупными вотчинниками становились дьяки и казначеи. Так, в руках отпрыска переславского рода средней руки казначея Никиты Афанасьевича Фуникова-Курцева оказались два больших села с деревнями в Московском и Владимирском уездах, оцененные в невероятно большую для того времени сумму — 1400 руб.[11]

Наряду с крупнейшими латифундиями и вотчинами обычных, средних размеров существовало немало мелких и даже мельчайших. Их размеры были порой таковы, что их владельцы явно не могли прожить, не занимаясь сами сельскохозяйственным трудом (разумеется, наряду с эксплуатацией крестьян). Имено этот критерий для определения вотчины как мелкой справедливо выдвинул Ю. Г. Алексеев. Можно привести примеры некоторых таких вотчин. Так, в середине 1550-х годов в Звенигородском уезде Дмитрий и Овсяник Власьевы вдвоем владели одной деревней с 20 четями (около 30 дес., или 34 га) пашни, третий Власьев, Григорий, был также собственником одной деревни с 16 четями (24 дес., около 27 га) земли; Андрею Коурову сыну Болотникову принадлежала деревня еще меньше — с 13 четями (19,5 дес., или 22 га) земли[12].

К середине XVI в. широко распространились поместья; размеры их также значительно колебались.

Таким образом, вырисовывалась (отчасти показанная в предыдущих главах) тенденция слияния разных форм землевладения, стирания резких различий и барьеров между ними, объединения феодалов-землевладельцев в общерусский господствующий класс. Но тенденция была еще лишь тенденцией. Как наследие удельной старины сохранялась и множественность форм землевладения, и разница между социальными и локальными группами феодалов. Существовали и даже укреплялись территориальные военно-служилые корпорации феодалов, о которых уже шла речь. В 1555/56 г. было принято Уложение о службе, определившее точные нормы службы с земельной собственности — безразлично, поместной или вотчинной. Но и это Уложение только укрепило территориальные корпорации, в руках которых оказалось и наблюдение за служебной годностью детей боярских, и распределение выморочного земельного фонда. Выборные из местного дворянства администраторы — губные старосты и городовые приказчики —

стали играть важную роль и в местном самоуправлении, и в земельных делах.

Каковы были возможные направления будущей земельной политики правительства? Вероятно, наиболее рациональным с точки зрения интересов централизации страны был тот путь, по которому шли реформы середины XVI в., исходившие из уже наметившихся тенденций развития феодального землевладения. Эти преобразования должны были бы постепенно привести к консолидации господствующего класса. Но реформаторская деятельность была прервана падением Избранной рады, а вслед за тем и опричниной.

Фактическая сторона учреждения опричнины в общих чертах (а подробности для целей данной книги несущественны) достаточно хорошо известна: внезапный (разумеется, не для царя) отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу в декабре 1564 г., его демагогический отказ от царства и милостивое согласие в январе 1565 г. вернуться на престол при условии учреждения опричнины. Опричнина выделялась «опричь», т. е. кроме всей земли (что дало Курбскому повод для мрачного каламбура: опричь — кроме, ад, тьма кромешная, опричники — кромешники, адово воинство). Она была личным владением царя, его государевым «уделом», а опричники — его личными слугами. В летописном изложении указа об опричнине после подробного перечисления уездов и волостей, взятых государем «на свой обиход», следует текст, давший основание многим размышлениям о социальной политике тех лет: «А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городех с одново, которые городы поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно»[13].

Это царское распоряжение явилось одним из основных аргументов для созданной С. Ф. Платоновым концепции опричнины как орудия борьбы против сепаратизма княжеско-боярской аристократии. По его словам, «захватывая в опричнину старинные удельные территории для испомещения своих новых слуг, Грозный производил в них коренные перемены, заменяя остатки удельных переживаний новыми порядками»[14].

Концепция С. Ф. Платонова была новым словом в исторической науке. И не просто новым, но и плодот-

ворным. С нее фактически началось изучение именно земельной политики опричнины. Поставленный Платоновым вопрос о социальных корнях опричнины впервые выводил ее изучение из замкнутого круга логических умозаключений и споров о виновности или невиновности жертв подозрительности царя Ивана и усердия его неразборчивых сотрудников. Правда, платоновская концепция целиком находилась в русле буржуазной методологии, исходила из представления о надклассовом государстве. Более того, как верно заметил С. Б. Веселовский, она была монархической по своей политической направленности[15]. И все же для своего времени она была шагом вперед. Поиски, пусть и неудачные, корней важного явления политической истории в социально-экономических отношениях заставили искать источники по истории опричнины не только в летописях и сказаниях иностранцев, но и в актах феодального землевладения: купчих, данных, меновных и т. п.

Задачу их изучения выполнила уже советская историческая наука. Труды П. А. Садикова, С. Б. Веселовского, Г. Н. Бибикова, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, Р. Г. Скрынникова, В. И. Корецкого начали новый этап исследования опричнины, главным образом ее социальной политики. Сейчас можно утверждать, что приведены в известность и активно используются исследователями основные источники, необходимые для изучения земельной политики опричнины. Тем не менее острые разногласия в определении социальной направленности этого учреждения характерны и для современной историографии опричнины. Тень логически стройной и привычной концепции С. Ф. Платонова, несмотря на основательную, хотя и резкую, критику С. Б. Веселовского, и по сей день порой затемняет для исследователя сущность опричной политики. Думается, настала пора разобраться в накопившейся разноголосице мнений и попытаться на основании источников и несомненных фактов определить, в чем состояли конкретные результаты опричнины для феодального землевладения.

Есть еще одно обстоятельство: некоторые исследования по истории опричнины, появившиеся в последнее время, представляются автору уязвимыми как по выводам, так и по методике, характеру аргументации. Поэтому, не претендуя никоим образом на роль арбитра в спорах по этой сложной проблеме, автор представляет на суд читателей свои (должно быть, не бесспорные) соображения и о характере опричной политики, и о пре-

делах дозволенного в методике исторического исследования. Тем самым определилось и несколько своеобразное построение настоящей главы: она носит в большей степени, чем другие, историографический и полемический характер.

Итак, стержневой момент для концепции опричнины как метода борьбы против земельного могущества боярской аристократии — вопрос о переселениях из опричных уездов. Вывод из них княжат и бояр, тесно связанных со своими землями, где население привыкло смотреть на них как на своих государей, замена их дворянами-опричниками, верными слугами Грозного царя, — вот общепринятая концепция опричнины, которую можно найти в школьных и многих вузовских учебниках. Автор этих строк тоже некогда отдал ей дань в научно-популярной статье[16].

Первое время эта концепция подтверждалась. Трудами ученика С. Ф. Платонова, неутомимого искателя источников по истории опричнины П. А. Садикова были выявлены многие акты, в которых содержались сведения о вотчинах, полученных земскими людьми в возмещение за земли, утраченные в опричных уездах. Но уже тогда была пробита и первая брешь в системе аргументации платоновской концепции. Г. Н. Бибиков показал, что в опричнину были взяты вовсе не «как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей» (так писал С. Ф. Платонов). Напротив, опричными стали в первую очередь уезды, густо заселенные средними и мелкими феодалами[17].

Исследование Г. Н. Бибикова не было замечено С. Б. Веселовским, но он независимо от него пришел к тому же выводу: основные уезды княжеского землевладения остались за бортом опричнины. Веселовский подчеркивал, что «выселить нескольких княжат из их родовых гнезд... не выселяя одновременно из уездов многие сотни рядовых помещиков и вотчинников», практически было невозможно. Веселовский считал, что «указом об опричнине началось великое переселение служилых землевладельцев, разорившее несколько десятков тысяч средних и мелких владельцев и много десятков тысяч крестьянских хозяйств»[18].

Таким образом, спор шел о направленности политики переселений, а не о масштабах, в которых она была осуществлена. Вопрос о том, в какой мере был выполнен указ об опричнине, не ставился, хотя даже в более

поздние времена далеко не все правительственные распоряжения последовательно проводились в жизнь.

А. А. Зимин, тщательно проанализировав сведения об опричных выселениях, пришел к обоснованному, хотя и неожиданному, выводу: «...не вся программа, начертанная в указе о введении опричнины, в жизни была осуществлена»; «следов выселений из опричных территорий сохранилось немного. Подобные факты известны по преимуществу в земских уездах и связаны главным образом с опалами». Аналогична и точка зрения С. М. Каштанова[19].

Разумеется, этот вывод не означает, что указ об опричнине вовсе не применялся. Известны отдельные случаи потери вотчин в опричных уездах и людьми, не попавшими в опалу. Так, Сахар Константинович Писемский в 1566/67 г. потерял в Костромском уезде свою родовую вотчину на реке Письме — сельцо Фатьяново. Впоследствии государь передал сельцо вместе со всеми владениями родичу С. К. Писемского — известному дипломату Федору Андреевичу Писемскому, служившему в опричнине. Вотчину в Суздальском уезде потерял, будучи еще земским, Иван Семенович Черемисинов, ставший впоследствии опричником. Вероятно, он получил за нее хорошее возмещение, так как нет сведений о том, что он сумел ее вернуть, хотя видным деятелем опричнины был и его сын.

Не обращалось как будто внимания на историю вотчин Андрея Тимофеевича Михалкова. От своего тестя Григория Михайловича Шестова он получил в наследство два села в Костромском и Угличском уездах с условием уплатить долги и дать вклады в Троице-Сергиев монастырь по душе тестя и двух его сыновей. Далее предоставим слово самому Михалкову: «И те вотчины в опришнину были взяты и розданы в роздачю. И я о тех вотчинах бил челом государю, что я за те вотчины по духовной тестя своего и шурьев своих дал по их душам 300 рублев. И государь теми вотчинами меня пожаловал и в грамоте велел написать, что те вотчины мне и сыну моему Ивану и в род неподвижно за мою за литовскую службу, что я был посылан в Литву»[20].

Из этого текста следуют два вывода: во-первых, потерявший вотчины А. Т. Михалков явно не был опальным, иначе он не получил бы назад свои вотчины; во-вторых, А. А. Зимин, вероятно, прав — практика допускала изъятия из общего правила, запрещавшего земским владеть землями в опричных уездах.

Изучению земельной политики опричнины посвятил немало страниц в своих книгах Р. Г. Скрынников. По вопросу об опричных переселениях он занял противоречивую позицию. Р. Г. Скрынников пишет, что «при анализе земельной политики опричнины надо четко разграничить два различных вопроса: во-первых, вопрос о территории опричнины и, во-вторых, вопрос об отношении опричного правительства к крупному светскому землевладению». Тем самым автор как будто признает, что опричные экспроприации, которым он уделяет большое внимание в исследовании, связаны не с опричными уездами и, следовательно, не с провозглашенным в 1565 г. массовым выселением оттуда земских. Но в другом месте, цитируя указ 1565 г., Р. Г. Скрынников пишет: «Неизвестно, насколько последовательно этот принцип был проведен в жизнь. Но так или иначе, многие вотчинники и помещики должны были лишиться своих земель в опричных уездах»[21].

К сожалению, автор не аргументировал эти свои высказывания, да и остается непонятным: почему «так или иначе» (как «так» и как «иначе»?) лишились своих земель именно «многие вотчинники и помещики», если автору не известно, «насколько последовательно» проводился в жизнь указ об опричнине. Автор прошел мимо взглядов А. А. Зимина, защищавшего противоположную точку зрения, не разобрал критически его аргументацию. Если же не опровергнута аргументация предшественника, то не может считаться доказанной и точка зрения последующего автора.

Р. Г. Скрынников полагает, что выселения проводились прежде всего из Суздальского уезда. «В итоге опричного генерального смотра, — пишет он, — из уезда были выведены все местные феодалы, которых подозревали в симпатиях к Суздальским князьям, потомкам местной княжеской династии». Этот вывод прежде всего основан на том, что в 1572 г. в походе против крымского хана Девлет-Гирея участвовало в три раза меньше суздальских детей боярских, чем в Полоцком походе 1563 г., а «в этих важнейших военных походах участвовали почти все боеспособные силы дворянского ополчения России»[22]. Однако сравнивать по уездам число детей боярских в этих двух действительно исключительно крупных походах некорректно. Ведь общее число участников в них было очень уж разным: в Полоцком походе, по подсчетам Р. Г. Скрынникова, около 18 тыс. дворян и детей боярских, а в 1572 г. — все-

го около 13 тыс.[23] Р. Г. Скрынников пишет, что в походе 1572 г. приняло участие «не менее 4/5 военных сил страны». Но на чем основана эта оценка, остается неизвестным. В обоих походах должна была участвовать значительная часть (может быть, даже большинство) дворянского войска, но отнюдь не почти всё. По мнению А. В. Чернова, специально изучавшего организацию вооруженных сил России этого времени, для крупнейших походов XVI в. проводилась «мобилизация от 35 до 55 процентов всей численности боевого состава войск»[24]. Данных, опровергающих этот вывод А. В. Чернова, Р. Г. Скрынников не привел.

В действительности же в обоих походах сражались далеко не все вооруженные силы страны. В 1563 г., во время похода на Полоцк, оставались войска на берегу Оки (как заслон против возможного набега крымского хана) и в ливонских городах[25]. Еще менее можно ожидать участия 4/5 войска в походе 1572 г. Ведь тогда бы оказалось, что в 1572 г. служило всего 16—17 тыс. дворян и детей боярских, т. е. меньше, чем участвовало в Полоцком походе. Однако данных, свидетельствующих о таком значительном уменьшении боеспособности страны, у нас нет.

Р. Г. Скрынников в сноске сам замечает, что «несколько тысяч дворян и стрельцов находились с весны 1572 г. с царем в Новгороде». Но ведь в Новгороде с царем были опричники, и, поскольку Суздаль входил в опричнину, именно там должна была находиться часть суздальских детей боярских. Кроме того, те опричные войска, которые участвовали зимой 1571/72 г. в походе против Швеции, также должны были еще отдыхать[26]. Тезис о том, что в походе 1572 г. были заняты почти все служилые люди, вызывает еще большие сомнения, если учесть, что, по подсчетам ряда исследователей, в XVI в. в России было не менее 25 тыс. годных к военной службе детей боярских[27]. Почему-то эти оценки Р. Г. Скрынников не пытался ни учесть, ни опровергнуть. Поэтому данные об участии дворян отдельных уездов в ополчении в 1563 и 1572 гг. несопоставимы, а вывод об уменьшении в три раза числа суздальских служилых людей опрометчив.

Но еще менее доказуемо утверждение, что это уменьшение (если оно даже было) связано с неким «опричным генеральным смотром» и было направлено против суздальских князей и симпатизирующих им феодалов: об этом ничего не говорится в источниках. Единствен-

ный текст, который мог бы дать Р. Г. Скрынникову материал для такого предположения, это рассказ ливонских дворян Иоганна Таубе и Элерта Крузе, служивших при дворе царя Ивана. Они сообщают, что при отборе в опричнину «военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска» царь и его приближенные выясняли «у каждого его происхождение» и брали лишь тех, «против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами». Однако деятельность Таубе и Крузе была связана с внешней, а не с внутренней политикой Ивана IV, и их рассказ противоречит тому, что известно о социальном составе Опричного двора (куда входили отпрыски многих знатных родов). Это сообщение нельзя принимать на веру без специального исследования. Наконец, в вышедшей в свет уже после исследований Р. Г. Скрынникова работе Н. К. Фомина показано, что не менее 20% семей опричников, владевших землями в Суздальском уезде, принадлежало к числу коренных местных родов[28]. Ясно, что при общей неполноте сведений за вторую половину XVI в. о многих из опричников-суздальцев просто нет данных, чтобы судить об их происхождении.

Земельную политику XVI в. специально рассматривал В. И. Корецкий[29]. Как и Р. Г. Скрынников, он не разобрал критически аргументацию своих предшественников, что снижает доказательность его выводов. Процитировав летописное изложение указа об учреждении опричнины, В. И. Корецкий писал: «Таким образом, согласно официальному летописному рассказу, было произведено массовое перераспределение земель в среде господствующего класса, приведшее к усилению поместного землевладения в опричных уездах». Однако он ссылался на летописный рассказ не о событиях, а об указе. Из таких фраз, как «велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех», не следует непременно, что эти меры были полностью осуществлены. В. И. Корецкий, к сожалению, не учел здесь взглядов тех исследователей, в частности А. А. Зимина, которые иначе подходили к интерпретации этого летописного текста.

Следующая ссылка В. И. Корецкого — на Пискаревский летописец. Это весьма интересный памятник частного происхождения, составленный в XVII в. на основании источников XVI в., как устных, так и письменных. Автор цитирует сообщение этого летописца о том, что «многих выслаша из городов, кои взял в опришнину, и

из вотчин и ис поместий старинных»[30], и полагает, что оно передает «с точки зрения земских землевладельцев суть опричной политики». А ведь можно было бы выдвинуть и другое (хотя и столь же произвольное) предположение: автор Пискаревского летописца знал официальную летопись и составил свое сообщение на основании указа об опричнине. Критерия, по которому избрано то, а не иное толкование известия, В. И. Корецкий не указывает. В результате выводы подчиняются не объективному анализу материалов, а концепции исследователя.

Автор не использовал всего комплекса актов феодального землевладения, ограничившись отдельными обнаруженными им интересными документами из столбцов Поместного приказа и рузскими писцовыми книгами. Например, В. И. Корецкий приводит известие одной (только одной) сотной грамоты (выпись из писцовых книг) о том, что людям, выселенным из разных уездов, раздавали покосы «против старых их поместий и вотчин, которые в разных городах взяты у них на государя в опришнину и к дворцовым селом». Факт, несомненно, исключительно интересный, но из него вовсе не вытекает сделанный В. И. Корецким вывод о «массовом характере высылок».

Анализируя рузские писцовые книги 1568 г., В. И. Корецкий извлекает из источника отдельные примеры, подтверждающие его тезис о массовых переселениях из опричных уездов. Отсюда его аргументация скорее иллюстративна. Но и факты-иллюстрации далеко не всегда работают на его концепцию. Так, В. И. Корецкий пишет: «Мы находим здесь выселенцев из взятых в опричнину земель, получивших возмещение в земской Рузе», а в качестве примера приводит Л. Г. Непогожева, которому рузская вотчина была дана «против его волоцкие вотчины». Но ведь Волоцкий уезд был столь же земским, как и Рузский. К тому же эти уезды были исключительно тесно связаны общей судьбой (входили в одно удельное княжество) и соседством. Состав волоцких и рузских детей боярских практически идентичен, а названия многих станов и волостей повторяются в обоих уездах. Другой служилый человек, И. Б. Лыков (кстати, не князь, как пишет Корецкий, а лишь его однофамилец), потерял свою переславскую вотчину. Обязательно ли в связи с опричниной? Вовсе нет. Ведь правительство часто обменивало вотчины, когда то или иное село оказывалось нужным для округления двор-

цового села, пожалования в монастырь, обеспечения ямской службы и т. д. Переславль же не упомянут в указе об опричнине; опричными, вероятно, были лишь некоторые земли уезда вокруг Александровской слободы.

«И в Рузском уезде в 1568 г. княжеские вотчинные земли передавались опричникам», — пишет В. И. Корецкий. К этому серьезному и важному выводу исследователь пришел на основании того факта, что опричник Григорий Дмитриевич Ловчиков владел в Рузском уезде вотчиной, которая раньше принадлежала кн. Ивану Звенигородскому. В выводе В. И. Корецкого число множественное, а факт — единственный. Но и единичный пример не подтверждает гипотезу исследователя. Прежде всего нет сведений, когда эта вотчина перешла к Ловчикову (возможно, и до опричнины). Не известен и путь перехода: продажа, приданое, выморочное имущество и т. д. Наконец, владения князей Звенигородских нельзя считать «княжескими», т. е. восходящими к удельному землевладению: потомки черниговских князей, Звенигородские не имели вообще родового гнезда в тогдашней России (подмосковный Звенигород не имеет к ним ни малейшего отношения), а рузская вотчина, вероятно, след службы части этих князей дмитровскому удельному князю Юрию Ивановичу, владевшему и Рузой[31]. Звенигородские были обычными служилыми людьми высокого ранга.

Итак, сегодня в распоряжении исследователей нет данных, подтверждающих тезис о массовых переселениях из опричных уездов, о широком и последовательном применении на практике этой части указа об опричнине.

Но решает ли этот вывод проблему земельной политики опричнины? Разумеется, нет. Ведь судить об опричнине, как и о всяком историческом явлении, надо по результатам. Каковы же они? На этот вопрос отвечали и отвечают по-разному. С. Ф. Платонов считал, что опричнина подорвала землевладение княжеско-боярской аристократии, ударила по ее вотчинам. Он писал, что опричнина уничтожила «аристократический строй» землевладения и «была направлена, в сущности, против тех сторон государственного порядка, которые терпели и поддерживали такой строй». К С. Ф. Платонову отчасти присоединился Н. П. Павлов-Сильванский. Отмечая, что «главной целью учреждения опричнины была коренная ломка землевладельческого строя, сохранившегося от удельного времени», Павлов-Сильванский

далее делал оговорку, что при Грозном «казни и опалы не оправдывались уже обстоятельствами. Кровавое гонение начато было против княжат тогда, когда они были ослаблены стечением ряда неблагоприятных для них обстоятельств и энергичными действиями великих князей Иоанна III и Василия». И все же он приходил к выводу, что, «как бы то ни было, Иоанн кровавыми казнями и конфискациями княжеских владений довершил вековое дело создания нового государства»[32].

Эта точка зрения надолго утвердилась в литературе. Советский исследователь опричнины П. А. Садиков писал: «Опричнина в общем достигла своей цели. Княжеско-боярская аристократия если и не была уничтожена ею целиком, «всеродне», то во всяком случае разгромлена так, что не являлась уже политически опасной для самодержавной власти московского царя». Этот взгляд стал своего рода «общим местом», повторяясь с вариантами во всех учебниках и учебных пособиях для высшей и средней школы. Даже в написанной А. М. Сахаровым главе для учебника истории СССР, в которой автор во многом отходит от прежних прямолинейных воззрений на отношения боярства и центральной власти, все же читаем: «Опричнина серьезно подорвала княжеско-боярское землевладение»[33].

Но наметился и другой подход к проблеме. С. Б. Веселовский, отвергая всякий социальный смысл опричной политики, видел в ней лишь плод личного столкновения царя со своим двором и, естественно, не ставил вопроса о ее социальных результатах. А. А. Зимин, подводя итоги проведенному им тщательному исследованию земельной политики опричнины, писал, что «она отнюдь не подорвала социально-экономической основы могущества феодальной аристократии. Число княжеско-боярских земельных владений в XVII в. было не меньше, чем в XVI в.»[34].

Точку зрения, во многом совпадающую со взглядами С. Ф. Платонова и его последователей, защищают сегодня Р. Г. Скрынников и В. И. Корецкий. Насколько же убедительна их аргументация?

По мнению Р. Г. Скрынникова, на первом этапе опричнина была направлена против княжеского землевладения. Он пишет, что «носителями традиций и пережитков удельной раздробленности была в XVI в. княжеско-боярская знать в целом от удельных владык до многочисленных потомков местных династий князей Суздальских, Ярославских и пр., располагавших колоссаль-

ными земельными богатствами». Он отмечает «совершенно особенное положение в среде высшей титулованной знати», которое занимали эти князья, «происходившие от единого корня (формально это верно, но уж очень далек этот «единый корень»: ближайшим общим предком этих княжеских родов был умерший в 1212 г., за три с половиной века до опричнины, Всеволод Большое Гнездо. — *В. К.*) и сидевшие крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств». Р. Г. Скрынников признает, что землевладение многих из них «подверглось значительному дроблению», но считает, что «наиболее крупные земельные богатства сохранили в своих руках старшие Суздальские князья»[35].

В этой цепи умозаключений немало слабых звеньев. Прежде всего, как было показано во второй главе данной книги, к моменту опричнины, и даже раньше, многие из князей этих родов уже лишились своих владений в родовых гнездах, а для других они стали отнюдь не единственными и порой не главными. Далее, не доказаны ни стремление к сепаратизму, ни некое «особенное положение» этих князей среди титулованной знати (чем, например, оно отличалось в середине XVI в. от положения Оболенских?). Наконец, только тщательное изучение землевладения суздальских князей (Шуйских, Горбатых, Барбашиных) и сравнение с вотчинами других княжеских родов могло бы обосновать тезис об их «наиболее крупных земельных богатствах».

Р. Г. Скрынников полагает, что «главные удары» опричнины были направлены «против суздальской знати: князей Суздальских-Шуйских и их родичей». Этот важный вывод подкреплен лишь тем, что при учреждении опричнины были казнены два человека из этого рода — князь Александр Борисович Горбатый с сыном. Никаких данных о том, что у кого-либо из суздальских князей (кроме казненного А. Б. Горбатого) были конфискованы их вотчины, в распоряжении исследователей нет. То обстоятельство, что Суздальский уезд вошел в опричнину, вовсе не означало, что земли тамошних князей были взяты в казну. К тому же, как было показано во второй главе, значительная часть родовых вотчин Шуйских и их однородцев находилась в Нижегородском уезде, а он оставался в земщине. Среди выявленных Р. Г. Скрынниковым лиц, сосланных в Казанский край, нет ни одного из суздальских князей[36].

Р. Г. Скрынников далее пишет, что после казни А. Б. Горбатого Иван IV «добился полного изгнания

Шуйских из Боярской думы». Но и это не совсем так. Иван Андреевич Шуйский упоминается с боярским чином уже в 1566 г. Сам же автор признает, что в составе Думы оставался еще князь Андрей Иванович Ногтев-Суздальский, «никогда не пользовавшийся большим влиянием». Каюсь, я не располагаю источниками для оценки степени влиятельности того или иного члена Боярской думы, источники же, на основании которых сделал свой вывод Р. Г. Скрынников, остались тайной его творческой лаборатории. К тому же, читая работу Р. Г. Скрынникова, убеждаешься, что и сам он вовсе не считает А. И. Ногтева-Суздальского полуопальным боярином, оставленным в Думе лишь благодаря его ничтожному авторитету. Так, говоря о переводе впоследствии Ногтева на службу в Старицкий удел, Скрынников пишет, что он «был приставлен к князю Владимиру... в качестве царского соглядатая»[37]. Такое поручение не вяжется ни с отсутствием влияния у кн. Ногтева, ни с политическим недоверием к суздальским князьям.

Другой княжеский род, который, по словам Р. Г. Скрынникова, подвергся особым репрессиям,— род Оболенских. «Опричнина,— пишет он,— как бы мимоходом завершила разгром боярского рода князей Оболенских»[38]. Действительно, автор называет 13 Оболенских, казненных или попавших в опалу в первый год опричнины. Но дело в том, что род этот был исключительно обширен: одновременно жило около 100 взрослых мужчин из разных его ветвей[39]. Кроме 13 опальных (в том числе и таких, как князь Василий Семенович Серебряный, освобожденный на поруки и продолжавший активную деятельность) не менее 10 Оболенских в течение 1565 г. упоминались в разрядах на разных воеводских должностях: Владимир Константинович Курлятев, Тимофей Иванович и Григорий Долгоруковы, Александр Иванович Ярославов, Осип Михайлович и Иван Григорьевич Щербатовы, Иван Иванович Козлина-Тростенский, Петр Данилович Щепин, Андрей Васильевич Репнин, Иван Андреевич Золотого[40]. Этот перечень, кстати, показывает, что Р. Г. Скрынников заблуждается, полагая, что «репрессии не затронули лишь младших ветвей рода Оболенских — Щербатовых, Долгоруковых, Тростинских (следует — Тростенских. — *В. К.*)»[41].

И наконец, главное возражение Р. Г. Скрынникову состоит в том, что бóльшая часть пахотных земель в бывшем Оболенском княжестве сохранилась за этими князьями и через полвека с лишним после отмены

опричнины — в 20-х годах XVII в. Скрынников же относит владения Оболенских в их родовом гнезде лишь к 50-м годам XVI в.[42] Таким образом, тезис о разгроме рода Оболенских не соответствует действительности.

Особое значение Р. Г. Скрынников придает ссылке в 1565 г. в Казанский край большой группы служилых людей высокого ранга, считая это мероприятие «опричной земельной реформой». Подводя итоги рассмотрению состава ссыльных и последствий ссылки, автор пишет: «В известном смысле (а все же в каком? Из текста книги это остается неизвестным. — *В. К.*) введение опричнины знаменовало собой крушение княжеско-боярского землевладения»[43]. Анализ аргументации Р. Г. Скрынникова не позволяет признать этот вывод убедительным.

Первое возражение касается одного методического приема: Р. Г. Скрынников автоматически зачисляет в ссыльные всех, кто получил в эти годы поместья в Казанском крае, включая воевод. Он пишет: «Вся местная администрация в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах была целиком передана в руки самих опальных княжат»[44]. Основания? Только то, что сам автор считает ссыльными всех тех, кто назван в крае на административных должностях. Читатель тем самым попадает в замкнутый круг: местная администрация состояла из ссыльных, ибо автор считает ссыльными всех, кто входил в местную администрацию. Между тем трудно поверить, чтобы край, который всего десять с небольшим лет тому назад вошел в состав государства, болезненно мнительный царь Иван отдал целиком в руки тех, кого он подозревал в политической неблагонадежности. Еще более сомнительно, чтобы Грозный оставил политических ссыльных без всякого пригляда.

С этой точки зрения показательны сведения о князе Григории Андреевиче Куракине-Булгакове: он оставался одним из казанских воевод (т. е., по Р. Г. Скрынникову, ссыльным) вплоть до 1570/71 г. и тогда же, в 1569/70 г., вложил в Троице-Сергиев монастырь полученное в наследство (от дяди по женской линии Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова) село в Плесе Костромского уезда[45]. Следовательно, эта вотчина у него не была конфискована. Но раз возникают сомнения, были ли ссыльными хотя бы некоторые из тех, кто получил казанские поместья, то и анализ их состава лишь на основе данных писцовых книг уязвим.

Допустим, что если не все, то хотя бы подавляющее большинство новоявленных казанских помещиков дей-

ствительно ссыльные. И сразу возникает новый вопрос: насколько полно оказались охваченными ссылкой ярославские, ростовские и стародубские князья? Ведь именно эти корпорации были названы официально в числе ссыльных.

Уже простой взгляд на составленный Р. Г. Скрынниковым список ссыльных позволяет увидеть в нем значительные пробелы. Так, среди ярославских князей избежали ссылки Шехонские, сохранявшие в середине XVI в. значительные владельческие права в своем родовом гнезде. В годы опричнины многие из них оставались в Ярославском уезде в качестве вотчинников и помещиков, а один из них, Семен (вероятно, Семен Яковлевич Сомов), был там губным старостой. Среди стародубских князей не попали в опалу Палецкие и т. д. Но еще большие сомнения возникают, когда изучаешь разрядные книги, где имеются сведения о том, что в год ссылки многие князья из названных родов занимали воеводские должности. Это Федор Васильевич Сисеев, Василий и Александр Ивановичи Прозоровские, Федор Михайлович Троекуров и Андрей [Данилович] Шестунов (из ярославских князей), а также воевода в Болхове князь Василий Волк Васильевич Приимков-Ростовский (числящийся в списке казанских помещиков), Федор и Андрей Ивановичи Татевы, Василий Дмитриевич Палецкий, Давыд [Васильевич] и Никита [Григорьевич] Гундоровы (из стародубских князей)[46]. Естественно, не все из тех, кто не попал в ссылку, были в те же годы упомянуты в разрядах. Ссылка, таким образом, была не настолько всеобъемлющей, как это представляется Р. Г. Скрынникову.

Излагая правительственные мероприятия по отношению к ссыльным, Р. Г. Скрынников пишет, что «все их движимое и недвижимое имущество... подверглось конфискации»[47]. Что касается недвижимого имущества, то, вероятно, так и было (хотя могли существовать отдельные исключения): по данным источников, вотчины ссыльных подлежали конфискации. Но с движимым имуществом дело обстояло иначе. Р. Г. Скрынников ссылается на текст официальной Александро-Невской летописи: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми»[48]. Летопись здесь прямо и недвусмысленно противопоставляет тех опальных, у которых их «животы» конфисковали,

«иным», которые отделались лишь ссылкой в Казань. Это естественно. Правительство царя Ивана совершило много шагов, вредных порой не только для самого царя, но и для страны. Но все же нет оснований полагать, что оно было не в ладу с самой элементарной логикой. Можно ли было конфисковать все движимое имущество, т. е. и боевое снаряжение, у людей, оставленных на военной службе, да к тому же в отдаленном пограничном краю? Возможна ли была конфискация движимого имущества, а следовательно и хозяйственного инвентаря, у тех, кому тут же раздавали поместья?

Впрочем, эти вопросы второстепенны по сравнению с главным возражением против точки зрения Р. Г. Скрынникова: ссылка продолжалась ровно год, после чего «государь пожаловал, ис Казани и из Свияжского опальных дворян взял; а приехал в Казань з государевым жалованьем Федор Семенов сын Черемисинов майя в 1 день. А другую половину дворян взял и пожаловал государь опосле»[49]. Р. Г. Скрынников первоначально объяснял это противоречие таким образом: «Разгром княжеско-боярской оппозиции и военные успехи позволили правительству Грозного уже весною 1566 г. перейти от политики репрессий к широкой амнистии опальных лиц»[50]. Логика непонятная: ведь амнистия, да к тому же широкая, сводит на нет последствия разгрома.

После выхода в свет статьи Р. Г. Скрынникова А. А. Зимин, ссылаясь на возвращение ссыльных, назвал «преувеличением» точку зрения о «подлинном крушении родового землевладения феодальной аристократии» в результате казанской ссылки[51]. Переиздавая статью в книге, Р. Г. Скрынников не счел нужным упомянуть об этом возражении, но фактически на него ответил. Он устранил из книги цитированный выше текст и включил сведения, из которых видно, что не все вернувшиеся из ссылки князья получили назад свои вотчины, а многие вскоре продали их в монастыри. Автор пишет, что «казанские переселенцы были дотла разорены ссылкой», что казна возвращала земли «не в общем и обязательном порядке, а выборочно и по своему усмотрению» и что «возврату подлежали в первую очередь запустевшие земли». Ни одно из этих положений автором не доказано.

Разорение «дотла» Р. Г. Скрынников лишь постулирует на основе собственного предположения о конфискации всего движимого имущества ссыльных — предположения, как было показано выше, неверного. Нет в

распоряжении исследователей и данных, подтверждающих, что возврат проводился выборочно и по усмотрению правительства: естественно, что в тех случаях, когда вотчину уже успели раздать в поместья, а вернувшийся ссыльный был недостаточно влиятелен или ловок, он мог оказаться вынужденным получить возмещение в другом месте. Возможны были и другие отступления от правила, но ведь в средневековой России не было ни одного указа, который осуществлялся бы с железной последовательностью. Не аргументировано и мнение Р. Г. Скрынникова, что возвращали в основном запустевшие земли. В руках исследователей нет правительственного распоряжения об этом, нет в источниках указаний (во всяком случае автор их не цитировал) на степень запустения возвращенных вотчин. Правда, Р. Г. Скрынников замечает, что, чем обеспечивать вернувшихся из ссылки новыми землями, «легче было вернуть им старые владения, подчас сильно запустевшие». Но ведь догадка исследователя не источник и не основание для новой догадки. Таким образом, остался недоказанным и следующий широкий вывод автора: «Возврат земель опальным людям не мог снять последствий крушения княжеско-вотчинного землевладения при учреждении опричнины... С точки зрения правительства казанское переселение достигло основной своей цели, подорвав влияние и богатство фрондирующей титулованной знати»[52]. Ведь сам этот вывод основан только на цитированных выше не подтвержденных источниками суждениях.

Подводя итоги опричной политики, состоявшей, по его мнению, в «крушении княжеско-боярского землевладения», Р. Г. Скрынников подчеркивает, что «никакие последующие амнистии и частичный возврат родовых вотчин опальным князьям не могли ликвидировать последствий этой катастрофы». Еще более категоричен В. И. Корецкий, утверждающий, что «крупное вотчинное землевладение удельно-княжеской аристократии, основанное на традиционных отношениях, наступление на которое великокняжеская власть начала уже с конца XV в., было в основном ликвидировано в годы опричнины»[53]. Так ли это?

Во второй главе этой книги автор стремился показать, как успешно шел в первой половине XVI в. процесс постепенного слияния княжеского землевладения с обычным вотчинным, как родовые вотчины князей стали составлять все меньшую часть их земельных бо-

гатств. Уже до опричнины лишились своих княжеских сел многие ярославские и большинство ростовских князей, накануне опричнины прекратились мужские линии князей Кубенских и Пенковых, сохранявших значительные удельные права в Ярославской земле. Наконец, не с опричниной, а с прекращением мужских линий (отчасти в ходе ожесточенной борьбы за власть на рубеже XVI—XVII вв.) связано исчезновение княжеского землевладения Шуйских и других суздальско-нижегородских князей. Поэтому нет оснований считать опричнину переломом в судьбах княжеского землевладения.

Да и сила этого землевладения вовсе не была окончательно подорвана ни опричниной, ни последующими событиями. В конце XVI в. в списках служилых людей сохранялись корпорации служилых князей с обычными рубриками: ростовские, суздальские, оболенские, ярославские, стародубские и (не всегда) мосальские[54]. Интересные данные об удельном весе владений служилых князей в общем количестве вотчин и поместий дает Роспись русского войска 1604 г. В ней содержатся сведения о том, сколько людей вывел с собой на службу тот или иной феодал. Как показал А. П. Павлов, количество этих «даточных людей» примерно соответствует размерам земельных владений по нормам Уложения о службе 1555/56 г. Всего в Росписи даны сведения о 482 владениях светских феодалов, с которых было выставлено 2236 человек. Из них 62 владения, около 13%, принадлежало служилым князьям, занесенным в соответствующие рубрики. Выставили же они 528 человек, т. е. 24%. Как видим, княжеские владения были в среднем крупнее некняжеских, и, следовательно, княжеская аристократия по-прежнему занимала господствующее положение в землевладении[55].

Существенно, что и в XVII в. многие князья сохраняли тесные связи со своими родовыми гнездами, хотя имели владения и за их пределами. Выше уже отмечалось, что Оболенским в XVII в. принадлежала большая часть Оболенского уезда. До нас дошла составленная в 1678 г. Роспись владений членов Боярской думы. Из нее видно, что многие из титулованных бояр и окольничих даже в последней четверти XVII в. имели земли на территории своих бывших княжеств: из оболенских — Ю. А. и В. Д. Долгоруковы, И. Б. Репнин и К. О. Щербатов; из стародубских — Ю. И., Ф. Г. и Г. Г. Ромодановские; из ярославских — П. И. Прозоровский, И. Б. Троекуров и С. Ф. Львов; в Рязанском уезде бы-

ли земли у потомка рязанской княжеской династии И. П. Пронского. Не было владений в родовом гнезде у двух Борятинских, утративших их еще в первой половине XVI в., у И. А. Хилкова (из стародубских), трех Одоевских, Ю. П. Трубецкого и И. А. Воротынского[56]. Таким образом, если не считать князя И. А. Хилкова, за которым записано (быть может, по ошибке) удивительно малое владение (всего 67 дворов в одном Галичском уезде), прослеживается совершенно определенная тенденция: владения в родовом гнезде утратили только князья юго-западных приоцких княжеств, обладавшие еще в середине XVI в. полуудельными правами.

Получается, что в результате опричнины вовсе не было уничтожено родовое княжеское землевладение. Тем менее оснований говорить о гибели крупного землевладения вообще: в XVII в. хорошо известны обширные вотчины и поместья с сотнями, а то и с тысячами крестьянских дворов и соответственно с тысячами и десятками тысяч десятин пахотной земли. Опричнина, следовательно, не разрушила самой структуры феодального землевладения в России.

Однако казни и опалы привели к серьезным изменениям в личном составе землевладельцев. По мнению А. М. Сахарова, «смысл опричнины заключался не в подрыве вотчины как таковой, а в перераспределении землевладения внутри господствующего класса в сторону усиления позиций дворянства (и некоторых групп знати), следовательно, царской власти»[57]. Если негативная часть этого замечания представляется справедливой, то с его позитивной частью согласиться трудно. Нет данных, свидетельствующих, что перераспределение земельной собственности носило четкую социальную направленность. Более того, тщательно изучивший землевладение Переславского уезда Ю. Г. Алексеев пришел к выводу, что «рядовой феодал страдал под ударами опричной политики не меньше, чем боярин, а может быть, и больше, будучи экономически более слабым». Н. К. Фомин пришел к аналогичному выводу на материале входившего в опричнину Суздальского уезда. Он пишет: «Данные нашей реконструкции состава землевладельцев Суздальского уезда показывают, что опричнина не изменила его социальную структуру. На протяжении всего XVI в. около 50% всех фамилий относятся к верхнему слою дворянства. Все выделенные нами категории несут в процентном отношении примерно одинаковые потери в результате опричнины»[58].

Итогами опричных мероприятий, хотя и вряд ли запланированными, были отмеченные А. Я. Дегтяревым ускорение темпа «мобилизации», т. е. перехода из рук в руки, вотчин и поместий и рост монастырского землевладения. Последнее явление на общерусском материале было установлено еще С. Б. Веселовским и по данным Переславского уезда проверено и подтверждено Ю. Г. Алексеевым[59]. Несколько иной была, возможно, ситуация в Рязанском уезде, где, по наблюдениям С. И. Сметаниной, в годы опричнины произошли большие изменения в составе землевладельцев. Но при всей скрупулезности исследования автору не удалось доказать, что эти изменения в земском уезде были результатом выселений из опричных уездов. Большая часть испомещений и здесь касалась опальных. К тому же положение в одном из уездов, вероятно, не может дать оснований для пересмотра выводов, полученных на более широком материале, тем более что Рязанский край обладал резко выраженной спецификой: только здесь широко конфисковывались земли архиерейского дома[60].

Возможно также, что после опричнины несколько увеличился удельный вес поместий в землевладении феодалов, хотя доказать это положение при нынешнем состоянии источников было бы затруднительно. Но это явление нельзя связывать только или даже по преимуществу с опричниной: рост поместного землевладения — общая тенденция развития в XVI в. Во второй же половине XVI в. поместье росло не столько за счет вотчин (за исключением, возможно, лишь Рязанского уезда[61]), сколько в ходе освоения новых районов — юго-западных и поволжских уездов. Там служилые люди получали земли только в поместье. Во время опричнины возмещение за отобранные вотчины состояло, как правило, из вотчин же, хотя и худшего качества. Сейчас только начинается изучение феодального землевладения и состава господствующего класса на рубеже XVI—XVII вв. и в первые десятилетия XVII в. Не исключено, что «смутное время» предстанет перед нами как не меньший, если не больший, чем опричнина, рубеж в истории класса феодалов. Ведь именно в XVII в. развитие поместья достигает такого уровня, что слово «помещик» постепенно превращается в общее именование привилегированного землевладельца.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке этой главы, можно дать ответ: опричнина не посягнула на структуру феодального землевладения, не изменила тен-

денций его развития, хотя и произошли изменения в личном составе землевладельцев и в распределении земельной собственности. А. А. Зимин в свое время пришел к выводу, что опричная политика была не антибоярской и антикняжеской, а антиудельной. Проведенное исследование подтверждает это мнение. Гибель после опричнины полуудельных владений приоцких князей также свидетельствует, что политика опричнины была направлена против пережитков удельной системы.

Казалось бы, этот вывод дает основание оправдать опричнину, признать ее прогрессивный характер. Думается, это было бы опрометчиво. Ведь борьба с пережитками удельной старины была запрограммирована всем объективным ходом развития страны. Но вести эту борьбу можно было разными методами. Лучший ли способ изживания следов удельного времени был избран при учреждении опричнины? Вряд ли. Ведь и политика Избранной рады вела к той же цели, но по-иному. Завершать централизацию страны можно было и «терапевтически», и «хирургически». «Терапевтами» были деятели Избранной рады, осмотрительно и неторопливо проводившие глубокие преобразования. Быстрое же, нетерпеливое движение к уничтожению реликтов удельного времени — путь опричнины.

Но для столь решительных акций царская власть тогда была еще слишком слаба: ведь у нее не было даже своего разветвленного аппарата. Местная администрация из рук кормленщиков, не заинтересованных в тщательном исполнении своих обязанностей (см. об этом в шестой главе), была передана не чиновникам — агентам центральной власти, а выборным из местного населения (дворянства, посадских людей и черных крестьян). Именно противоречие между возможностями власти и ее амбициями, между ее реальной силой и жестокостью породило опричнину. В условиях XVI в. надеяться на быстрые результаты централизации можно было, только применяя террор. Но путь опричнины был более мучительным для народных масс, более разорительным для страны, а потому невозможно назвать прогрессивной террористическую диктатуру опричнины. Цель — усиление позиций царской власти — не только не оправдала средств, примененных для ее достижения, но и сама изменилась под их влиянием: те отвратительные деспотические формы, которые приобрело российское самодержавие, многим были обязаны опричнине.

ГЛАВА V

«О ЗЕМЛЯХ СУД»

А судьи кто?
А. С. Грибоедов

Частная собственность — всегда причина споров, раздоров, борьбы. Столько, сколько существует землевладение, идут и тяжбы, порой бесконечные, то о границах полей и сенокосов, то о том, кому принадлежит село или деревня. Меняются формы судопроизводства, аргументы сторон, но остаются в силе хищное стремление одних захватить кусок чужой земли и сопротивление, часто беспомощное, других, более честных, слабых или по крайней мере менее беззастенчивых. Мимо земельных тяжб не могла пройти и художественная литература. Вспомним шуточное стихотворение Пушкина о двух глухих, явившихся на суд к судье глухому. «Сей пустошью владел еще покойный дед!» — восклицает один из них. А трагически беззаконный приговор по спору генерал-аншефа Троекурова с гвардии поручиком Дубровским! И наконец, чеховский водевиль «Предложение», где спор о Воловьих Лужках причудливо вплетается в нить любовного объяснения. Читая земельные дела XV—XVI вв., поражаешься, до чего схожи коллизии средневековья и XIX в.

Земельные дела интересны для нас с разных точек зрения. Прежде всего нигде так, как в судебных документах, не зафиксирована именно практика земельного права. Аргументы, которые приводят стороны, то, как они учитываются судьями, лучше, чем любые указы и законы, дают представление о будничной повседневности земельных отношений. Но есть здесь и другая сторона: сам характер судопроизводства, участие в нем тех или иных должностных лиц отражают земельную политику правительства. Из судебных актов можно узнать, какова была в разные периоды роль представителей центральной администрации в решении земельных споров. Наконец, документы средневекового суда дают редкую возможность услышать не до конца приглаженные канцелярским ритуалом живые голоса людей, взволнованных кто посягательством на их собственность, а кто открывшейся возможностью урвать чужое. В этой гла-

ве автор стремился на примере нескольких земельных тяжб XV—XVI вв. ввести читателя в порой малопривлекательный, жестокий, но такой интересный мир отношений землевладельцев. Однако, чтобы были понятны сами дела, необходимо остановиться на судебной процедуре и ее развитии.

Сначала — о терминах. Известно несколько типов судебных актов. В XVI в., когда судебная процедура уже сравнительно устоялась, дело обычно начиналось с письменной челобитной одной из сторон. Далее следовала «указная» грамота государя о назначении судьи или судей. При проведении расследования су́дьи составляли «судный список» — своего рода протокол судебного разбирательства, куда включались не только показания сторон и свидетелей, но и полные копии всех представленных документов. В свою очередь судный список полностью переписывали в приговоре по делу. Приговор называли «правой грамотой» и выдавали той стороне, которая выиграла дело. После вынесения приговора начиналось его исполнение, а для этого было нужно провести межевание, «розвод» или «разъезд», как говорили в XV—XVI вв. Так появлялись розводные и разъезжие грамоты. Часто они содержат ссылки на судебное решение, порой не дошедшее до нас. Обе стороны процесса назывались истцами (от слова «искать», т. е. добиваться своих прав). Тот же, кого сегодня принято называть истцом, носил название «ищея».

В исторической литературе, особенно в трудах Л. В. Черепнина, Н. Н. Покровского и А. Д. Горского, тщательно и подробно исследована борьба за землю как между феодалами, так и между феодалами и крестьянами[1]. Но все же и до сих пор многое неясно: недостаточно изучена история самой судебной процедуры, нет также анализа состава судей по земельным делам. С вопросом «А судьи кто?» тесно связан другой, еще более важный — какова была роль центральной власти в разрешении земельных тяжб.

Древнейшие судебные документы в Северо-Восточной Руси относятся к первой четверти XV в., а от второй половины XIV в. сохранились лишь упоминания о тяжбах этого времени в более поздних актах. Но и среди судебных актов XV в., как замечал Черепнин, «только ничтожная их доля падает на первую половину XV в.»[2]. В чем причина? Черепнин полагал, что в годы феодальной войны середины XV в. между Василием II Темным и галичско-звенигородскими князьями «не-

обычайно возросли захваты духовными и светскими феодалами черных крестьянских земель, а также внутриклассовая борьба за землю между феодалами», а во второй половине века шло разрешение этих споров. Но в ходе дальнейшего изложения исследователь рассматривает эти споры уже исключительно через призму захватов крестьянских земель. Думается, это неточно: ведь многие судебные акты середины — третьей четверти XV в. посвящены спорам между феодалами. А. Д. Горский же считает, что обезлюдение страны после Батыева нашествия, вызванный им регресс в социальных отношениях привели к уменьшению земельных споров[3].

Но есть и другая сторона вопроса. Как пытался показать автор во Введении, в Северо-Восточной Руси лишь во второй половине XIV в. начинается письменное оформление земельных сделок. В первой половине XV в. судебное разбирательство могло быть в основном устным. В суде всегда (и в период письменного оформления) участвовали как важнейшие свидетели «старожильцы» — местные жители, помнившие старые межи и дававшие об этом показания. Участвовали и наблюдатели из местных жителей — «судные мужи», «люди добрые». Их присутствие при разбирательстве до поры до времени могло гарантировать, что принятое решение будет выполняться. Показаниям живых людей и потом, когда судопроизводство фиксировали письменно, верили больше, чем документу. Около 1485—1488 гг. Троице-Сергиев монастырь пожаловался на некоего Еську Максимова: он нарушил межи, которые раньше были установлены судьей Дмитрием Лазаревым [Станищевым]. Лазареву было приказано государем: «И ты б нынче ехал на свои розъезд, понявши с собою тех же людеи, которые с тобою были на том розъезде, а того бы еси досмотрил»[4]. Казалось бы, достаточно было сравнить границы, которые считал правильными Еська Максимов, с межами, зафиксированными в разъезжей грамоте. Но нет: память участников межевания для права ценнее, чем запись о нем в документе.

Поздно появились судебные акты не только на Северо-Востоке. Новгородские материалы сохранились куда лучше, чем документы центральных районов. И тем не менее в обширном и тщательно подготовленном издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова» помещены лишь две правые грамоты, из которых одна относится к первой четверти XV в. и не связана с земельным спором, а другая датирована 1483 г. и выдана москов-

ским наместником в Пскове князем Ярославом Васильевичем Оболенским[5].

Письменное оформление судебных дел зародилось, видимо, в Московской земле. Так, Тверская земля потеряла независимость в 1485 г., и хотя многие тверские акты до этого времени, в том числе жалованные грамоты тверских князей, сохранились, тем не менее ни одна тверская правая грамота до 1485 г. не известна. Ко времени около 1464—1471 и 1464—1482 гг. относятся две древнейшие, дошедшие до нас рязанские правые грамоты[6]. Выданы они великим князем Василием Ивановичем, воспитывавшимся в Москве, поэтому не исключено, что в письменном оформлении суда сказалось московское влияние. В древнейшей из этих грамот упоминаются представленные одной из сторон — рязанским епископом Давыдом — жалованные грамоты прежних рязанских князей; сообщается также, что суд по этому спору был и раньше, но документы этого суда стороны не предъявляли. Вероятно, и стороны, и судьи знали, что до того времени судебные решения не записывались.

От Суздальско-Нижегородской, Ярославской и Ростовской земель периода независимости вообще не дошло судебных актов.

Итак, с середины XV в. на территории, подведомственной великим князьям московским (в том числе в уделах князей Московского дома), судебные акты становятся правилом. С той поры уже можно изучать и судебную процедуру, и состав судей по земельным делам[7].

При анализе судебной документации надо иметь в виду, что в XV — первой трети XVI в. суд и «разъезд» (межевание) еще не обособились. Если позднее разъезжая грамота составлялась обычно либо полюбовно, либо уже после суда и была выполнением судебного решения, то в XV — первой трети XVI в. она часто фиксировала рассмотрение тяжбы и была близка к судному списку и к правой грамоте. В разъезжих грамотах той поры можно встретить «истцов» и «судей», старожильцев и судных мужей, а разъездчик порой получает наказ: «...ты б их (т. е. стороны. — *В. К.*) судил»[8].

Основным принципом феодального права было неравенство перед законом в зависимости от сословной принадлежности. В научной литературе такое сословное неравенство принято называть правом-привилегией. Одной из привилегий феодалов-землевладельцев была их независимость от суда местной администрации и подсудность непосредственно князю. Правда, часто допуска-

лась подсудность не самому князю, а его представителю — «боярину введенному». Но и эта прерогатива появилась как будто не сразу. В ранних жалованных грамотах ее еще нет. Древнейшая жалованная грамота, где сказано: «А кому будет чего искати на Гридке или на его прикащике, ино их сужу яз, князь великий, сам или мой боярин ведены», была выдана Василием II Григорию Андрееву сыну Свиньину и датирована 1433/34 г.[9] Но эта дата вызывает сомнения.

Прежде всего в других грамотах тех же лет нет этой привилегии[10]. Сама грамота Свиньину дошла не в подлиннике, а в списке, снятом в конце XVIII в. со списка конца XVII в. Это само по себе было бы не такой уж бедой, если бы не состояние того текста, который переписывали в XVIII в. По словам копииста, «а иных слов в подлинной грамоте росмотреть не мочно, потому что в тву (так! — *В. К.*) местех строки передраны». Цифра 60 обозначалась в допетровское время буквой «кси», вышедшей в XVIII в. из употребления, 40 — буквой «м». Принять в дефектном тексте малознакомое «кси» за привычное «м» и тем самым отнести акт на 20 лет раньше (вместо 6962 г. — 6942 г.) было легко канцеляристу XVIII в., тем более что в грамоте немало других мелких искажений, исправленных при публикации. Остальные акты, упоминающие прерогативу княжеского суда, относятся к 40—50-м годам XV в.[11] В некоторых из них не упоминается и боярин введенный: удельные князья верейско-белозерский Андрей Дмитриевич и можайский Василий Ярославич ограничиваются формулой «сужу яз сам»; нет боярина введенного и в двух грамотах Василия II Темного[12]. Своеобразна формула в грамоте его матери, Софьи Витовтовны, 1450 г.: «...яз, княини великаа, сужу его сама и пристава даю на него»[13].

Первоначально князья и их представители сами не только выносили приговоры, но и разбирали дела. Сохранились фиксирующие такой способ судопроизводства грамоты Василия I, князя Дмитрия Юрьевича (неизвестно, Шемяки или Красного), верейско-белозерского князя Михайла Андреевича, боровско-бежецкого князя Василия Ярославича, митрополита Фотия, относящиеся к первой половине — середине XV в.[14] Но уже в середине XV в. известны случаи, когда дело в последней инстанции решает не сам князь, а его представитель[15].

Тогда же складывается и разделение суда на две (а то и на три) стадии. Судья (или судьи) проводит на месте тщательное расследование, выслушивает пока-

зания сторон и свидетелей, рассматривает документы и составляет судный список. Но решение о том, кого «обвинити», а кого «оправити», он не выносит (хотя и по судному списку обычно уже видно, в чью сторону склонились весы средневековой Фемиды). Судный список в присутствии сторон судья докладывал князю или его представителю, а тот уже окончательно решал спор. Один из наиболее ранних актов рисует даже трехступенчатое судопроизводство: судья Иван Харламов в конце 50-х — начале 60-х годов XV в. (по С. М. Каштанову, датировка шире — около 1442—1462 гг., но он же справедливо отмечает, что суд состоялся «скорее всего в конце» княжения Василия II) докладывал свой суд и «поставил истцов обоих» перед Федором Михайловичем (Челядней), который в свою очередь «суд свой сказал великому князю и список Ивана Харламова явил». Трех-, а не двухступенчатость, вероятно, вызвана тем, что Ф. М. Челядня занимал в судебной иерархии не вполне пока понятное промежуточное положение: около 1462—1473 гг. ему же докладывал свой судный список Никита Васильевич [Беклемишев], но окончательное решение принимал не Челядня, а Иван III[16].

В середине XV в. доклад князю судного списка был частым явлением: порой и княжеские слуги высокого ранга (наместники и т. п.) не решали споры сами. Так, около 1449—1450 гг. некто Федор Васильевич докладывал Василию II судный список по спору Суздальского Спасо-Евфимьева и Владимирского Рождественского монастырей. И. А. Голубцов при публикации акта предположил, что Федор Васильевич — это известный воевода и боярин Басенок[17]. Вне зависимости от точности отождествления (ведь в те же годы известен и другой Федор Васильевич — Копнин[18]) этот судья несомненно занимал высокое положение на иерархической лестнице: он писался Федором Васильевичем, а не Васильевым сыном и был, как верно отметил в заголовке И. А. Голубцов, суздальским или суздальско-нижегородским наместником. Можно было бы предположить, что вмешательство самого великого князя в суд наместника объяснялось тем, что дело было необычным: тягались два крупнейших монастыря, один из которых — Рождественский — официально занимал первое место в иерархии обителей[19]. Да и объектом спора было село, пожалованное самим великим князем.

Но вот около 1461—1462 гг. отпрыск старого и «честнóго» боярского рода Морозовых, Дмитрий Давыдо-

вич, в качестве звенигородского наместника князя Андрея Васильевича Большого рассматривал спор Савво-Сторожевского и Крутицкого монастырей, а судный список докладывал своему князю[20].

Во второй половине XV в. такие доклады также встречались[21], но чаще государевы слуги высокого ранга сами решали дело. Все реже князья сами разбирали споры о земле. Лишь две грамоты отразили личное участие Ивана III в судопроизводстве, да еще известно, что около 1488—1489 гг. он вызвал к себе на суд из Белоозера крестьян Словенского Волочка, споривших с Кирилло-Белозерским монастырем[22]. Состоялся ли этот суд, не известно, но великокняжеская грамота предусматривала личный суд государя без расследования на месте. Почему? Можно только предположить, что Иван III решил лично вмешаться в земельные дела в уезде, который только что (после смерти князя Михаила Андреевича) вернулся под управление великого князя, а до того почти век (с 1389 г.) находился под властью удельных князей. Тем самым государь повышал свой авторитет в Белозерье. Известны также личные суды углицкого князя Андрея Васильевича Большого (1470 г.), дмитровского князя Юрия Васильевича (1471 г.), две грамоты суда Ивана Ивановича Молодого (около 1485 —1490 гг.) и одна — суда Дмитрия Внука (1498 г.)[23].

Кто же имел право решать судебные дела без доклада, самостоятельно?

Прежде всего писцы — составители писцовых книг. Составляя описания земель в уезде, они надолго (обычно писцы с трудом укладывались в два года, а часто работали и дольше) становились там высшей властью по всем делам о праве собственности. К ним при межевании обращались с челобитьями, от них зависело, за кем записать то или иное село или к какому селу приписать деревни. Есть, правда, и отдельные исключения из этого правила: так, князь Василий Иванович Голенин был на рубеже XV—XVI вв. писцом в Московском уезде и около 1498/99 г. выдал самостоятельно правую грамоту, но около 1499—1502 гг. он же «суд свой сказал великому князю», хотя позднее, в 1502 г., уже как судья высшей инстанции в Белозерском уезде принимал доклад от судьи Михайла Гневаша Микулина сына Стогинина[24]. Сохранилось несколько судебных актов белозерских писцов Михайла Дмитриева сына Глебова Шапкина-Заболоцкого «с товарищи», большинство ко-

торых было доложено князю Данилу Александровичу Пенку (возможно, белозерскому наместнику), а один — князю Данилу Васильевичу Щене (из Патрикеевых)[25]. Но все же большинство писцов совмещало в себе судей первой и второй инстанций[26].

Другая категория судей, решавших дела в последней инстанции, — так называемые бояре введенные. Выше уже говорилось, что в 40-х годах XV в. в княжеских жалованных грамотах появилась новая формула: «А кому будет чего искати на... (следует имя получившего грамоту. — *В. К.*) или на его прикащике, ино их сужу яз, князь великий, сам или мой боярин ведены». Кто же такие бояре введенные? В. И. Сергеевич полагал, что это придворные бояре, которым «боярство сказано», т. е. присвоено официально. Сергеевич исходил из того, что в судных списках часто встречается формула: «И о сем судьи рклись доложить государя великого князя или его боярина», и приходил к выводу, что только члены Боярской думы с чином боярина имели право суда последней инстанции. Особым званием, должностью, связанной с управлением отдельными ведомствами дворцовой администрации, считал чин боярина введенного В. О. Ключевский. Этот взгляд Сергеевича и Ключевского вошел в историографию и попал в учебники[27].

Однако действительность эпохи оказывается сложнее. Прежде всего в источниках практически никогда не встречается прямое указание на чин боярина введенного применительно к конкретному человеку. Если выражения типа «боярин Лев Андреевич Салтыков» или «окольничий Семен Васильевич Яковля» употреблялись повсеместно, то выражение типа «боярин введенный Лев Андреевич Салтыков» встретилось один-единственный раз — в грамоте на кормление с текстом: «...пожаловал есми боярина своего введеного пана Ивана Судимонта», но подлинность этого документа маловероятна[28]. Выходит, что боярин введенный — это не должность и тем более не звание, а скорее определение функций, исполняемых служилым человеком.

Прежде чем делать окончательные выводы, обратимся еще к одному источнику, в котором употребляется этот загадочный термин. Речь идет о договорах между князьями. Докончаний сохранилось немало. Это специфический источник: хотя по содержанию докончания, естественно, значительно отличались друг от друга, их формуляр весьма устойчив. Новые докончания, видимо, нередко переписывали с прежних, меняя лишь

названия территорий и отдельные условия, которые и служили предметом переговоров.

Вот в этих-то докончаниях термин «бояре введенные» и появляется несколько раньше, чем в жалованных грамотах. Около 1432—1433 гг. великий князь Василий II и подчиненные ему князья заключили соглашение с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем. Один из его пунктов звучал так: «А городная осада, где хто жывет, тому тутo и сести, опричь бояр введеных и путников»[29]. Это первое упоминание бояр введенных. Но что значит этот пункт? Докончание регулирует вопрос о том, как поступать в особом случае: город осажден неприятелем, а на территории княжества находятся слуги другого князя. Должны ли они принять участие в отражении вражеского набега? Ответ однозначен — должны, за исключением бояр введенных и путников.

К путникам мы еще вернемся, а пока обратим внимание, что сам этот пункт — правда, без бояр введенных — не новость в княжеских докончаниях. Около 1390—1406 гг. в соглашении Василия I с его младшим братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем читаем: «А городная осада, где кто живет, тому тутo и сести, опроче путных бояр». Эта же формулировка встречается и в некоторых последующих соглашениях[30]. Существует и промежуточная формула: «опричь бояр и путников»[31]. Важно одно обстоятельство: в докончаниях, за редкими исключениями, в том случае, если не упомянуты бояре введенные, употребляется термин «путные бояре», если же бояре введенные упомянуты — только термин «путники». Путные бояре встречаются и отдельно — в докончании Дмитрия Донского и его двоюродного брата серпуховского князя Владимира Андреевича (1389 г.) читаем: «А коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих также по кормленью и по путем»[32].

Отсюда следует несколько выводов. Путные бояре и путники противопоставлены боярам большим, как впоследствии противопоставляются введенным. Следовательно, можно предположить, что бояре большие — это будущие бояре введенные. Далее, бояре путные ведали путями. Так в XIV—XVI вв. на Руси именовались отдельные отрасли дворцового управления (например, ловчий путь, ведавший охотой, и т. п.). Путные бояре и путники возглавляли эти отрасли. Большие бояре (ря-

дом с ними «путные бояре» теряют свое боярство и превращаются в «путников»), а в будущем — введенные получали кормления. Обычно кормлением было право суда (и администрации) на определенной территории. Отсюда вытекает, что введенные бояре — территориальные судьи. Проведение суда им поручается как кормление (они получают в свою пользу судебные пошлины — «присуд»). Они введенные, ибо вводятся в определенное дело. Боярский чин для них не обязателен — они бояре лишь на время разбора данного дела. Разумеется, такое толкование этого запутанного термина не претендует на то, чтобы быть окончательным, но, думается, оно в большей степени, чем другие, согласовывает противоречия в источниках.

В жалованных грамотах постоянно встречается формула: «А судит своих людей сам во всем или кому прикажет». Она — зеркальное отражение слов: «А сужу яз или мой боярин ведены». Боярин введенный — своего рода приказчик князя по судебным делам.

Для того чтобы выяснить состав бояр введенных, необходимо выделить их из состава судей. К сожалению, судебные акты никогда не употребляют термин «боярин введенный». Поэтому придется пойти другим путем: собрать сведения о тех, кто (за исключением писцов) судил без доклада вышестоящей инстанции или сам принимал доклады. Вероятно, они и будут боярами введенными. Но здесь необходимо одно ограничение. Встречаются случаи, когда дела в последней инстанции решают люди весьма невысокого ранга, явно не исполняющие функций бояр введенных.

Так, около 1462—1470 гг. Иван Харламов без доклада выдал Симонову монастырю правую грамоту по спору с черным крестьянином, хотя в другом случае тот же судья докладывал свой судный список боярину Федору Михайловичу Челядне[33]. Отсутствие у судьи отчества с «вичем», характерного для судей высшей инстанции, также убеждает, что И. Харламов не был боярином введенным. Известна также правая грамота, выданная тиунами князей Федора Федоровича и Дмитрия Семеновича (по И. А. Голубцову, Алабыша и Курбского) Микитой и Петром[34]. Если в последнем случае тиуны могли сами выдать грамоту, поскольку тяжба была не между феодалами, имевшими право на великокняжеский суд, а между черными крестьянами, то самостоятельное судейство Харламова остается необъясненным.

После этого предварительного замечания можно по-

пытаться в хронологической последовательности (по первому упоминанию в источнике) перечислить известных по актам бояр введенных.

В конце 50-х — начале 70-х годов XV в. принимал, как отмечалось выше, доклады судей боярин Федор Михайлович Челядня[35]. Два акта свидетельствуют о судейской деятельности Михайла Федоровича Сабурова: около 1448—1452 гг. он рассматривал спор Чудова монастыря с черными крестьянами о рыбных ловлях на р. Вашке (либо в Вышгороде Верейском, либо в Переславском уезде), а в середине XV в. принимал доклад по спору между двумя коломенскими вотчинниками[36]. Зиновий Алексеевич (из рода Станищевых) был судьей последней инстанции по тяжбе двух мелких вотчинников Московского уезда в середине XV в.[37], но не исключено, что он не был боярином введенным: мелкие землевладельцы могли и не пользоваться прерогативой великокняжеского суда.

Особенно много дел связано с деятельностью известного государственного деятеля князя Ивана Юрьевича Патрикеева, прожившего удивительно долгую для XV в. жизнь: упомянутый впервые как воевода в 1455 г., он активно действовал вплоть до 1499 г., когда попал в опалу и был насильно пострижен в монахи[38].

Впервые И. Ю. Патрикеев выступает как судья около 1453—1462 гг. в Суздальском или в Стародубском уезде по делу между великокняжескими бортниками и князьями Палецкими. Только через два-три десятка лет после этого он вернулся к судебной деятельности: около 1485—1490 гг. выдал Симонову монастырю правую грамоту по спору с Ивашкой Саврасовым в Московском уезде, причем с докладом Ивану III (это единственный случай, когда И. Ю. Патрикеев выступал не как судья последней инстанции); в 1490 г. он разбирал спор Симонова монастыря с черными крестьянами в Дмитровском уезде, а около 1494—1499 гг. — в Московском уезде с местным вотчинником Иваном Михайловым сыном Тверитиновым; в 1490/91 г. «доложа» его заключили мировую о разделе вотчины Арина Карачева и ее пасынок. Ему докладывали также ряд судных списков: около 1490—1498 гг. два дела по спорам Симонова монастыря с местными вотчинниками докладывал Василий Чубар Федоров сын Безобразов[39], в 1496—1498 гг. два дела по тяжбе Троице-Сергиева монастыря с князьями Оболенскими в Малоярославецком уезде — Владимир Гаврилов сын Зверев[40].

Обращает на себя внимание, что много дел, которые судил И. Ю. Патрикеев, связано с Симоновым монастырем. Заметно преобладают в его судействе также тяжбы в Московском уезде, что объясняется тем, что с 1472 г. и до конца своей карьеры князь был московским наместником[41].

В актах XV в. судьи высокого ранга, как правило, именуются только именами и отчествами, а акты лишены дат. Это сильно затрудняет и определение личности судьи, и точную датировку. В этом отношении характерна грамота, в которой великокняжеский тиун Карп Ховралев докладывает свой суд по тяжбе Троицы с Яковом Ивановым сыном Шиловым некоему князю Ивану Васильевичу. Публикуя акт, С. Б. Веселовский датировал его по упоминаниям представителя монастыря, старца Ефрема, временем около 1490—1495 гг., но одновременно замечал, что «если видеть в князе Ив. Вас-че князя Ив. Вас. Стригу Оболенского, умершего наместником в Новгороде в 1478 г., то это и определило бы дату: ок. 1470—78 гг.». В «пояснительном примечании» к акту Веселовский писал уже более определенно: «Доклад... слушал и постановил решение, по-видимому, кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенский, пожалованный в бояре в 1462 г. и умерший в 1478 г.»[42].

Позднее была опубликована вторая правая грамота того же К. Ховралева, на докладе которой Ивану III присутствовал кн. И. В. Стрига; датировалась эта грамота приблизительно 1462—1478 гг. (по боярству Стриги). И. А. Голубцов в связи с этим отмечал, что «возрастают доводы за исправление даты» того акта Ховралева, о котором только что шла речь, но считал, что вопрос о его датировке «не решается твердо, так как в нем нет прямого указания на Стригу»[43].

Однако дело в том, что эти акты относятся к Ярославской земле; участие же Стриги в земельных делах в Ярославском княжестве после его присоединения (см., например, акт его суда в последней инстанции по спору Спасо-Ярославского монастыря с черными крестьянами около 1463—1468 гг.[44]) заставляет считать, что, вероятно, и первый акт относится к Стриге (акт — ярославский) и датируется 60—70-ми годами XV в.

Сохранилась включенная в другой, более поздний акт правая грамота, выданная неким Михайлом Васильевичем Васильевскому монастырю у Гороховца по спору с черными крестьянами[45]. И. А. Голубцов при публикации предположил, что грамоту выдал М. В. Бекле-

мишев, и на этом основании датировал документ около 1470—1485 гг. В грамоте (по крайней мере в дошедшем до нас изложении ее) нет указания, по чьему «слову» или «грамоте» проводился суд. А такая формула для тех судебных актов, которые выдавались не непосредственно князьями, стала обязательной с середины XV в., да и от более раннего времени дошло лишь две грамоты без такого указания[46]. Это обстоятельство заставляет с сомнением относиться как к предположению, что грамоту выдал М. В. Беклемишев, так и к сделанной на этом основании датировке, тем более что в XV в. известны и другие Михайлы Васильевичи из числа боярских родов: Клеопа Кутузов, бывший боярином суздальского архиепископа, и Алферьев-Кучецкий[47].

Не вполне ясен статус брата Михайла Васильевича — Никиты Беклемишева. Около 1462—1473 гг. некто Микита Васильевич (по С. Б. Веселовскому, Беклемишев) докладывал свой судный список в Переславском уезде сначала Федору Михайловичу Челядне, а затем Ивану III. Самому же Н. В. Беклемишеву около 1485—1490 гг. докладывал судный список по делу в Костромском уезде Кузьма Клементьев, но Беклемишев не вынес окончательного решения, а в свою очередь доложил дело сыну Ивана III — великому князю Ивану Ивановичу. Таким образом, Беклемишев вроде вынужден докладывать свои решения, но и ему докладывают свой суд нижестоящие инстанции. Наконец, сохранилась мировая между Троице-Сергиевым монастырем и дмитровскими вотчинниками Львовыми, заключенная «доложа Микиты Васильевича». Он явно выступает здесь как судья высшей инстанции: Иван Львов раньше «взводил судью великого князя Михайла Нестерова»[48]. Н. В. Беклемишев мог быть одним из бояр введенных.

К 70—90-м годам XV в. отнес предположительно С. Б. Веселовский правую грамоту, которую выдал без доклада некто Наум Андреевич[49]. Введенным боярином был известный казначей Дмитрий Владимирович Овца: в 1488—1501 гг. ему было доложено пять судных дел в разных уездах[50]. Дважды — в 1499 и 1504 гг. — докладывались судные дела Якову Захарьичу Кошкину и дважды же (около 1490—1495 гг. и в 1500 г.) — его брату Юрию Захарьичу[51]. Как судья последней инстанции выступал в конце XV в. и около 1502—1504 гг. дворецкий князь Петр Васильевич Великой. Другой дворецкий — Константин Григорьевич Заболоцкий — решал без доклада судебный спор в 1503 г.[52] Боярину Юрию

Константиновичу Сабурову докладывали в 1505/06 г. судный список по делу в Зубцовском уезде[53].

Такое положение сохранялось и в XVI в.: двухступенная процедура с докладом при участии судей из числа рядовых служилых людей или одноступенная при суде государя (царя, великого или удельного князя) или боярина введенного.

Бояре введенные, как видно из составленного перечня, были не только боярами: среди них мы встречаем и дворецких, и казначеев, и не входивших в состав Думы представителей старомосковской знати.

Деятельность бояр введенных и знание их состава помогают лучше понять некоторые нормы права конца XV—XVI в. Судебники 1497 и 1550 гг., говоря о наместниках и волостелях, делят их на две категории: тех, «за которыми кормления с судом с боярским», и тех, «которые держат кормленья без боярского суда». Именно кормленщики с судом боярским имели право, по Судебнику 1497 г. (в 1550 г. эта привилегия у них была отнята), выдавать правые грамоты без доклада[54]. Правда, речь шла о грамотах на холопов, а не на землю, ибо судопроизводство по земельным делам в Судебниках не рассматривалось, но для нашей цели важны общие вопросы судебной процедуры. Эти кормленщики «с судом боярским» могли быть не только боярами, но и детьми боярскими. Таким образом, нормы Судебника 1497 г. явно относились к тем, кто считался боярином лишь по отношению к судебному делу. Отсюда следует, что кормленщики «с судом боярским» — бояре введенные, а это вполне согласуется с уже сделанным предположением, что веденными боярами были кормленщики.

В этой связи сравним заголовки и начала первых статей Судебников[55]:

1497 г.	1550 г.
Лета 7006-го месяца септемврия уложил князь великии Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим.	Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом намесником, и по волостем волостелем, и тиуном, и всяким судьям.
1. Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком.	1. Суд царя и великого князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком.

Сопоставление этих текстов приводило исследователей к выводу, что в Судебнике 1550 г. в состав судей введены дворецкие и казначеи — главы двух общегосударственных ведомств, Казны и Дворца, а дьяки из вспомогательного персонала («на суде быти») превратились в полноправных судей. Если последнее наблюдение несомненно верно, то первое основано только на текстологическом анализе, а действительность эпохи вносит в него значительные коррективы. Ведь уже в XV в. дворецкие и казначеи нередко бывали судьями в качестве «бояр введенных». Таким образом, этот текст Судебника 1550 г. означает не столько появление новой юридической нормы, сколько более точную фиксацию процессуальной реальности.

Обращает, далее, на себя внимание разница в перечислении судей в заголовках двух Судебников, а также в заголовке и в ст. 1 Судебника 1550 г. Отсутствие наместников, волостелей и тиунов в заголовке Судебника 1497 г. объясняется скорее всего неточным редактированием: ведь в самом тексте содержится немало статей, говорящих о судебной деятельности этих лиц. Иной смысл у различия между заголовком и ст. 1 Судебника 1550 г.: в ст. 1 в отличие от заголовка речь идет не о всех судьях, а лишь о тех, которые осуществляют «суд царя и великого князя», иначе говоря, о судьях высшей инстанции для феодалов, имевших право на личный суд государя. Итак, ст. 1 Судебника 1550 г. дает нам перечень тех, кто мог выступать в качестве бояр введенных.

Источники знают еще один род судей — «съезжие», или «вопчие». Так, около 1446—1448 гг. в грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю на рыбные ловли в Ростовском озере упоминались «мои вопчие судьи и их тиуни». Около 1456—1464 гг. Спасо-Евфимьев монастырь получил правую грамоту по тяжбе с крестьянином князя Семена Борисовича Горбатого, начинающуюся словами: «Сии суд судили судьи съезжьи — и от Клементья Григорьевича и от намесника суздальского тивун его Степан Запинкин, а Ефимьева монастыря от архимандрита Исакъя старец Иев».

Около 1464—1478 гг. спор между черным крестьянином и Троицким Махрищским монастырем в Переславском уезде «судили судьи сиежщие — от великого князя судья Василеи Михаилов сын Обухова, а от великие княини Марьи судья Олфереи Едигеи», причем дело было окончательно решено Иваном III. Около 1462—1464 гг. в Звенигородском уезде спор между ми-

трополичьим домом и черными крестьянами также решали съезжие судьи: представитель митрополита дворецкий Семен и представитель князя Андрея Васильевича [Большого] Иван Хвощинский, а докладывалось дело Ивану III[56].

Из этих примеров вырисовываются функции «съезжих» судей: они выступают как представители спорящих сторон. Во многих жалованных грамотах встречаются упоминания о «сместном суде» в тех случаях, когда дело затрагивает интересы лиц, находящихся под разной юрисдикцией. Например, игумен может судить монастырских крестьян, но уже не правомочен решать спор между ними и их соседями из черной волости. В свою очередь волостель ведает черных крестьян, но не «въезжает» в монастырские вотчины. Сместный суд, где встречаются представители волостеля и монастыря, должен разобрать эту тяжбу. Привилегией сместного суда дорожили: и даже не столько потому, что она давала власть, сколько потому, что она давала возможность не потерять свою долю «присуда», который делился поровну между судьями. Съезжие судьи и были участниками сместного суда.

Отличались ли от них судьи «вопчие»? Мы сегодня привыкли к строгой однозначности юридического языка, где одно понятие определяется одним и тем же словом, и порой невольно переносим эти свои представления и на средневековье. А между тем в те времена, отличавшиеся большой патриархальностью в отношениях, юридический язык еще не отделился от общего литературного или делового. Один из источников заставляет предполагать, что судьи «вопчие» и «съезжие» — одно и то же. В 1492 г. была составлена Отводная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, где были тщательнейшим образом описаны все межи монастырских вотчин с соседними владельцами. Наряду с обычными природными ориентирами (типа «вверх вражком до мху до зыби, по елем и по березам по гранем, да на березу на великую...») Отводная книга указывает и такую примету для межи: «....вверх врагом до судебни, что была судебня на рубежи на белозерьском и на вологодском, где сьезжалися судьи вопчие судити»[57]. Таким образом, в этой «судебне» на границе двух уездов «судьи вопчие» разбирали дела, затрагивавшие интересы одновременно белозерского и вологодского наместников. Это их общие, «вопчие» судьи, но они же и «съезжие», ибо съезжаются для отправления правосудия.

Вероятно, именно обычай сместного суда при помощи вопчих или съезжих судей и породил своеобразную процедуру в делах о земле, характерную для второй половины XV — первой половины XVI в. Единственное упоминание этой процедуры в законодательном акте связано с ее отменой. В ст. 84 Судебника 1550 г. читаем: «А государю и бояром и всем приказным людем по ищеину челобитью судьи на землю не посылати, а послати судью на землю, выбрав одного не по их челобитью; а дву судей на землю не посылати». Эта мера была реально осуществлена. Так, в 1556 г. Иван IV вмешался в тяжбу Чудова монастыря с коломенским помещиком Данилом Истоминым сыном Толстым: Толстой «взял» себе судью Леву Телешова, но царь отставил Телешова, ибо он, «коломнетин же, з Данилком одного города, и он ему норовит»[58].

Существовавшая же до 1550 г. практика состояла в том, что в первой инстанции дело рассматривали по меньшей мере двое судей, назначенных сторонами. Для таких судей возникло название «данных», ибо государь «давал» их истцу и ответчику, а те «взводили» судей на землю. Естественно, функции этих судей ограничивались предварительным расследованием и составлением с участием судных мужей судного списка.

Разумеется, представителям спорящих сторон было сложно составить согласованный текст судного списка. Тем не менее в большинстве случаев эта трудность как будто бы успешно преодолевалась, хотя дошло и несколько дел, говорящих о конфликтах между судьями. Близкий к Троице-Сергиеву монастырю сын боярский Иван Тимофеев сын Боров Щелепин был назначен судьей по спору Троицы с бежецкими помещиками Чулковыми. В указной грамоте предусматривалась возможность, что судья от Чулковых Василий Андреев сын Нелединский «учнет волочити и норовити». В этом случае Щелепину и его подьячему Федору Фатьянову предписывалось судить самим. Нелединский и впрямь стал «волочити» — он просто не являлся на суд. И в 1547 г. дело решалось уже другими судьями — Шеметом Александровым сыном Щелепиным и Дмитрием Козловым сыном Милославским. Впрочем, и Милославский оказался не без греха: в том же Бежецком уезде местные помещики Дементьевы по спору с Троицей взяли в судьи Клока Сысоева, но в 1548 г. монастырь жаловался, что Сысоев и Милославский (вероятно, судья от Троицы) «волочат» десятый год, почему и были оба отставлены[59].

Рамки этой книги позволяют представить читателю лишь результаты подробного анализа состава судей по земельным делам второй половины XV — первой половины XVI в. Из комплекса собранных автором сведений выясняется, что большинство известных для этого периода «данных судей» было тесно связано с теми уездами, где возникали тяжбы, и, следовательно, было прекрасно осведомлено о положении дел и отношениях местных феодалов. Но вряд ли это были случайные люди. Многие из них стали уже специалистами в судействе.

Показателен пример семьи Кроткого. Семен Данилов сын в 1498 г. разбирал спор братьев Струниных с митрополичьими крестьянами в Переславском уезде. В 1533/34 г. был судьей в том же уезде его сын Григорий. Но разъезжую грамоту по делу писал уже сын Григория — Русин, «потому что отец его по грехом болен, и руки ему приложити не мочно»[60]. Таким образом, три поколения Кроткого судили в Переславском уезде, который был их родовым гнездом[61]. Видимо, стал профессионалом и судья Владимир Гаврилов сын Зверев: в сентябре 1496 г. он разбирал иск Троице-Сергиева монастыря о лугах в Передоле Малоярославецкого уезда к князьям Лыковым и Кашиным (Оболенским); вслед за тем (около 1496—1498 гг.) он выдал в связи с тем же делом правую грамоту Троице на князя Ивана Константиновича [Глупого] Оболенского и произвел три разъезда владений Троицы и Оболенских, а в 1498/99 г. судил спор в совсем другом месте и между совсем другими владельцами — Симоновым монастырем и крестьянами Пехорской волости Московского уезда[62].

Некоторые из судей были связаны не столько с уездом, сколько с участниками спора (естественно, речь идет о «данных судьях»). Особенно наглядно просматривается связь с Троице-Сергиевым монастырем среди тех, кто судил дела о троицких вотчинах. Так, известно несколько дел, которые провел по троицким искам Алексей Григорьев сын Желтухин в 1525—1529 гг. в Московском и Бежецком уездах[63]. Родовое гнездо Желтухиных находилось в Корзеневе стане Московского уезда, т. е. достаточно далеко от Бежецкого верха[64]. Вместе с тем Желтухины тесно связаны с Троицей: еще в 1535 г. Сенька Алексеев сын Желтухин был назначен приставом для соблюдения прав монастыря по подводной повинности в Переславском уезде, а в дальнейшем Желтухины неоднократно бывали послухами в троицких актах и свидетелями при межевании троицких земель[65].

Не менее показательна деятельность Руготиных. В 1526—1537 гг. братья Федор и Захарья (Заня) Александровы дети Руготины несколько раз выступали как судьи от Троицы по делам в Радонеже и в Бежецком уезде[66]. Они действительно были связаны с этими местами: известны владения этого рода в Радонеже и в смежных с ним станах Московского уезда (Корзеневе и Шеренке), а в Бежецком уезде упоминалось в 1540 г. село Руготино[67]. Но еще ближе они были к Троице-Сергиеву монастырю: брат судей Тимофей Замятня был троицким слугой (так называли светских администраторов на монастырской службе), все три брата не раз бывали послухами в троицких актах, а сын Зани Руготина, Петр, во второй половине XVI в. скрепил как послух почти сто грамот Троицы[68].

Иногда судейство становилось началом связи одной из сторон в процессе с судьей. В 1521 г. Матфей Васильев сын Елизаров и Пансырь Никитин разбирали в Муромском уезде спор между Троице-Сергиевым монастырем и местным помещиком Иваном Яковлевым сыном Елизаровым[69]. Судья был дядей помещика и естественно представлял его интересы. Что касается П. Никитина, то он был судьей от Троицы. Это выясняется не только методом исключения (раз не от Елизарова, то от Троицы); за четверть века до суда (в 1503/04 г.) П. Никитин был недельщиком (судебным исполнителем) по иску Троице-Сергиева монастыря к князю Федору Владимировичу Долгорукову[70]. Дело против И. Я. Елизарова решилось в пользу Троицы, причем никаких разногласий между судьями как будто не было. Дядя, таким образом, проявил беспристрастность (или, напротив, пристрастность?) и не помог племяннику в борьбе с влиятельным монастырем. С той поры Матфей Елизаров стал своим для Троицы: он сам и его сыновья Семен и Григорий в 50—80-х годах XVI в. скрепили как послухи почти 40 троицких актов в разных уездах[71].

Связь большинства судей с участниками конфликтов означала, что местные служилые корпорации феодалов могли часто контролировать решение земельных тяжб в своих уездах. Этому способствовало и то обстоятельство, что в качестве судей нередко выступали представители дворянских обществ — городовые приказчики, а впоследствии — губные старосты[72]. Когда в 1550 г. было запрещено посылать на спорную землю «данных судей», несколько уменьшилась тем самым роль служилых корпораций в рассмотрении земельных дел и усилился

контроль за земельными отношениями со стороны центральной власти. Гораздо шире стало участие в суде писцов — они всегда были пришлыми людьми в тех уездах, которые описывали[73]. В окраинных уездах в качестве судей порой выступают присланные из центра воеводы: так, известны суды нижегородского воеводы князя Семена Ивановича Гундорова в 1554—1555 гг. и рязанского воеводы окольничего Михайла Васильевича Тучкова в 1563 г.[74] Но все же губные старосты и другие представители местного дворянства, как и прежде, нередко судят земельные дела. Короче говоря, усиление правительственного контроля за земельными делами не означало еще полного их изъятия из ведения дворянских обществ.

Какой же была судебная процедура в действии? Рассмотрим ее на примерах нескольких судебных дел конца XV—XVI в.

Начнем с одного, быть может, не самого типичного, но тем не менее весьма любопытного дела[75]. В 1564 г. власти Московского Богоявленского монастыря подали жалобу на дмитровского вотчинника Лавра Леонтьева сына Бабкина Мешкова. Когда читаешь монастырскую челобитную, то возникает ощущение, что Мешков — беззастенчивый махинатор. Оказывается, он завладел монастырской деревней Елданово, затем перед писцами князем Иваном Андреевичем Звенигородским и Дмитрием Михайловичем Пивовым признал свою неправоту, от деревни «отступился». Дело в том, что ему была предъявлена данная грамота дмитровской княгини Евфросиньи на село Дятелино, где среди деревень названо и Елданово. За отдельно расположенное поле («заполицу») Мешков получил от монастыря 40 руб. «И по челобитью, государь, Лаврову, — жаловались старцы, — дали есмя тому Лавру сроку жити в той деревне до средокрестья христова лета 7070-го» (т. е. до 24 февраля 1562 г.). Срок миновал, но Мешков не отдал ни деревни, ни заполицы. Более того, по словам старцев, «нынеча тот Лавер ис тое деревни из Елданова продает хоромы без нашего ведома».

За разбор дела взялся сам царь — Иван Грозный. Монахи предъявили ему запись Мешкова с распиской в получении 40 руб. и «разъездом», на котором присутствовал сын боярский Иван Федоров сын Румянцев. Но на вопрос царя Мешков дал неожиданный ответ: денег он у монастыря не брал, от Елданова не отступался — это его старинная вотчина, которой его род владеет уже

53 года. «Хотят меня с тое землицы напрасно зжити», — жаловался ответчик. Относительно своей расписки Мешков заявил, что она подложна, данной грамоты княгини Евфросиньи он никогда раньше не видел, свидетель в разъезжей грамоте Иван Румянцев — ему «недруг», да к тому же «спор нам о той вотчине ни с кем не бывал и до сих мест».

Все эти ответы не выглядели убедительно: ведь доказательств Мешков пока не представил. Казалось, чаша весов склоняется в пользу монастыря. Но вот царь задает старцам стандартный, но опасный вопрос: почему они молчали до сих пор и лишь в 1560 г. возбудили перед писцами дело? Опасность вопроса состояла в том, что в русском земельном праве XVI в. срок давности играл важнейшую роль. Если после нарушения прав истца прошло более трех лет (для черных крестьян и помещиков — шести) без особых уважительных причин, челобитье не удовлетворялось. Но у монахов был готов ответ: Мешков пахал елдановские земли, поскольку они сдали ему Елданово на оброк, а составленная писцами разъезжая грамота доказывает правоту монастыря.

Мешков же твердо стоял на своем: оброка он никогда монастырю не давал, а разъезжая — лживая, воровская. Ее изготовил подкупленный монахами подьячий Костя Полуханов. Позднее Мешков несколько изменил (или дополнил) показания: сначала главный писец князь И. А. Звенигородский написал Елданово за Мешковым, а осенью приехал Д. М. Пивов и «изново писал, не ведаю почему». К тому же здесь и раньше были писцы — Александр Упин и Федор Адашев (отец известного деятеля Избранной рады) — и записали деревню за матерью Мешкова. Возражения монастыря становились все менее убедительными. Старцы объясняли, что их монастырь прежде был «особняк и не община», т. е. монахи не вели общего хозяйства, а потому монастырь и не нуждался в вотчинах. К тому же монастырь «промеж игуменов (без настоятеля. — *В. К.*) много лет был, болши тритцати лет», и потому «за монастырь... тогда стояти было некому». При писцах же, полагали старцы, «тот Лавер некоторым ухищрением тое деревню написал за матерью своею».

Итак, аргументы сторон, казалось, уравновесились. У монастыря была данная княгини Евфросиньи, где было названо Елданово, но ведь княгиня могла и ошибиться. Существовали разъезжая грамота писцов и собственная запись Мешкова, но Мешков оспаривал их под-

линность. Вместе с тем за Мешкова были запись в предшествующих писцовых книгах и крайняя неубедительность ответов монахов о причинах пропуска срока давности. Дело могли вывести из тупика лишь дополнительные аргументы. И царь спросил Мешкова, есть ли у него «крепости», т. е. документация на право владения Елдановом. Такой вопрос обычно шел на пользу монастырю: за каменными стенами обители земельные акты сберегались значительно лучше, чем в деревянных боярских и дворянских хоромах. Но Мешков обещал крепости «положить» завтра же. Увы, к завтрашнему дню он их не «доискался». Искал он их долго, и все же нашел.

Это был поистине замечательный комплекс документов. Редко какая вотчина оказывалась так защищена документально, редко можно было так проследить ее историю. Была купчая грамота Ивана Сухого Селянинова сына, который в 1509 г. купил Елданово у Ивана Меньшого Юрьева сына Селиванова. Была утвержденная митрополитом Даниилом в 1530/31 г. духовная И. Селянинова, которой он передавал земли зятьям, в том числе и отцу Лавра — Леонтию Мешкову сыну Бабкину. Была деловая зятьев, разделивших вотчины тестя, по которой Елданово получал Леонтий Мешков. Была его духовная 1533/34 г., которой он завещал Елданово сыновьям, в том числе и Лавру. Были «платежницы» — расписки в уплате податей с Елданова. Наконец, были документы и на право владения «заполицей». Десять разных крепостей подал Мешков царю! К тому же на запрос, отправленный писцам, подлинна ли разъезжая грамота, пришел ответ только от одного из них — Пивова, которого Мешков и обвинял в подлоге. Казалось, дело ясно. И вдруг неожиданно царь Иван выносит приговор: монастырь «оправить», а Мешкова «обвинить», ибо свои крепости он положил не в срок.

Трудно отделаться от мысли, что, если бы все эти документы не в срок предъявил монастырь, его выигрыш был бы обеспечен. Как здесь не вспомнить слова, которыми Пушкин предварил текст определения уездного суда по спору между Троекуровым и Дубровским: «Мы помещаем его (определение. — *В. К.*) вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право». Остается только гадать, что побудило Ивана IV решить дело столь странным образом; чем накануне опричнины ему

так приглянулся именно Богоявленский монастырь. Впрочем, судил царь не единолично: на суде были бояре Иван Петрович Челяднин-Федоров и Владимир Васильевич Морозов и окольничий Иван Андреевич Бутурлин. Все трое потом пали жертвой царя Ивана: Федоров был казнен спустя три-четыре года, Морозов умер в темнице (или был казнен), Бутурлин сложил голову на плахе в 1575 г.[76]

Порой дела — по юридической классификации вполне гражданские — сильно отдавали уголовщиной. Так, в 1535 г. в Каширском уезде кн. Иван Андреевич Лапин (из Оболенских) вместе со своими людьми напал на деревню Троице-Сергиева монастыря Наумково, которую считал своей. Люди князя-разбойника грабили крестьян, а одного даже убили, потом же отправились восвояси. Крестьяне погнались за ними, завязался бой, и один из княжеских холопов попал в плен. Князь тогда нанес ответный удар, лихой княжеский холоп отсек саблей ногу сотскому, но все же ни отбить пленного, ни одержать победу княжеской шайке не удалось. Более того, еще один незадачливый воин попал к крестьянам в плен вместе со своим «саадаком» — луком с колчаном и стрелами[77].

Такие военные действия в борьбе за спорную собственность были не исключением. Нижегородские помещики Арбузовы около 1550 г. напали на деревню Амвросиева Дудина монастыря прямо тогда, когда судьи приехали на спорную землю. Они избили судей, ограбили крестьян и даже насиловали крестьянок. Это было уже слишком даже для средневековья. Делом занялся нижегородский воевода Василий Петрович Головин, и земли Арбузовых были конфискованы. Но Дудину монастырю везло на буйных соседей. Через три года другие местные помещики — трое братьев Скарятиных, Роман Клинцов и Алексей Плакса — в ночь с 30 ноября на 1 декабря «со многими людьми» напали на монастырскую деревню Чернцово Селище, «засели» деревню и выбросили оттуда («выбили») монастырских крестьян, избив их и ограбив. В Суздальском уезде отличился в 1519 г. потомок литовского выходца Матвей Иванов сын Судимантов: он с сыном и холопами грабил деревню Спасо-Евфимьева монастыря. Любопытно, что, проиграв гражданское дело, Судимантов отделался только уплатой за убытки; холопы же его, участвовавшие в разбое, были сурово наказаны: двоих били кнутом, а затем одному из наказанных отсекли ру-

ку, а другого бросили в тюрьму. Зато посельский (приказчик из холопов) Судимантова, который дал показания против своего господина, был с женой и детьми отпущен на свободу[78].

Но это все же случаи из ряда вон выходящие. А как проходили дела более обыкновенные? Какой была аргументация сторон? Выше уже отмечалось, как был важен срок давности. Судья (или судьи), приезжая на спорную землю, первым делом спрашивал: «Сколько лет он у тебя ту землю пашет». Объяснения и отговорки помогали не всегда. Так, около 1485—1490 гг. Матюшка и Бекет Григорьевы дети Вельяминовы жаловались на своего родного брата Сеню, что он продал их общую вотчину и «не взвестил». Разбиравший дело сын Ивана III Иван Иванович задал вопрос: «Сколь давно брат вашь Сеня те земли продал?» — и, узнав, что уже «лет с пол-третьятцать (25. — *В. К.*) и боле», снова спросил: «О чем жо вы им (брату и покупателю земли. — *В. К.*) о тех землях молчали до сех мест?» Откровенный ответ: «Молчали есмя, господине, не надобны были нам» — не удовлетворил княжича, и он отверг иск[79].

Но бывали отговорки менее искренние. Так случилось в запутанном деле Квашниных. Два брата Фомины-Квашнины — Данило и Василий Григорьевичи — жаловались на своего троюродного дядю — престарелого окольничего Андрея Александровича Квашнина, что он, «утаясь от них», отдает в Кирилло-Белозерский монастырь сельцо в Московском уезде; они же той вотчине «таковы ж отчичи, как и он», и просили дать им возможность выкупить село. К этому спору мы еще вернемся, а сейчас отметим, что одновременно возникли новые претенденты — Митька Васильев сын, Воинко, Михайло и Семен Григорьевы дети Квашнины, также потребовавшие выкупа. Их спросили, почему они «терпели» 17 лет (именно столько времени прошло с момента покупки земли А. А. Квашниным). Они отвечали: «...отец наш да и мы в те поры были в Новегороде, и тогды у нас было поветрие (эпидемия. — *В. К.*), к Москве было ездити не велено». На столь наивное заявление последовал резонный ответ, что в Новгороде «живет поветрие на время» и не все 17 лет были годами мора[80].

Иногда пропуск срока давности признавался уважительным. Так, в конце 80-х годов XVI в. власти Спасо-Евфимьева монастыря объясняли, почему они пропустили срок давности в споре с черными крестьянами: первоначально крестьянам покровительствовал князь Ми-

хайло Темрюкович Черкасский, а он «тогда был человек великой и временной, и управы было на него добитися немочно», а затем они били челом дворецкому князю Федору Ивановичу Хворостинину, но тот «архимарита не жаловал, был к нему не добр». Эти достаточно шаткие аргументы были признаны судьей — Григорием Васильевичем Годуновым[81].

Одним из основных аргументов в спорах были показания местных крестьян и (реже) феодалов, «старожильцев». Им задавали традиционный вопрос: «Скажите в божью правду, чья та земля, на которой стоим?» В ответ каждый из старожильцев сначала сообщал, за сколько лет он помнит межи, а затем все вместе с иконой они вели судей по предполагаемым границам. Сроки, «за» которые помнили старожильцы, часто удивительно долги: «яз, господине, Лука, помню за семьдесят лет, а яз, господине, Олеша помню за шестьдесят лет...»[82] Срок в 70 лет не исключение, а правило. Принято считать, что продолжительность жизни в средневековье, особенно у крестьян, была весьма невелика. Но оказывается, что 80-летние старики (чтобы помнить за 70 лет, нужно быть примерно на 10 лет старше) вовсе не были редкостью.

Каждая сторона выставляла своих старожильцев. Естественно, обычно возникали разногласия в их показаниях. Например, представитель Спасо-Евфимьева монастыря, старец Левкий, утверждал, что выступавшие от кн. Андрея Телятевского старожильцы «накупные», и ссылался «на все четыре стороны верст по пяти и по шти и дести и по пятнадцати и по двадцати и больше». В свою очередь человек Телятевского заявлял, что монастырские старожильцы все «у монастыря удружены и вкладчики». Если показания старожильцев расходились, приходила очередь новым аргументам. Так, в 1539 г. при споре между Клинской Изосиминой пустынью и вдовой сытника Курбата Третьякова в Клинском уезде старожильцы по-разному провели межу. Тогда монастырь представил как свидетелей людей из окрестностей — «опричных людей». Арина Третьякова в ответ печально сообщила: «...сверх тех моих старожильцов иным опричным людем не ведомо никому, не молвят по нас нихто», и дело ее было проиграно[83].

Но и показания «опричных людей» еще не решали дело. Да и приглашали их не всегда. Старожильцы должны были выразить готовность до конца отстаивать свою правоту. «Целовав крест, да лезем с ними (со

старожильцами другой стороны. — *В. К.*) на поле битися», — заявляли они. Иногда такое заявление заканчивало показания старожильцев, иногда было их ответом на вопрос судьи. В чем здесь дело?

Яснее всего на первый взгляд выражение «целовав крест»: целование креста — присяга, подтверждающая справедливость слов. Но если и те и другие старожильцы поцелуют крест, то часть из них заведомо совершит тягчайший грех — кощунственное клятвопреступление. Более того, судьи как бы подтолкнут на его совершение. Поэтому, как известно по другим делам, следовало прежде решить, кто первым пойдет к кресту. Но второму уже не будет это позволено: целованию креста нельзя не верить. Но вместе с тем автору этих строк не известны случаи, когда бы дело было реально доведено до крестоцелования. Вероятно, либо церковная присяга воспринималась как слишком сильное средство, либо люди XV—XVI вв. были более скептичными, чем представляется, и не слишком доверяли крестоцелованию.

Что касается «поля», то здесь речь идет о судебном поединке, «божьем суде», столь типичном для средневековья. Тот, кому бог помог одержать победу в единоборстве, прав, а потерпевший поражение («убитый», по терминологии XV—XVI вв.) — виновен. Судебники 1497 и 1550 гг. тщательно разбирают условия «поля» и пошлины, получаемые теми, кто надзирает за правильностью поединка. Участников «поля» сопровождали «стряпчии» и «поручники», т. е. помощники и поручители. Они могли присутствовать при бое, но не имели права участвовать в нем; им даже запрещалось иметь с собой дубины, «ослопы» (тоже род дубины) и «доспех». Посторонние же зеваки («опричные люди») не допускались и «стоять у поля».

Особенно занимал законодателя вопрос о тех участниках «поля», физическое состояние которых, пол или социальное положение не позволяли им сражаться. Так, разрешалось найти «наймита», если «ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка». В этом, разумеется, уже отразилось некоторое неверие в «божий» характер суда при поединке: ведь в принципе господь должен был бы дать силы одержать победу и старому, и малому, и увечному, если только они правы. Судебник 1550 г., воспроизведя нормы 1497 г., ввел несколько уточнений. В частности, было указано, что против наемного «бойца» мо-

жет выступить тоже только «боец», «а бойцу с небойцом не битись»; лишь сам «небоец» мог по доброй воле вступить в единоборство с наемником[84].

А. А. Зимин на основании приговора 1556 г. о губных делах, отменявшего судебный поединок для важнейших уголовных дел, сделал вывод о его полной ликвидации. Автор этих строк тогда же оспорил это положение, считая, что «в делах гражданских, в тяжбах о собственности он применялся и в более позднее время». Ссылался я при этом на Генриха Штадена, служившего в России во второй половине 60-х — начале 70-х годов XVI в. и оставившего свои записки. Штаден подробно описывает судебный поединок и рассказывает о применявшихся для его выигрыша плутнях. Так, можно было подкупить наемного бойца соперника, и тот тогда «падал во всем своем вооружении ниц перед своим соперником и говорил: «Виноват, казни!»» (последние слова Штаден написал латинскими буквами по-русски: «Winouat, gosni» — подтверждение тому, что он сам слышал эти слова)[85].

И все же сегодня я не склонен так безоговорочно утверждать, что судебный поединок действительно пережил середину XVI в. и перешел в его вторую половину. Во всяком случае я не знаю ни одного случая ни в XV, ни в XVI в., когда земельный спор был реально решен поединком. Не потому ли старожильцы обычно так легко отвечали утвердительно на вопрос, «лезут» ли они «на поле битись»? Впрочем, известны немногочисленные случаи, когда судебный поединок был уже очень близок. Около 1464—1482 гг. в Рязанском княжестве бортник Сота судился с неким Остафием. Рязанский великий князь Василий Иванович присудил им поле, «и на срок у поля обои исци стали». Но в последний момент Сота предложил мировую: если Остафий и его люди поцелуют крест, то «мы готовы — збиты», т. е. проиграли дело. Крестоцелованием тяжба и кончилась. Вообще в рязанских пределах поле подзадержалось. Сохранились две указные грамоты последнего рязанского князя Ивана Ивановича от 1514—1517 гг., в которых речь идет о поле как о реальности[86].

Отказ от поля иногда вызывался тем, что сторона считала еще не исчерпанными другие возможности доказательства. Так, около 1463 г. в споре Симонова монастыря с черными крестьянами в Московском уезде монастырские старцы отказались от поля, ибо их противники признали, что монастырь уже 15 лет пашет

спорную землю, и тем самым пропустили срок давности. К тому же монастырские власти предъявили жалованную грамоту Василия II Темного, а потому и полагали поле излишним. Иван III, утверждая судный список, «оправил» монастырь. В 1504/05 г. в Пошехонье черный крестьянин Селиван в споре с Ройским Иоанно-Златоустовским монастырем также не соглашался на поле. «Что, господине, моим старожилцом лести на поле битися про великого князя землю? — недоумевал он. — Спросите, господине, великого князя волостных хрестьян лутчих людей». Судьи согласились, хотя Селивану это не помогло: новые старожильцы показали в пользу монастыря[87].

Обычно же отказ от поединка приводил к проигрышу дела. Без объяснения причин (во всяком случае они не указаны в судебных актах) «не велели» участвовать в поле своим старожильцам около 1455—1456 гг. дмитровская княгиня Евфросинья Полиевктовна и около 1499—1500 гг. старец Ферапонтова монастыря Ефрем. Наконец, в 1511 г. известен случай отказа от поля с указанием причины. В Нижегородском уезде в споре с местным Вознесенским Печерским монастырем сына боярского Ивана Иванова сына Машкова на стороне монастыря выступали старожильцы-крестьяне, а на стороне Машкова — дети боярские. Они сочли для себя унижением сражаться с мужиками и отказались от поля. «А поставят, господине, против нас детей боярских, — говорили они, — и мы, господине, против детей боярских на поле битися лезем». Но судья не счел дворянскую спесь достаточным аргументом, и дело Машкова было проиграно[88].

Стороны предъявляли и документы — «крепости». Мы уже встречали их в деле Лавра Мешкова, потерпевшего поражение, несмотря на прекрасно подобранную документацию. Из всех крепостей наиболее ценились записи в писцовых книгах и разъезжие грамоты. Если они своевременно не были оспорены истцом, то он тем самым как бы признавал себя неправым. Документы подлежали экспертизе, если одна из сторон подвергала сомнению их подлинность. В этом отношении любопытно дело племянника и дяди — Ивана Михайлова сына Чертова и Субботы Васильева сына из рода Стромиловых-Шолоховых. Дядя требовал с племянника долг в 150 руб., данных под залог сельца Шилбутова. Племянник же заявил: «...денег... у него... не заимывал и вотчины своей ему в заклад не давывал, и кабалы на

себя не давывал, ни знаю, ни ведаю», но признал: на предъявленной кабале «рука моя подписана».

Чудесное появление своей подписи Иван Чертов объяснял так: в свое время он взял у дяди для спорного дела старые родовые жалованные грамоты и дал письменное обязательство их вернуть. Этой его подписью дядя воспользовался как образцом и нанял «подписчика» («подписать» грамоту означало подделать, «подписчик» — подделывальщик). К тому же, по словам Ивана Чертова, дядя не мог одолжить ему такую сумму: у него «живота» не наберется и на 25 руб. Дядя возмутился: «Почему, господине, он мой живот ведает? У меня и одного лета хлеба продадут на двесте рублев». Иван в ответ сослался на соседей, которые могли бы подтвердить, что Суббота — «человек голой», на что последовал резонный вопрос: «Почему хто мои животы ведает?»

В этом деле еще немало колоритных подробностей, но сейчас важнее выяснить, как проверялась подлинность спорной кабалы. Были вызваны в суд подписавшие документ послухи, которые подтвердили, что кабала не подделана. Одного из послухов — князя Дмитрия Федоровича Шевырева-Оболенского — уже не было в живых, поэтому было даже предложено сличить его подпись с другими документами, где он подписался («и вы, господине, сыщите теж княж Дмитриевою рукою мертвою»). Но показаний живых свидетелей оказалось достаточно, чтобы кабала была признана законной, а Иван Чертов проиграл дело. Впрочем, в этом деле была еще одна экспертиза. Те самые грамоты, которые племянник одалживал у дяди, оказались в плачевном состоянии («ветхи и чести их нельзя»). К тому же Суббота, «высмотрев грамот, сказал: грамоты, господине, те, а печати у них порчены; те обе печати на шелку, а яз шлюсь на все великого князя Васильевы старые грамоты, что у них печати на нитех белых, а не на шелку»[89]. Итак, проводилась экспертиза не только почерка, но и характера подвески печатей.

Интересная экспертиза почерка была проведена в Белозерском уезде в 1508 г. Князь Федор Давыдович Кемский продал своим племянникам Данилу и Давыду Юрьевичам за 30 руб. свое сельцо Кодобой Гридинское при условии, что будет владеть им пожизненно. Вероятно, князь Федор скрыл эту операцию от жены. Во всяком случае после смерти Кемского его вдова княгиня Анна категорически отказалась отдать вотчину, за-

явив, что купчая — «лживая», а рука — не ее мужа. Послухами в купчей были братья покойного — Иван и Афанасий Фуник. Ко времени суда Иван уже умер, а Афанасий приехать не смог, но прислал письменные показания, подтверждая, что он и брат действительно были послухами. Но мало того. Вероятно, опасаясь, что княгиня Анна обвинит его в сговоре с племянниками, он прислал для сравнения деловую братьев Кемских, где был и почерк покойного князя Федора. Сличение подтвердило подлинность купчей, и вдове пришлось расстаться с сельцом[90].

Обращение к свидетелям — распространенный вид проверки подлинности документа. В 1505/06 г. некто Василий Алексеев сын Соболев установил межи между владениями Сновицкого монастыря и Якова Михайлова сына Внукова во Владимирском уезде. В 1518 г. монастырь пожаловался на Внукова, что он нарушает границу, и предъявил грамоту. Внуков заявил, что грамота «лживая»: возможно, он надеялся, что межевщик Соболев умер. Но тот был жив и отверг обвинения Внукова; монастырь был «оправлен»[91].

Расследование относительно подложности документа требовало, чтобы был указан и изготовитель фальшивки — «подпищик». Одно из самых колоритных дел[92] рассказывает, как был пойман с поличным один такой мастер подлога. В 1547 г. молодому царю Ивану IV бил челом Иван Большой Васильевич Шереметев на князя Андрея Петровича Ноздроватого-Звенигородского. Дело состояло в том, что в свое время князь Андрей заложил Шереметеву за 250 руб. вотчину в Коломенском уезде. Теперь же он узнал, что князь Андрей и его двоюродный брат Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский изготавливают при помощи «подпищика» «кабалы выкупные и записи нарядные», т. е. подложные документы о выкупе вотчины. Семнадцатилетний царь Иван с пылом юности лично вмешался в эту детективную историю. На двор Звенигородских был совершен внезапный налет: «человек» Шереметева Алешка в сопровождении городового приказчика, трех недельщиков и семи понятых — «людей добрых» — проводил обыск. Чтобы Алешка ничего не подкинул, его раздели донага, а князь Юрий, по словам недельщиков, Алешку «перед нами и перед понятыми сам обыскивал и во рте сщупал». Живописная группа из полутора-двух десятков человек во главе с голым холопом отправилась по княжеским хоромам.

Словно в сказочном сюжете, была обнаружена запертая дверь, ключа от которой почему-то не было. Впрочем, когда Алешка потребовал дверь взломать, отыскался и ключ. Рассказывая молодому царю о результатах обыска, его участники сообщали, что на постели князя Юрия лежал «человек, а сказался, зовут-де его Власком Иванов сын, а одет кафтаном малым киндянным (вид хлопчатобумажной ткани. — *В. К.*), что теперьво на князе Юрье перед тобою, а в головах у него лежит письмо, а в ногах чернила да фляга вина». Увидев Власку, Алешка радостно завопил: «Во сей-де, господине, подпищик!» Бумаги, бывшие при Власке, тут же запечатали, и вскоре все уже стояли перед грозными царскими очами.

Князь Юрий (его братьев не было в Москве, и он отвечал за них) тщетно пытался отпереться, уверяя: «...тем, государь, меня мужиком недельщики подкинули, стакався с исцом». Не признавался и незадачливый «подпищик». «Человек, есми, государь, убогой, — заявлял он, — кормлюся пером, а двора у меня здеся на Москве нет, а хожу, государь, по людем по добрым, где день, где ночь». Князя Юрия он-де и не знает, и пришел к знакомому холопу поесть, «а едчи, есми, государь, у него по грехом в комнате уснул». Но Шереметев утверждал, что Власка известен как мастер подлогов: он «вор и руки подписывает»; за это он осенью попал в тюрьму и там «сам себя ножом резал». Власка уверял, что в тюрьму попал невинно, «по грехом, а не делом своим», хотя и признавался, что из-под ареста бежал («ушол»).

Среди отобранных у Власки документов оказались и подделки, и образцы для них, а сам он после пытки признался сразу в двух проступках. Во-первых, он назвался чужим именем, а зовут его вовсе Васькой; а во-вторых, писал он действительно по приказу князя Юрия: он, говорил Васька-Власко, «дал мне бумагу, а в бумаге руки исприкладены, а велел писати кабалу, а сказал, что у него кабала утерялось». Дальнейшая судьба пойманного профессионала подлогов не известна, но дело Шереметев выиграл.

Другой «подпищик» остался лишь в подозрении. Речь идет об уже цитированном деле Ивана Чертова и Субботы Стромиловых. Иван Чертов, обвиняя дядю в подлоге, заявил судье: «Дай, господине, срок, и яз подпищика учну добывать, а подписывал мою руку площедной подьячей, Палкою зовут, белозерец». На вопрос,

где живет Палка, Чертов ответил: «Ворует ходя. Того не ведаю, где живет». Вскоре, однако, выяснилось, что Палка сидит в московской тюрьме. Доставленный под охраной в суд, он заявил, что Субботу Стромилова не знает, преступление же, за которое его 19 лет тому назад «казнили и в тюрьму посадили», — кража двух книг из церкви.

Трудно сказать, в чем состояла «казнь»: в наказании ли кнутом или, вероятнее, в отсечении правой руки. Иван Чертов уверял, что Палка «и ныне... левою рукою пишет книги». Может быть, Чертов обвинял Палку в том, что он смеет писать книги левой, а не правой рукой? Ведь левизна в поверьях многих народов, в том числе и славянских, связана с нечистой силой[93]. А может быть, Чертов просто констатировал факт: правая рука отсечена. Во всяком случае Палка не обратил, отвечая, внимания на слова о левой руке: «Того, господине, не запираюсь, книги морокую от нужи, тем кормлюсь, а рук не подписываю».

О Палке говорили еще долго. Пытались выяснить, за что он в самом деле сидит уже 19 лет — за церковную татьбу или за «подписку». Тщетно. Боярин Иван Яковлевич Чеботов на запрос судей ответил, что «боярина-дей, которой судил, нет, а дияки померли, а деладе старые все погорели». И Палка продолжал сидеть, хотя никто не мог точно сказать за что. Чертов уверял, что его дядя познакомился с Палкой, сидя с ним вместе в тюрьме; дядя же отвечал, что и впрямь бывал в тюрьме, но в «опальной» (Палка же, судя по характеру дела, был заключенным тюрьмы «татинной»). Короче, доказать подлог Чертову не удалось.

Но вот составлен судный список, записаны все аргументы сторон, и дело направляется к судье высшей инстанции — к боярину введенному или к самому государю. Сторонам «учиняют срок», когда им «стати» перед тем, кому будут докладывать судный список. Легко сказать — «стати»: дело могло разбираться на Белоозере, а ехать надо в Москву — путешествие долгое и дорогое. Должно быть, поэтому иной раз дела кончались примирением сторон, «не ездя к докладу». А то и просто тот, кто чувствовал, что его дело плохо, не ехал к докладу, и тяжба автоматически кончалась в пользу его противника.

На докладе новый судья читал вслух судный список и задавал сторонам вопрос: «Был ли вам суд таков, каков в сем списке писан?» Если ответ был утвердитель-

ным, то дело решалось по существу на основании уже собранных во время расследования аргументов. Но одна из сторон могла «лживить» список, заявить: «Суд нам был, да не таков, каков в сем списке писан». Судебник 1550 г. в этом случае предписывал вызвать «судных мужей», т. е. тех представителей местного населения, которые присутствовали на суде. Судные мужи должны были предъявить отданный им «противень» (копию) судного списка; противень сличали с самим списком, а судных мужей спрашивали, «таков ли» был суд. Если оказывалось, что список оболживили несправедливо, то никакое дополнительное расследование было уже не нужно, а обвинивший судей в подлоге тем самым проигрывал дело: «тем тот виноват, хто список лживил»[94].

А. Г. Поляк считает эту норму «новеллой законодательства», что не совсем точно: если ее кодификация действительно была впервые проведена в 1550 г., то на практике она применялась значительно раньше. Да и сам А. Г. Поляк ссылается на дело Василия Обляза Семенова сына Лодыгина, проигравшего тяжбу из-за того, что он «лживил» список в 1530 г., за 20 лет до Судебника[95]. Уместно отметить, что еще в 1508 г. проиграли дело против Троицы по тем же причинам черные крестьяне Верхнеберезовецкой волости Костромского уезда[96].

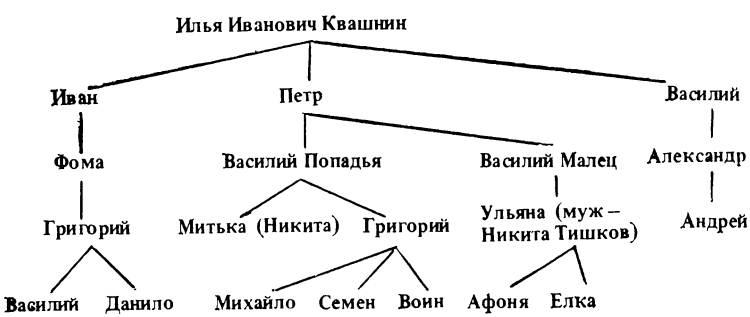
Решение судьи оформлялось как правая грамота, выдачей которой и заканчивалось рассмотрение дела.

Тяжбы порой тянулись долго, медленно путешествуя по инстанциям. Девять лет, например, никак не могли решить спор Клинской Изосиминой пустыни и помещиков Третьяковых. Впервые монахи жаловались на сытника Курбата Третьякова в 1530 г. Подьячий Лева Глебов составил судный список, он был отправлен к дворецкому князю Ивану Васильевичу Оболенскому, но в это время игумен Кирилл получил новое, более высокое назначение — он стал архимандритом Можайского Лужецкого монастыря, и дворецкий потому «управы не учинил». В 1532 г. начал судить Яков Федоров сын Ушаков, но его отправили на военную службу в Смоленск; к тому же умер сам Курбат Третьяков, и дело снова заглохло. Еще через три года, в 1535 г., за разбор тяжбы взялся новый судья — Филипп Левшин сын Брюхатого. Но дело было словно заколдованным: не закончив судного списка, судья умер. И лишь в 1539 г. тверской дворецкий Иван Юрьевич Шигона Поджогин

смог утвердить решение судей Гаврилы Федорова сына Заболоцкого и Ртища Васильева сына Унковского[97].

Объекты споров были разнообразны. Волновало не только завладение деревней или нарушение межи. Бурные страсти вызывал и выкуп вотчин. В этой связи стоит вернуться к делу Квашниных. Оно поможет понять характер споров о выкупе.

Данило и Василий Григорьевичи Фомины-Квашнины негодовали, что окольничий Андрей Александрович Квашнин «не по нашему совету, в старости глубоце», отдает в Кирилло-Белозерский монастырь свое сельцо Петровское Горетова стана Московского уезда. Как уже отмечалось, к челобитью присоединились новгородские Квашнины — Митька Васильев сын и Михайло, Семен и Воин Григорьевы дети. Родственные взаимоотношения названных лиц и тех, кто еще будет упоминаться в этом разветвленном деле, видны из следующей схемы:



Челобитчиков больше всего беспокоило одно обстоятельство: их земли находились рядом с вотчиной А. А. Квашнина и оказывались в соседстве с вотчинами могущественного монастыря. Вероятно, они ждали от монастырских старцев покушений на свои земли, споров из-за межей и т. п.

Кроме того, земли Андрея Александровича и Данила и Василия разделяла река Всходня (ныне—Сходня). На берегу Андрея была поставлена мельница, и ее «половину» (учитывая, видимо, что течение реки — совместная собственность) Андрей дал монастырю, а другую «за свайство» — Данилу и Василию Григорьевичам. Но эта подачка не удовлетворила братьев, и утром 1 июня 1559 г. разыгралась колоритная сцена. Андрей Александрович принес в Поместный приказ свою данную Кириллову монастырю, чтобы «в книги записати».

Но вслед за ним появился Данило Григорьевич: он, видно, следил за дядюшкой. Началась перепалка. По словам Данила, «Ондрей, государь, мне учал лаяти. И яз, государь, ему молвил: «Полоум». И Ондрей, государь, осердяся, из ызбы пошел вон». Андрей же Александрович рассказывал, что ссору начал Данило: он «за мною приходился в ызбу да перед твоим государевым диаком перед Путилом (известный дьяк Поместного приказа Путило Михайлов. — *В. К.*) учал меня лаяти и старость мою безчествовати». Тогда Андрей от обиды тихо ушел домой, «тутo у твоих государевых диаков не записываючи своей даной в книги и не хотя с ним вперед учинити матерью брани».

Результат ссоры был крайне неудачен для братьев Данила и Василия: Андрей Александрович, обидевшись на них, переписал данную и отдал монастырю уже всю мельницу, а не только половину, заодно объявив своим и противоположный берег Всходни. Единственное, что удалось в ходе суда добиться братьям Фоминым, — это признание берега Всходни их собственностью. В целом же и они, и новгородские родичи дело проиграли. Почему? Ведь вотчина была действительно исконной квашнинской, принадлежала еще их общему предку — Илье Ивановичу, а затем деду и прадеду новгородской группы истцов — Петру Ильичу.

Проигрыш дела объяснялся дальнейшей судьбой вотчины. Внучка Петра Ильича, Ульяна, вышла замуж за Никиту Тишкова и принесла в приданое долю Петровского. Сын же их, Афоня, служилый человек («паробок») дмитровского князя Юрия Ивановича, вместе с братом Елкой занялся разбоем. Всего братцы награбили у купцов разных городов на 1487 руб. 10 алтын, но в руках главного из грабителей, Афони Тишкова, добычи («разбойничьи рухляди») оказалось лишь на 100 руб. Поэтому вотчина Тишковых была конфискована и передана жертвам грабежа. Однако их было слишком много (по именам перечислено семь человек, но на самом деле их было куда больше, ибо после части имен идет добавление — «и у их товарыщев»), чтобы разделить между собой доли в одном селе. И в 1532 г. Андрей Квашнин купил у них конфискованную вотчину за 200 руб. Таким образом эта земля вышла из рода и попала к А. А. Квашнину уже как купля, а не как родовая собственность. Страстность же, с которой его родичи боролись за село, объяснялась тем, что вторжение чужака в сложившийся комплекс грозило потерей час-

ти земли. «Не дръжи (не держи. — *В. К.*) села близ княжа села», — советовал некогда Даниил Заточник[98]. Люди XV—XVI вв. могли бы перефразировать этот совет так: «Не держи села близ монастырского села».

Острота споров о выкупе потребовала заменить существовавшее обычное право писаным законом. В Судебнике 1550 г. появилась ст. 85 «А в вотчинах суд», призванная урегулировать выкупное право[99]. Лишь три статьи (47, 62, 72) немного превышают ее по объему: это фактически целый устав о выкупе. Нет смысла подробно анализировать здесь эту статью, многократно уже привлекавшуюся к исследованию. Отметим лишь наиболее существенные моменты.

Прежде всего вводился 40-летний срок давности, по истечении которого иски о выкупе вотчин уже не принимались. Значение этой меры вызывает разногласия в литературе. И. И. Смирнов вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым полагал, что введение 40-летних «урочных лет» было направлено «на ограничение права родового выкупа». Иначе подошел к вопросу А. А. Зимин, писавший, что эта «оговорка сделана в интересах лиц, продававших землю», ибо еще в 1532 г. было отказано в иске о выкупе из-за давности в 30 лет. Одновременно А. А. Зимин замечал, что «внесение в закон строго определенного срока ограничивало в какой-то мере претензии родичей лиц, продававших землю». Другим ограничением было запрещение выкупа прямым наследникам продавца и тем из родственников, кто значился в купчей в качестве послухов, а также их прямому потомству. Одновременно ст. 85 содержала запрет целого ряда возможных при выкупе вотчин спекулятивных махинаций.

Главный и наиболее существенный вопрос состоит в том, какое направление земельной политики правительства было выражено в нормах этого законодательства. В этом отношении при спорах по частностям нет коренных расхождений между И. И. Смирновым и А. А. Зиминым. По мнению Смирнова, нормы ст. 85 направлены против «старых вотчинников» и защищают права «новых». «Ударяя по интересам вотчинников, ослабляя родовые связи боярских и княжеских фамилий, ст. 85 облегчает мобилизацию вотчинных земель, стимулирует переход их в новые руки»,—писал И. И. Смирнов. А. А. Зимин, соглашаясь с точкой зрения Б. А. Романова о компромиссном характере ст. 85, вместе с тем, как и И. И. Смирнов, считал, что «закон содействовал

отчуждению вотчинно-боярской земельной собственности», ибо «боярство к середине XVI в. все больше и больше опутывалось сетью долговых обязательств»[100].

С этими выводами согласиться трудно. Если И. И. Смирнов априорно полагал, что «новые» вотчинники принадлежали к иной, чем «старые», социальной группе, то А. А. Зимин аргументировал более частую продажу земель крупными вотчинниками растущей задолженностью боярства. Между тем это последнее положение, бывшее в момент выхода в свет книги А. А. Зимина общим мнением, как показало дальнейшее развитие научного знания, вовсе не бесспорно. Нет никаких доказательств того, что крупное феодальное хозяйство менее устойчиво, чем мелкое. Чисто логически должно получиться наоборот. Но логика логикой, а факты, имевшиеся в распоряжении исследователей, все же свидетельствовали о задолженности крупных феодалов. Первым к этому выводу пришел С. В. Рождественский, приведший многочисленные примеры духовных крупных землевладельцев XVI в., отягощенных большими долгами[101].

Однако впоследствии Н. Е. Носов подметил, как отмечалось во Введении, что сохранившиеся духовные дошли до нас через монастырские архивы, а потому и относятся к тем из феодалов, чье положение пошатнулось. Но есть еще одно обстоятельство. Даже из примеров, приведенных С. В. Рождественским, видно, что немало аристократов было среди не только должников, но и кредиторов. Здесь и князья Стародубские разных ветвей, и Плещеевы, и Писемские (в завещании Семена Дмитриевича Пешкова Сабурова), и многие другие. Тем самым отпадает единственный аргумент в пользу того, что крупные феодалы чаще, чем мелкие, оказывались в стесненном положении и продавали свои земли.

Сохранившиеся купчие грамоты по сделкам между светскими землевладельцами слишком отрывочны, чтобы можно было делать выводы статистического характера. Но даже чисто иллюстративные данные заставляют признать, что аристократы встречались не только среди продавцов, но и среди покупателей вотчин. Так, Федор Никитич Бутурлин в 1510/11 г. купил у митрополичьих детей боярских Чертовых большую вотчину на границе Московского и Дмитровского уездов; множество своих покупок перечисляет в духовной около 1510 г. окольничий Петр Михайлович Плещеев; серию покупок земель на общую сумму 2250 руб. произвел в 1568 —

1571 гг. в Каменском стане Рязанского уезда боярин Иван Васильевич Шереметев (Меньшой)[102]. Подобные примеры можно множить и множить. К тому же нередко покупатель и продавец были родственниками или свойственниками, людьми из одной социальной группы.

Думается, ст. 85 не новелла права, а упорядочение обычного права. Этого мнения придерживался и С. Б. Веселовский, писавший, что основные положения о выкупе в Судебнике 1550 г. появились «несомненно на основе старых обычаев, сложившихся задолго до него»[103]. Думается, направленность ст. 85 не антибоярская и не продворянская, как и не пробоярская и не антидворянская. Цель законодателя — уменьшить число споров между землевладельцами, создав прочные юридические основы выкупного права. Родовой выкуп иногда считали пережитком родо-племенного строя. Разумеется, это преувеличение. Он ставил целью лишь оградить права возможных наследников и предотвратить вторжение чужака в сложное переплетение полей и угодий, принадлежащих родственникам. Поощрение родового выкупа было не в интересах централизации. Дамоклов меч выкупа мог останавливать попытки покупателя вотчины ввести те или иные усовершенствования, сделать капиталовложения. Сдерживание же выкупа способствовало мобилизации вотчин, которая разрывала территориально-корпоративную замкнутость местных феодалов, выводила их на общерусский простор и в конечном счете сплачивала в единый класс.

В том же направлении, как показало исследование, шло и развитие судебной процедуры: постепенно увеличивалась, особенно во второй половине XVI в., роль центральной власти в разборе споров о земле, все большее число этих конфликтов разрешали присланные из центра писцы и (на окраинах) воеводы, хотя и при участии представителей местных дворянских обществ.

Таким образом, в судебной процедуре по земельным делам отразились те же тенденции развития социальных отношений и правительственной политики, которые удалось подметить при изучении вотчинного и поместного землевладения: усиление роли государства, его властное вмешательство в земельные отношения и одновременно незавершенность централизации, отразившаяся в том, что, несмотря на отмену института «данных судей», территориальные военно-служилые корпорации сохранили немалое влияние на решение жизненно важных для феодалов дел — земельных.

ГЛАВА VI

БОРЬБА БОЯРСТВА И ДВОРЯНСТВА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к боярину...
Прибегал туто волк дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.

А. С. Пушкин

Изучение структуры землевладения светских феодалов подводит вплотную к поставленному в названии этой главы вопросу. Ведь именно борьба этух двух социальных групп внутри господствующего класса феодалов рассматривалась обычно как главный стержень политической истории средневековой России. И хотя в последние десятилетия, как уже отмечалось во Введении, многие авторы начали пересмотр этой традиционной концепции, до сих пор почти во всех учебных пособиях и во многих исследовательских трудах «прогрессивное дворянство» предстает как поборник централизации, а «реакционное боярство» — как ее противник. На чем же основаны эти привычные представления?

Корни концепции уходят в далекое прошлое, в писания современников, которым, казалось бы, лучше, чем нам, была ведома живая действительность эпохи. Царь Иван в своих публицистических и полупубликистических произведениях и выступлениях неоднократно варьировал тему «боярской измены». С наибольшей силой он выразил ее в послании к попавшему в крымский плен своему недавнему опричному любимцу Василию Грязному: «...отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»[1]. Здесь, как видим, резко противопоставлены изменники-бояре «страдникам» (страдник — пашенный холоп), которых приближают взамен аристократов.

Но возникает вопрос: насколько можно доверять столь публицистически заостренным выступлениям? Демагогия власть имущих как раз и состоит в том, чтобы выдавать себя за сторонника низов, действуя в интересах верхов. Именно демагогический характер послания Грязному проясняется в сопоставлении с до-

шедшими в летописном пересказе посланиями, которые Иван Грозный отправил в Москву из Александровской слободы накануне учреждения опричнины. Перечисляя тех, на кого он «гнев свой положил», царь Иван не забыл ни одной категории класса феодалов, начиная от церковных иерархов и кончая рядовыми дворянами: «на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей». Как известно, одновременно была послана грамота «ко всему православному крестиянству града Москвы», в которой царь заверял посадских людей, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»[2].

Если принять за чистую монету выраженные в этих двух грамотах мотивы, то можно дойти и до заключения, что Иван Грозный был настроен антифеодально и именно такое направление было характерно для опричнины.

К кому же Иван Грозный применял термин «страдник»? Вот еще один текст из его послания: «А с тобою перелаиватися и на сем свете того горее и нет, и буде похошь перелаиватися, и ты себе найди таковаго же страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся»[3]. Кому отправлено это послание? Опальному дворянину? Ну хотя бы Курбскому? Отнюдь. Адресат — шведский король Юхан (Иоанн) III. Сын не наследственного, а избранного короля Густава Вазы, Юхан стал объектом аристократического презрения русского царя. Любой дворянин, не имевший за собой длинного ряда предков княжеской крови, был для Грозного царя «страдником» и «мужиком». Так и отпрыск старого ростовского рода Ильиных — Василий Грязной был отнюдь не страдником[4]. Еще меньше годился на роль безродного холопа видный политический деятель середины XVI в. Алексей Федорович Адашев, происходивший из богатого и старинного костромского рода Ольговых. Но и о нем в полемическом азарте Грозный царь писал, что взял его «от гноища»[5], т. е. из навозной кучи.

С другой стороны, ни в посланиях Курбского, ни в его «Истории о великом князе Московском» нельзя обнаружить обвинений царя Ивана в том, что он выбирал свои жертвы по принципу знатности или старался приближать к себе по преимуществу людей низкого рода. Впрочем, один из «бегунов» за рубеж — Тимофей

Пухов-Тетерин — в послании к юрьевскому наместнику Михайлу Яковлевичу Морозову намекал на худородность новых советников царя: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которыя его половиною кормят, а другую половину собе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопъстве не пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют»[6]. Но здесь речь идет о совершенно определенной группе администрации — приказных дельцах, а вовсе не о стремлении выдвигать на первый план политической жизни «представителей дворянства» вместо бояр. Тем более что и сам Пухов-Тетерин отнюдь не был аристократом, принадлежа к роду «честно́му», но не знатному.

Та же концепция стремления центральной власти опираться на худородных, а не на знатных подданных одновременно возникает под пером некоторых иностранных наблюдателей. В этом отношении особенно показательны сочинения Иоганна Таубе, Элерта Крузе и Джильса Флетчера.

Таубе и Крузе — ливонские дворяне, бывшие на службе у Ивана Грозного, ставшие опричниками, а затем перешедшие в подданство Речи Посполитой и написавшие памфлет против Грозного в оправдание своей двойной измены. Говоря об опричнине, они утверждают, что она была составлена «из пятисот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». В другом месте они пишут, что при опричных раздачах «одному нищему или косолапому мужику было столько дано, сколько десять таких имело прежде»; утверждают, что опричники «были привычны ходить за плугом», и даже цитируют по этому поводу «старую песню»: «Где правит мужичье, редко бывает хорошее управление»[7]. Эти замечания Таубе и Крузе нельзя принимать на веру: действовавшие в основном в сфере внешней политики, эти международные авантюристы были недостаточно точно осведомлены о социальных отношениях и черпали свою информацию из официальных источников, лишь интерпретируя ее по-своему. Трагический же рассказ о пришедшем к власти «мужичье», которое оттеснило рыцарей, мог в глазах польских шляхтичей и ливонских дворян, к которым и было обращено «послание», достаточно очернить царя Ивана.

Рассказам Таубе и Крузе противостоит не только то, что мы знаем по русским источникам о составе Опричного двора, но и сообщение другого иностранца, куда

более осведомленного, — Генриха Штадена, служившего в те же годы в опричнине и создавшего варварски жестокий «План обращения Московии в имперскую провинцию». «Князья и бояре, взятые в опричнину, — пишет Штаден, — распределялись по степеням не по богатству, а по породе»[8]. Отсюда бесконечно далеко до представлений об опричниках как о выходцах из крестьян, привыкших ходить за плугом.

Сэр Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I, составил в конце XVI в. тщательное и подробное описание России. В отличие от мелких авантюристов Таубе и Крузе и недоучки Штадена это был образованный доктор прав, пищущий не на сиюминутную потребу, а обстоятельно и систематично. Одна из глав его труда называется «О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его согласно с видами правительства». Флетчер перечисляет много этих «средств», из которых важнейшее видит в опричнине. По его словам, царь «подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из домов более знатных»; царь ослабил «сильных» и истребил «одних с помощию других»[9]. Казалось бы, лишенное крайностей, присущих Таубе и Крузе, это сообщение заслуживает больше доверия.

Нам еще предстоит сверить основные положения Флетчера с тем, что стало известно в результате изучения конкретных событий и явлений русской жизни XV—XVI вв. Сейчас же обратим внимание на одно обстоятельство. Английский посол не избежал (да, вероятно, и не мог избежать) общего заблуждения, типичного для иностранных наблюдателей, даже наиболее объективных: стремления приложить к явлениям жизни чужой страны родной аршин. Явления английской действительности XVI в. — феодальные мятежи и войны, борьба джентри, «нового дворянства», и знати, непокорство баронов — невольно наслаивались на картины русской жизни. Недаром под пером Флетчера и Боярская дума приобретала черты сходства с парламентом. Можно спорить, насколько привычная Флетчеру английская действительность исказила его понимание России, но ясно, что общие оценки посла — источник не столько для характеристики социальной истории средневековой России, сколько для изучения ее восприятия глазами англичанина-современника. В контексте этой книги сочинение Флетчера нас интересует лишь как один из кирпичиков, лежащих в основании концеп-

ции борьбы боярства и дворянства и сопротивления боярства централизации.

Как уже отмечалось во Введении, в историческую науку представление об оппозиции боярства центральной власти проникло лишь в XIX в. Думается, этому во многом способствовало стремление найти в России явления не только стадиально близкие западноевропейскому средневековью, но и просто идентичные. Особенно четко такое направление проявилось в трудах Н. П. Павлова-Сильванского. Этот выдающийся ученый с поразительной находчивостью сумел окрестить соответствующим западноевропейским термином почти каждое явление русского средневековья. Феоды и бенефиции, оммаж и коммендация наполняют страницы его программной книги «Феодализм в древней Руси». Такое увлечение вполне объяснимо: Павлов-Сильванский утверждал новое слово в науке, преодолевая страстное сопротивление приверженцев традиционных схем, не умевших увидеть черты единства исторического процесса в России и в Западной Европе. Именно отсюда проистекали упорные поиски лишь общего, но не особенного в развитии феодальных отношений в России и других странах Европы. Результатом было пренебрежение к специфике национального развития, воспринимавшейся лишь как несущественный и случайный штрих в общей картине.

Между тем даже чисто априорно можно было бы ожидать существенных различий между феодальными отношениями в странах, входивших в состав единой империи, где феодализм возникал на основе синтеза «разлагавшегося рабовладельческого общества и разлагавшегося первобытнообщинного строя»[10], и в Восточной Европе, где такого синтеза не было. Отсюда и возникает опасность некритического перенесения на русскую действительность выводов, полученных на ином, западноевропейском (в первую очередь германском и французском) материале.

Для Н. П. Павлова-Сильванского «классический» (западноевропейский) и русский феодализм были явлениями идентичными. «Независимость, воинственность, самоуправство — таковы типичные черты феодальных баронов. Те же черты явственно видны в облике наших средневековых бояр и княжат», — писал ученый. В ходе дальнейшего изложения выясняется, что под «воинственностью» Н. П. Павлов-Сильванский понимал не столько желание воевать во что бы то ни стало, сколь-

ко то, что феодалы были профессиональными воинами. С этим вполне можно согласиться. Но с «самоуправством» вопрос сложнее: в качестве примеров приведено несколько случаев разбоев, совершенных служилыми людьми, в том числе весьма высокого ранга, но ставших, однако, известными исследователям все же благодаря судебным делам. Следовательно, эти самоуправные действия воспринимались современниками не как норма, а как эксцессы. Павлов-Сильванский подробно рассказывает о грабежах кн. Ивана Лапина (о нем речь шла в пятой главе) и обращает внимание на то, что князь-грабитель отделался только возвратом награбленного и солидным денежным штрафом. Отсюда и вывод о бессилии государственной власти перед лицом боярского своеволия.

Но только ли в особых правах бояр здесь дело? Общая слабость, неразвитость аппарата власти молодого государства — факт достаточно известный. Он связан не столько с «боярским» своеволием, сколько с тем, что в XVI в. процесс централизации был еще далек от завершения. Подтвердить положение о том, что самоуправство было свойственно именно боярам и обусловливалось их привилегированным положением в структуре государства, независимостью от центральной власти, можно, только доказав, что мелкие феодалы в отличие от крупных не могли действовать самоуправно. Однако в предыдущей главе приводились примеры разбойных действий не только бояр, но и мелких и средних дворян (Арбузовых, Скарятиных, Матвея Судимантова и др.). Самоуправные же действия отпрысков аристократических родов сходили им с рук далеко не всегда. Так, среди нескольких тысяч служилых людей высшего ранга, записанных в 1552 г. в Дворовую тетрадь, есть и некий Василий Александров сын Левашев из старинного тверского боярского рода. При его имени была поставлена канцелярская помета: «В разбое Василей повешен»[11]. Итак, власть далеко не всегда была бессильна перед своеволием феодалов, да и наказывала она отнюдь не только мелких и незнатных, но и крупных и знатных. Таким образом, вряд ли можно согласиться с тезисом о самоуправстве русских бояр как их отличительной черте.

Остается из триады Н. П. Павлова-Сильванского «независимость». Ее он усматривал, в частности, в запрете агентам центральной власти въезжать в боярщину. Но эта привилегия, во-первых, относилась не

только к высшей аристократии, а распространялась на любого служилого феодала, начиная от самых мелких вотчинников и помещиков, и, во-вторых, сочеталась с подсудностью непосредственно великому князю или его представителю (боярину введенному). Здесь трудно говорить о независимости.

Нельзя сказать, чтобы в работах Н. П. Павлова-Сильванского игнорировалось одно из существенных отличий русского боярина от его западноевропейского собрата — отсутствие на Руси боярских замков. Ученый, однако, сводил наличие или отсутствие замка лишь к дешевизне или дороговизне камня и к гористой или равнинной местности, а затем писал о «стремлении огородиться, укрепиться», проявлявшемся на Руси в удельную эпоху, и приводил в пример княжеские городки и укрепленные монастыри. Далее он замечал: «Подобно князькам и монастырям, укреплялись и бояре в своих боярских дворах, обнося их, иной раз, «вострым тыном» в две сажени вышиной. Многочисленная вооруженная боярская дворня придавала таким дворам силу вооруженного стана»[12].

Может возникнуть впечатление, что полемика с трудами Н. П. Павлова-Сильванского несколько запоздала: со времени выхода в свет главных трудов ученого прошло около 80 лет. Но дело в том, что его взгляды оказались во многом усвоенными (подчас, быть может, незаметно) и современными учеными.

Так, схожую точку зрения высказывал М. Н. Тихомиров. «Были и такие бояре, которых опасались сами князья», — писал он и приводил в пример подмосковное село Хвостово, владение московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, таинственным образом убитого (возможно, не без ведома великого князя) в 1356 г. Еще раньше, во время опалы на Хвоста, его село (оно стало называться тогда Хвостовским) было конфисковано. «Хвостовское село, — писал Тихомиров, — долго еще упоминалось в духовных великих князей как отдельное владение, и надо думать, что московский великий князь, завладевший крепкой усадьбой бояр Хвостовых, радовался ничуть не меньше, чем французский король, получивший замок де-Куси у ворот Парижа»[13].

Думается, пример, приведенный М. Н. Тихомировым, свидетельствует несколько о другом. Мы не знаем, насколько крепка была усадьба Алексея Хвоста (вероятно, крепка); нет источников, говорящих о том,

насколько был рад Симеон Гордый, завладев Хвостовским (вероятно, не был недоволен), но ясно, что уже в середине XIV в. власть великого князя по отношению к своим боярам была достаточной для того, чтобы конфисковать у опального боярина владение и не возвратить после примирения.

Что касается построений Н. П. Павлова-Сильванского, то главный их изъян, с моей точки зрения, состоит в том, что ученый почти не отделял князей от бояр, самостоятельных или полусамостоятельных властителей от их вольных слуг. Существование княжеских градов, вполне реально сопоставимых (не по внешнему виду, а функционально) с западноевропейскими замками, вовсе не доказывает существования замков боярских. Высокие ограды боярских усадеб сами по себе еще не делали их замками по функциям. Мне не известен ни один случай в истории войн России, когда бы при подходе неприятеля (иноземного или земляка из соседнего княжества) боярин приступал к укреплению и обороне своей усадьбы. Описания военных действий всегда включают сожжение сел (т. е. усадеб) и осаду городов (т. е. замков)[14].

Здесь, думается, и лежит одно из основных отличий в положении русского боярина и западноевропейского барона. Русские бояре защищали не каждый в одиночку свое село, а все вместе княжеский (позднее — великокняжеский) град, т. е. все княжество в целом. «Городная осада» была одной из основных обязанностей вотчинников XIV—XV вв. М. Н. Тихомиров верно отмечал, что на Руси леса и болота заменяли западноевропейские горы в качестве естественных рубежей[15]. Но в отличие от гор леса и болота разъединяли целые княжества, а то и их группы, но не замки отдельных баронов.

Видимо, в основе традиционного представления о постоянной оппозиционности боярства в значительной степени лежит постулат (никогда как будто не высказывавшийся в законченном виде), согласно которому крупное землевладение, земельное богатство дают ту степень независимости, которая позволяет сопротивляться правительству. Не исключено, что на утверждение такого взгляда повлияли (быть может, и бессознательно) явления второй половины XVIII в.: дворянская оппозиция (Панины и др.) правительству Екатерины II, фрондёрство высшего дворянства, освобожденного после 1762 г. от обязательной службы и не нуждавшегося

в доходах от нее. Мелкое же дворянство было тогда действительно более надежной опорой самодержавия, ибо жалованье было для него значительно важнее, чем для крупных помещиков.

Однако ситуацию, сложившуюся в государстве, где дворянство освобождено от обязательной службы, а тот, кто служит, обеспечен приличным денежным жалованьем, нельзя сравнивать с условиями жизни государства, где все землевладельцы — как вотчинники, так и помещики — обязаны службой, дающей право на владение поместьем или гарантирующей сохранение вотчины, но не приносящей никаких других непосредственных выгод.

Если мелкопоместный дворянин XVIII в. стремился к службе, чтобы получать офицерское жалованье и приобрести чин, дающий общественный престиж, то русский средневековый феодал — вне зависимости от величины земельных владений — был лишь вынужден идти на службу под угрозой потери земельной собственности.

Если мелкопоместный дворянин XVIII в. мог благодаря служебному рвению и удачливости достичь самых высоких званий, вплоть до фельдмаршальского, и получить вместе с чинами награждение «душами» крепостных, то для незнатного помещика средней руки XV—XVI вв. этот путь был закрыт: в подавляющем большинстве случаев он мог разбогатеть лишь вне службы. Разумеется, он, если принадлежал ко Двору, мог получить раз в несколько лет кормление, мог привести из похода добычу, в том числе обращенных в холопов пленных[16]. Но эти случайные доходы, видимо, лишь компенсировали расходы на саму службу, а не меняли резко благосостояние служилого человека. Он не мог благодаря своим личным качествам (уму, таланту, ловкости, беззастенчивости и т. п.) дослужиться, например, до воеводы, не говоря уже о чине боярина. Аккуратный же выход «конно, людно и оружно» в государевы полки в лучшем случае приносил ему к концу карьеры увеличение раза в два его поместного «оклада». Но для получения в счет этого оклада «дачи» — реальной земли с крестьянами — необходимо было еще приложить и усилия по «прииску» земли, и деньги на взятки для подьячих и дьяков Поместного приказа.

Уже хотя бы поэтому было бы опрометчивым считать, что мелкие феодалы, или феодалы, владевшие в основном поместьями, а не вотчинами, были более вер-

ной опорой центральной власти, чем крупные, или владевшие в основном вотчинами.

Концепция враждебности реакционного боярства процессу централизации государства несет в себе логическое противоречие. Разумеется, в исторической науке чисто логический путь доказательства далеко не всегда приводит к верному результату: реальная жизнь слишком сложна и противоречива, чтобы во всех своих проявлениях подчиняться логической схеме. Но все же и воплощенным в логике элементарным здравым смыслом пренебрегать нельзя.

Обратим с этой точки зрения внимание на некоторые общеизвестные факты. Высшим правительственным учреждением страны в XV—XVI вв. была Боярская дума. Многие исследователи говорят о ней как о высшем аристократическом совете, ограничивавшем власть государя. Оба Судебника (и 1497, и 1550 г.), все известные исследователям указы и законы оформлены как «приговоры», или «уложения», царя с боярами. В Судебнике 1550 г. ст. 98 даже закрепляет законодательно этот порядок, включающий коллективное решение бояр и утверждение царя: «з государева докладу и со всех бояр приговору»[17]. (Для неспециалиста здесь необходимо отступление о терминах: «приговор» — всегда коллективное решение, вынесенное в результате обсуждения: участники говорили и в конце концов *при*говорили; «доклад» — информация низшей инстанции о своем решении, обращенная к высшей для утверждения этого решения.)

Но к какой цели были направлены все эти боярские «приговоры»? Мнение на этот счет единодушно: вся правительственная политика XV—XVI вв., воплощенная именно в этих «приговорах», была направлена на развитие централизации государства. В таком случае, если придерживаться традиционной концепции, боярство предстанет в невероятной для общественной группы роли самоубийцы: оно с удивительной настойчивостью принимает, оказывается, законы и проводит мероприятия, направленные против него самого.

Нельзя сказать, чтобы из этого замкнутого круга, в который ведет описанный логический парадокс, не искали выхода. Писали и о возникающем в периоды обострения классовой борьбы стремлении к компромиссу между боярами и дворянами, и о некоторых «наиболее дальновидных» боярах. Как уже отмечалось выше, Р. Г. Скрынников, излагая «антибоярские» решения

Боярской думы, оговаривает их выражениями типа: царю «удалось добиться» от Думы или «удалось провести» через Думу[18], хотя источники информированности автора о характере прений в Боярской думе остаются неизвестными. В самом деле, до нас дошли (и то в небольшом количестве) лишь сами приговоры Думы, уже утвержденные царем, но не записи обсуждений, которые, возможно, и не велись. Но если бы эти оговорки даже и были справедливы, они могли бы в крайнем случае объяснить позицию Боярской думы в том или ином конкретном случае, на протяжении какого-то достаточно узкого периода, но не помочь понять, почему в течение минимум полутора веков острой борьбы за централизацию страны Боярская дума неизменно принимала законы, направленные на ликвидацию пережитков удельной старины.

В литературе неоднократно противопоставляли крупную боярскую вотчину и мелкое дворянское поместье как носителей двух противоположных тенденций развития социально-экономического и политического строя страны. Даже Н. Е. Носов, противник концепции о реакционности боярства, лишь поменял местами вотчину и поместье, придя к выводу о большей прогрессивности вотчины. Как уже отмечалось выше, и А. М. Сахаров, выступивший решительно против противопоставления «вотчинного и поместного землевладения как основ противоположных политических тенденций в Московском государстве», вместе с тем писал о вотчине как об «основе феодального сепаратизма», а «служилое дворянство» называл «основной социальной опорой» верховной власти[19].

В третьей главе настоящей книги автор пытался показать сходство социального состава вотчинников и помещиков и близость поместного и вотчинного права, по крайней мере до середины XVI в. Но не было также принципиальной разницы между размерами владений в этих двух видах феодальной собственности.

Мелкая вотчина — явление, широко распространенное в русском средневековье. Более того, при отсутствии майората и соответственно многократном дроблении земельной собственности она оказалась весьма живучей и просуществовала весь XVI век. Вотчины, где на несколько совладельцев приходилось вместе не больше 50—100 дес. пахотной земли, включая перелог, не редкость в писцовых книгах второй половины XVI в.[20] В Новгородской земле до конфискаций Ивана III,

по подсчетам ленинградской аграрной группы, «свыше половины вотчинников имели владения, по своим размерам не превышавшие крестьянские»[21].

С другой стороны, известно немало крупных поместий, порой настоящих латифундий. Сотни и тысячи десятин пахотной земли были в поместьях князей Шуйских в Тверском уезде; целая волость с городом и ярмарочным торжком была поместьем Богдана Бельского в Вяземском уезде[22]. Правда, вероятно, средние размеры поместий были меньше, чем средние размеры вотчин (впрочем, лишь в границах одного уезда).

Эти факты приведены, чтобы подчеркнуть не идентичность поместья и вотчины, а лишь отсутствие между ними принципиальной разницы по размерам.

Итак, как будто у крупных феодалов не было экономических причин для сопротивления центральной власти. Более того, ход исследования привел автора к выводу, что крупные феодалы не меньше, а порой и больше, чем мелкие, были заинтересованы в единстве страны. Большинство даже самых крупных феодальных вотчин состояло из отдельных владений, расположенных подчас очень далеко друг от друга, в разных уездах. Так, умерший около 1510 г. боярин Петр Михайлович Плещеев владел вотчинами в пяти уездах; выходцы из того же рода — отец и сын Алексей Данилович и Федор Алексеевич Басмановы — в шести; боярин кн. Федор Иванович Хворостинин — в четырех и т. п.[23]

Происхождение этой чересполосности владений уходит своими корнями в XIV — первую половину XV в. В России эпохи средневековья, как отмечалось выше, главным богатством была не сама земля — ее нужно было еще долго отвоевывать у леса, — а земля с крестьянами, роспашь. Более богатый феодал стремился увеличить свои владения, но он редко мог купить поблизости от своего родового гнезда уже освоенную землю. Поэтому в нарушение норм междукняжеских соглашений широко распространялась покупка земель в «чужих княжениях». Такие приобретения были важным средством экспансии одного княжества на территорию другого. Присоединение же княжеств к Москве всегда сопровождалось вакханалией земельных раздач и вынужденными продажами своих земель местными боярами московским людям. Та же ситуация возникала при включении княжества в состав великого княжения. Не случайно соглашение Дмитрия Шемяки с суздальско-нижегородскими князьями о восстановлении неза-

висимости их княжества включало пункт о признании недействительными всех сделок по продаже земли московским боярам и монастырям.

Московские бояре, как люди великого князя владимирского, получали кормления-наместничества на обширных территориях владимирского великокняжеского домена. При господстве натурального хозяйства выезд на наместничество также побуждал боярина обзавестись хозяйством на месте службы. Стремление к новым приобретениям толкало бояр на поддержку объединительных действий княжеской власти; нежелание расстаться с этими приобретениями делало бояр противниками сепаратизма. Не исключено, что одной из причин победы Василия II Темного над Дмитрием Шемякой в феодальной войне середины XV в. было соглашение Шемяки с суздальскими князьями, реализация которого означала бы лишение московских бояр вотчин в Суздальской и Нижегородской землях.

Иной, казалось бы, должна была быть позиция титулованной части боярства — отпрысков старых княжеских родов, превратившихся сначала в вассалов, а затем и в подданных государя всея Руси. Во второй главе настоящей книги был подробно рассмотрен вопрос о судьбах их землевладения. Хотя, как видно на примере Курбского, часть их сохранила ностальгические воспоминания о «добром старом времени» и неприязнь к «кровопивственному роду» московских князей, землевладельческие интересы также толкали их на поддержку объединительной политики. В результате объективных процессов развития их землевладение постепенно превращалось в обычное боярское с характерной для него чересполосностью, разбросанностью по всей стране. Поэтому даже для тех из князей, чьи родовые владения сохранились и лишь поуменьшились в семейных разделах, возврат к временам феодальной раздробленности означал бы утрату значительной части их вотчин и поместий.

Выше было замечено, что крупные феодалы подчас в большей степени, чем мелкие, были заинтересованы в ликвидации политической раздробленности. В самом деле, мелкие феодалы обычно ограничивались вотчинами, расположенными в одном месте, а присоединение новых территорий не сулило им столь обильной добычи, как крупным. Связанные традициями службы удельному князю, они порой могли и поддержать своего господина в борьбе против государя всея Руси. Но все

же в целом и они были сторонниками единства. Как было показано в третьей главе на примере испомещений в Тверском и других уездах, ликвидация удельного княжества означала для многих из них желанный выход из малоземелья, возможность получения поместий, хотя бы на окраинах государства. Таким образом, к объединению страны в той или иной степени стремились все социальные группы класса феодалов Руси.

Однако напрашивается справедливое возражение. Не разбивается ли эта внешне логичная система аргументации фактами? Ведь достаточно открыть почти любой учебник истории, чтобы прочитать там и об ожесточенной борьбе боярства против центральной власти, и о действиях государства, направленных на подавление этого сопротивления. Рассмотрим эти явления.

Но сначала — одно соображение общего характера. Совершенно естественно, что любой заговор против государя, любое убийство (или попытка убийства) князя не обходились без тех, кто стоял ближе всего к монарху, — без бояр. В противном случае речь шла бы не о борьбе внутри господствующего класса, а о народных восстаниях. Но можно ли из таких фактов делать вывод о сопротивлении боярства как социальной группы центральной власти? Далеко не всегда. Для этого вывода необходимо, чтобы та часть группы, которая выступает против центральной власти, численно превышала тех, кто эту власть поддерживает. Так, хотя владимиро-суздальские бояре принимали участие в убийстве Андрея Боголюбского, саму эту акцию нельзя считать боярской: в ней участвовали не только бояре и далеко не все бояре.

С наступлением на боярство часто связывают отмену системы кормлений в 1556 г. и замену их местным, зачастую дворянским, самоуправлением. Вспомним суть этой системы: власть на местах принадлежала наместникам (в уездах) и волостелям (в волостях и станах). Исполнение административных функций было для них «кормлением», т. е. способом получения дохода. В их пользу поступали определенные сборы с населения (кормленичий «доход») и судебные пошлины («присуд»). При отмене кормлений вместо сбора кормленичьего дохода был введен новый налог — кормленичий «окуп», который затем в виде денежной «подмоги» распределялся между выходившими на службу феодалами. Кормления вовсе не были, как часто полагали, системой боярской власти на местах, а их от-

мена не была ударом по феодальной аристократии. Н. Е. Носов тщательно проанализировал состав кормленщиков «последнего призыва» и пришел к обоснованному выводу, что они отнюдь не были только представителями крупных боярских родов, а рекрутировались из всего состава государева Двора в целом[24]. Иначе, пожалуй, и не могло быть.

В самом деле, государство делилось на несколько десятков уездов, в каждом из которых было в среднем около десятка станов и волостей. Следовательно, несколько сот служилых людей должны были одновременно исполнять обязанности наместников и волостелей. Если учесть, что кормление давалось на один-два года, то число тех, кто получал это вознаграждение по крайней мере один-два раза в течение своей жизни, достигало нескольких тысяч. Короче, все, кто входил в государев Двор, имели право на кормления.

Отмена кормлений была связана не с борьбой против аристократии, а с неэффективностью самой этой системы администрации. Наместниками и волостелями назначали не столько для реального управления, сколько для получения вознаграждения. Это было вознаграждение не за исполнение административных обязанностей, а за прежнюю службу в войсках. Административные же обязанности оказывались всего лишь придатком к основному — получению «присуда» и полагавшегося по «доходному списку» содержания. Поэтому кормленщики систематически передоверяли исполнение административных и судебных функций своим тиунам (из числа своих холопов). По статьям Судебников тиун наместника и волостеля следует как тень за своим господином, не отличаясь от него по выполняемым функциям. Создавалось парадоксальное положение, когда в феодальном государстве реальная власть на местах была в руках холопов, хотя и сравнительно высокого ранга.

Система кормлений была столь же неудобна и для самих кормленщиков. Не было точного и строгого порядка получения наместничеств и волостельств. Одни могли получать кормления чаще и более богатые, другие оказывались обделенными. На что порой приходилось идти служилым людям, чтобы получить чаемое кормление, видно из одного колоритного примера. В 1564 г. митрополичий сын боярский Суббота Стромилов-Шолохов в ходе судебного дела (о самом деле речь шла в пятой главе) так объяснял, почему он некогда

сидел в тюрьме: «Бил есми челом царю государю и великому князю о кормленье, и докуки моей было государю много, и про то меня в опальную тюрьму не одиножда посылывали — пятья и шестья. Да таки есьми у государя кормленья добился»[25]. Естественно, такая система была неэффективна и как порядок вознаграждения за службу.

В качестве примера децентрализаторских устремлений боярства обычно также оперируют периодом боярского правления в малолетство Ивана IV. И. И. Смирнов полагал, что в эти годы боярство преднамеренно разрушало аппарат государственной власти. Однако наблюдения за тем, что происходило во время боярского правления, не подтверждают этой мысли. Видимо, не случайно столько споров вызывают попытки определить, какая из боярских группировок, сменявших друг друга у кормила власти, была «прогрессивней», а какая — «реакционней», причем оценки, сделанные на основании одних и тех же источников разными исследователями, оказываются полярными[26].

Может быть, и не стоит искать настойчиво разницу политических программ у борющихся за власть соперников? Ведь не всякая борьба носит принципиальный характер, особенно когда призом в состязании является власть. Но важно отметить другое обстоятельство: приходя к власти, боярские группировки вовсе не предпринимали попыток для возврата к временам феодальной раздробленности. Их целью была власть над всей страной, над единым государством. Шуйские и не помышляли о восстановлении независимости своего Суздальско-Нижегородского княжества, а старались получить для себя и своих сторонников новые земли в разных частях страны, в чем и преуспели: именно к этому времени, как отмечалось в третьей главе, относится появление их обширных поместий в Тверском уезде. Н. Е. Носов выяснил, что губная реформа — пролог к падению системы кормлений — начала проводиться в жизнь именно в годы боярского правления, причем в равной степени как при Бельских, так и при Шуйских[27]. А ведь именно эту реформу традиционно почитали антибоярской. Ко времени боярского правления относятся и массовые поместные раздачи, в которых даже впоследствии обвинял бояр Иван IV.

Разумеется, время боярского правления было периодом, когда несколько замедлился темп централизации. Но не из-за злонамеренности бояр-сепаратистов, а по-

тому, что всякая беспринципная борьба за власть, ведущаяся заговорщическими методами, надолго дезорганизует правительственную деятельность.

Но как же быть с опричниной? С временем, когда было срублено столько боярских голов? Выше (в четвертой главе) при рассмотрении земельной политики опричнины было показано, что она отнюдь не была направлена против крупного феодального землевладения и не изменила структуры феодальной собственности в стране.

Автору представляется, что был прав А. А. Зимин, когда оспорил «антибоярскую» направленность опричнины, придя к выводу, что ее жертвой было не боярство, а основные форпосты удельной старины. В результате проведенного С. Б. Веселовским тщательного анализа жертв опричнины выяснилось, что террор тех лет вовсе не был направлен исключительно или преимущественно против аристократии. «При царе Иване служба в приказном аппарате была не менее опасным для жизни занятием, чем служба в боярах», — подводит итог ученый[28]. Естественно, что при бушевавшем «пожаре лютости» (по выражению Курбского) доля казненных среди верхушки аппарата власти была большей, чем среди рядовых служилых людей. Как замечал хорошо знавший обстановку тех лет Г. Штаден, кто «был близок к великому князю, тот ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал»[29]. К тому же и гибель знатного вельможи была заметнее, чем казнь рядового сына боярского, не говоря уже о посадском человеке или боярском холопе.

Независимо друг от друга рассмотрели состав эмигрантов — «бегунов» опричных лет С. Б. Веселовский и А. А. Зимин и пришли к парадоксальному с точки зрения антибоярской концепции опричнины выводу: среди тех, кто бежал от опричнины, знать составляла небольшую часть[30].

Наконец, изучение социального состава верхушки самого Опричного двора, проведенное автором этих строк, показало, что и руководители опричнины вовсе не были худородными людьми. Опричнина была детищем старомосковского боярства, стоявшего во главе этого мрачного учреждения до рубежа 60—70-х годов XVI в. Недаром Пискаревский летописец сообщал, что она была создана по совету «злых людей» — Алексея Даниловича Басманова и Василия Михайловича Юрьева, отпрысков старинных боярских родов. Князья Сиц-

кие и Темкины, Пронские и Хованские, Одоевские и Трубецкие, нетитулованные члены «честны́х» боярских родов — Бутурлины, Чеботовы, Колычевы, Сабуровы-Годуновы, Салтыковы водили опричные полки и распоряжались отписками территорий, а то и казнями. И даже более худородные деятели — Черемисиновы-Караулов, Нащокины (Роман Алферьев и Михайло Безнин) вплоть до Бельских (из них — Малюта Скуратов) и Ильиных (из них — Василий Грязной) были выходцами из того же государева Двора, что и земские воеводы, т. е. из верхнего слоя господствующего класса[31]. Смысл создания опричного корпуса состоял не в появлении у руководства новой социальной группы, а в том, что опричники были личными слугами царя, готовыми на все для исполнения любой его воли и обладавшими гарантией безнаказанности.

Важно отметить еще один факт: известные в публицистике XVI в. резкие антибоярские обвинения практически не касаются сепаратизма. Лишь Иван Грозный в одном из посланий к Курбскому писал о его изменническом желании стать «ярославским владыкою»[32], хотя ни одно из дошедших до нас многочисленных произведений этого автора не давало повода для такого вывода. В остальных же публицистических выступлениях Грозного царя можно найти самые разные обвинения против бояр: они и изменяют, и непокорны, и расхищают казну, и хотят возвести на престол старицкого князя Владимира... Нет только того главного упрека, который адресуют боярам современные авторы: в стремлении вернуться к временам феодальной раздробленности, в мечтах об уничтожении единства страны.

Пожалуй, наиболее яростным обличителем боярства был замечательный публицист середины XVI в. Иван Семенович Пересветов. Широко известны его гневные филиппики против вельмож. Но главная вина бояр, по Пересветову, не политическая. Они «ленивые богатины», которые «не играют смертною игрою против недруга», трусы и мздоимцы. Еще одна претензия Пересветова к боярам состоит в том, что они пытаются царя «укротити».

А. И. Копанев высказал мысль, что это обвинение носит уже политический характер. В связи с этим Я. С. Лурье заметил, что необходим анализ значения слова «укротити» в произведениях Пересветова. Комментируя сочинения этого публициста, Лурье отметил, что у Пересветова «укротити» ассоциируется с «нена-

вистным ему понятием «кротость», и пришел к выводу, что «укротити» — «значит, очевидно, «освободить, избавить, облегчить» от чего-либо». А. А. Зимин переводил этот глагол как «сделать кротким». В этой связи можно обратить внимание, что все пересветовские тексты, где употреблен этот многозначный, а потому и загадочный глагол, говорят о страхе вельмож, что царь будет воинственным и им придется также рисковать жизнью в боях: «И вельможи его о том велми почали мыслити, как бы царя укротити от воинства, а самим бы с упокоем пожити»; они «мудрость его воинскую отлучили, и богатырство его укротили, и меч царской воинской опустили»[33]. Таким образом, Пересветов возмущается корыстолюбием, трусостью, недостатком служебного рвения бояр, но вовсе не обвиняет их ни в сепаратизме, ни в борьбе против власти.

Ненависть Пересветова к боярам понятна. Вероятно, он лишь сумел в блестящей литературной форме выразить думы многих рядовых «воинников», городовых детей боярских, с неодобрением взиравших на роскошные выезды знатных воевод, облаченных в дорогие доспехи и восседавших на кровных скакунах, многие из которых стоили не меньше, чем деревня с угодьями. От людей в «тегиляях» (стеганых кафтанах с нашитыми металлическими пластинами) трудно было ждать дружелюбия по отношению к богатым и знатным аристократам. Но автор вовсе не считает, что отношения между боярством и дворянством складывались идиллически. В условиях антагонистического общества внутри одного и того же класса, одной и той же социальной группы всегда возникают противоречия между верхами и низами. Рядовое духовенство и епископат, армейские офицеры и гвардия... — можно привести немало подобных примеров. Но ведь на основании реплик Скалозуба о «любимцах, гвардии, гвардейцах, гвардионцах» никто не решится утверждать, что борьба армейского и гвардейского офицерства была стержнем политической истории России первой половины XIX в.

Дело не в том, существовало ли у рядовых феодалов недовольство привилегированным положением и богатством крупных, а в том, что создание в России единого государства и его централизация отвечали коренным интересам господствующего класса в целом, а не какой-то его, пусть и многочисленной, части. И в укреплении аппарата государственной власти, и соответственно в развитии крепостничества, и в расширении

границ страны на западе и востоке были в равной степени заинтересованы все феодалы. Поэтому на вопрос, поставленный в названии этой главы, автор берет на себя смелость ответить однозначно: миф.

Такой ответ основан не только на рассуждениях, которые содержатся в этой заключительной главе. К нему привел автора весь ход исследования. В самом деле, изучение становления частного феодального землевладения в Северо-Восточной Руси показало, что с самого начала феодалы Волго-Окского междуречья были княжескими слугами, получившими свои вотчины как пожалования от князей и зависевшими от их милостей. Исследование судеб княжеских и боярских вотчин в едином государстве выявило, что ликвидация феодальной раздробленности принесла ощутимые материальные выгоды не только мелким, но и крупным феодалам. Даже удельные князья, особенно владетели небольших княжеств (порой приближающихся по размерам к боярщинам), смогли благодаря переходу под власть великих князей московских, а затем и всея Руси приобрести новые земли.

Наконец, анализ поместной системы периода ее становления убедил автора, что возникновение поместья и его распространение шли на пользу прежде всего совокупному классу феодалов, ибо тем самым было ликвидировано малоземелье старинных вотчинных родов за счет сел черных и отчасти дворцовых крестьян. Помещики же и вотчинники не только принадлежали к одному классу феодалов, но и не составляли (по крайней мере до второй половины XVI в.) разных его прослоек. И даже величайшее потрясение — опричнина укрепляла личную власть самодержца, но не меняла строя земельных отношений в стране.

Разумеется, было бы наивно рассчитывать, что предложенный в этой книге вариант ответа на вопрос о соотношении власти и собственности в России XV—XVI вв. будет единодушно принят коллегами-исследователями. Состояние источников таково, что не раз, к сожалению, приходилось прибегать и к иллюстративному методу аргументации, не раз вывод был лишь попыткой согласовать противоречивые показания источников. Но ведь в науке редко возможны окончательные решения. И потому, несмотря на гипотетичность некоторых построений, выводы настоящего исследования, думается, отражают основные тенденции реальной действительности средневековой России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А нужно ли оно? Ведь основные итоги исследования уже подведены в последней главе. А результаты изучения отдельных вопросов читатель может найти в конце каждой из глав. Цель заключения иная — поделиться размышлениями о возможных путях дальнейшего исследования проблемы.

Один из главных путей — расширение источниковой базы. В рамках одной монографии невозможно изучить все материалы XVII в., в которых можно найти сведения о XVI в. К источникам, которые еще ждут исследователей, прежде всего относится комплекс писцовых книг, созданных в 20-х годах XVII в. после разгрома интервентов. В этих книгах обычно содержатся указания на прежних владельцев поместий и вотчин, доходящие до второй половины, а то и до середины XVI в. Правда, в большинстве случаев эти ретроспективные заметки лишены дат: просто перечислены все известные писцам бывшие вотчинники и помещики, но в сочетании с данными актов и разрядных книг эти сообщения можно в какой-то степени датировать. Комплекс этих писцовых книг весьма обширен, и для его изучения требуются большие коллективные усилия, но они окупятся. Автор убедился в этом, изучив писцовые книги по Оболенскому уезду[1]. Это убеждение укрепляется при знакомстве с огромной по затраченному труду и интересной по результатам работой Н. К. Фомина о землевладении в Суздальском уезде, которая, к сожалению, в большей своей части еще не опубликована[2].

Широкие перспективы открывает изучение гигантского фонда столбцов Поместного приказа XVII в. Здесь в разнообразных земельных делах встречаются ссылки на документы и факты XV—XVI вв., а то и копии самих этих документов. Именно благодаря столбцам Поместного приказа в науку вошли неизвестные доселе акты XIV — XV вв., найденные В. И. Корецким и Л. М. Марасиновой[3]. Обширность фонда, слабые надежды на успех (в десятках дел может не найтись ни одной ссылки на XVI в.!) отпугивали исследователей, в том числе и автора. В самом деле, и целой жизни не

хватит, чтобы прочитать все столбцы Поместного приказа в поисках нескольких иголок в сотнях стогов сена. И отрадно, что ныне за дело взялась созданная В. И. Корецким группа молодых исследователей, по обширной и тщательно выверенной программе изучающая столбцы[4]. От этого труда можно ждать новых и интересных результатов.

И наконец, еще одна группа материалов, которая лишь отчасти вошла в научный оборот, — сотни дворянских родословных, подававшихся сначала в Разрядный приказ, а затем в Герольдмейстерскую контору в конце XVII—XVIII в. В этих родословных и в сопровождающих их документах множество лжи, подделок, легенд, ошибок, они требуют пристальной проверки и тщательного сопоставления фактов. И тем не менее многое в них достоверно. Выделить это достоверное нелегко, но нужно. Изучение этих материалов, несомненно, расширит источниковую базу исследования истории класса феодалов XV—XVI вв.

Но дело не только в новых источниках. Завершение работы поставило (по крайней мере перед автором) новые вопросы, на которые в рамках этой книги оказалось невозможным ответить. Решение большинства из них требует иных методов исследования, других способов обработки источников. Вот, например, поместье. В настоящей книге оказалось возможным изучить поместье периода его становления, до середины XVI в. Обращение к писцовым книгам южных уездов второй половины XVI в. дало автору право на предположение о некотором изменении состава помещиков в это время, о его «демократизации». Так ли это? К сожалению, поместье второй половины XVI—XVII в. изучается у нас больше с экономической точки зрения, а социальный состав помещиков почти выпадает из поля зрения исследователей. Дело здесь не в злой воле и не в недостатке старательности: множество имен мелких помещиков, не упоминающихся в актах, требует каких-то новых приемов генеалогического исследования.

Особая проблема — изучение тех социальных слоев, из которых рекрутировались помещики в конце XVI и в XVII в. Кто были те вольные люди, которые пополняли собой в это время растущий господствующий класс? Крестьянские сыновья, становившиеся детьми боярскими? Возможно, даже вероятно, но нуждается в проверке. А массовые испомещения казаков в первые годы после «смуты»? Если об их причинах догадаться как

будто несложно — стремление превратить вечных бунтарей, дрожжи Крестьянской войны, в верных слуг престола, то последствия нужно изучать. Дворянское сословие XVII в. еще ждет своего исследователя.

В этой связи возникает еще один вопрос, требующий ответа. Каковы были судьбы уездных служилоземлевладельческих корпораций феодалов, о которых шла речь в книге? Формально они сохранялись и в XVII в. Но прежней ли была их социальная роль? В XVI в. они во многом были реликтами удельного времени, тормозом на пути консолидации феодалов разных земель в общерусский класс. Но ведь в XVII в. эта консолидация как будто завершилась. Видимо, и дворянские корпорации изменили свои функции. Превратились ли они во вспомогательные органы самодержавного государства? Ограничивали ли они и насколько его произвол? И этот сюжет нуждается в исследовании.

Короче говоря, нужно изучение развития в XVII в. тех процессов, которые мы наблюдали в XVI в. А это изучение в свою очередь должно дать материал для размышлений об эволюции социально-политического строя России XVII в., о становлении абсолютизма и роли в нем господствующего класса—главной социальной базы монархии. И как бы то ни было, новое исследование поставит перед историками новые вопросы, ибо бесконечен путь познания.

ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ (с. 3—31)

[1] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974; Север. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

[2] О государственной школе см.: *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977.

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 55—59; кн. III. М., 1960, с. 704—707; *Кавелин К. Д.* Собр. соч., т. I. СПб., 1897, стлб. 49—54.

[4] *Ключевский В. О.* Соч., т. II. М., 1957, с. 139—171; *его же.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, с. 311.

[5] *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898, с. 139—143; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 92—141.

[6] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 54; т. 3, с. 412; т. 25, ч. II, с. 346; т. 6, с. 258.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 191—192; т. 3, с. 23.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 22; т. 25, ч. II, с. 165; т. 3, с. 164.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 346.

[11] А. Р. Корсунский показал, что более точным был ранний перевод, где речь шла о «ленно-зависимых крестьянах»: термин «Untersaßen», употребленный Марксом, «обозначает различные формы зависимости и подданства и может относиться как к вассалам, так и к зависимым крестьянам», Маркс же, как убедительно доказывает Корсунский, имел здесь в виду именно крестьян (*Корсунский А. Р.* Об иерархической структуре феодальной собственности. — Проблемы феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 155).

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 729.

[13] Термин «дворянство» (Adel — см.: *Marx K., Engels F.* Werke, Bd 19. Berlin, 1962, S. 102; Bd 20, S. 173) Маркс и Энгельс употребляли в широком значении — господствующего класса феодалов.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 111; т. 3, с. 24; т. 4, с. 308.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 199; т. 6, с. 314—315; т. 15, с. 131; т. 25, с. 237.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184—185.

[17] Подробнее см.: *Зимин А. А.* Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма. — В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 317—329; *Шмидт С. О.* В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. — Там же, с. 330—346; *Зимин А. А.* В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. — Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 270—291.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

[19] *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории. — ИЗ, 1945, т. 17, с. 24—52; *его же.* О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья. — *Веселовский С. Б., Коробков Н. М., Снегирев В. Л.* Подмосковье. М., 1955, с. 369—393; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.

[20] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *его же.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М. — Л., 1936; *его же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М. — Л., 1947; *его же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, и др.

[21] *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. — ИЗ, 1940, т. 9, с. 31—80; *его же.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М., 1948; ч. 2. М., 1951; *его же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, и др.

[22] *Тихомиров М. Н.* Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв. — *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 217—258; *его же.* Условное держание на Руси в XII в. — *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 233—239; *его же.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

[23] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М. — Л., 1958.

[24] См. о них подробнее: *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6, с. 152—157; *Кобрин В. Б.* Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. — ИЗ, 1980, т. 105, с. 294—309; *его же.* Новейшие труды по истории централизации Русского государства. — Россия на путях централизации. М., 1982, с. 256—269.

[25] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

[26] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *его же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972; *его же.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982, и др.

[27] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 55—108; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. — Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 57—69.

[28] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *его же.* Опричный террор. Л., 1969.

[29] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; *его же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, и др. Полемику вокруг методики Каштанова см.: *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении. — ПИ, вып. X. М., 1962, с. 261—348; *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. — Вопросы архивоведения, 1962, № 1, с. 33—45; *Носов Н. Е.* О статистическом методе в актовом источниковедении (По поводу статьи А. А. Зимина). — Вопросы архивоведения, 1962, № 4, с. 41—55.

[30] *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974; *Ивина Л. И.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — ЗОР, вып. 24. М., 1961, с. 5—44; *ее же.* Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в. — ПИ, вып. X. М., 1962, с. 235—254; *ее же.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — ЗОР, вып. 27.

М., 1965, с. 149—163; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начале XVI в. Новосибирск, 1973.

[31] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М. — Л., 1951; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; *ее же.* О земельной политике правительства Василия III в Пскове. — Россия на путях централизации, с. 58—65; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М. — Л., 1966; *его же.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980; *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, № 4, с. 3—15; *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. — История СССР, 1973, № 3, с. 124—142; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (На примере Тверской земли). — Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 281—290.

[32] См. об этом подробнее в первой главе.

[33] Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг., вып. 32. Пг., 1923, с. 65.

[34] См. об этом подробнее: *Кобрин В. Б.* К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. — Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 171—186.

[35] Об актах см. подробнее: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, ч. 2; *Зимин А. А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики; *его же.* Актовые материалы. — Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 107—124.

[36] Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период феодализма). М., 1972, ч. III, разд. I (сост. В. Д. Назаров), № 72; *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские). — ВИД, вып. 14. Л., 1983, с. 50—59.

[37] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 96—97; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 183—184; *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 34—35.

[38] ПРП, вып. IV, с. 359.

[39] О них см.: *Павлов-Сильванский В. Б.* Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 92—102.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

[41] ААЭ, т. I; АИ, т. I; ДАИ, т. I; АГР, т. I; АЮ; АЮБ; РИБ, т. 32; *Юшков*; АСЭИ, т. I—III; АФЗХ, ч. I—III; АФЗХ (АМСМ); ГВНП; ДДГ; АРГ 1505—1526 гг.; ПКМГ, ч. I, отд. I—II, и др.

[42] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного, с. 366—371.

[43] Публ. см.: ТКДТ.

[44] *Альшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. — ИА, т. IV. М. — Л., 1949, с. 3—71; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. Сост. и подг. текста С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979, и др.

[45] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. Публ. текстов см.: РК 1475—1598 гг.; РК 1553—1605 гг.; РК 1485—1605 гг.

[46] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. Публ. см.: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787, ч. I—II; Родословная книга по трем спискам. — Временник МОИДР, кн. X. М., 1851; НРК.

[47] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 357—358, 428—440; *его же.* По поводу Трудов Ярославской ученой архивной комиссии. СПб., 1893; *его же.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты...». — Сборник Археологического института, кн. VI. СПб., 1898, с. 17—31; *Кобеко Д. Ф.* Заметка к статье о разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии. — Записки имп. Русского археологического общества, т. II. СПб., 1887, с. 271—293; *его же.* Дополнительная заметка к статье... — Там же, т. III, с. 194—198; *Введенский А. А.* Фальсификация документов в Московском государстве в XVI—XVII вв. — ПИ, вып. 1. М. — Л., 1933, с. 85—109; *его же.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963, с. 75—115; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. — Труды МГИАИ, т. 17. М., 1963, с. 399—428.

[48] *Юшков,* № 15; АСЭИ, т. III, № 179.

[49] *Флоря Б. Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. — История СССР, 1972, № 1, с. 53.

[50] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства, с. 813; ДДГ, № 61, с. 194.

[51] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 581—585, 587, 588, 594, 597, 598, 728, 778, 779, 792, 804, 824, 830, 831; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 472 об. — 477, 480—481, 490—490 об., 1120 об. — 1123, 1143—1145.

[52] *Юшков,* № 1, 180; АСЭИ, т. III, № 347; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в., с. 357—358.

[53] Словарь русского языка XI—XVII вв., т. 2. М., 1975, с. 208—209.

[54] АСЭИ, т. III, № 309, 311, 314, 315, 317, 322—330, 333—336.

[55] Словарь русского языка XI—XVII вв., т. 3. М., 1975, с. 307.

[56] АЮБ, т. I, № 52-У; АЮ, № 24; *Юшков,* № 220; *Лихачев Н. П.* Дипломатика. СПб., 1901, с. 14—23. Подробно о фальсификациях, изготовленных современниками, см.: *Черепнин Л. В.* У истоков архивоведения («практической дипломатики») в России (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV — начале XVI в.). — Вопросы архивоведения, 1963, № 1, с. 52—62.

[57] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Пер. и вступит. ст. И. И. Полосина. Л., 1925, с. 86.

[58] *Крачковский И. Ю.* Избр. соч., т. I. М. — Л., 1955, с. 74.

[59] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 325, л. 96—103 об.

[60] О социальной окрашенности личного имени см.: *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, с. 12—27. Подробнее о роли антропонимики в исследованиях по истории землевладения см.: *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (По русским материалам XV—XVI вв.). — История и генеалогия. М., 1977, с. 80—115.

[61] Об административно-территориальном делении и типах поселений см. подробнее: *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, с. 93—111; *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., с. 11—36, 130—148; *Романов Б. А.* Изыска-

ния о русском сельском поселении эпохи феодализма (По поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского). — Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, с. 327—476; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 27—34.

[62] ПСРЛ, т. VIII, с. 215—216; т. XII, с. 218, 220.

[63] Подробное обоснование этой точки зрения содержится в еще не опубликованной книге А. А. Зимина по истории Боярской думы.

[64] См., например: АРГ 1505—1526 гг., № 18, 80, 86, 184, 207 и др.

[65] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 41—87.

[66] Судебники, с. 28, 170.

[67] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1979, т. 103, с. 197.

[68] СГГД, ч. I, № 192.

[69] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 198—199.

ГЛАВА I (с. 32—47)

[1] См. об этом: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

[2] АСЭИ, т. III, № 190, 309, 311.

[3] Речь идет о данной Саввы Сюзева (АСЭИ, т. III, № 295; АФХЗ, ч. I, № 246). См. о ней: *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского акта. — Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 285—318; АСЭИ, т. III, с. 505—506.

[4] Кроме данной Сюзева см.: АСЭИ, т. I, № 2, 3.

[5] АСЭИ, т. I, № 4—14; т. II, № 2—8, 10—22, 25—41; т. III, № 30; АФЗХ, ч. I, № 10.

[6] *Валк С. Н.* Указ. соч.; *Тихомиров М. Н.* О частных актах в Древней Руси. — *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 240—246.

[7] *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X—XIV вв. — ВИД, вып. 8. Л., 1976, с. 50—69.

[8] *Каштанов С. М.* Актовые материалы. — Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 113—114; *Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси (От Русской Правды до Псковской судной грамоты). — ВИД, вып. 6. Л., 1974, с. 125—141; *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка. — ВИД, вып. 10. Л., 1978, с. 65—70.

[9] *Семенченко Г. В.* Духовная грамота митрополита Алексея (К изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси). — Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981, с. 21.

[10] АСЭИ, т. I, № 2.

[11] Купчая Крюка Фоминского у Юрия Онцифоровича (АСЭИ, т. I, № 2).

[12] *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (по «житиям святых»). М., 1966.

[13] См. об этом: *Валк С. Н.* Грамоты полные. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 127—128.

[14] *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). — *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 120—121.

[15] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 1939, с. 51—52; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 187; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 55 и сл.; *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 45.

[16] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 144; *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь, с. 281; *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 51—52.

[17] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. I (МИА № 11). М. — Л., 1949, с. 51—52; *его же.* Первые века русской истории. М., 1964, с. 83—87; *его же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 416—430; *Свердлов М. Б.* Генезис феодальной земельной собственности. — ВИ, 1978, № 8, с. 51.

[18] *Пьянков А. П.* Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980, с. 125.

[19] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — МИА № 92. М., 1960, с. 122—125; *Черепнин Л. В.* Русь: спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 160—161; *Черепнин Л. В.* Вотчинное право на Руси XIV—XV вв. — Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 13; *его же.* Основные этапы развития феодальной собственности..., с. 114; *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М. — Л., 1963, с. 5; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 65 и сл. (ср. также: *Свердлов М. Б., Щапов Я. Н.* Последствия неверного подхода к важной теме. — История СССР, 1982, № 5, с. 181; авторы этого полемического отклика на труд Фроянова подвергли без аргументации сомнению тезис о возникновении боярского землевладения лишь в XI в., приписав его почему-то только одному Фроянову); *Тимощук Б. О.* Давньоруска Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ, 1982, с. 38—119; *Рапов О. М.* К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. — Польша и Русь. М., 1974, с. 205; *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма и его переходе в развитой феодализм. — История СССР, 1981, № 2, с. 76—77.

[20] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981, с. 272—273.

[21] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 113—119.

[22] АСЭИ, т. I, № 8.

[23] ДДГ, № 1-б, с. 10. О датировке см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ, вып. 6. М., 1958, с. 276—279.

[24] *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли XII—XIV вв. АКД. М., 1973.

[25] *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М. — Л., 1964.

[26] *Тихомиров М. Н.* Сказания о начале Москвы. — ИЗ, 1950, т. 32, с. 233—241; *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы. — ТОДРЛ, т. III. М. — Л., 1936, с. 59—98; *Салмина М. А.* Указ. соч., с. 81.

[27] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 11—14.

[28] *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 57.

[29] *Юшко А. А.* Указ. соч., с. 13.

[30] *Чернов С. З.* Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (Историческая география землевладения). АКД. М., 1983, с. 12.

[31] *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 273; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XIV — начале XVI в. М., 1964, с. 38—39; *Семенченко Г. В.* Указ. соч., с. 22.

[32] *Воронцов-Вельяминов Б. А.* К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. — История и генеалогия. М., 1977, с. 129, 134; ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, стлб. 355, 383; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, с. 158—159, 166—167. Ср. также: *Рапов О. М.* К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв., с. 199—200, 205.

[33] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 182—183; *его же.* Русь..., с. 210—228; *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 113—161; *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 148—149; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973; *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 85—105.

[34] *Смирнов И. И.* Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 138—162; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство Руси в период образования Русского централизованного государства. М. — Л., 1965, с. 369—388; *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 63—65; *Алексеев Ю. Г.* Крестьянская волость в центре феодальной России. — Там же, с. 88—103; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1979, с. 30—116.

[35] *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 57—72; *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVI вв. — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России, с. 5—44.

[36] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, с. 12—13.

[37] *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908, с. 98—99; Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. — Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. I. СПб., 1836, с. 31—32; Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. Сост. Ю. А. Лимонов. М., 1982, с. 51, 143.

[38] ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, стлб. 375—376; *Веселовский С. Б.* Подмосковье в древности. — *Веселовский С. Б., Коробков Н. М., Снегирев В. Л.* Подмосковье. М., 1955, с. 20—27.

[39] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М. — Л., 1966, с. 27, 51, 52, 59; *Черепнин Л. В.* Вотчинное право на Руси XIV—XV вв., с. 13—16; *его же.* Русь..., с. 162.

[40] *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 157—181, 229—241, 249—256, 272—283. См. также: *Горский А. А.* К вопросу о предпосылках и сущно-

сти генезиса феодализма на Руси. — Вестник МГУ. Серия 8: история, 1982, № 4, с. 72—81.

[41] *Чернов С. З.* Указ. соч., с. 15—16.

[42] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 244—247; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 498.

[43] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 245—246.

[44] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подгот. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 8, 14, 19.

[45] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, с. 705—706. Здесь несколько преувеличена всеобщность патронимии у русских феодалов. О княжеских и некняжеских фамилиях с формантом *-ский* на Руси см.: *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (По русским материалам XV—XVI вв.). — История и генеалогия, с. 100—112.

[46] *Гуревич А. Я.* Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 71—72.

[47] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. — М., 1981, с. 15.

ГЛАВА II (с. 48—89)

[1] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982, с. 55—75.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

[3] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 4; *его же.* Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции русского феодализма. — В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 317—329; *его же.* В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. — Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 270—291.

[4] Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. А. А. Зимин и Я. С. Лурье. М. — Л., 1959, с. 195.

[5] См., например: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

[6] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. — История СССР, 1973, № 3, с. 124—142; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли). — Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 281—290; *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в XV — первой половине XVI в. — Научные доклады высшей школы: исторические науки, 1958, № 4, с. 3—15.

[7] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 41—87; *его же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1979, т. 103, с. 195—241.

[8] См., например, АСЭИ, т. II, № 455.

[9] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 663—673, 706—707; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 231; ДДГ, № 52.

[10] Судебники, с. 27. О термине «господарь» см.: *Хорошкевич А. Л.* Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV — конце XV в. (На примере Московского княжества и Русского государства). — Русское централизованное государство: образование и эволюция. XV—XVIII вв. М., 1980, с. 26—30.

[11] ДДГ, № 61.
[12] АСЭИ, т. II, № 446, 450.
[13] Там же, № 448, 452.
[14] *Зимин А. А.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. — ВИД, вып. 7. Л., 1976, с. 56—59; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, с. 183; *Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси. — История СССР, 1981, № 4, с. 35—36.
[15] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв., с. 47; *его же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 221; РК 1475—1605 гг., т. I, см. по указателю.
[16] АСЭИ, т. III, № 271, 272; ЦГАДА, ГКЭ, Вологда, 32/2603.
[17] ПСРЛ, т. XXIII, с. 157—158; *Шульгин В. С.* Указ. соч., с. 8—9; *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 222; ДДГ, № 94, с. 377.
[18] ДАИ, т. I, № 115; ЦГАДА, ГКЭ, Вологда, 32/2603; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М. — Л., 1966, с. 150; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 665 (в тексте А. Пенкова названа ошибочно вдовой Данила, а не Василия); ЦГАДА, ГКЭ, Звенигород, 24/4698; Переславль, 217/8941; Ростов, 25/10562; ф. 1209, кн. 20, л. 332 об. — 333; кн. 254, № 59—61; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 1916, л. 145—148 об.
[19] АСЭИ, т. III, № 198, 200.
[20] Там же, № 199, 217.
[21] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв., с. 46; *его же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 219.
[22] ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 31, 37, 40, 186, 200, 671, 896; АСЭИ, т. III, № 199; ЦГАДА, ГКЭ, Ярославль, 17/14765, 207/15135 (по описи Н. П. Лихачева); ф. 1209, кн. 20, л. 282—283; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 1916, л. 136 об. — 137 об., 151—153; д. 2428, л. 152—153 об.; ГАЯО, ф. 682, оп. 1, д. 1014, л. 3; ГБЛ, АТСЛ, кн. 536, № 44, кн. 637, л. 410 об. — 411 об.; кн. 533, Ярославль, № 9; ЛОИИ, колл. 238, оп. 2, № 101/2; ЯМ, № 15426, с. 107; № 15455, л. 81, 85 об.; Костромской музей: *Диев М.* Костромская вивлиофика, с. 185—186.
[23] АСЭИ, т. III, № 194; *Шульгин В. С.* Указ. соч., с. 7.
[24] АСЭИ, т. III, № 201, 219. О датировке акта № 201, опубликованного с датой 1463—1478 гг., см. подробно: *Кобрин В. Б.* Указ. соч., с. 38. О Юхотском уделе см.: *Шульгин В. С.* Указ. соч., с. 8.
[25] ДДГ, № 61, с. 196; ЦГАДА, ГКЭ, Романов, 3/10108; Юшков, № 186; ЦГАДА, ф. 1193, оп. 1, д. 4, л. 149—149 об.; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 1916, л. 463 об. — 464; д. 2428, л. 158; ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 1014, л. 14 об.
[26] О Стародубском княжестве см.: *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 256—263.
[27] *Эскин Ю. М.* Стародубские князья в XV—XVI вв. Дипломная работа в МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1973.
[28] АСЭИ т. I, № 4, 5, с. 28.
[29] АСЭИ, т. III, № 127, 132, 142, 178 б.
[30] АСЭИ, т. I, № 350, 436. См. также: *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 205.
[31] АСЭИ, т. I, № 188; т. II, № 470, 471, с. 568.
[32] АСЭИ, т. II, № 462, с. 567; АФЗХ, ч. I, № 174, 175.
[33] АСЭИ, т. II, № 455; т. III, № 207.
[34] АСЭИ, т. II, № 451.

[35] АСЭИ, т. I, № 603, 604, 607, 607а, 609, 610; *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи, вып. III. М., 1904, с. 29—31; ЦГАДА, ГКЭ, Оболенск, 1/8645; ф. 1209, кн. 325; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Оболенск, № 1—4; Серпухов, № 1.

[36] ДДГ, № 58, с. 180, 184; № 95, с. 390; АФХЗ, ч. I, № 130, 131; ч. II, № 218, 219, 297, 316, 347; АРГ 1505—1526 гг., № 111, 123, 243; АГР, т. I, № 45, 71; *Лихачев.* Сборник, ч. 2, № XI; АИ, т. I, № 167; *Садиков,* № 29; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 172; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 12, 13, 18, 31, 42, 51, 59, 177, 207, 254, 258, 260—262, 336, 414; отд. II, с. 62, 102—103, 110—111, 230, 266, 278, 281, 570—573, 575, 583—584, 597, 749—750, 753, 767, 1519—1521; НПК, т. I, с. 531—540, 856—864; т. II, с. 426—428; т. III, с. 19, 21, 486, 488, 776—780; т. V, с. 127, 557; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 169/1273, 349/1453, л. 48 об. — 50 об.; Дмитров, 77/3789, 93/3805; Кострома, 50/5017; Кашира, 11/5773; Переславль, 190/8914, 192/8916; ф. 1209, кн. 20, л. 94—97, 359—359 об.; кн. 619, л. 300 об. — 304, 438—440 об., 442—442 об., 524 об. — 526 об., 715—715 об., 732 об. — 737, 975—976 об., 1195—1196 об.; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 177 об. — 178 об.; кн. 530, Москва, № 184; ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 495 об. — 513 об.

[37] АСЭИ, т. I, № 607, 607а, с. 632—633; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, с. 243, 326, 381.

[38] *Кобрин В. Б.* О формах светского феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. (К постановке вопроса). — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969, № 309, с. 13; *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 208.

[39] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М. — Л., 1951, с. 156—169; АСЭИ, т. II, с. 549; *Кучкин В. А.* Указ. соч., с. 307—309.

[40] АСЭИ, т. II, № 114, 210, 225, 227а, 282, 295.

[41] *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 153.

[42] АСЭИ, т. II, № 298; т. III, № 475.

[43] Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. — Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 186—192.

[44] ПСРЛ, т. XI, с. 128—129; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 509.

[45] ДДГ, № 1-б.

[46] ДДГ, № 12, 20—22; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 55, 60.

[47] АСЭИ, т. I, № 98, 107, прим. к № 107.

[48] АСЭИ, т. I, № 237, 243.

[49] ДДГ, № 61, с. 195; ПСРЛ, т. VIII, с. 180; т. XXIV, с. 194; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 830; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории..., с. 266—271.

[50] *Янин В. Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. — ИЗ, 1982, т. 108, с. 190—197.

[51] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М. — Л., 1948, с. 41—42; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 195—204; *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV — начале XV в. — ВИ, 1980, № 6, с. 172—173. Противоположную точку зрения см.: *Семенченко Г. В.* Управление Москвой в XIV—XV вв. — ИЗ, 1980, т. 105, с. 196—205. Семенченко полагает, что упоминание в духовных князей долей «в городе и в станах... удела»

означает обязательно определенную территорию, но сам этот постулат оставлен им без аргументации.

[52] АСЭИ, т. I, № 562; *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 150—151; ЦГАДА, ГКЭ, Ростов, 27/10564; ф. 1209, кн. 254, № 75; ГБЛ, АТСЛ, № 275.

[53] ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 349/1453; *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 149; *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV—XVI вв.). — История и генеалогия. М., 1977, с. 99.

[54] АСЭИ, т. I, № 444—446, 611, 612, 648; АРГ 1505—1526 гг., № 128; АФЗХ, ч. I, № 8, 11; РИБ, т. 32, № 259; ЦГАДА, ГКЭ, Ростов, 13/10550, 20/10557, 28/10565, 142/15070; Бежецк, 349/1453; ГБЛ, АТСЛ, № 272—274, 282, 292, 293, 314, 348; кн. 518, л. 432; кн. 530, Москва, № 204; Ростов № 7, 32, 35—37; ГПБ, СПб.ДА, А 1/16, л. 906 об. — 914; А 1/17, л. 619—623 об.

[55] АСЭИ, т. I, № 147, 148; АФЗХ, ч. I, № 13; ч. II, № 15, 16, 41, 332, 339; АЮ, № 240; *Садиков,* № 50, 51, 53; ТКДТ, см. по указателю; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 24, 112—113, 175, 182—183, 226; отд. II, с. 134—135, 603—607, 748; НПК, т. I, с. 251—273, 358—365, 559—566; т. II, с. 61—65, 590—593; т. III, с. 91—95, 198, 203—204; т. IV, с. 559; т. VI, с. 61—62, 72, 76, 874, 878—879, 1060; ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров, 74/3786; ф. 1193, оп. 1, д. 4, № 36; ф. 1209, кн. 254, л. 119; кн. 619, л. 693—695, 862—866; ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Дмитров, № 71; ЛОИИ, колл. 2. Опись архива Соловецкого монастыря, № 153.

[56] *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 195—206; *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, с. 113—115, 127—131; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 46—52; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 402—404; *его же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. — Дворянство и крепостной строй России. М., 1975, с. 29—31, 34, 37, 41—42; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969, с. 201—208; *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского. — ВИ, 1969, № 1, с. 210—218; *Кобрин В. Б.* О формах светского феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв., с. 6—9.

[57] РИБ, т. 31, стлб. 288. О термине «почет» см.: Литовская метрика, отд. I, ч. 3. — РИБ, т. 33, стлб. 1, 7, 15, 238—245, 454 и сл.

[58] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, с. 127—131; *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 202; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве..., с. 39—42; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 48, 50—51; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 207—208; *Кобрин В. Б.* Из истории местничества XVI в. — ИА, 1960, № 1, с. 214—219.

[59] АСЭИ, т. I, № 221, 226, 315, 316, 338, 388; т. III, № 196, 197, 204.

[60] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 325; ТКДТ, см. по указателю.

[61] Подсчеты по родословным таблицам, составленным автором.

[62] АСЭИ, т. I, № 147, 148; ДДГ, № 58, с. 180, 184 (О датировке акта см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ, вып. 6. М., 1958, с. 313—314); АГР, т. I, № 71; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 169/1273, 349/1453, л. 48 об. — 50; ф. 1209, кн. 40, л. 94—97; ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 495 об. — 513 об.

[63] АРГ 1505—1526 гг., № 108, 111, 123; ЦГАДА, ГКЭ, Переславль, 190/8914, 192/8916.

[64] АФЗХ, ч. II, № 15, 16, 36, 41; ДДГ, № 95, с. 386; АСЭИ, т. I, № 382—384; АРГ 1505—1526 гг., № 78; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 709—711; РИБ, т. 32, № 140; ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров, 281/3993, л. 60 об. —

61 об.; ф. 1193, оп. 1, д. 4, № 102; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 16, 17.

[65] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М. — Л., 1947, с. 291. См. также в третьей главе настоящей книги.

[66] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв., с. 54, 56; *его же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 223—224; НРК, с. 104; ДДГ, № 44, 48; РИБ, т. 32, № 168; ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 27/11806; ф. 1193, оп. 1, д. 4, № 106; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 1916, л. 128 об. — 130; ГБЛ, АТСЛ, кн. 637, л. 464—467; ЯМ, № 15428, с. 132; № 15445, л. 74; АФЗХ, ч. II, № 221; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 279—280, 376—377.

[67] Русский архив, 1896, № 4, с. 571—575 (публикация С. Д. Шереметева); ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 231/1335, 233/1337.

[68] Тексты указов см.: Стоглав. Изд. 3-е. Казань, 1911, с. 200—202; ААЭ, т. I, № 227; ПРП, вып. IV, с. 523—524 (1551 г.), 529—532 (1562 и 1572 гг.).

[69] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, с. 88—89; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древнейшей истории русского права. СПб., 1903, с. 520—523; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 104, 109; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898, с. 62—64.

[70] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М. — Л., 1958, с. 441—447; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 88—89, 156—157; *его же.* Опричный террор, с. 183; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, с. 223 (текст А. А. Зимина, впоследствии изменившего позицию по этому вопросу); *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е.* Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. Л., 1957, с. 113, 140 (текст А. И. Копанева); *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 66—67; *Корецкий В. И.* Развитие земельной собственности в России XVI в. — Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону, 1980, с. 38—42.

[71] *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 120—136; *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 2. — *Ключевский В. О.* Соч., т. II. М., 1957, с. 230—231.

[72] *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — ИЗ, 1941, т. 10, с. 98—100; *его же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 47—50; Судебники, с. 311—315.

[73] *Романов Б. А.* К вопросу о земельной политике Избранной рады. — ИЗ, 1951, т. 38, с. 264—266; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 111—117.

[74] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 389—390; *его же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 93—94; *его же.* Россия на пороге нового времени, с. 230—234; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства, с. 282—283; *Кобрин В. Б.* Рец. на кн.: *Смирнов И. И.* Указ. соч. — ВИ, 1960, № 1, с. 158; *его же.* Законы 1551, 1562 и 1572 гг. о княжеском и вотчинном землевладении. — Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971, с. 65—66.

[75] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 113, 178; ТКДТ, с. 56, 79, 195.

[76] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 572—578, 894; *Кучкин В. А.* Русские княжества перед Куликовской битвой. — Куликовская битва. М., 1980, с. 87—89, карта-вклейка между с. 56—57; ДДГ, № 9, с. 27, № 89, с. 357, № 104, с. 438; АСЭИ, т. I, № 517, 518, 531; ГВНП, № 4, 5, 18; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, стлб. 1091; ТКДТ, с. 60, 80, 198.

[77] АСЭИ, т. I, № 574, 599, 600; АРГ 1505—1526 гг., № 13; *Рубцов М.* К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв., вып. 2. Старица, 1905, № 7; ЦГАДА, ГКЭ, Новоторжск, 6/834; ГБЛ, АТСЛ, № 332.

[78] ТКДТ, с. 55, 57, 61, 118—119; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 325.

[79] ДДГ, № 12, с. 34.

[80] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории..., с. 247—256; там же см. подробный обзор мнений исследователей.

[81] ТКДТ, с. 69, 146—148; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 374—396; *его же.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 93; АСЭИ, т. II, № 168, 299, 305; ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 61.

[82] АСЭИ, т. I, № 467; т. II, № 28, 164, 165, 167, 173, 208, 209, 226, 227, 232, 233, 244а, 248, 251, 253, 263, 303—305, 337, 385а, 407; РИБ, т. 32, № 115; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 2. М., 1900, с. 127—136; *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. — АЕ за 1968 г. М., 1970, № 1, 3, 4; ЦГАДА, ГКЭ, Белоозеро, 59/760, 64/765, 67/768, 75/776, 77/778, 78/779, 83—85/784—786, 91/792, 92/793, 110/811, 112/813, 124/825, 125/826, 137/838, 143/844, 179/880; ГПБ, СПб.ДА, А 1/16, л. 1061 об., 1070—1071, 1087—1088, 1118 об. — 1119, 1131—1131 об., 1132 об. — 1133, 1134 об. — 1137 об., 1411 об.

[83] *Лихачев.* Сборник, вып. 1, № X; *Садиков*, № 74; ЦГАДА, ГКЭ, Белоозеро, 61/762, 126/827.

[84] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 61, 94, 375—377.

[85] АСЭИ, т. III, № 22.

[86] ААЭ, т. I, № 246.

[87] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, с. 284; *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 55—57; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 342—343 об.; кн. 637, л. 293. О датировке и характере включенных в кн. 637 отрывков писцовых книг см.: *Ивина Л. И.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — ЗОР, вып. 27. М., 1965, с. 150—153.

[88] ПСРЛ, т. 25, с. 313; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 279.

[89] СГГД, ч. I, № 148. О ней см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 348—349; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 162.

[90] ПСРЛ, т. 28, с. 158.

[91] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 162.

[92] ДДГ, № 40.

[93] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 232.

[94] *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 6, отд. 3. М., 1889, с. 110—112.

[95] Владимирский сборник. Сост. К. Тихонравов. М., 1857, с. 68—

69; ДДГ, № 104, с. 443; АГР, т. I, № 84; *Рождественский С. В.* Указ. соч., с. 183; НРК, с. 16—19, 92—95; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории..., с. 211—213.

[96] ТКДТ, см. по указателю. О княжеских корпорациях см.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве, с. 28—56; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 53.

[97] РК 1475—1598 гг., с. 25; Сб. РИО, т. 59, с. 147.

[98] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 232.

[99] ТКДТ, с. 63—64, 124; ДДГ, № 104, с. 435. Служилыми князьями считал Мосальских и А. А. Зимин (Служилые князья в Русском государстве..., с. 42).

[100] ДДГ, № 89, с. 360; ТКДТ, с. 71, 73, 159, 161, 163, 164, 169, 170, 174; *Садиков,* № 78; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 349; отд. II, с. 368, 384, 1357, 1363, 1405, 1406; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 629 об.— 631.

[101] *Смирнов И. И.* Указ. соч.; *Бахрушин С. В.* Избранная рада Ивана Грозного.— *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II. М., 1954, с. 329—352; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного; *Кобрин В. Б.* Рец. на кн.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного.— История СССР, 1962, № 5, с. 184—188.

[102] *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в., с. 98—100.

[103] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного, с. 390; *Шумаков С. А.* Тверские акты, вып. I, № XIX, XX; ПРП РК, № 23. Об участии Ф. А. Куракина в суде по земельным делам см.: *Лихачев.* Сборник, вып. 2, № XI.

[104] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 194, 198, 243, 257; *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI в.— ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. I, с. 92.

[105] АСЭИ, т. I, № 25, 364, 519. Неясно, в Тверском или Новоторжском уезде находились два приобретения Троице-Сергиева монастыря 40-х годов XVI в.: деревня Коростелиха от Берновых и сельцо Борисовское с деревнями, предназначенное Троице по духовной Арины Часовниковой (*Шумаков С. А.* Тверские акты, вып. I, № XVIII; *Лихачев.* Сборник, вып. I, № IV).

[106] АФЗХ, ч. II, № 13, 51, 52, 65, 70, 157, 169, 191, 200, 269; ДДГ, № 85, с. 341—344.

[107] АСЭИ, т. I, № 562.

[108] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 183.

[109] ТКДТ, с. 55, 57, 61, 118.

[110] *Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине, вып. 1: Вопрос об отмене опричнины. Белград, 1931, с. 19.

[111] *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопопы — Мезецкие — Пронские).— ВИД, вып. 14. Л., 1983, с. 58; ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Тверь, № 12.

[112] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, с. 110.

[113] *Смирнов И. И.* Указ. соч., с. 441—447; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 183.

[114] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 364—367.

[115] Стоглав, с. 39.

ГЛАВА III (с. 90—135)

[1] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси.— ВИ, 1959, № 11, с. 130—142; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.— Л., 1966; АИСЗР, т. I—III; *Абрамович Г. В.* Поместная систе-

ма и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. АДД. Л., 1975; *его же.* Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.). — История СССР, 1979, № 4, с. 192—199; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. — Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 57—79; *Сахаров А. М.* Об эволюции феодальной собственности на землю в Российском государстве XVI в. — История СССР, 1978, № 4, с. 19—41; *его же.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 55—108; *Дегтярев А. Я.* О мобилизации поместных земель в XVI в. — Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 85—91.

[2] *Дегтярев А. Я.* Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель в XVI в. АКД. Л., 1973; *Соколова И. И.* Служилое землевладение и хозяйственное состояние приокских уездов Русского государства в конце XVI — первой трети XVII в. (По материалам писцовых описаний, отказным книгам, десятням и столбцам Поместного приказа). АКД. М., 1975; *Маматова Е. П.* Писцовые книги как источник по истории феодального землевладения Рузского уезда в XVI — 20-х годах XVII в. АКД. М., 1976; *Киселев Е. А.* Феодальное землевладение Ярославского уезда середины XVI — первой трети XVII в. по писцовым книгам. АКД. М., 1978; *Фомин Н. К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда. — Россия на путях централизации. М., 1982, с. 89—94; *Кузнецов В. И.* Светское феодальное землевладение Коломенского уезда последней трети XVI—XVII вв. (По писцовым и переписным книгам). АКД. М., 1983.

[3] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси, с. 132—134; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 59; *Сахаров А. М.* Об эволюции феодальной собственности на землю..., с. 24—25; *его же.* Феодальная собственность на землю..., с. 67—68.

[4] ААЭ, т. I, № 218; АРГ 1505—1526 гг., № 179; АФЗХ, ч. II, № 127; ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров, 131/3843, 137/3849; Коломна, 13/6323; ф. 1209, кн. 582, № 305.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 38/11817; ПРП, вып. IV, с. 523.

[6] *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XIV и в XVI в. Докт. дисс. Л., 1979, с. 99, 135—136; *Дегтярев А. Я.* О мобилизации поместных земель в XVI в., с. 85—91; *его же.* Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель в XVI в., с. 7—10; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 59.

[7] ЦГАДА, ГКЭ, Нижний Новгород, 243/8184; ГБЛ, АТСЛ, № 289; кн. 530, Москва, № 67.

[8] *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 59; ср.: АИСЗР, т. II, с. 198 (автор — Г. В. Абрамович); Торопецкая книга 1540 г. Публ. М. Н. Тихомирова и Б. Н. Флори. — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 321, 331, 336, 344; ГБЛ, АТСЛ, № 316.

[9] АСЭИ, т. III, № 243, 250; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М. — Л., 1947, с. 301—302.

[10] АСЭИ, т. I, № 563, 564, 571, 628.

[11] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси, с. 140—141; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных архивов Московского государства XV—XVII столетий, т. I. М., 1905, отд. II, № 66, 72, 73, 75, с. 4—5, 7—8.

[12] ПСРЛ, т. VIII, с. 215, 218; т. XII, с. 215—216, 220; т. XXV, с. 330.

[13] Сб. РИО, т. 35, с. 332; Псковские летописи, вып. 1. М. — Л., 1941, с. 85; *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 261 и сл.

[14] АСЭИ, т. III, № 187, 240, 241, 243; *Юшков*, № 81—83, 91, 92, 109—111, 120 (1485—1524 гг.), 129.

[15] *Юшков*, № 132. При анализе этой терминологии использовались материалы картотеки словаря древнерусского языка в Институте русского языка АН СССР.

[16] ДДГ, № 94—99; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 15.

[17] ТКДТ. Подробные указатели делают излишними ссылки на страницы этого издания.

[18] Рубрика в Дворовой тетради не выделена подчеркиванием.

[19] *Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике. — АЕ за 1973 г. М., 1974, с. 45.

[20] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 142, 155; *Vasmer M.* Wörterbuch der Russischen Gewässernamen, Bd IV. Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin. Slavistische Veröffentlichungen, Bd XXII. Berlin — Wiesbaden, 1971, S. 688, 690; АФЗХ, ч. II, № 41, 77, 78, 238; АФЗХ (АМСМ), № 93; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 25.

[21] *Юшков*, № 175; ЦГАДА, ф. 1203, д. 1, л. 456 об. — 458 об.; ЛОИИ, колл. 115, д. 45, л. 187 об. — 190 об.

[22] АФЗХ, ч. II, № 183, 299.

[23] АРГ 1505—1526 гг., № 208, 264.

[24] Там же, № 145; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 696.

[25] АСЭИ, т. I, № 579, 598; АФЗХ, ч. II, № 280; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917, ч. IV, № 906; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, д. 1517, л. 155—156; ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Тверь, № 56.

[26] АФЗХ, ч. I, № 36; АФЗХ (АМСМ), № 106, 107; *Шумаков С. А.* Угличские акты (1400—1749 гг.). М., 1899, № 57; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 65, 288; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 207/1311, 211/1315; Кашин, 26/6721, 66/6761; Москва, 10/7152; Переславль, 132/8856; Романов, 3/10108; ф. 1203, д. 1, л. 448 об.; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Москва, № 118; кн. 533, Ростов, № 36.

[27] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 38.

[28] При имени И. В. Челеева стоит помета «вдвое», означающая, что он ошибочно занесен в список дважды, но в тексте второго Ивана Васильева сына Челеева нет.

[29] ДДГ, № 89, с. 355; АРГ 1505—1526 гг., № 214, 215, 219, 279; АГР, т. I, № 50; *Савелов Л. М.* Князья Пожарские. М., 1906, Приложение, № VI, IX; ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 26/11805, 33/11812, 48/11827; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Суздаль, № 4, 10.

[30] *Флоря Б. Н.* Указ. соч., с. 45—46.

[31] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 283.

[32] АСЭИ, т. III, № 186, с. 521. Об интерполированности грамоты см.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, с. 439—440; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. — Труды МГИАИ, 1963, т. 17, с. 408; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 224—226.

[33] АСЭИ, т. II, № 393; *Юшков*, № 80; АРГ 1505—1526 гг., № 119, 134.

[34] Именно на этом основании можно определить как поместную грамоту углицкого князя Дмитрия Ивановича Федору Алексееву сыну Давыдову [Морозову] на село Перекладово Углицкого уезда от 1510 г. (АРГ 1505—1526 гг., № 64). Такому выводу как будто противоречит то обстоятельство, что грамота сохранилась в троицком архиве. Но, как указывает комментатор акта Л. И. Ивина, село не упоминается среди монастырских владений (там же, с. 309). Вероятно, грамота была сдана в монастырь на хранение, тем более что деловая сыновей Ф. А. Давыдова на это поместье также хранилась в монастыре (ГБЛ, АТСЛ, № 289).

[35] *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 67.

[36] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, с. 267; *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси, с. 132; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 68; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 140—146.

[37] Для середины XVI в. этот факт отмечает Ю. Г. Алексеев (Указ. соч., с. 164—165); поместные грамоты см., например: АСЭИ, т. III, № 106, 110, 241.

[38] АСЭИ, т. II, № 481 и с. 624; ЦГАДА, ф. 1203, д. 1, л. 708 об.— 720; ГКЭ, Суздаль, 14/11793; АИ, т. I, № 126; *Горский А. Д.* Борьба крестьян на землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974, с. 170.

[39] *Юшков,* № 81—85.

[40] АФЗХ, ч. II, № 33; ДДГ, № 88.

[41] АРГ 1505—1526 гг., № 61, 183.

[42] *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России... АДД, с. 8; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 58.

[43] ПСРЛ, т. VIII, с. 215—216, 218; т. XII, с. 218, 220.

[44] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 321—322; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 152.

[45] АСЭИ, т. I, № 508, 520; АРГ 1505—1526 гг., № 204.

[46] ГБЛ, АТСЛ, кн. 637, л. 291. О датировке этого отрывка из писцовых книг см.: *Ивина Л. И.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — ЗОР, вып. 27. М., 1965, с. 150—153.

[47] АЮБ, т. I, № 63—XIX; ЦГАДА, ГКЭ, Владимир, 72/1849.

[48] *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения к Москве, т. I. Киев, 1915, Приложение III, с. 300—345; соображения З. А. Тимошенковой см.: АИСЗР, т. I, с. 329.

[49] АСЭИ, т. III, № 305.

[50] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 582, № 279; *Садиков,* № 78; ААЭ, т. I, № 313.

[51] *Юшков,* № 112; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 732; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 1, д. 1914, л. 51 об.; ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров, 136/3848.

[52] ЦГАДА, ГКЭ, Старица, 21/11661, 32/11672.

[53] ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 349/1453, л. 36; *Лихачев Н. П.* Родопроисхождение дворян Головкиных. — Известия Русского генеалогического общества, вып. 2. СПб., 1903.

[54] ЦГАДА, ГКЭ, Балахна, 1/368, 2/369; Нижний Новгород, 9/7950; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, л. 1209—1210 об.

[55] ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 197 об. — 199.

[56] *Юшков,* № 188.

[57] ЦГАДА, ГКЭ, Нижний Новгород, 243/8184, л. 20—21 об.

[58] ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 128/5095; Гос. архив Костромской обл., ф. 558, оп. 2, д. 142, л. 24—24 об.

[59] ЦГАДА, ГКЭ, Муром, 12/7744, 23/7755 (л. 1), 29/7761, 54/7786.

[60] ЦГАДА, ГКЭ, Коломна, 14/6324; о судьбе Лошинских см.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 284; АИСЗР, т. I, с. 228; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 109—110.

[61] АГР, т. I, № 51.

[62] ЦГАДА, ГКЭ, Муром, 26/7758, 45/7777, 51/7783, 54/7786; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 33.

[63] АРГ 1505—1526 гг., № 62.

[64] ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 29/11808.

[65] ЦГАДА, ГКЭ, Муром, 29/7761.

[66] ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 131/5098; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, рознь, № 80.

[67] ГБЛ, АТСЛ, кн. 533, Дмитров, № 55.

[68] *Лихачев.* Сборник, вып. 2, № XII; об Арбузовых (Арзубьевых) см.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 322.

[69] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254, № 261; АИСЗР, т. I, с. 284, 290—291, 295 (авторы раздела А. И. Копанев и Ю. С. Васильев ошибочно пишут, что Шенкурские записаны в Дворовой тетради по Костроме); *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 58—117.

[70] *Vasmer M.* Op. cit., Bd I. Berlin — Wiesbaden, 1969, S. 697—698; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 98—110; *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 157—176, 182—199.

[71] АФЗХ, ч. II, № 187, 211, 214—216; *Vasmer M.* Op. cit., Bd III. Berlin — Wiesbaden, 1970, S. 391.

[72] АИСЗР, т. I, с. 329, 338; *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство России... АДД, с. 150. О выводах новгородцев см. также: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М. — Л., 1951, с. 314—331.

[73] АСЭИ, т. II, № 400; т. III, № 187; АФЗХ, ч. I, № 52.

[74] АФЗХ, ч. II, № 33; ДДГ, № 94—98.

[75] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 4—140; *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI в. — ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. I, с. 11; ГБЛ, АТСЛ, кн. 637, л. 283—298; *Ивина Л. И.* Указ. соч., с. 150—153; Торопецкая книга 1540 г.

[76] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 288—289; АИСЗР, т. I, с. 333—337; *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России... АДД, с. 18.

[77] ДДГ, № 94—96; АСЭИ, т. I, № 187, 204, 274, 275, 343; т. II, № 400; т. III, № 187; ГБЛ, АТСЛ, кн. 538, л. 46—75 об.; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 371—372.

[78] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси, с. 140; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 224—225; ДДГ, № 95—96; АСЭИ, т. I, № 379—381; т. III, № 66; АФЗХ, ч. I, № 103; ч. II, № 222; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 9.

[79] Все сохранившиеся сведения о поместьях в Псковской земле тщательно проанализировала Н. Н. Масленникова: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 115—126; *ее же.* О земельной политике правительства Василия III в Пскове. — Россия на путях централизации. М., 1982, с. 58—65; АИСЗР, т. III, с. 94—100. См. также: *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, с. 14—15.

[80] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского вели-

ких княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. — История СССР, 1973, № 3, с. 124—142; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (На примере Тверской земли). — Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 281—290.

[81] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 40, 48, 50, 55, 59, 61, 65, 68, 73, 75, 76, 80, 93, 94, 100, 108, 111, 133; *Лаппо И. И.* Указ. соч., с. 12; *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления в России, с. 193—198.

[82] Использованы подсчеты И. И. Лаппо (Указ. соч., с. 103—104), но выверены и уточнены.

[83] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 141—290. И. И. Лаппо датирует описание 1548 г. (Указ. соч., с. 11—13), но в тексте упоминается поместная грамота от апреля 1549 г. (с. 230—231).

[84] *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России... АДД, с. 14.

[85] АИСЗР, т. I, с. 333—337; *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в России... АДД, с. 14—18.

[86] Развернутую аргументацию см.: *Кобрин В. Б.* Становление поместной системы. — ИЗ, 1980, т. 105, с. 168—171.

[87] *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления в России, с. 199.

[88] ПРП, вып. IV, с. 577; ПСРЛ, т. 29, с. 246, 342; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. — М., 1981, с. 27—28, 76—77; ср.: *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления, с. 193.

[89] *Ивина Л. И.* Указ. соч., с. 151—153.

[90] ПСРЛ, т. 28, с. 158; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 354.

[91] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 567—831; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619; *Павлов-Сильванский В. Б.* Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 92—102.

[92] АГР, т. I, № 84; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 51, 52; ЦГАДА, ГКЭ, Старица, 21/11661; Суздаль, 50/11829; ф. 197 (портфели Малиновского), портф. 3, № 87; ф. 1209, кн. 254, № 114; кн. 582, № 326; кн. 379, л. 660 (указано А. П. Павловым).

[93] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 572, 589, 746, 750, 827, 828; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 105 об. — 110 об., 328—335, 583—584 об., 666—667, 770—774, 827—827 об., 830—834 об.

[94] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 394—403 об., 826 об.; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 825—827; *Vasmer M.* Op. cit., Bd II. Berlin — Wiesbaden, 1969, S. 393.

[95] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 835; АФЗХ (АМСМ), № 93; ЦГАДА, ГКЭ, Муром, 40/7772; ГБЛ, АТСЛ, кн. 521, л. 179 об. — 181 об.; кн. 533, Дмитров, № 65.

[96] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 703, 721, 750, 759—772, 783, 784, 788; *Смолицкая Г. П.* Указ. соч., с. 44; *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи, вып. 1. М., 1910, № 15; ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров, 102/3814; Переславль, 120/8844, 186/8910; ф. 1203, д. 1, л. 461—461 об.

[97] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, с. 352—353; *Павлов-Сильванский В. Б.* Указ. соч., с. 93, 96; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975, с. 100.

[98] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 52—53, 212—213. Вязьмич Ушак Леонтьев сын Баскаков владел также в 1533/34 г. вотчиной в смежном с Переславским уездом Корзеневе стане Московского уезда (ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, рознь, № 38, 53).

[99] Отец и дядя вязьмича Василия Юрьева сына Безобразова упоминались как вотчинники в Дмитровском уезде; вязьмич Федор Матвеев сын Безобразов в 1546/47 г. продал вотчину в Рузском уезде (АФЗХ, ч. II, № 196; ГБЛ, АТСЛ, № 319).

[100] Старый род звенигородских вотчинников, связанный, вероятно, по службе князю Юрию Ивановичу Дмитровскому и с Рузским уездом (АСЭИ, т. III, № 67а; АРГ 1505—1526 гг., № 298, 299; АФЗХ, ч. II, № 177, 351; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 10, 20; ЦГАДА, ГКЭ, Звенигород, 4/4678; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 705—708, 712).

[101] В Коломенском уезде упоминаются: в 1518/19 г. Иван и Григорий Васильчиковы — вотчинники, в 1539/40 г. Семен Гаврилов сын Васильчиков — сын боярский на разъезде (АРГ 1505—1526 гг., № 169; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Коломна, № 26).

[102] Отец вязьмичей Ивана и Матвея Сумороковых детей упоминался около 1506—1511 гг. в Новоторжском уезде, а записанные в Дворовой тетради его сыновья владели там до 1550/51г. вотчиной; один из рода, имени которого в документе «за ветхостью не значит», в 1515/16 г. был рузским вотчинником; упоминаются в 1570-х годах в Дмитровском и Бежецком уездах (АРГ 1505—1526 гг., № 13; ГБЛ, АТСЛ, № 382; ф. 204, к. 35, ед. хр. 6, № 53; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 209/1313; Дмитров, 120/3832).

[103] Вязьмич Иван Федоров сын Дедевшин в 1543/44 г. — послух в Тверском уезде, в 1560/61 г. — вотчинник и в 1564/65 г. — послух в Коломенском уезде; Гаврило Сафонов сын Дедевшин в 1546 г. — вологодский владычный боярин (*Лихачев.* Сборник, вып. 1, № IV; ГБЛ, ф. 204, к. 35, ед. хр. 6, № 66; ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 625 об. — 626 об.; ЦГАДА, ГКЭ, Вологда, 16/2587).

[104] Однородцы упоминаются в актах Юрьев-Польского и Волоцкого уездов как послухи (АРГ 1505—1526 гг., № 217; АФЗХ, ч. II, № 104). Фамилия, возможно, звенигородского происхождения по тамошней реке Грядце (*Смолицкая Г. П.* Указ. соч., с. 104). Данило (отец вязьмича Никиты) и Григорий Дмитриевы дети Загрязские в 1526/27 г. — послухи в меновной на земли Московского и Дмитровского уездов; вязьмич Игнатий Тимофеевич Загрязский в 1574 г. купил из казны вотчину в Московском уезде (РИБ, т. 32, № 118; *Юшков*, № 201).

[105] Возможно, их было четверо: в разных местах указаны Иван Тимофеев сын и Иванец Тимофеев сын. Это описка или речь идет о младшем брате? Неясно. Происхождение устанавливается по фамилии, берущей начало от реки Чельсмы в Галичском уезде (*Веселовский С. Б.* Ономастикон, с. 121).

[106] Их однородцы записаны в Дворовой тетради по Угличу и в Тысячной книге по Новгороду. Яков Козодавль (дед вязьмичей?) и его дети в 1499 г. променяли великому князю московскую вотчину на дмитровскую; однородцы в 1554/55 и 1564/65 гг. — вотчинники Переславского уезда; в Рузском уезде около 1505—1517 гг. упоминалось селище Михайловское Козодавля (АСЭИ, т. I, № 624; ГБЛ, АТСЛ, кн. 523, л. 99—100 об., 117 об. — 119 об.; ГПБ, собр. М. П. Погодина, 1910, № 9, 10).

[107] В списках, легших в основу печатного издания, назван лишь один; Юшко (Юрий) Степанов сын Пильемов добавлен по списку: ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 79 об.

[108] Его брат — Григорий Жолобов сын в Тысячной книге записан по Туле, в Дворовой тетради — по Туле и Ржеву; однородцы — в Дворовой тетради по Кашину, Рузе, Волоку и Калуге. Михайло Васильев сын Пушечников в 1542/43 и 1555—1558 гг. упоминался

как кашинский вотчинник (ЦГАДА, ГКЭ, Кашин, 35/6730; ф. 1209, кн. 20, л. 181—183 об.).

[109] Потомки упоминавшегося в 1470-х годах Ивана Кондратьевича Судиманта в первой половине XVI в. известны как феодалы Московского и Суздальского уездов (АСЭИ, т. III, № 19; АРГ 1505—1526 гг., № 17, 271; АИ, т. I, № 126; ЦГАДА, ф. 1203, д. 1, л. 708 об. — 720).

[110] Иван Васильев сын Тургенев (его отец?) упоминался в 1516—1546/47 гг. как вотчинник в Московском уезде (АФЗХ, ч. I, № 10; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Москва, № 126).

[111] Вязьмич Семен Васильев сын Узкого в 1527/28 г. — послух в Ростовском уезде (вместе с вязьмичем же Тихоном Петровым сыном Хириным), в 1554 г. вместе с братом Михайлом Васильевым сыном (в Дворовой тетради записан по Белоозеру) — на разъезде в Пошехонском уезде (ГБЛ, АТСЛ, № 272, 273, 275; ЦГАДА, ГКЭ, Пошехонье, 5/3683).

[112] Их родоначальник Тихон Петров сын Хирин упоминался в 1518/19 г. как вотчинник в Коломенском уезде и в 1527/28 г. как послух в Ростовском (АРГ 1505—1526 гг., № 169; ГБЛ, АТСЛ, № 275).

[113] Возможно, происходят от Василия Чубара Федорова сына Безобразова, бывшего в конце XV в. тиуном кн. Ивана Юрьевича Патрикеева (АСЭИ, т. I, № 549; т. II, № 400, 402, 410), и тогда — однородцы Безобразовых. Вязьмичи Степан Тимофеев сын Чубаров упоминался как послух, а Степан Федоров сын — писец в акте 1530/31 г. в Рузском уезде; Семен Иванов сын Чубаров был кашинским вотчинником (АФЗХ, ч. II, № 117; РИБ, т. 32, № 140; Гос. архив Калининской обл., ф. 186, оп. 1, д. 4).

[114] В списке, положенном в основу печатного издания, после его имени отдельной строкой читается: «Данилова Грядцкой»; в неопубликованном списке (ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 81 об.) эти слова стоят в той же строке, что и В. Я. Волынский, и выглядят как продолжение его имени. Но у Якова Щепы Волынского не было среди предков Данила. Вероятно, место испорченное. Данило Грядцкой в список не включен.

[115] Известная дьяческая семья (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 345—346; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1971, т. 87, № 117, 118).

[116] Фамилия может указывать на северное происхождение (река Молога), но точных данных нет.

[117] Возможно, потомок Ивашки Ознобиши, владевшего около 1462—1470 гг. вотчиной в Солигаличском уезде (АСЭИ, т. I, № 329), но точное происхождение не установлено.

[118] Из-за существования нескольких родов происхождение не установлено. Если потомки Тарбея Скрыпицына (*Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 130), то переславцы. Может идти речь и об известных с XIV в. вотчинниках на границе Московского и Переславского уездов, потомках выходца из Орды (*Чернов С. З.* Вотчина Ворониных (По актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным). — Вестник МГУ, серия 8: история, 1982, № 6, с. 93—94).

[119] Так как в Дворовой тетради обычно родовое прозвание стоит на втором месте, а на первом — отчество или дедичество от некалендарного имени, то, вероятно, из рода звенигородских вотчинников Бельских (АСЭИ, т. III, № 67а; ДДГ, № 95, с. 385), испомещенных

в Бельском и Вяземском уездах; из этого же рода вышли известные Малюта Скуратов и Богдан Бельский.

[120] Возможно, потомки дьяка Губы Моклокова (см. сноску 115), тогда и упомянутые выше Моклоковы — из того же рода. Но некалендарное имя Губа было слишком распространено, чтобы можно было сделать окончательный вывод.

[121] В списке, положенном в основу издания, часть названа Салулиными; исправлено по: ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 80 об.

[122] Судя по фамилии, выходцы с мусульманского Востока; других данных нет.

[123] В списке, положенном в основу издания, часть названа Аршавиными; исправлено по: ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 81.

[124] Их родители Константин и Гаврило Федоровы дети Сюльменевы упоминаются в 1535 г. в духовной медынской вотчинницы Марии Никифоровой дочери, жены Дмитрия Мирославича, в качестве должников (*Лихачев.* Сборник, вып. 1, № III). Испомещение коренных вязьмичей в Медыни заставляет подозревать в Сюльменевых вяземский род.

[125] *Рыков Ю. Д.* Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмою в первой трети XVI в. — ЗОР, вып. 38. М., 1977, с. 143; *Юшков*, № 129.

[126] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982, с. 195; Торопецкая книга 1540 г. Этот источник, как и большинство писцовых книг XVI в., дошел до нас в виде так называемых справочных книг: так именовали тексты старых писцовых книг, выдававшихся в копиях писцам при подготовке нового описания. В «справочные книги» могли вноситься добавления.

[127] *Побойнин И. И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. — ЧОИДР, 1899, кн. 3, с. 137—138; 1897, кн. I, с. 60—61; *Smith R. E. F.* Peasant Farming in Muscovy. Cambridge University Press, 1977, p. 169; *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1979, т. 103, с. 220—221.

[128] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 382; *его же.* Дьяческий аппарат второй половины XV — первой трети XVI в., № 154; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 445.

[129] АФЗХ, ч. II, № 60, 94, 67. В актах Иосифо-Волоколамского монастыря часто упоминается как послух Григорий Яковлев сын Чеглоков-Борисов (см. по указателю), но его связь с Чеглоковыми из рода Морозовых (Филимоновых) сомнительна.

[130] НРК, с. 120.

[131] АСЭИ, т. I, № 86, 251, 344, 394, 511; ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 102/5069; ГБЛ, АТСЛ, № 292, 314, 342; кн. 530, Москва, № 203; кн. 533, Ростов, № 32.

[132] АСЭИ, т. III, № 239 и пояснительное примечание.

[133] *Веселовский С. Б.* Из истории древнерусского землевладения. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 81.

[134] АСЭИ, т. I, № 47, 117, 197, 219.

[135] ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 57/5024, 102/5069.

[136] АРГ 1505—1526 гг., № 8; ЦГАДА, ГКЭ, Переславль, 61/8785, 148/8872, 164/8888, 166/8890; ГБЛ, АТСЛ, № 313.

[137] ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 36/5003, 41/5008, 52/5019, 57/5024, 84/5051, 88/5055, 90/5057, 100/5067, 102/5069; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, Приложение, № 15, с. 440—441.

[138] ЦГАДА, ГКЭ, Суздаль, 24/11803.

[139] АФЗХ, ч. II; см. по указателю.

[140] НПК, т. I, с. 777; т. II, с. 401—405; т. IV, с. 459; Родословная книга по трем спискам. — Временник МОИДР, т. X. М., 1851, с. 159. На данные о С. Кокореве любезно указала Г. А. Победимова.

[141] АЮБ, т. I, № 52-VII.

[142] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 153, 163, 165—202 и др.; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Указ. соч., с. 48—49.

[143] АИСЗР, т. I, с. 329, 335.

[144] Судебники, с. 170.

[145] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908; проверено также по факсимильному изданию: *Herberstein.* Rerum Moscovitarum. Francfurt am Main, 1964; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Пер. и вступит. ст. И. И. Полосина. Л., 1925, с. 78, 80, 98—99, 112—113, 120—121, 123, 134—139; см. также: *Staden H. von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Herausgegeben von F. Epstein. — Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandkunde, Bd 34. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften, Bd 5. Hamburg, 1930, S. 56, 81, 104, 108, 176, 182, 187, 191; *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906, с. 32. См. также: Of the Russe Commonwealth by Giles Fletcher. 1591. Facsimile edition with variants. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1966, p. 26—27.

ГЛАВА IV (с. 136—160)

[1] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919, с. 327.

[2] ПСРЛ, т. 29, с. 321—322, 325.

[3] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, с. 113—117; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969, с. 190—215.

[4] *Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — ЗОР, вып. 25. М., 1962, с. 322; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 115, 127—131.

[5] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 63—64 и сл.

[6] РК 1475—1598 гг., с. 71, 82, 91, 108, 132, 139, 159, 165, 166, 169, 183, 188, 202, 207, 215.

[7] Полный список таких уделов см.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 116—125.

[8] Там же, с. 125—127; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 215.

[9] *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины. — ИА, 1958, № 3, с. 153; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии», вып. 2. М., 1900, с. 127—136; РИБ, т. 31, стлб. 295.

[10] ТКДТ, с. 147. В другом списке (ГИМ ОР, Муз. 3417, л. 61 об.) помета отнесена к имени его однородца «Федьки княж Иванова сына Дябринского»; это, естественно, не меняет дела.

[11] *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины, с. 158—160.

[12] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М. — Л., 1951, с. 51; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 665, 705 и др.

[13] ПСРЛ, т. 29, с. 344.

[14] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 105—121, особенно с. 111.

[15] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. с. 29—37.

[16] *Кобрин В. Б.* Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVI в. — Преподавание истории в школе, 1960, № 5, с. 38—39.

[17] *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. — ИА, т. III. М. — Л., 1940, с. 113—303; *Бибиков Г. Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. — Труды ГИМ, вып. XIV. М., 1941, с. 12—13.

[18] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины, с. 30—31, 178—179; *его же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М. — Л., 1947, с. 95.

[19] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 314; *Каштанов С. М.* К изучению опричнины Ивана Грозного. — История СССР, 1963, № 2, с. 108.

[20] *Садиков,* № 67; *Кобрин В. Б.* Несколько документов по истории феодального землевладения XVI в. в Юрьев-Польском уезде. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 467; *его же.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960, № 259—261; Старина и Новизна, т. XVII. М., 1914, с. 13.

[21] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 262, 276.

[22] Там же, с. 275, 263—264.

[23] Там же, с. 174; *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. — ИА, 1959, № 4, док. № 2; сам Р. Г. Скрынников приводит еще меньшую цифру: «около 12 тысяч дворян» (Опричный террор, с. 168).

[24] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 168; *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 94—95.

[25] РК 1475—1598 гг., с. 211—214; РК 1475—1605 гг., т. II, ч. I, с. 138—146.

[26] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 168, сн. 4; *Кобрин В. Б.* Источники для изучения численности и истории формирования Опричного двора. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 123—124. Р. Г. Скрынников почему-то прошел здесь мимо этой работы (в других местах книги он ее цитирует), хотя почерпнул из нее упоминание о неучастии в походе 1572 г. опричников, находившихся в Новгороде с Иваном IV.

[27] *Середонин С. М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891, с. 13; *Снегирев В. Л.* Военное дело и «осадное сидение» в Московской Руси. — Исторический журнал, 1942, № 6, с. 95—96; *Чернов А. В.* Указ. соч., с. 81, 94—95.

[28] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Пер. М. Г. Рогинского. — Русский исторический журнал (Пг.), 1922, кн. 8, с. 35; *Фомин Н. К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда. — Россия на путях централизации. М., 1982, с. 92—94.

[29] *Корецкий В. И.* Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. — Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону, 1980, с. 37—54.

[30] ПСРЛ, т. 34, с. 190.

[31] ТКДТ, с. 60, 68.

[32] *Платонов С. Ф.* Указ. соч., с. 115; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898, с. 69—71.

[33] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, с. 63; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975, с. 225.

[34] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 341.

[35] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 15—16, 66; *его же.* Опричный террор, с. 226.

[36] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 273, 413—417.

[37] Там же, с. 274; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор, с. 24—25. О кн. И. А. Шуйском см.: СГГД, ч. I, № 390; *Зимин А. А.* Состав Боярской думы XV—XVI вв., с. 73.

[38] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 273.

[39] См. с. 66 настоящей книги.

[40] РК 1485—1605 гг., т. II, ч. I, с. 171—207.

[41] *Скрынников Р. Г.* Опричная земельная реформа Ивана Грозного 1565 г. — ИЗ, 1961, т. 70, с. 242.

[42] Там же, с. 241. О владениях Оболенских см. в главе второй.

[43] Там же, с. 233—250; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 307.

[44] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 295.

[45] РК 1475—1598 гг., с. 241; *Лихачев.* Сборник, вып. 1, № XV; ЦГАДА, ГКЭ, Кострома, 109/5076, 112/5079; ГБЛ, АТСЛ, кн. 639, л. 37—38 об.

[46] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 582, № 382, 383, 385—389, 461, 462, 467, 468; кн. 7785, № 1; РК 1485—1598 гг., с. 214—222; РК 1475—1605 гг., т. II, ч. I, с. 167—207.

[47] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 285.

[48] ПСРЛ, т. 29, с. 345.

[49] РК 1475—1605 гг., т. II, ч. I, с. 196.

[50] *Скрынников Р. Г.* Опричная земельная реформа..., с. 249.

[51] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 341.

[52] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 321, 327.

[53] Там же, с. 307; *Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 41.

[54] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись Русского войска 1604 г. Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979, ч. I, с. 119—125, 273—275.

[55] Там же, ч. 2, с. 4—93; *Павлов А. П.* Правящие слои московского общества при Борисе Годунове (1598—1605 гг.): (Опыт социально-политической характеристики). АКД. Л., 1979, с. 7.

[56] *Новосельский А. А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. — ИА (М. — Л.), 1949, т. IV, с. 122—149. О Борятинских см. в главе второй.

[57] *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 75.

[58] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 198; *Фомин Н. К.* Указ. соч., с. 94.

[59] *Дегтярев А. Я.* О мобилизации поместных земель в XVI в. — Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 85—91; *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — ИЗ, 1940, т. 10, с. 95—116; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 186—198.

[60] *Сметанина С. И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. АКД. М., 1982.

[61] *Сметанина С. И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины. — История СССР, 1978, № 3, с. 155—164.

ГЛАВА V (с. 161—198)

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1952, с. 226—252; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974.

[2] АСЭИ, т. III, № 31, 32; *Горский А. Д.* Указ. соч., с. 37; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., ч. 2, с. 232.

[3] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., ч. 2, с. 232—235; *Горский А. Д.* Указ. соч., с. 200, 37—40. См. также: АСЭИ, т. I, № 214; т. II, № 167, 358, 450; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, ч. V. М., 1970, № 16.

[4] АСЭИ, т. I, № 520.

[5] ГВНП, № 92, 340. О наместничестве кн. Я. В. Оболенского см.: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 70—77.

[6] АСЭИ, т. III, № 319, 364.

[7] Подробный анализ судебных актов см.: *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции: их форма и значение в истории права. М., 1883, с. 25—54; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., ч. 2, с. 226—252.

[8] АСЭИ, т. I, № 257, 330, 373, 420—422, 431, 571, 628; т. II, № 305, 368, 467а; т. III, № 193; АРГ 1505—1526 гг., № 112, 113, 160, 170, 171, 197, 233, 255, 276—279; АИ, т. I, № 126; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 9; ЦГАДА, ГКЭ, Звенигород, 4/4678; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 177 об. — 178; кн. 530, Москва, № 193, 194 и л. 803—805; кн. 532, Бежецкий верх, № 133; ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 806—812 об.

[9] АСЭИ, т. III, № 99.

[10] См., например: АСЭИ, т. I, № 98, 101, 103, 107, 112, 115, 117, 128 и сл.

[11] АСЭИ, т. I, № 76, 176, 236, 237; т. II, № 44, 95, 345; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 10.

[12] АСЭИ, т. I, № 76; т. II, № 44, 95, 345.

[13] АСЭИ, т. I, № 237.

[14] АСЭИ, т. II, № 90, 167; т. III, № 31, 32; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 6, 16.

[15] АСЭИ, т. I, № 214; т. II, № 358; т. III, № 35.

[16] *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 9; АСЭИ, т. I, № 326.

[17] О Ф. В. Басенке см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 438—440.

[18] АСЭИ, т. I, № 224, 457.

[19] АСЭИ, т. II, № 450; о наместничестве Федора Васильевича см.: АСЭИ, т. I, № 203, 240; т. III, № 101, 493; о Владимирском Рождественском монастыре см.: *Амвросий,* архим. История Российской иерархии, ч. II. М., 1810, с. 529—530; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим описанием, ч. II. СПб., 1892, № 1120.

[20] АСЭИ, т. III, № 55.

[21] АСЭИ, т. I, № 430—432, 628; т. II, № 400; т. III, № 50.

[22] АСЭИ, т. II, № 275, 381, 464.

[23] АСЭИ, т. I, № 521, 522; т. II, № 387, 416; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 27.

[24] АСЭИ, т. II, № 336, 337, 421. Возможно, В. И. Голенин был тогда белозерским наместником (*Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1974, т. 94, с. 272).

[25] АСЭИ, т. II, № 285—289, 332—335; о наместничестве Д. А. Пенка см.: *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 272.

[26] АСЭИ, т. I, № 581, 615, 639, 640; т. II, № 306, 307, 309, 310, 338, 401, 406, 407, 414; т. III, № 45, 105, 221, 223, 224, 478; АФЗХ, ч. I, № 114, 258; АРГ 1505—1526 гг., № 194; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 84.

[27] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности, т. I. СПб., 1890, с. 360—369; *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 118—124; *Юшков С. В.* История государства и права СССР, ч. I. М., 1947, с. 179.

[28] АСЭИ, т. III, № 102. По грамоте, Судимонт получал в кормление Владимир «под» (вслед за) кн. Данилом Дмитриевичем Холмским. Согласно другой грамоте (АСЭИ, т. III, № 248), был он на кормлении в Костроме вместе с Яковом Захарьичем (Кошкиным), но, поскольку им «обема на Костроме сытым быти не с чего», да к тому же повздорили их жены, за Судимонтом была оставлена вся Кострома, а Кошкин получил в кормление Владимир (о подлюжности этой грамоты см.: *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 111).

Оба акта напечатаны в АСЭИ по публикации (из АИ), хотя их списки хранятся в ЦГАДА в составе рукописного сборника, созданного не в XVII в., как сообщается в АСЭИ вслед за архивным обзором (*Шумилов В. Н.* Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 44—45), а в конце XVIII в. (*Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962, с. 49; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 67), что снижает доверие к тексту. В Боярскую думу Судимонт никогда не входил, а, судя по другим упоминаниям (суздальский помещик во второй половине XV в. и послух в поручной записи Ивана Никитича Воронцова по кн. Д. Д. Холмском около 1474 г. — см.: АСЭИ, т. II, № 481; т. III, № 19), был служилым человеком невысокого ранга. Отсюда сомнительно, чтобы он мог быть назначен наместником в столь крупные уезды, да еще со столь знатными людьми.

[29] ДДГ, № 27. О датировке см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ, т. VI. М., 1958, с. 295—296. Последующие докончания с той же формулой см.: ДДГ, № 34, 35, 38, 43—45, 48, 55, 56, 58, 64, 65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 78—80, 84.

[30] ДДГ, № 14, 18, 24, 30, 32, 36.

[31] ДДГ, № 31, 41, 42.

[32] ДДГ, № 11.

[33] АСЭИ, т. II, № 368; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 9.

[34] АСЭИ, т. III, № 288.

[35] *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 9; АСЭИ, т. I, № 326.

[36] АСЭИ, т. III, № 35, 36.

[37] АСЭИ, т. II, № 358.

[38] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1979, т. 103, с. 200—201.

[39] Безобразов был, вероятно, тиуном И. Ю. Патрикеева: он называет Патрикеева при докладах своим «господином»; кроме того, он присутствовал у Патрикеева на суде и докладах (АСЭИ, т. I, № 549; т. II, № 400, 402, 410); других же упоминаний о нем, не связанных с Патрикеевым, нет.

[40] АСЭИ, т. I, № 549, 607, 607а; т. II, № 400, 402, 405, 409—412, 496.

[41] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 200.

[42] АСЭИ, т. I, № 557 и с. 630.

[43] АСЭИ, т. II, № 370 и с. 561.

[44] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы..., с. 209—210; АСЭИ, т. III, № 193.

[45] АСЭИ, т. II, № 465.

[46] Там же, № 358; т. III, № 35.

[47] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 426—427, 431.

[48] АСЭИ, т. I, № 326, 510, 523.

[49] Там же, № 485.

[50] Там же, № 540; т. II, № 493; т. III, № 250, 251, 276.

[51] АСЭИ, т. I, № 554; т. II, № 422, 428; АФЗХ, ч. I, № 157.

[52] АСЭИ, т. I, № 642; АФЗХ, ч. I, № 140; *Каштанов С. М.* Указ. соч., ч. V, № 40.

[53] АСЭИ, т. III, № 48.

[54] Судебники, с. 25, 162.

[55] Там же, с. 19, 141.

[56] АСЭИ, т. I, № 107 (о датировке акта см. настоящую книгу, с. 62), 340; т. II, № 458; АФЗХ, ч. I, № 103.

[57] АСЭИ, т. II, № 290, с. 242.

[58] Судебники, с. 171; ГБЛ, ф. 28; Коллекция актов И. Д. Беляева, № 107.

[59] АГР, т. I, № 58—62.

[60] АФЗХ, ч. I, № 117; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, л. 803—805.

[61] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, см. по указателю; АФЗХ, ч. II, № 277; АЮБ, т. I, № 52 — IV; ЦГАДА, ГКЭ, Переславль, 103/8827, 197/8921; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, д. 1517, л. 156 об. — 159 об., 164 об. — 165; см. также поместье в смежной с Переславлем части Московского уезда: ГБЛ, АТСЛ, кн. 637, л. 285.

[62] АСЭИ, т. I, № 604, 607, 607а, 608—610; т. II, № 418, 419.

[63] АРГ 1505—1526 гг., № 255, 276 (знаменательно, что в грамоте о назначении судьей прямо сказано: «...яз троецкому прикащику... дал на них (крестьян И. Чулкова. — *В. К.*) судиею тебя»), 277, 278; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 177 об. — 178 об.; кн. 530, Москва, № 193, 194.

[64] ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 249, 250; ГБЛ, АТСЛ, № 298; кн. 518, л. 536 об. — 538 об.; кн. 520, л. 127 об. — 129 об.; кн. 530, Москва, № 195; кн. 637, л. 288—290.

[65] ААЭ, т. I, № 180; ЦГАДА, ГКЭ, Владимир, 22/1799, 72/1849; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 342—343 об., 336—337 об.; кн. 520, л. 78—80 об., 159—160, 199—200, 223 об. — 224 об.; кн. 530, Москва, № 33, 127; Переславль, № 62; Радонеж, № 27.

[66] АРГ 1505—1526 гг., № 274; АГР, т. I, № 37, 44, 47; ГБЛ, АТСЛ, кн. 518, л. 164—165 об.; 339 об. — 340 об., 342—343 об.

[67] АРГ 1505—1526 гг., № 266, 267, 287; ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 77, 78, 250; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 91/1195; ГБЛ, АТСЛ, кн. 520, л. 191 об. — 193, 216 об. — 218, 222 об. — 223 об.; кн. 530, Москва,

№ 43, 44, 85, 86, 102, 103, 140, 194, 195; кн. 637, л. 287—290, 389—389 об.

[68] АРГ 1505—1526 гг., № 180, 192, 201, 218; *Садиков,* № 55, 56, 70; *Шумаков С. А.* Тверские акты, вып. 1. Тверь, 1896, № 22, 32, 36—39, 43; *Лихачев Н. П.* Родопроисхождение дворян Головкиных. СПб., 1903, с. 146—148; ЦГАДА, ГКЭ, Боровск, 9/607; Бежецк, 172/1276, 173/1277, 176/1280, 182/1286, 187/1291, 191/1295, 201/1305, 206/1310, 213/1317, 215/1319, 217/1321, 221/1325, 267/1371; Владимир, 57/1834, 60/1837, 93/1870; Дмитров, 101/3813, 117/3829, 120/3832, 124/3836, 127/3839, 131/3843, 133/3845, 149/3861, 150/3862, 153/3865, 166/3878; Кашин, 31/6726; Кострома, 114—116/5081—5083, 127/5094, 130/5097, 136/5103; Клин, 16/6326; Муром, 11/7743, 30/7762, 31/7763, 41—43/7773—7775, 56/7788, 57/7789; Переславль, 82/8806, 171/8995, 241/8965, 247/8971, 253/8977, 255/8979, 272/8996, 275—278/8999—9002, 288/9012; Ростов, 13/10550; Старица, 27/11667; Суздаль, 58/11837; ГБЛ, АТСЛ, № 283; кн. 518, л. 28/30—28/30 об., 179—179 об.; кн. 520, л. 62—63, 148—150, 152 об. — 155, 201—202, 218—219, 222 об. — 223 об.; кн. 522, л. 120/124 об. — 122/126; кн. 523, л. 66—67, 99 об. — 100 об., 102 об. — 104, 117 об. — 119 об.; кн. 530, Москва, № 33, 55, 70, 83, 118; Оболенск, № 1; Муром, № 43; Серпухов, № 1; Стародуб, № 12; кн. 533, Дмитров, № 48; Кашин, № 4, 12, 13, 39; Тверь, № 19, 23, 70; ф. 28, № 49.

[69] АРГ 1505—1526 гг., № 194.

[70] АСЭИ, т. I, № 647.

[71] *Садиков,* № 39, 55, 62; *Шумаков С. А.* Тверские акты, вып. 1, № 39; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 187/1291; Владимир, 55/1832, 93/1870; Дмитров, 126/3838, 137/3849; Муром, 28/7760, 35/7767, 42/7774; Переславль, 171/8895, 247/8971, 263/8987, 272/8996, 277/9001; Ростов, 28/10565; Суздаль, 58/11837, 59/11838, 67/11846; Ярославль, 25/14773; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Москва, № 63; Муром, № 43; Оболенск, № 1; Стародуб, № 12; Юрьев-Польский, № 7; кн. 533, Тверь, № 7, 13, 23, 70; кн. 520, л. 144 об. — 147 об., 216 об. — 218; кн. 522, л. 120/124 об. — 122/126, 142/146 об. — 144/148 об.

[72] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М. — Л., 1957, с. 157—166; *его же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 527—537.

[73] АГР, т. I, № 24, 25, 51, 52, 56, 64, 65, 67, 75; АРГ 1505—1526 гг., № 57, 61; АФЗХ (АМСМ), № 72; ПРП РК, № 16, 26, 65, 66; ЦГАДА, ГКЭ, Белоозеро, 78/779; Бежецк, 133/1237, 134/1238, 143/1247; ф. 1193, кн. 1, № 130; ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 1914, л. 2—4; д. 1917, л. 120—142 об.; ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, Москва, № 140; ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 571.

[74] АГР, т. I, № 66; ПРП РК, № 31; ЦГАДА, ГКЭ, Нижний Новгород, 243/8184, л. 22—43.

[75] ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, д. 1517, л. 88—123 об.

[76] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 364, 414, 415, 462, 463; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 226.

[77] АГР, т. I, № 45.

[78] *Лихачев.* Сборник, вып. 2, № XII; ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, 243/1347, л. 22—43; ф. 1203, оп. 1, д. 1, л. 708 об. — 720.

[79] АСЭИ, т. I, № 522.

[80] АГР, т. I, № 74.

[81] *Корецкий В. И.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. — Вопросы истории, религии и атеизма, т. 6. М., 1958, с. 195—196.

[82] АРГ 1505—1526 гг., № 194.
[83] АГР, т. I, № 84, 49; ЦГАДА, ГКЭ, Клин, 4/5635.
[84] Судебник 1497 г., ст. 4—7, 48, 49, 52, 68; Судебник 1550 г., ст. 9—19 (Судебники, с. 19—20, 26, 29, 143—145).
[85] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 419; см. также рец. автора на указ. соч.: История СССР, 1962, № 5, с. 188; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, с. 84.
[86] АСЭИ, т. III, № 364, 375, 377.
[87] АСЭИ, т. II, № 375; т. III, № 223.
[88] АСЭИ, т. I, № 257; т. II, № 334; АГР, т. I, № 51.
[89] ГПБ, СПб.ДА, А 1/17, л. 777 об. — 787.
[90] РИБ, т. 32, № 81.
[91] Там же, № 91.
[92] *Лихачев Н. П.* Дипломатика. СПб., 1901, с. 14—23.
[93] Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2. М., 1982, с. 43—44.
[94] Судебник 1550 г., ст. 69 (Судебники, с. 163—164).
[95] ПРП, вып. IV, с. 309; *Лихачев.* Сборник, вып. 2, № IX.
[96] АРГ 1505—1526 гг., № 40.
[97] АГР, т. I, № 49; ЦГАДА, ГКЭ, Клин, 4/5635.
[98] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подгот. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 20—21.
[99] Судебники, с. 171—172.
[100] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М. — Л., 1958, с. 357—364; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 351—352.
[101] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. М., 1960, с. 351—352.
[102] АФЗХ, ч. I, № 57, 58; АРГ 1505—1526 гг., № 59; ГПБ, СПб. ДА, А 1/17, л. 967—989 об.
[103] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М. — Л., 1947, с. 29.

ГЛАВА VI (с. 199—218)

[1] Послания Ивана Грозного. Подгот. Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. М. — Л., 1951, с. 193.
[2] ПСРЛ, т. 29, с. 342.
[3] Послания Ивана Грозного, с. 160.
[4] *Садиков П. А.* Царь и опричник. — Сб. Века. Пг., 1924, ч. I, с. 36—78.
[5] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. — М., 1981, с. 30, 78.
[6] Послания Ивана Грозного, с. 537.
[7] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Пер. М. Г. Рогинского. — Русский исторический журнал (Пг.), 1922, кн. 8, с. 36, 39.
[8] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, с. 86.
[9] *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1905, с. 30—31.
[10] *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. — *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973, с. 14.
[11] ТКДТ, с. 196.
[12] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, с. 117—123.
[13] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, с. 15.

[14] См., например: ПСРЛ, т. 26, с. 120, 151, 311; т. 28, с. 76; т. 30, с. 119, и др.

[15] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 12—13.

[16] Приношу благодарность А. Л. Хорошкевич, обратившей мое внимание на эти источники доходов служилых людей.

[17] Судебники, с. 176.

[18] *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 88, 156, 157 и сл.

[19] *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (К постановке вопроса). — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: дооктябрьский период. Труды ЛОИИ, вып. 13. Л., 1972, с. 44—71; *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 66—68, 75.

[20] ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 374, 380, 381, 669—671 и др.

[21] АИСЗР, т. I, с. 330.

[22] ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 100, 102, 163; см. также: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 366—367.

[23] АРГ 1505—1526 гг., № 59; Русский архив, 1896, № 4, с. 571—575; *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 59—60.

[24] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 386—420.

[25] ГПБ, СПб. ДА, А 1/17, л. 777 об. — 787.

[26] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М. — Л., 1958, с. 3, 75—120; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 327—374.

[27] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М. — Л., 1957, с. 305—315.

[28] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 478.

[29] *Штаден Г.* Указ. соч., с. 134.

[30] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 121—122; *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 112—119.

[31] *Кобрин В. Б.* Социальный состав Опричного двора. АКД. М., 1961.

[32] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 13, 53, 63.

[33] Сочинения И. Пересветова. Подгот. А. А. Зимин. М. — Л., 1956, с. 152, 166—168, 170, 176, 178, 179, 182, 183, 281; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 342.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (с. 219—221)

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 325.

[2] *Фомин Н. К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда. — Россия на путях централизации. М., 1982, с. 89—94.

[3] *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). — История СССР, 1957, № 1, с. 161—191; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

[4] *Корецкий В. И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI—XVII вв. — Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. М., 1983, с. 155—161.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Археографическою комиссиею, т. I (1294—1598 гг.). СПб., 1836

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1860

АДД — Автореферат докторской диссертации

АЕ — Археографический ежегодник

АИ — Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею, т. I (1334—1598 гг.). СПб., 1841

АИСЗР — т. I. Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. Рук. авт. колл. А. Л. Шапиро. Л., 1971; т. II. Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974; т. III. Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978

АКД — Автореферат кандидатской диссертации

АРГ 1505—1526 гг. — Акты Русского государства 1505—1526 гг. Сост. С. Б. Веселовский. Доп. и подгот. к печати Р. В. Бахтурина, И. А. Булыгин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, Л. З. Мильготина, В. Д. Назаров, Л. А. Никитина. М., 1975

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Сост. С. Б. Веселовский. Подгот. к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, т. I. М., 1952; т. II. М., 1958; сост. И. А. Голубцов, т. III. М., 1964

АТСЛ — ГБЛ, ф. 304, Архив Троице-Сергиевой лавры

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М., 1951; ч. II. Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1956; ч. III. Сост. Л. В. Черепнин. М., 1961

АФЗХ (АМСМ) — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983

АЮ — Акты Юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. В. Калачова, т. I. СПб., 1857; т. II. СПб., 1864; т. III. СПб., 1884

ВИ — Вопросы истории

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины

Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская. Под ред. С. Н. Валка. М. — Л., 1949

ГИМ, ОПИ — Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников

ГИМ, ОР — Государственный Исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг

ГКЭ — ЦГАДА, ф. 281, Грамоты Коллегии экономии

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею, т. I (X в. — 1611 г.). СПб., 1846

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М. — Л., 1950

ЗОР — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

ИА — Исторический архив

ИЗ — Исторические записки

Лихачев. Сборник — *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1—2. СПб., 1895

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НПК — Новгородские писцовые книги, т. I. СПб., 1859; т. II. СПб., 1862; т. III. СПб., 1868; т. IV. СПб., 1886; т. V. СПб., 1905; т. VI. СПб., 1910. Указатель к первым шести томам. Пг., 1915

НРК — Новые родословные книги XVI в. Сост. М. Е. Бычкова. — Редкие источники по истории России. М., 1977

ПИ — Проблемы источниковедения

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н. В. Калачова, ч. I, отд. I. СПб., 1872; отд. II. СПб., 1877. Указатель. Сост. Н. Д. Чечулин. СПб., 1895

ПРП — Памятники русского права. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956: вып. III. Сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк; вып. IV. Сост. А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. И. Копанев, А. Г. Поляк

ПРП РК — Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. Подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1978

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 2. Изд. 2-е. М., 1927; т. VI. СПб., 1853; т. XII. СПб., 1901; т. XXIII. СПб., 1910; т. XXIV. Пг., 1921; т. 25. М. — Л., 1949; т. 28. М., 1963; т. 29. М., 1965; т. 34. М., 1981

РИБ — Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914: Сочинения князя Курбского, т. I. Подгот. Г. З. Кунцевич; т. XXXII. Пг., 1915: Архив П. М. Строева, т. I

РК 1475—1598 гг. — Разрядная книга 1475—1598 гг. Подгот. В. И. Буганов. М., 1966

РК 1475—1605 гг. — Разрядная книга 1475—1605 гг. Сост. Н. Г. Савич. Под ред. В. И. Буганова, т. I, ч. 1—2. М., 1977; т. I, ч. 3. М., 1978; т. II, ч. 1. М., 1978

РК 1559—1605 гг. — Разрядная книга 1559—1605 гг. Сост. Л. Ф. Кузьмина. Под ред. В. И. Буганова. М., 1974

Садиков — Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. — ИА (М. — Л.), 1940, т. III, с. 113—303

Сб. РИО — Сборник Русского имп. исторического общества, т. 35. СПб., 1882; т. 59. СПб., 1887

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М.,1819

СПб. ДА — ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии

Судебники — Судебники XV—XVI вв. Подгот. Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнин. М. — Л., 1952

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1950

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Юшков — Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. и изд. А. Юшков, ч. I. М., 1898

ЯМ — Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абрамович Г. В. 30, 90, 92, 108, 113, 116, 118, 119, 122, 227, 235, 236, 239, 240
Авраамий, иг. Троице-Сергиева монастыря 57
Автократов В. Н. 254
Адашевы
  Алексей Федорович 18, 181, 200
  Федор Григорьевич 181
Алабыш, Алабышевы, князья *см.* Ярославские князья
Александр Федорович, вел. кн. ярославский 53
Алексеев Ю. Г. 10, 11, 30, 33, 40, 42, 43, 90—93, 96, 106, 108, 109, 119, 133, 140, 158, 159, 223, 224, 226, 228, 230, 235—238, 240, 242, 244, 246, 249
Алексеев-Морозов *см.* Морозовы
Алексеевы
  Артемий Васильев сын 105
  Василий Тимофеев сын 105
Алексей, митр. всея Руси 33, 226
Аленкины, князья *см.* Ярославские князья
Алешка, холоп И. В. Шереметева-Большого 190, 191
Алферьев-Нащокин *см.* Нащокины
Альшиц Д. Н. 30, 224
Амвросий, архим. 247
Андомские, князья *см.* Белозерские князья
Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий 167, 176
Андрей Дмитриевич, кн. серпуховской и белозерский 73, 165
Андрей Иванович, кн. старицкий 121, 136
Андрей Иванович Кобыла 126
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. 38, 212
Анисим, помещик, смольнянин 75
Антонидины, род 74
Арбузовы, род 111, 183, 204, 239
Арзубьевы, род 111, 239
Аристовы
  Алексей Васильев сын 130
  Федор (Федец) Васильев сын 127, 130
  Ширяй Федцов сын 130
Аршавины *см.* Шоршавины
Афиней, вотчинник 37

Бабкин Иван Моисеев сын 110
Бабкины-Мешковы *см.* Мешковы-Бабкины
Бабурин Д. С. 31
Байда Иван *см.* Зеленого
Балакшины, род 110
Барбашины, князья *см.* Суздальские князья
Барма, архитектор 48
Басенок Федор Васильевич 166, 247
Баскаковы, род 125
  Ушак Леонтьев сын 240
Басмановы-Плещеевы *см.* Плещеевы-Басмановы
Батый 21, 39, 163
Бахрушин С. В. 31, 80, 235
Бахтурина Р. В. 253
Безкунниковы, братья 127
Безнин-Нащокин *см.* Нащокины
Безобразовы, род 125, 242
  Василий Чубар Федоров сын 171, 242, 249
  Василий Юрьев сын 241

* В указатель не внесены имена, входящие в названия учреждений и коллекций рукописей. Лица из одного рода, как правило, объединяются в одной рубрике. В указателе приняты сокращения: архим. — архимандрит; вел. — великий (великая) при словах «князь» и «княгиня»; еп. — епископ; ж. — жена; иг. — игумен; кн. — князь; митр. — митрополит.

Федор Матвеев сын 241
Беклемишевы, род 131
Михайло Васильевич 172, 173
Никита Васильевич 166, 173
Беликов Афанасий Семенов сын 124
Белозерские князья 15, 50, 59, 60, 73, 79, 83, 85
Андомские 60
Белосельские 60
Вадбольские 60
Дябринский Федор Иванов сын 244
Карголомские 60
Кемские 60, 64
Анна 189, 190
Афанасий Давыдович Фуник 60, 190
Давыд Юрьевич 189
Данило Юрьевич 189
Иван Давыдович 190
Федор Давыдович 189, 190
Фуниковы 60
Ухтомские 60
Шелешпанские 60
Иван Афанасьевич 139
Белосельские, князья *см.* Белозерские князья
Бельские, князья (Гедиминовичи) 64, 138, 214
Бельские, род 216, 242, 243
Богдан Яковлевич 210, 243
Лукьян Афанасьевич Скурат 26
Скуратов Григорий Малюта Лукьянович 3, 26, 216, 243
Шемякин Фуник Васильев сын 126
Бернадский В. Н. 239
Берновы, род 72, 235
Бестужевы
Овсяник Михайлов сын 126
Федор Васильев сын 99
Бибиков Г. Н. 142, 143, 245
Биркин Родион 22, 23
Бисеров-Качельский *см.* Качельский
Бобрищевы-Пушкины *см.* Пушкины
Богдан Александрович, молдавский господарь 138
Болотниковы, род 96, 125, 126, 241
Андрей Коуров сын 140
Борис Александрович, вел. кн. тверской 72
Борис Васильевич, кн. волоцкий и рузский 120
Борис Федорович Годунов, царь 15, 41, 246
Борисов-Чеглоков *см.* Чеглоковы
Бороздины, род 112, 114
Борис Захарьич 96, 112
Бортенев Демид 115
Бортень, холоп и вотчинник 115
Борятинские, князья 80, 131, 158, 246
Бочкарев В. Н. 31
Брюхатого, род 110
Филипп Левшин сын 193
Буганов В. И. 225, 245, 248, 254
Будовниц И. У. 226
Булгаков-Елсуфьев Ивашко Ивашков сын 96, 115
Булгаковы, князья 64
Куракины
Григорий Андреевич 153
Федор Андреевич 81, 235
Булыгин И. А. 253
Бунаковы, род 20
Елкины дети 96
Бурунов Дмитрий Винков сын 125
Бутурлины, род 125, 216
Иван Андреевич 183
Федор Никитич 197
Бычкова М. Е. 18, 225, 248, 254
Бяконт Федор 128

Вадбольские, князья *см.* Белозерские князья
Валк С. Н. 33, 226, 253
Валуевы, род 131
Варнавин Сенька 115
Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 61, 129, 165, 169
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 19, 20, 51—53, 56, 61—63, 65—67, 76, 162, 165, 166, 169, 175, 188, 189, 211
Василий III Иванович, вел. кн. всея Руси 29, 49, 69—71, 76, 81, 83, 85, 86, 96, 100, 105, 117, 118, 122, 136, 150, 199, 224, 239
Василий Дмитриевич Кирдяпа, кн. суздальский 78
Василий Иванович, вел. кн. рязанский 164, 187

Василий Семенович, кн. суздальский 78
Василий Юрьевич, кн. суздальский 53, 78
Василий Ярославич, кн. можайский, боровский, серпуховской и бежецкий 165, 169
Василий Блаженный 48
Василиса Мелентьевна 124
Васильев Ю. С. 239
Васильевы-Фрязины *см.* Фрязины-Васильевы
Васильчиковы, род 241
Богдан Кибаров сын 125
Григорий 241
Иван 241
Семен Гаврилов сын 241
Васька Иванов сын, «подписчик» грамоты 191
Введенский А. А. 19, 225
Великий-Шестунов, кн. *см.* Ярославские князья
Вельяминовы
Бекет Григорьев сын 184
Матюшка Григорьев сын 184
Сеня Григорьев сын 184
Зерновы 125, 128
Андрей Федорович 128
Веселовский С. Б. 4, 9, 57, 59, 61, 62, 70, 81, 86, 94, 99, 108, 111, 113, 129, 137—139, 142, 143, 150, 159, 172, 173, 198, 215, 223—226, 228, 231, 233—237, 239, 241—247, 249, 250—253
Викентьевы, род 125
Винков *см.* Бурунов
Висл (Висло) Семен 74
Вислово Мясоед Семенов сын 74
Вишневецкий Михайло, кн. 138
Владимир Андреевич, кн. ростовский 63
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 169
Владимир Андреевич, кн. старицкий 136—138, 152, 216
Владимир Всеволодич Мономах, вел. кн. 35
Владимир Святославич, вел. кн. киевский 45
Владимирский-Буданов М. Ф. 196
Власко Иванов сын *см.* Васька Иванов сын
Власьевы
Григорий 140
Дмитрий 140
Овсяник 140
Внуковы, род 74
Яков Михайлов сын 190
Волженские, род 124
Волкомор Илья Терентьев сын 110
Волкоморовы, род 110
Волынские
Васька Яковлев сын Щепин 126, 242
Яков Щепа 242
Ворков Борис 61
Воронин Н. Н. 226
Воронины, род 242
Воронцов Иван Никитич 248
Воронцов-Вельяминов Б. А. 228
Воротынские, князья 50, 64, 65, 80, 83, 85, 137, 138
Александр Иванович 65
Иван Алексеевич 158
Иван Михайлович 232
Михайло Иванович 65
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимирский 151
Вяземские, князья, род 123
Афанасий Иванович 123
Василий Дмитриев сын 74
Козловский Федор 107

Гагарины, князья *см.* Стародубские, князья
Гейман В. Г. 253
Герберштейн (Herberstein) Сигизмунд фон, барон 41, 134, 228, 244
Гиневль Михаль Ильин сын 96
Гладкий Антон 94—96, 107, 112, 115
Глазамецов Неудача Андреев сын 110
Глазатый Игнатий 96
Глазоемцевы, род 110
Глеб Ростиславич, кн. рязанский 39
Глебов Лева 193
Глебов-Заболоцкий *см.* Заболоцкие
Глебовы *см.* также Сорокоумовы-Глебовы
Глинские, князья 64, 138
Гневушев А. М. 109, 110, 238
Годуновы, род 125, 126, 216
Алексей Андреев сын 125
Борис Федорович *см.* Борис

Федорович Годунов, царь
Григорий Васильевич 185
Иван Григорьевич 126
Голенины, князья *см.* Ростовские князья
Голенищевы-Кутузовы *см.* Кутузовы
Голибесовский, кн. *см.* Стародубские, князья
Головины, род 64
Василий Петрович 183
Головкины, род 238, 250
Голохвастовы, род 125
Матвей Суморокoв сын 241
Иван Суморокoв сын 241
Суморок 241
Голубцов И. А. 19—22, 166, 170, 172, 253
Горбатые, князья *см.* Суздальские князья
Горбовы, род 74
Горский А. А. 228
Горский А. Д. 11, 30, 40, 106, 162, 163, 223, 228, 238, 247
Готье Ю. В. 225
Греков Б. Д. 4, 35, 227
Гренбек В. 46
Грибоедов А. С. 161
Гриша Мишенин сын 115
Грядцкой Данило 242
Грязной-Ильин Василий Григорьевич 199, 200, 216
Губины (ср. Моклоковы), род 126, 243
Гузнищевы, род 110
Гундоровы, князья *см.* Стародубские, князья
Гуревич А. Я. 46, 229
Густав Ваза, король Швеции 200

Давыд, еп. рязанский 164
Давыдовы, род 126
Даниил, митр. всея Руси 182
Даниил Заточник 45, 196, 229, 251
Данилко, псарь 115
Данило Васильевич, кн. ярославский 55
Данилов-Дмитриев Петрок Услюмов сын 125
Дашковы, князья 97
Девлет-Гирей, крымский хан 16, 145
Дегтярев А. Я. 90, 92, 159, 236, 246
Дедевшины, род 125
Гаврило Сафонов сын 241
Иван Федоров сын 241
Деев, кн. *см.* Ярославские князья
Дементьевы, род 177
Диев М. 230
Дмитриев-Данилов *см.* Данилов-Дмитриев
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 61, 73, 124, 169
Дмитрий Иванович Внук, вел. кн. 167
Дмитрий Иванович, кн. углицкий 96, 238
Дмитрий Константинович, вел. кн. суздальский 78
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. 165
Дмитрий Юрьевич Шемяка, вел. кн. московский 51, 62, 76, 165, 210, 211
Добродомов И. Г. 30
Добрынские, род 125
Долгий Якуш 115
Долгого Осташ Петрушин сын 115
Долгоруковы, князья *см.* Оболенские, князья
Доможировы
Гаврило Матвеев сын 110
Матвей Константинов сын 110
Рюма Максимов сын 110
Дорогобужские, князья *см.* Тверские князья
Дубов И. В. 35, 227
Дуровы
Василий Иванов сын 91
Никифор Васильев сын 91
Анна 92
Дябринский, кн. *см.* Белозерские князья
Детелина *см.* Осокин-Травин

Евфросинья Андреевна (ур. Хованская), княгиня старицкая 137
Евфросинья Полиевктовна, княгиня дмитровская 180, 181, 188
Едемские (Едомские), род 111
Едигей Алферий 175
Екатерина II 13, 206
Елена Васильевна (ур. Глинская), вел. княгиня 122

Елецкие, князья, род 50
Юрий 114
Елизавета I, королева Англии 202
Елизаровы
Григорий Матфеев сын 179
Иван Яковлев сын 179
Матфей Васильев сын 179
Семен Матфеев сын 179
Елсуфьев-Булгаков *см.* Булгаков-Елсуфьев
Емецкие, род 111
Гриша Иванов сын 111
Ергольские, род 74
Ермола, дьяк 115
Еропкины
Михайло Кляпик Степанович 114
Марфа 91
Есиповы, род 109
Ефрем, старец Троице-Сергиева монастыря 172
Ефрем, старец Ферапонтова монастыря 188

Желтухины, род 178
Алексей Григорьев сын 178
Сенька Алексеев сын 178
Жеребцовы (ср. Кокоревы), род 130
Синего Андрей Борисович Кокорь 130

Заболоцкие, род 131
Гаврило Федоров сын 194
Константин Григорьевич 173
Шапкин Михайло Дмитриев сын Глебов 167
Загрязские, род 125, 241
Григорий Дмитриев сын 241
Данило Дмитриев сын 241
Игнатий Тимофеевич 241
Никита Данилов сын 241
Зайцевы-Маурины, род 74
Замыцкие, род 66, 125
Шумихин Михайло Васильев сын 93
Запинкин Степан 175
Зарубин Н. Н. 229, 251
Засекин, кн. *см.* Ярославские князья
Засецкие, род 126
Захар, подьячий 115
Захаров Сенька 113, 115
Захарьины-Княжнины, род 125
Захарьины-Юрьевы, род 15
Роман Юрьевич 25
Захеевы, род 72
Зачесломские, род 125
Иван (Иванец) Тимофеев сын 241
Звенигородские, князья 26, 149, 190
Иван 149
Иван Андреевич 180, 181
Ноздроватые 22, 26
Андрей Петрович 190
Токмаковы 26
Юрий Иванович 190, 191
Зверев Владимир Гаврилов сын 171, 178
Звериский В. В. 247
Здешковские, род 124
Зеленого
Офимья (Евфимия) Иванова дочь *см.* Нороватого
Василий Иванов сын 127
Иван Байда 130
Степан Иванов сын 130
Зерновы *см.* Вельяминовы
Зимин А. А. 4, 10, 11, 18, 19, 29—31, 49, 59, 70, 71, 76, 79, 80, 90, 91, 95, 106, 115, 116, 142, 144, 145, 147, 150, 155, 160, 187, 196, 197, 215, 217, 222—239, 242, 243, 245, 246, 248, 249, 251—255
Зиновий, иг. Троице-Сергиева монастыря 61, 62
Золотого, кн. *см.* Оболенские, князья

Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 37, 44, 60, 61, 73
Иван III Васильевич, вел. кн. всея Руси 3, 20, 46, 51, 52, 54, 57—60, 63, 65, 69, 71, 72, 74—77, 79—81, 83, 96, 100, 104—107, 109, 110, 112, 113, 116—118, 123, 133, 150, 166, 167, 171—176, 184, 188, 209
Иван IV Васильевич Грозный, вел. кн., царь всея Руси 3, 18, 20, 22, 29, 46, 48, 54, 56, 67, 69, 70, 72, 78, 81, 83, 85, 117, 118, 122—124, 136, 137, 141—144, 146, 147, 150, 151, 153, 155, 174, 177, 180—183, 190, 199—201, 214—216, 223—225, 229, 233, 235, 240, 246, 251, 252
Иван Борисович, кн. рузский 107, 121

Иван Васильевич, кн. суздальский 51, 52, 62
Иван Гаврилов, поп 23
Иван Иванович Молодой, вел. кн., сын Ивана III 71, 72, 116, 167, 173, 184
Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV 80
Иван Иванович, вел. кн. рязанский 50, 187
Иван Иванович, кн. ростовский 63
Иванов Савлук 137
Ивина Л. И. 4, 11, 30, 223, 234, 238, 239, 253
Игнатьевы, род 128
Игорь, кн. киевский 45
Измайлов Василий Петров сын 20, 22
Изъединовы, род 98
Константин Григорьевич 98
Ильины, род 200, 216
Грязной *см.* Грязной-Ильин
Насон 74
Иоанн III, король *см.* Юхан III
Иов, старец Спасо-Евфимьева монастыря 175
Иосиф Волоцкий 49, 229
Ипполит, еп. 20
Исаакий, архим. Спасо-Евфимьева монастыря 175
Исаковы, род 109

Кавелин К. Д. 6, 222
Казакова Н. А. 253
Казынские (ср. Козонские)
Афоня Захарьин сын 110
Иван Семенов сын 110
Яковец Захарьин сын 110
Калачов Н. В. 253, 254
Каликин Афанасий Григорьев сын 110
Калитины, братья 93
Кампензе Альберто 41, 228
Карамзин Н. М. 22
Карамышевы, род 97
Карауловы-Черемисиновы *см.* Черемисиновы-Карауловы
Карачева Арина 171
Карголомские, князья *см.* Белозерские князья
Картмазов-Рудный Андрей Акинфиевич 105
Катеринин Темеш 110
Катунины, род 114
Захарья Федоров сын 91
Кафтыревы, род 129, 130
Авдотья Григорьева дочь *см.* Нелюбова-Чмутова
Григорий Есипов сын 129
Григорий Иванов сын 129
Иван 129
Иван Данилов сын 129
Иван Иванов сын Пшенка 129
Леонтий Есипов сын 129
Петр Иванов сын 129, 130
Чудин Иванов сын 130
Яков Иванов сын 129
Качельский-Бисеров Семен Нестеров сын 111
Кашины, князья *см.* Оболенские, князья
Кашкаровы, род 72
Каштанов С. М. 10, 30, 33, 142, 144, 166, 223, 224, 226, 228, 237, 245, 247—249, 252—254
Квашнины, род 125
Александр Васильевич 194
Андрей Александрович 184, 194, 195
Василий Ильич 194
Василий Петрович Малец 194
Василий Петрович Попадья 194
Воинко Григорьев сын 184, 194
Григорий Васильевич 194
Григорий Фомич 194
Иван Ильич 194
Илья Иванович 194, 195
Митька (Никита) Васильев сын 184, 194
Михайло Григорьев сын 184, 194
Петр Ильич 194, 195
Семен Григорьев сын 184, 194
Ульяна Васильевна *см.* Тишкова
Фома Иванович 194
Фомины 195
Василий Григорьевич 184, 194, 195
Данило Григорьевич 184, 194, 195
Кемские, князья *см.* Белозерские князья
Кикины, род 126
Кирилл, иг. Клинской Изосиминой пустыни, затем архим.

Можайского Лужецкого монастыря 193
Киселев Е. А. 236
Кишинские *см.* Нелюбовы-Кишинские
Клементий Григорьевич 175
Клементьев Кузьма 173
Климент VII, папа римский 228
Климко, псарь 115
Клинцовы, род 24
Роман 183
Ключевский В. О. 6, 70, 136, 168, 222, 233, 244, 248
Княжегорские, род 110
Княжнины-Захарьины *см.* Захарьины-Княжнины
Кобеко Д. Ф. 19, 225
Кобрин В. Б. 223—225, 229—231, 233—235, 240, 244, 245, 252
Кобыла Андрей Иванович *см.* Андрей Иванович Кобыла
Коведяев Гость Александров сын 127
Козловские, род 99
Василий Микулин сын 99
Владимир Васильев сын 99
Козловские, князья 105
Вяземский *см.* Вяземский-Козловский
Козодавлевы, род 125, 241
Козодавль Яков 241
Козонский (ср. Казынский) Семен Дмитриев сын 110
Коковинские, род 124
Кокорев Семен [Андреев?] сын (ср. Жеребцов-Синего) 130, 244
Кокорь *см.* Жеребцов-Синего
Кокошкин Василий Иванович 52, 53
Колодкины-Плещеевы *см.* Плещеевы-Колодкины
Колычевы, род 72, 131, 216
Константин Васильевич, кн. ростовский 61
Копанев А. И. 10, 11, 30, 40, 46, 59, 90—93, 106, 108, 111, 216, 223, 224, 228, 231, 233, 236, 238, 239, 253, 254
Копнин Федор Васильевич 166
Корецкий В. И. 142, 147—150, 156, 219, 220, 233, 245, 246, 252
Корин Русин Борисов сын 110
Коробков Н. М. 223, 228
Корсунский А. Р. 222
Костелевы, род 110
Костылевы
Василий Андреев сын 110
Никифор Петров сын 110
Котков С. И. 254
Кочин Г. Е. 228, 253
Кошкины
Юрий Захарьич 25, 173
Яков Захарьич 173, 248
Красного Елисей Алексеев сын 126
Крачковский И. Ю. 24, 225
Кроткого, род 178
Григорий Семенов сын 178
Русин Григорьев сын 178
Семен Данилов сын 178
Крузе Элерт 147, 201, 202, 245, 251
Кубенские, князья *см.* Ярославские князья
Кузнецов В. И. 236
Кузьмина Л. Ф. 254
Кузьминские, род 99, 131
Алексей Матфеев сын 99
Андрей Семенов сын 99
Жита Андреев сын 99
Китоврас Иванович 99
Кунцевич Г. З. 254
Куракины, князья *см.* Булгаковы, князья
Курбские, князья *см.* Ярославские князья
Курицын Черт 66
Курлятев, кн. *см.* Оболенские, князья
Курцев-Фуников Никита Афанасьевич 140
Кутузовы, род 64
Михайло Васильевич Клеопа 173
Голенищевы, род 128, 130
Кучецкий-Алферьев Михайло Васильевич 173
Кучка Стефан Иванович 38
Кучкин В. А. 35, 59, 73, 227, 229—231, 234, 235
Кучуковы 126
Кушева Е. Н. 30
Кушелевы, род 128—130
Ел 129
Борис Федоров сын 128
Дмитрий Федоров сын 128
Никита Федоров сын 128

Лавровские, род 72
Лазаревы, род 98
Айдар Алексеев сын 98

Алексей Григорьев сын 98
Василий Алексеев сын 98
Иван Григорьев сын 98
Иван Иванов сын 98
Степанец Иванов сын 98
Станищевы *см.* Станищевы-Лазаревы
Лапин-Оболенский, кн. *см.* Оболенские, князья
Лаппо И. И. 116, 235, 239, 240
Лашинский (ср. Лошинские) Онуфрий Степанов сын 110
Лев Романович, кн. ярославский 55
Левашевы
Василий Александров сын 204
Сиротин Богдан Федоров сын 97, 99
Левкий, старец Спасо-Евфимьева монастыря 185
Ленин В. И. 7, 9, 17, 48, 222, 224, 229
Лжедмитрий I 41, 42
Лимонов Ю. А. 228
Лихачев Д. С. 251
Лихачев Н. П. 13, 19, 20, 104, 225, 231, 234, 235, 237—239, 241, 243, 246, 250, 251, 254
Лихоревы 74
Лобановы-Ростовские, князья *см.* Ростовские князья
Ловчиков Григорий Дмитриевич 149
Лодыгин Василий Обляз Семенов сын 193
Лосминские, род 124
Андрей Федоров сын 124
Лошинские, род 110, 112, 239
Лудинский Степан Иванов сын 112
Лука, крестьянин 185
Луневы, род 110
Лурье Я. С. 30, 216, 229, 240, 251
Лыков И. Б. 148
Лыковы, князья *см.* Оболенские, князья
Львовы, князья *см.* Ярославские князья
Львовы, род 173
Иван 173
Льяловские, князья *см.* Стародубские, князья
Ляцкие, род 64

Макарий, митр. всея Руси 122
Максимов Еська Новгородец 109, 163
Малечкина Елена Ивановна 81
Маматова Е. П. 236
Маньков А. Г. 30, 233
Марасинова Л. М. 219, 239, 252
Маржерет Жак 41, 228
Мария, княгиня суздальская 52, 53
Мария Борисовна, вел. княгиня, ж. Ивана III 72
Мария Ярославна, вел. княгиня, ж. Василия II 56, 62, 175
Маркс К. 7—9, 222, 229
Марфа, протопопица 14
Маршалковы, род 123, 126
Дмитрий Иванов сын 125
Масленникова Н. Н. 11, 30, 224, 239, 247
Матафтины, род 74
Маурины-Зайцевы *см.* Зайцевы-Маурины
Машков Иван Иванов сын 188
Мезецкие, князья 50, 64—66, 86, 97, 100, 131, 224, 235
Авдотья Ивановна (княжна) *см.* Пронская-Шемякина
Михайло Романович 100
Семен Михайлович 100
Шапцын Юрий Иванович 100
Мейчик Д. М. 247
Меликовы, род 125
Мельнев Митя 93, 94, 112
Мешковы-Бабкины
Лавр Леонтьев сын 180—182, 188
Леонтий 182
Мещерские, князья 125
Микита, тиун 170
Микулинские, князья *см.* Тверские князья
Милославский Дмитрий Козлов сын 177
Мильготина Л. З. 253
Мирославичи
Дмитрий Иванов сын 105, 243
Мария Никифорова дочь 243
Митьковы, род 126
Михаил Федорович Романов, царь 25
Михайло Александрович, кн. тверской 71
Михайло Андреевич, кн. верейский и белозерский 165, 167

Михайло Борисович, вел. кн. тверской 49
Михайло Васильевич, судья *см.* Беклемишев
Михайло Ярославич, вел. кн. тверской 71
Михайлов Путило 195
Михалковы
Андрей Тимофеевич 144
Иван Андреевич 144
Моклоковы, род 99, 126, 242, 243
Богдан Михайлов сын 99
Губа 243
Иван Данилов сын 126
Молоцкий Дмитрий Богданов сын 126, 242
Монастыревы, род 73
Сапоговы, род 73
Мордовина С. П. 224, 246
Морозовы, род 64, 166
братья 93
Владимир Васильевич 183
Дмитрий Давыдович 166, 167
Михайло Яковлевич 201
Алексеев Юрий Федоров сын 93
Давыдов Федор Алексеев сын 238
Салтыковы 128
Филимоновы (и Филимоновы-Чеглоковы) 243
Мосальские, князья 50, 64, 65, 79, 81, 83, 157, 235
Мстиславские, князья 138
Мусины-Пушкины *см.* Пушкины
Муха Ивашка 115
Мюллер Р. Б. 253, 255
Мятлевы, род 125

Нагаткины, род 110
Назаров В. Д. 224, 232, 253
Насонов А. Н. 35, 40, 95, 227, 228, 237
Натальин Василий Дмитриев сын 110
Наум Андреевич, судья 173
Наумовы, род 126
Нащокины, род 125, 126, 216
Алферьев Роман Васильевич 216
Безнин Михайло Андреевич 216
Некрасов Н. А. 90
Нелединский Василий Андреев сын 177
Нелюбовы
Кишинские, род 130
Чмутовы, род 129
Авдотья Григорьевна (ур. Кафтырева) 129
Федор Федоров сын 129
Рябинины 130
Иван Гаврилов сын 127, 130
Непогожев А. Г. 148
Нестеров Михайло 173
Никитин Пансырь 179
Никитина Л. А. 253
Никон, иг. Троице-Сергиева монастыря 37, 57
Никонов В. А. 225
Новосельский А. А. 246
Новосельцев А. П. 227
Новосильцевы, род 131
Ногтев-Суздальский, кн. *см.* Суздальские князья
Ножкин (ср. Ношкин) Федор Константинов сын 111
Ноздроватый-Звенигородский, кн. *см.* Звенигородские, князья
Нороватого
Офимья Иванова дочь (ур. Зеленого), ж. Романа 130
Роман 130
Носов Н. Е. 10, 14, 30, 40, 70, 197, 209, 213, 214, 223, 224, 228, 233, 250, 252
Ноугородовы
Исуп Леонтьев сын 109
Лука Иванов сын 109
Ноугородцевы, род 109
Иван Никитин сын 109
Ношкин (ср. Ножкин) Константин Михайлов сын 111

Оболенские, князья 15, 30, 50, 58, 59, 66, 73, 79, 85, 151—153, 171, 178, 246
Владимир Иванович 25
Иван Васильевич 193
Иван Константинович Глупой 59, 178
Семен Иванович 66
Ярослав Васильевич 164, 247
Долгоруковы 152
Владимир Дмитриевич 157
Григорий 152
Тимофей Иванович 152
Федор Владимирович 179
Юрий Алексеевич 157
Золотого Иван Андреевич 152

Кашины 178
Дмитрий Михайлович 25
Иван Михайлович 25
Курля Иван Васильевич 66
Курлятев Владимир Константинович 152
Лапин Иван Андреевич 183, 204
Лыковы 178
Борис Михайлович 25
Репнины
Андрей Васильевич 152
Иван Борисович 157
Серебряный Василий Семенович 152
Стрига Иван Васильевич 65, 172
Тростенские 152
Иван Иванович Козлина 152
Шевырев Дмитрий Федорович 189
Щепин Петр Данилович 152
Щербатовы 152
Иван Григорьевич 152
Константин Осипович 157
Осип Михайлович 152
Ярославов Александр Иванович 152
Обухов Василий Михайлов сын 175
Овиновы, род 111
Овца Дмитрий Владимирович 60, 94, 173
Одинцовы, род 126
Одоевские, князья 15, 50, 64, 65, 80, 83, 85, 137, 138, 158, 216
Никита Романович 65
Ознобиша Ивашка 242
Ознобишин Иванец Меньшой Федоров сын 126
Окишевы, род 74
Окороков Угрим Ершов сын 130
Олег Ингваревич, кн. рязанский 20, 21
Олеша, крестьянин 185
Олешков Илейка 115
Ольговы, род 200
Онцифоровы, род 111
Осокин-Травин Семен Иванов сын Дятелина 128, 130
Остафий, вотчинник 187
Отяевы, род 72
Охотины-Плещеевы *см.* Плещеевы
Очины-Плещеевы *см.* Плещеевы

Павленко Н. И. 30
Павлиновы-Плещеевы *см.* Плещеевы
Павлов А. П. 30, 240, 246
Павлов-Сильванский В. Б. 224, 240
Павлов-Сильванский Н. П. 6, 69, 149, 203—206, 222, 233, 245, 251
Палецкие, князья *см.* Стародубские, князья
Палка, белозерец 191, 192
Панеях В. М. 30, 31, 33, 226
Панины, братья 206
Патрикеевы, князья
Иван Юрьевич 171, 172, 242, 249
Щеня Данило Васильевич 168
Пашуто В. Т. 227
Паюсов Фома 37
Пенко, Пенковы, князья *см.* Ярославские князья
Пересветов Иван Семенович 133, 216, 252
Петлин Василий Борисов сын 131, 132
Петр, тиун 170
Петр Дмитриевич, кн. дмитровский и углицкий 73
Петровы, род 109
Пешков-Сабуров *см.* Сабуровы
Пивовы, род 24, 75
Дмитрий Михайлович 180—182
Пильемовы-Сабуровы *см.* Сабуровы
Писемские
Сахар Константинов сын 144
Федор Андреевич 144
Плакса Алексей Васильев сын 183
Платонов С. Ф. 6, 69, 141—143, 150, 222, 226, 245
Плещеевы, род 24, 25, 66, 126, 197
Андрей Михайлович 64, 82
Петр Михайлович 197, 210
Басмановы 25
Алексей Данилович 26, 210, 215
Федор Алексеевич 210
Колодкины 25
Охотины 25
Очины 25

Павлиновы 25
Плотников (Плотник?) Проня 96
Победимова Г. А. 31, 244
Побойнин И. И. 243
Поджогин-Шигона Иван Юрьевич 193
Пожарские, князья *см.* Стародубские, князья
Покровский Н. Н. 11, 162, 224, 228, 247
Полосин И. И. 225
Полуханов Костя 181
Поляк А. Г. 193, 254
Порх Васюк 115
Посевьевы, род 98
Постник Яковлев сын, архитектор 48
Приимковы, князья *см.* Ростовские князья
Прозоровские, князья *см.* Ярославские князья
Пронские, князья 50, 79, 216, 224, 235
  Иван Петрович 158
  Шемякина (ур. княжна Мезецкая) Авдотья Ивановна 14, 86
Протасьевичи, род 39
Протопоповы, род 224, 235
Пужбальские, князья *см.* Ростовские князья
Пухов-Тетерин *см.* Тетерин-Пухов
Пушечниковы, род 241
  Григорий Жолобов сын 241
  Михайло Васильев сын 241
  Митька Меньшой Жолобов сын 126, 241
Пушкин А. С. 12, 32, 161, 182, 199
Пушкины, род 12, 25, 114, 126
  Василий Алексеевич 127, 128
  Бобрищевы 25
  Мусины 25
  Рожновы 25, 114
    Кузьма 113
    Семен 113
  Шафериковы 25
Пшенка *см.* Кафтыревы
Пьянков А. П. 36, 227

Раков Колтыря 127, 128
Рапов О. М. 226—228
Раскин Д. И. 40, 228
Ратша 125
Репнины, князья *см.* Оболенские, князья
Ржевские, род 126
Рогинский М. Г. 245, 251
Родин А. Ф. 31
Рождественский С. В. 6, 7, 70, 106, 197, 222, 230, 231, 233, 235, 238, 251
Рожновы *см.* Пушкины
Романко, псарь 115
Романов Б. А. 70, 196, 225, 233
Романов Михайло Федорович *см.* Михаил Федорович Романов, царь
Романов Федор (Филарет) Никитич, боярин, затем патриарх 25
Ромодановские, князья *см.* Стародубские, князья
Ростовские князья 50, 60—64, 67, 79, 83, 154, 157, 230
  Голенины 67
    Василий Иванович 167, 248
  Лобановы 64
    Юрий Иванович 64
  Приимковы 64
    Василий Волк Васильевич 154
    Дмитрий Дмитриевич 82
  Пужбальские 64
  Темкины 64, 216
    Григорий Иванович 64
    Юрий Иванович 64
  Щепа Дмитрий Александрович 66
Рохмановы
  Александр Никитин сын 37
  Никита 37
Рубцов М. 234
Руготины, род 179
  Захарья (Заня) Александров сын 179
  Петр Захарьин сын 179
  Тимофей Замятня Александров сын 179
  Федор Александров сын 179
Рудный-Картмазов *см.* Картмазов-Рудный
Румянцев Иван Федоров сын 180
Рыбаков Б. А. 35, 36, 227, 246
Рыдзевская Е. А. 253
Рыков Ю. Д. 229, 240, 243, 251
Рябинины-Чмутовы *см.* Нелюбовы-Чмутовы-Рябинины

Ряполовские, князья *см.* Стародубские, князья

Сабуровы, род 64, 72, 126, 216
Андрей Федорович *см.* Вельяминов-Зернов
Иван Обиняк Андреев сын 128, 130
Михайло Федорович 171
Юрий Константинович 173, 174
Пешков Семен Дмитриевич 153, 197
Пильемовы 126
Юрий (Юшко) Степанов сын 241
Савелов Л. М. 237
Савич А. А. 4
Савич Н. Г. 254
Савка, псарь 115
Саврасов Ивашка 112, 115, 171
Садиков П. А. 142, 143, 150, 231, 234, 235, 243, 245, 246, 250, 251, 254
Сакулины, род 126, 243
Салмина М. А. 38, 227
Салтыковы (*см.* также Морозовы-Салтыковы), род 126, 216
Глеб Иванов сын 125
Лев Андреевич 168
Салулины *см.* Сакулины
Самоквасов Д. Я. 236
Сапоговы *см.* Монастыревы
Сатин Никита Перфильевич 104
Сахаров А. М. 10, 90, 91, 150, 158, 209, 223, 228, 233, 236, 246, 252
Свердлов М. Б. 33, 36, 226, 227
Свибло Федор Андреевич 61
Свиньин Григорий (Гридя) Андреев сын 165
Святиковы, род 92
Гундор Игнатьев сын 92
Севастьянова А. А. 31
Седов В. В. 36, 227
Селеховский Иван Андреевич, кн. 81
Селиван, крестьянин 188
Селиванов Иван Меньшой Юрьев сын 182
Селянинов Иван Сухой 182
Семен, дворецкий митрополичий 176
Семен Александрович, кн. суздальский 52
Семен Дмитриевич, кн. суздальский 78
Семен Иванович, кн. бежецкий 80
Семен Романович, кн. ярославский 55
Семенченко Г. В. 33, 226, 228, 231
Сергеевич В. И. 69, 168, 233, 248
Сергий Радонежский, иг. Троицкого монастыря 34, 37, 60
Серебряный, кн. *см.* Оболенские, князья
Середонин С. М. 245
Сидор, книгописец 243
Симеон Бекбулатович, вел. кн. всея Руси 72
Симеон Иванович Гордый, вел. кн. московский 206
Симеон Касаевич, царь казанский 67
Синего-Жеребцов *см.* Жеребцов-Синего
Синец, дьяк 115
Сиротин-Левашев *см.* Левашев-Сиротин
Сисеевы, князья *см.* Ярославские князья
Сицкие, князья *см.* Ярославские князья
Сказкин С. Д. 251
Скарятины, род 93, 100, 183, 204
Семен 93, 100
Скачеловские (ср. Скачельские, Качельские)
Афанасий 111
Третьяк 111
Скачельские, род 111
Скрынников Р. Г. 10, 69, 83, 87, 139, 142, 145—147, 150—156, 208, 223, 233, 235, 240, 244—246, 250, 252
Скрыпицын Тарбей 242
Скуратов-Бельский *см.* Бельские
Слизнев Андрей 96, 112, 114
Сметанина С. И. 159, 246, 247
Смирнов И. И. 10, 36, 40, 69, 80, 87, 196, 197, 214, 223, 227, 228, 233, 235, 251, 252
Смолицкая Г. П. 237, 240, 241
Смольнянин Иван Дмитриев сын 75
Снегирев В. Л. 223, 228, 245

Соболев Василий Алексеев сын 190
Соколова И. И. 236
Сокольник Митя 115
Соловцов Иван Голова 14
Соловьев С. М. 6, 46, 69, 222, 229, 233
Сорокоумовы-Глебовы, род 125
Сота, рязанский бортник 187
Софья Витовтовна, вел. княгиня московская, ж. Василия I 62, 165
Спиридон, иг. Троице-Сергиева монастыря 57
Спировы
Докучай Юрьев сын 111
Юрий 111
Срезневский И. И. 234
Станиславский А. Л. 224, 246
Станищевы, род 98
Дмитрий Лазарев сын 163
Зиновий Алексеевич 171
Стародубские, князья 15, 50, 56—59, 69, 79, 97, 154, 197, 230
Гагарины 99, 125
Дмитрий Данилов сын 125
Голибесовский Михайло Иванович 58
Гундоровы 125
Давыд Васильевич 154
Никита Григорьевич 154
Семен Иванович 180
Льяловские 58
Иван Константинович 58
Константин Федорович 58
Палецкие 154, 171
Василий Дмитриевич 154
Пожарские 237
Федор Данилович 58
Ромодановские
Григорий Григорьевич 157
Федор Григорьевич 157
Юрий Иванович 157
Ряполовские
Алена 58
Дмитрий Иванович 58
Семен Иванович Молодой 58
Семен Иванович Хрипун 57, 58
Татевы
Андрей Иванович 154
Федор Иванович 154
Тулупов Владимир Иванович 126
Хилков Иван Андреевич 158
Стогинины, род 74
Михайло Гневаш Микулин сын 167
Сторожев В. Н. 234
Стрига-Оболенский, кн. *см.* Оболенские, князья
Строев П. М. 254
Стромиловы-Шолоховы
Суббота Васильев сын 188, 189, 191, 192, 213
Чертовы 197
Иван Михайлов сын 188, 189, 191, 192
Стружские (ср. Струтцкие), род 111
Струнины, братья 178
Струтцкие (ср. Стружские)
Моисей Федоров сын 111
Филипп Федоров сын 111
Судимант (Судимонт) Иван Кондратьевич 106, 107, 112, 168, 242, 248
Судимантовы (Судимонтовы), род 126, 242
Матвей Иванов сын 106, 183, 184, 204
Суздальские князья 50, 51, 53, 69, 76, 78, 79, 145, 146, 151, 157, 210, 211, 230
Барбашины 151
Горбатые 78, 151
Александр Борисович 78, 122, 151
Борис Иванович 78
Иван Васильевич 78
Иван Иванович 78
Михайло Васильевич Кислый 78
Семен Борисович 175
Ногтев Андрей Иванович 152
Шуйские 30, 50, 52, 78, 122, 151, 152, 157, 210, 214
Александр Иванович 78
Андрей Михайлович 78
Василий Федорович 78
Иван Андреевич 78, 152, 246
Иван Васильевич 78
Иван Петрович 78
Михайло Васильевич 78
Петр Иванович 78, 122
Сухотин Л. М. 86, 235
Сушковы, род 107
Сысоев Клок 177
Сюзев Савва 226

Сюльменевы, род 126, 243
Гаврило Федоров сын 243
Константин Федоров сын 243

Тарбеевы, род 126, 242
Татевы, князья *см.* Стародубские, князья
Таубе Иоганн 147, 201, 202, 245, 251
Тверитинов Иван Михайлов сын 171
Тверские князья 50, 97, 119
Дорогобужские 50
Микулинские 50, 119
Авдотья 86
Телятевские 50, 97, 119
Андрей 185
Холмские 50, 67, 136
Данило Дмитриевич 248
Телешов Лева 177
Телятевские, князья *см.* Тверские князья
Темкины-Ростовские, князья *см.* Ростовские князья
Темрюк Айдарович, кн. Кабарды 138
Тетерин-Пухов Тимофей 200, 201
Тимошенкова З. А. 109, 133, 238
Тимощук Б. А. (Б. О.) 36, 227
Титов Михаль Никитин сын 94
Тихменевы, род 72
Тихомиров М. Н. 4, 10, 31, 33, 35, 38, 41, 63, 75, 123—125, 205, 206, 223, 226—228, 231, 234—236, 240, 251, 252
Тихоновы-Хирины *см.* Хирины-Тихоновы
Тихонравов К. 234
Тишковы
Афоня Никитин сын 194, 195
Елка Никитин сын 194, 195
Никита Васильев сын 194, 195
Ульяна Васильевна (ур. Квашнина), ж. Никиты 194, 195
Токмаковы-Звенигородские, князья *см.* Звенигородские, князья
Толстой Данило Истомин сын 177
Травин-Осокин *см.* Осокин-Травин
Третьяковы, род 193
Арина 185
Курбат 115, 185, 193
Троекуровы, князья *см.* Ярославские князья
Тростенские, князья *см.* Оболенские, князья
Трубецкие, князья 15, 64, 65, 80, 83, 85, 138, 216
Юрий Петрович 158
Трусовы, род 74
Тулуповы, князья *см.* Стародубские, князья
Тургеневы
Иван Васильев сын 242
Никита Иванов сын 126, 242
Тучков Михайло Васильевич 180

Узкого, род 126
Михайло Васильев сын 74, 242
Семен Васильев сын 242
Умаровы, князья 126, 243
Унковские, род 97, 98, 111, 131
Ртище Васильев сын 194
Упин Александр 181
Ухтомские, князья *см.* Белозерские князья
Ушаков Яков Федоров сын 193

Фатьянов Федор 177
Федор Андреевич, кн. стародубский 57
Федор Борисович, кн. волоцкий 96, 112, 113, 121
Федор Васильевич, судья 166
Федор Иванович, царь 78
Федор Романович, кн. белозерский 61
Федор Романович, кн. ярославский 55
Федор Юрьевич, кн. суздальский 53, 78
Федоров Максим 75
Федоров-Челяднин *см.* Челяднин-Федоров
Федотов-Чеховский А. А. 253
Феодорец, еп. владимирский 39
Филимоновы-Морозовы *см.* Морозовы
Филиппова И. С. 254
Флетчер (Fletcher) Джильс 134, 201, 202, 244, 251
Флоря Б. Н. 11, 19, 49, 71, 97, 100, 116, 224, 225, 229, 233, 236, 237, 240

Фомин Н. К. 147, 158, 219, 236, 245, 246, 252
Фоминские, князья 126
Фоминский Михайло Федорович Крюк 226
Фомины-Квашнины *см.* Квашнины-Фомины
Фотий, митр. всея Руси 165
Фридман Л. А. 31
Фроянов И. Я. 36, 40, 227, 228
Фрязины-Васильевы, род 74
Фуников-Курцев *см.* Курцев-Фуников

Харламов Иван 166, 170
Хворостинины, князья *см.* Ярославские князья
Хвост Алексей Петрович 205
Хвостовы, род 205
Хвощинский Иван 176
Хилковы, князья *см.* Стародубские, князья
Хирины (и Хирины-Тихоновы), род 126, 242
  Дмитрий Тихонов сын 125
  Никита Тихонов сын 125
  Тихон Петров сын 242
Хитрово, род 126
Хлам, псарь 115
Хлуденев Алексей Лукин сын 126
Хованские, князья 216
Ховралев Карп 172
Холмские, князья *см.* Тверские князья
Хомутов Митька 115
Хорошкевич А. Л. 31, 63, 229, 231, 252
Хотетовские, князья 20
  Ларя Бунак Михайлов сын 19
Хромой, кн. *см.* Ярославские князья

Цамутали А. Н. 222

Часовникова Арина 235
Чеботовы, род 64, 216
  Иван Яковлевич 192
Чеглоковы, род 128, 130, 243
  Борисов Григорий Яковлев сын 243
  Черного, братья 127
Челеев Иван Васильев сын 97, 99, 237
Челяднины, род 64
  Федоров Иван Петрович 74, 139, 183
  Челядня Федор Михайлович 166, 170, 171, 173
Черемисиновы-Карауловы, род 216
  Иван Семенович 144
  Демид Иванович 144
  Федор Семенов сын 155
Черепнин Л. В. 9, 10, 31, 36, 37, 40, 43, 59, 61, 63, 104, 162, 223—229, 231, 234, 247, 253—255
Черкасский Михайло Темрюкович, кн. 138, 184, 185
Чернов А. В. 146, 245
Чернов С. З. 39, 44, 228, 229, 242
Чертовы-Шолоховы-Стромиловы *см.* Стромиловы-Шолоховы
Чехов А. П. 161
Чечулин Н. Д. 254
Чириковы, род 107
Чмутовы *см.* Нелюбовы
Чубар *см.* Безобразов
Чубаровы, род 126, 242
  Семен Иванов сын 242
  Степан Тимофеев сын 125, 242
  Степан Федоров сын 242
Чулковы, род 177
  Иван 249
Чурляевы, род 126

Шаин (Шая) Иван 20—22
Шамбинаго С. К. 38, 227
Шапиро А. Л. 5, 31, 40, 113, 228, 253
Шапкин-Заболоцкий *см.* Заболоцкие
Шатовы, род 126
Шафериковы-Пушкины *см.* Пушкины
Швейковская Е. Н. 31
Шевырев-Оболенский, кн. *см.* Оболенские, князья
Шелешпанские, князья *см.* Белозерские князья
Шемякин-Бельский *см.* Бельские
Шемякина-Пронская, княгиня *см.* Пронские, князья
Шенкурские, род 111, 112, 239
  Замятня Исаков сын 111
Шенурины, род 94, 101, 112
  Микитка 93, 94

Осташ Микитин сын 93, 94
Тороп Юшков (Юркин) сын 93, 94
Юрка 93, 94
Шереметев С. Д. 233
Шереметевы, род 64
Иван Васильевич Большой 22, 190, 191
Иван Васильевич Меньшой 81, 198
Шерефединов Андрей 22, 23
Шестов Григорий Михайлович 144
Шестунов, кн. *см.* Ярославские князья
Шетневы-Бороздины, род 99
Шехонские, князья *см.* Ярославские князья
Шигона-Поджогин *см.* Поджогин-Шигона
Шилов Яков Иванов сын 172
Шиловские, род 22, 23
Василий 23
Шмидт С. О. 222
Шокуровы, род 126
Шолоховы-Стромиловы *см.* Стромиловы-Шолоховы
Шоршавины, род 126, 243
Штаден (Staden) Генрих 22, 23, 86, 134, 187, 202, 215, 225, 235, 244, 251, 252
Шуйские, князья *см.* Суздальские князья
Шульгин В. С. 11, 49, 224, 229, 230
Шумаков С. А. 231, 234, 235, 237, 240, 244, 250
Шумилов В. Н. 248
Шумихин-Замыцкий *см.* Замыцкие

Щапов Я. Н. 227
Щелепины
Иван Тимофеев сын Боров 177
Шемет Александров сын 177
Щеня, кн. *см.* Патрикеевы князья
Щепа, кн. *см.* Ростовские князья
Щепетов К. Н. 4
Щепин-Волынский *см.* Волынские
Щепин-Оболенский, кн. *см.* Оболенские, князья
Щербатовы, князья *см.* Оболенские, князья

Энгельс Ф. 7—9, 44, 222, 229
Эскин Ю. М. 57, 230

Юрий Васильевич, кн., брат Ивана IV 137
Юрий Васильевич, кн. дмитровский и углицкий 19, 167
Юрий Васильевич, кн. суздальский 78
Юрий Владимирович Долгорукий, вел. кн. 38
Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский и галичский 73, 115, 169
Юрий Захарьич *см.* Кошкин
Юрий Иванович, кн. дмитровский 67, 96, 107, 112, 113, 120, 121, 149, 195, 241
Юрий Онцифорович, новгородский боярин 226
Юрьевы
Василий Михайлович 215
Никита Романович 25
Юхан III, король Швеции 200
Юхотский, кн. *см.* Ярославские князья
Юшко А. А. 37, 38, 227
Юшков А. И. 20, 224, 225, 237, 238, 243, 255
Юшков С. В. 35, 44, 45, 227, 229, 248

Языковы
Арина 127
Захарья 127
Яковля Семен Васильевич 168
Якшил Яков 112
Янин В. Л. 5, 31, 36, 44, 46, 63, 111, 112, 222, 227, 228, 231, 239
Ярославов, кн. *см.* Оболенские, князья
Ярославские князья 50, 53—56, 69, 79, 85, 97, 154
Адашев-Шехонский *см.* Шехонский
Алабыш Федор Федорович 170
Алабышевы 55
Аленкины 55
Великий *см.* Шестунов
Деев Семен Юрьев сын 125
Засекин Данило Иванович 67
Кубенские 67, 157
Михайло Иванович 67
Семен Иванович 67

Курбские
Андрей Михайлович 3, 46, 65, 122, 136, 139, 200, 211, 215, 229, 240, 251, 252, 254
Дмитрий Семенович 170
Семен Федорович 128
Львов Степан Федорович 157
Пенко Данило Александрович 53, 54, 168, 230, 248
Пенковы 53, 54, 64, 66, 157
Арина 54, 230
Александр Данилович 54
Василий Данилович 54, 230
Иван Васильевич 54, 55
Иван Данилович 54
Прозоровские
Александр Иванович 154
Василий Иванович 154
Петр Иванович 157
Сисеевы 55
Федор Васильевич 154
Сицкие 215, 216
Сомов-Шехонский *см.* Шехонские
Троекуровы 55
Иван Борисович 157
Федор Михайлович 154
Хворостинины 67
Федор Иванович 67, 185, 210
Хромой Давыд Данилович 67
Шестуновы
Андрей Данилович 154
Великий Петр Васильевич 173
Шехонские 56, 154
Адашев Василий Юрьевич 56
Сомов Семен Яковлевич 154
Юхотский Федор Иванович 55, 56

Epstein F. 244
Fletcher Giles *см.* Флетчер Д.
Herberstein Sigismund *см.* Герберштейн С.
Smith R. E. F. 243
Staden Heinrich *см.* Штаден Г.
Vasmer M. 237, 239, 240

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Александровская слобода 141, 149, 200
Алексинская вол. (ст.) Стародубского у. 57, 65, 100
Алексинский у. 136

Балахнинский у. 110
Бежецкий верх (Бежецкий у.) 66, 67, 72, 99, 107, 110, 131, 137, 177—179, 241
Бели, вол. в Радонеже Московского у. 75, 109
Белозерский край 11, 60, 224, 231
Белозерский у. 67, 71, 73, 74, 77, 89, 123, 137, 139, 167, 176, 189, 191, 242, 248
Белозерское княжество 60, 61 73
Бельский у. 116, 131, 243
Болхов, г. 154
Борисовское, сц. Тверского или Торжковского у. 235
Борисоглебская половина Ростовского княжества 61, 63
Боровичский у. 111
Боровский у. 67, 80, 98, 131
Бортеневская земля в Звенигородском княжестве 115
Борятинское княжество (и вол. Козельского у.) 80
Буйгород, вол. в Тверском, затем в Волоцком у. 82
Буковина 36, 227

Вага, р. и местность 111
Васильково, с. Суздальского у. 52
Вашка, р. 171
Верейский у. 27, 136, 171
Верхдубенье в Переславском у. 129
Верхнеберезовецкая вол. Костромского у. 193
Верховье, вотчина кн. Пенковых 54
Византия 38
Владимир, г. 37, 39, 40
Владимирская земля 39, 40
Владимирский у. 26, 66, 108—110, 131, 140, 190, 248
Владимирское великое княжество 56, 71, 211
Волга, р. 65, 137
Волго-Окское междуречье 34, 35, 218
Волженская вол. Вяземского у. 124
Волнинская вол. Переславского у. 54
Вологодский у. 54, 176, 241
Волоцкий у. 15, 26, 71, 82, 98, 99, 128, 131, 148, 241
Волоцкое княжество 82, 121, 131
Волоцко-Рузское княжество 67, 120, 121, 130, 148
Всходня (Сходня), р. 194, 195
Вышгородский ст. Верейского у. 27, 136, 137, 171
Вяземский у. 17, 19, 75, 80, 96, 99, 104, 116, 123—127, 130, 131, 147, 210, 224, 240—243
Вязьма, г. 95, 124, 126, 243

Галичский у. 94, 125, 158, 241
Галичское княжество 73

* В указатель не внесены географические названия, входящие в наименования учреждений и в шифры рукописей, а также встречающиеся на протяжении всей книги (Россия, Русь, Русское государство, Северо-Восточная Русь). Названия городов в значении уездов и земель (например, поместье на Костроме, отношения Москвы и Новгорода и т. п.) выносятся в указатель как Костромской у., Московское великое княжество, Новгородская земля и т. п. В указателе приняты сокращения: вол. — волость; г. — город; д. — деревня; мон. — монастырь; р. — река; с. — село; соб. — собор; ст. — стан; сц. — сельцо; у. — уезд.

Гвоздево, с. Ростовского у. 64
Горетов ст. Московского у. 194
Горецкий Хорвач ст. Тверского у. 82
Горицы, с. 78
Городецкое княжество 51
Городской «уезд» (ст.) Переславского у. 129
Гороховец, вол. в Нижегородском княжестве 53, 172
Грядца, р. 241
Гузнищева, д. в Бежецком верху 110

Двинская земля 98, 231
Двинской у. 111
Дмитровский у. 67, 91, 92, 96, 98, 99, 110, 111, 113—116, 120, 124, 128, 131, 171, 173, 180, 197, 223, 241
Дмитровское (Дмитровско-Звенигородское) княжество 67, 96, 107, 112, 116, 120, 121
Дорогобужский у. 131
Дубенский ст. Дмитровского и Кашинского у. 99
Дубровицы, с. Кнучерского ст. Переславского у. 55
Дятелино, с. Дмитровского у. 180

Европа Западная 47
Елданово, д. (сц.) Дмитровского у. 180—182
Емецкий ст. Двинского у. 111, 112
Емстна, вол. Костромского у. 129
Емца, р. 111
Ержа, ст. Галичского у. 94

Замосковный край 225
Заозерье в Ярославском княжестве и у. 67
Звенигородский у. 16, 26, 54, 55, 67, 96, 98, 99, 113, 115, 120, 124, 128, 140, 149, 167, 175, 241, 242
Звенигородское княжество 67
Зубцовский у. 109, 116, 174

Издешково, с. Вяземского у. 124

Кабарда 138
Казанский край 100, 151, 153, 154
Казанский у. 153—155
Казань, г. 154, 155
Калужский у. 80, 131, 137, 241
Каменский ст. Рязанского у. 198
Касимовский у. 109
Кашинский удел 82, 116
Кашинский у. 80, 91, 98, 99, 113, 116, 120, 123, 131, 241, 242
Каширский у. 80, 98, 131, 183
Кемь, вол. на Севере 98
Киевская земля 5, 35, 45
Кинела в Переславском у. 129
Кистемская вол. Переславского у. 54
Клинский у. 98, 113, 115, 131, 185
Клязьменский городок, с. 56
Кнучерский ст. Переславского у. 55
Ковров, г., ранее с. Стародубского у. 56
Кодобой Гридинское, сц. Белозерского у. 189
Козельский у. 80, 131
Коков ст. Вяземского у. 124
Коковинка, р. 124
Коковинский ст. Вяземского у. 124
Коломенский у. 16, 67, 80, 92, 110, 111, 124, 131, 171, 177, 190, 236, 241, 242
Колпь, вол. в Тверском, затем в Волоцком у. 82
Корзенев ст. Московского у. 178, 179, 240
Коростелиха, д. Тверского или Торжковского у. 235
Корякова слобода, вол. Нижегородского у. 78
Коряково, с. в Заволжье 78
Кострома, г. 27
Костромской у. 27, 55, 99, 108, 110, 111, 123, 129—131, 144, 153, 173, 193, 239, 248
Которосль, р. 65
Кубена в Ярославском княжестве и в Белозерском у. 67
Куси, замок во Франции 205
Кучково (Кучково поле) 38

Ливония 146
Литовское великое княжество 19, 23, 49, 64, 65, 101, 123, 124, 127, 144
Лопатничи, с. 78

Лосмина (Лосминка), р. в Вяземском у. 124
Лосмино, д. в Вяземском у. 124
Лосминский ст. Вяземского у. 124
Луда, р. 112
Лучинская вол. Московского у. 113, 114

Малоярославецкий у. 27, 123, 137, 171, 178
Медна, с. в Торжковском у. 72, 82
Медынский у. 67, 105, 124, 137, 243
Мезецк см. Мещовск
Мещовск (Мезецк), г. 65, 100
Микитино Рохмановское, с. 37
Микулинский ст. Тверского у. 27, 71, 72, 74, 82, 85, 86, 116
Микулинское княжество 71
Михайловское, с. Кашинского у. 82
Михайловское Козодавля, селище в Рузском у. 241
Мишутинская вол. Переславского у. 95, 107
Можайский у. 19, 26, 93, 113, 131, 137, 147
Моклоково, д. Кашинского у. 99
Молога, р. 242
Молоди, с., место битвы 245
Монастыри и церкви:
Александрова Чудова пустынь 56
Благовещенский соб. в Московском Кремле 14
Богоявленский Московский мон. 86, 180—183
Васильевский мон. у Гороховца 172
Горицкий мон. 137
Дудин Амвросиев Нижегородский мон. 93, 100, 111, 183
Изосимина Клинская пустынь 185, 193
Иоанно-Златоустовский Ройский мон. 188
Иосифо-Волоколамский мон. 81, 82, 107, 112, 130, 243
Кирилло-Белозерский мон. 15, 59, 74, 75, 167, 176, 184, 194, 195
Крутицкий мон. 167
Лужецкий Можайский мон. 193
Николо-Катромский мон. 54
Печерский Вознесенский Нижегородский мон. 188
Покрова на Рву (Василия Блаженного) соб. в Москве 48, 49
Псково-Печерский мон. 13
Рождественский Владимирский мон. 166
Савво-Сторожевский Звенигородский мон. 167
Симонов Московский мон. 171, 172, 178, 187, 188, 223, 253
Сновицкий мон. 190
Соловецкий мон. 232
Спасо-Евфимьев Суздальский мон. 52, 53, 58, 92, 106, 166, 175, 183—185
Спасо-Каменный Вологодский мон. 53, 54
Спасо-Ярославский мон. 55, 58, 65, 172
Толгский Ярославский мон. 56
Троицкий Махрищский мон. 175
Троице-Сергиев мон. 15, 34, 37, 57, 61, 62, 64, 65, 72, 81, 82, 86, 92, 95, 107, 109, 144, 153, 163, 171—173, 175, 177—179, 183, 193, 223, 228, 234, 235, 238, 242, 253
Успенский Владимирский соб. 52
Ферапонтов мон. 188
Чудов Московский мон. 171, 177, 244
Мордаш, с. Суздальского у. 52
Мосальское княжество 80
Москва, г. 15, 16, 26, 38, 42, 48, 49, 57, 63, 79, 81, 118, 136, 137, 164, 184, 192, 200, 225, 227, 231, 235, 244, 251
Московская земля 26, 37—39, 44, 74, 164, 227
Московский у. 17, 27, 55, 67, 75, 91, 93, 95, 99, 105, 108, 109, 111—115, 123, 130, 131, 140, 167, 171, 172, 178, 179, 184, 187, 194, 197, 240, 241, 249
Московское великое княжество 48, 54, 57, 59—61, 63, 71, 73, 82, 125, 210, 229, 231

Муромский у. 105, 108, 110, 111, 124, 131, 179
Наумково, д. Каширского у. 183
Неверово, с. в Новленско-Юхотском княжестве 55
Нельша, с. и вол. Суздальского у. 106
Нерехта, вол. в Ростовском и Костромском у. 62, 65
Нижегородский у. 27, 78, 93, 100, 101, 108, 110, 131, 132, 151, 180, 183, 188
Нижегородское княжество (земля) 51, 53, 211
Новая деревенька в Стародубском княжестве 58
Новгород Великий, г. 79, 146, 172, 184, 239, 245
Новгородская земля (территория и государство) 5, 11, 34, 44, 51, 63, 67, 71, 72, 74, 75, 82, 90, 93, 95, 96, 98, 100, 104, 106, 108, 110—115, 127, 131—134, 163, 209, 222, 231, 236, 238, 239, 241, 253, 254
Новленско-Юхотское княжество 55, 56
Новое, сц. в Вяземском у. 126
Новое, с. в Шехонском ст. Романовского у. 56
Новоторжский у. см. Торжковский у.

Оболенск, г. 59
Оболенский у. (и ст. Малоярославецкого, Серпуховского и Тарусского у.) 15, 25, 27, 66, 71, 73, 74, 85, 157, 219
Оболенское княжество 58, 73, 152
Одоев, г. 65, 138
Ока, р. 64, 65, 98, 111, 136, 137, 146
Онега, р. 111
Осецкий ст. (вол.) Костромского у. 129, 130
Отъездец в Тверском у. 72

Париж, г. 205
Передол, вол. Малоярославецкого у. 178
Перекладово, с. Углицкого у. 238
Перемышль, г. 65
Переславский (Переславль-Залесский) у. 11, 54, 55, 66, 67, 91, 95, 98, 99, 105, 106, 108, 109, 113—115, 123—125, 129, 131, 140, 148, 149, 158, 159, 171, 173, 175, 178, 224, 228, 230, 235, 240—242, 244, 249
Пестово, с. Кашинского у. 82
Петровское, с. Горетова ст. Московского у. 194, 195
Пехорская вол. Московского у. 178
Письма, р. 144
Плес, ст. Костромского у. 153
Плетенинское, с. 91
Поволжье 134
Подмосковье 38, 223, 228
Полоцк, г. 146
Польша 227
Пошехонский у. 56, 85, 99, 110, 123, 188, 242
Приднепровье 34, 35, 45, 47
Приимково, с. Ростовского у. 64
Присецкое, с. Бежецкого у. 107
Протва, р. 58, 136
Псков, г. 95, 164
Псковская земля 11, 74, 75, 90, 106, 115, 128, 131, 132, 134, 163, 164, 224, 237, 239, 247, 253

Радонеж, ст. Московского у. (и у.) 27, 39, 75, 109, 113, 128, 179
Речь Посполитая 75, 201
Ржевский у. 98, 131, 241
Рим, г. 38
Рождественский ст. Ростовского у. 62
Романовский у. 56, 85, 99, 123, 137
Ростов, г. 37, 61, 62
Ростово-Суздальская земля 45
Ростовская земля 39, 40, 60, 61, 63, 164
Ростовский у. 54, 55, 62, 64, 67, 82, 93, 99, 105, 108, 113, 128, 129, 242
Ростовское княжество 48, 57, 60—64, 79, 231
Ростовское озеро 61, 175
Руготино, с. Бежецкого у. 179
Рузский у. 16, 26, 67, 98, 99, 107, 110, 112, 113, 115, 120, 124, 128, 131, 148, 149, 236, 241, 242

Рузское княжество 121
Рязанская земля (великое княжество) 11, 21, 49, 74, 159, 164, 187, 224, 229, 239, 246, 254
Рязанский у. 22, 23, 71, 72, 77, 81, 89, 110, 155, 157, 180, 198, 254

Свияжский у. 153, 155
Север России 98, 111, 112, 222, 228, 239, 253
Северо-Запад России 5, 35, 36, 44, 105, 222, 253
Сельна, вол. Московского у. 112
Серпухов, г. 59
Серпуховской у. 26, 27, 98, 123
Скандинавия 46
Скирманов ст. Московского у. 113
Скорыновская вол. Бежецкого у. 107
Слинкова слобода Вяземского у. 104
Словенский волочек в Белозерском у. 167
Смоленск, г. 75, 193
Смоленская земля (Смоленщина) 36, 74—76, 101, 116, 124, 127, 132, 134, 227
Смоленский у. 75
Солигаличский у. 242
Спасское, с. Рузского у. 112
Спасское Загорье, с. Оболенского у. 25
Старицкий удел (княжество) 66, 116, 122, 136, 137, 152
Старицкий у. 99, 110, 116, 123, 131, 136
Старково, с. Юрьев-Польского у. 111
Стародуб-Ряполовский, г. 56
Стародубский (Стародуб-Ряполовский) у. 65, 97, 99, 100, 111, 131, 171
Стародубское (Стародуб-Ряполовское) княжество 56—58, 230
Старый Оболенск, с. 59
Строево, д. 96
Суздаль, г. 52
Суздальский у. 53, 65, 80, 92, 98, 106, 123, 124, 130, 131, 145—147, 151, 158, 166, 171, 183, 219, 236, 242, 245, 248
Суздальское княжество (земля) 51, 53, 76, 211
Суздальско-Нижегородское великое княжество (земля) 48, 51—53, 56, 65, 164, 211, 214
Сурожик, местность 114
Сходня, р. см. Всходня

Таруса, г. 136
Тарусский у. 27, 80, 131
Тарусское княжество 58
Тверская земля (великое княжество) 11, 48, 49, 57, 67, 69, 71, 72, 74, 75, 77, 82, 98, 101, 115, 116, 121, 136, 164, 224, 229, 239, 240
Тверской у. 17, 27, 71, 72, 77, 80—82, 86, 89, 97—100, 116—122, 129—131, 210, 212, 214, 235, 239, 241, 250
Тверь, г. 71
Тезебино, пустошь Стародубского у. 57
Торжковский у. 71, 72, 74, 82, 112, 114, 129, 131, 235, 241
Торопец, г. 243
Торопецкий у. 16, 75, 93, 116, 127—131, 236, 239, 243
Трубчевск, г. 65, 138
Трубчевский у. (княжество) 15
Тульский у. 98, 241

Угличе поле (Углич) 73
Угличский у. 73, 93, 99, 110, 131, 137, 144, 237, 238, 241
Уна, р. 98
Унгозеро 98
Унжа, р. 78
Унка, р. 98
Унковка, р. 98
Усть-Шексна в Ярославском княжестве 56
Усть-Шехонский ст. Пошехонского у. 56

Фатьяново, сц. Костромского у. 144

Хвостово (Хвостовское), с. под Москвой 205, 206
Холмская вол. Тверской земли 136
Холмский у. (удел) 116
Хорвач Горецкий ст. см. Горецкий Хорвач ст.

Чебоксарский у. 153

Чебынино, поместье 91
Чельсма, р. 241
Чернигов, г. 21, 227
Чернцово Селище, д. Нижегородского у. 183

Швеция 146
Шенкурье, местность на Ваге 111
Шенуринское (Шенурино), д. Галичского у. 94
Шеренский ст. (вол.) Московского у. 123, 179
Шесский у., вол. Тверского у. 117
Шехонский ст. Романовского у. 56
Шилбутово, сц. Московского у. 188
Шилово, с. Рязанского у. 22, 23

Юго-Запад России 134
Юрново, д. 96
Юрьев (Тарту), г. 201
Юрьев-Польский у. 99, 108, 109, 111, 241, 245
Юрьевец, г. 78
Юхоть, местность и княжество в Ярославской земле 55, 230

Яжелбицы 63
Ярославль, г. 55
Ярославский у. 17, 27, 55, 56, 65, 67, 75, 80, 85, 91, 97, 107, 110, 154, 236
Ярославское княжество (земля) 11, 48, 49, 53—57, 67, 157, 164, 172, 229

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава I.	**От общины к вотчине**	32
Глава II.	**В едином государстве**	48
Глава III.	**«А взыщет поместник на помесчике»**	90
Глава IV.	**На что не посягнула опричнина** . .	136
Глава V.	**«О землях суд»**	161
Глава VI.	**Борьба боярства и дворянства: миф или реальность?**	199
	Заключение	219
	Примечания, источники и литература	222
	Список сокращений	253
	Именной указатель	256
	Географический указатель . . .	273

Владимир Борисович Кобрин

Власть и собственность
в средневековой России

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор С. С. Игнатова
Младший редактор О. В. Карева
Оформление художника В. А. Захарченко
Художественный редактор А. Б. Николаевский
Технический редактор Е. А. Молодова
Корректор Г. С. Михеева

ИБ № 2423

Сдано в набор 15.10.84. Подписано в печать 16.04.85. А 03968. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типогр. № 2. Литерат. гарн. Высокая печать. Усл. печ. листов 14,70. Усл. кр.-отт. 15,12. Учетно-издат. листов 17,39. Тираж 12 000 экз. Заказ № 465. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская ул., д. 1.